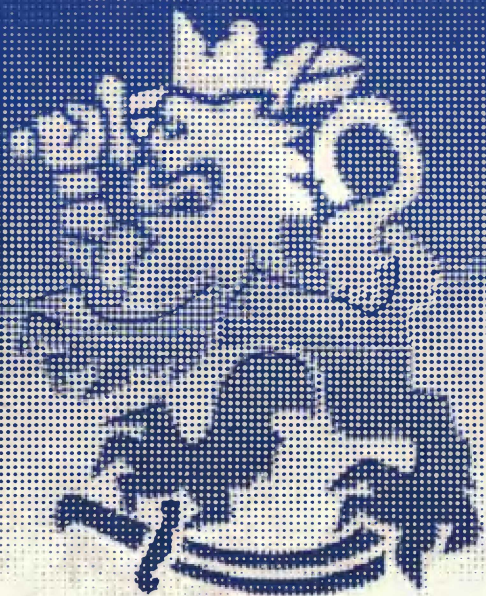

Н. И. БАРЫШНИКОВ, В. Н. БАРЫШНИКОВ,
В. Г. ФЕДОРОВ

ФИНЛЯНДИЯ

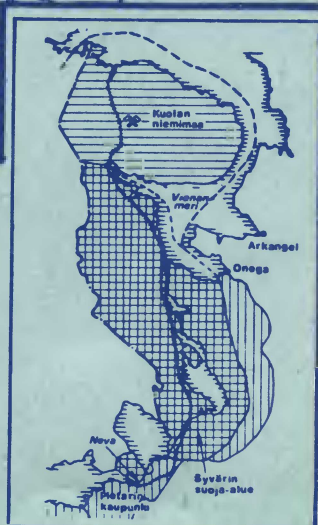
ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Планы немецко-фашистского командования по вторжению на территорию Советского Союза через страны Северной Европы «Везерюбунг», «Барбаросса» (апрель 1940 г. — июнь 1941 г.)

Такими в августе — сентябре 1941 г. финскому руководству представлялись границы «великой Финляндии».

Н.И.БАРЫШНИКОВ, В.Н.БАРЫШНИКОВ,
В.Г.ФЕДОРОВ

ФИНЛЯНДИЯ

ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

ЛЕНИЗДАТ · 1989

63.3(2)722

Б26

Редактор Н. К. НОВИКОВ

Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г./ Финляндия во второй мировой войне.—
Л.: Лениздат, 1989 — 336 с., ил.
ISBN 5-289-00257-X

В книге анализируются советско-финляндские отношения накануне и в годы второй мировой войны, дается отпор разного рода фальсификациям истории отношений между СССР и Финляндией этого периода.

Авторы глубоко и всесторонне освещают события, происшедшие в 30—40-х годах в Северной Европе и бассейне Балтийского моря, показывают, что, разгромив фашизм, Советский Союз тем самым принес Финляндии избавление от «коричневой чумы», обеспечив ее народу возможность свободного, независимого демократического развития.

0503030000—278
Б М171(03)—89 18—89

63.3(2)722

ISBN 5-289-00257-X

© Лениздат, 1985

© Лениздат, 1989, с изменениями

ВВЕДЕНИЕ

Полвека минуло с начала второй мировой войны, но ее уроки и сегодня дают достаточно материала для размышлений. Интерес к изучению и осмыслению событий тех лет не ослабевает. Это касается и истории советско-финляндских отношений.

Сегодня между Советским Союзом и Финляндией существует доброе соседство. Прочной основой его служит Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1948 года. Такие отношения могли бы успешно развиваться между нашими государствами на всем протяжении истории после победы Октябрьской революции, приведшей к рождению Советского государства и принесшей Финляндии независимость. К сожалению, так не произошло.

«Национальные предрассудки и политическое недоверие не давали возможности найти решение этой проблемы на путях сотрудничества, основанного на взаимном доверии,— отмечал президент У. Кекконен.— Надо было пройти через ужасные страдания, прежде чем мы смогли прийти к выводу, что самая лучшая гарантия безопасности в отношениях между Финляндией и Советским Союзом — это доброе соседство, основанное на взаимном доверии...»¹

Постигая смысл событий минувшего, удастся глубже уяснить и лучше понять сегодняшний день. Лежащая ныне в основе внешнеполитического курса Финляндии и построенная на учете национальных интересов и объективных реальностей современного мира линия Паасикиви — Кекконена во многом вобрала в себя уроки прошлого.

Обращение к прошлому, сравнение его с настоящим естественны. Для людей старшего поколения, участников и свидетелей событий тех лет, они неизбежны. Ча-

сто это тяжелые воспоминания. По обе стороны границы немало людей, потерявших в те годы своих близких, еще ноют раны у старых солдат.

Для тех, кто молод, воспоминания и сравнения необходимы. Как справедливо отмечалось в многотомной истории второй мировой войны, «ее итоги и уроки — это не только прошлое, но и настоящее и будущее человечества»². Вполне очевидно, что непредвзятый подход, в частности, к освещению довоенного и военного периодов истории Финляндии будет служить укреплению доверия и основанного на взаимопонимании сотрудничества этой страны с Советским Союзом.

При обращении к периоду второй мировой войны прежде всего возникают вопросы: как Финляндия оказалась в ее пучине? Почему эта небольшая страна с демократическими традициями стала союзником германского фашизма? Эти вопросы в течение почти всего послевоенного периода привлекают к себе внимание историков различных стран.

Буржуазная историография при объяснении причин участия Финляндии во второй мировой войне долгое время исходила из безапелляционного утверждения о якобы существовавшей для нее «угрозе со стороны Советского Союза». Правда, в последние годы в работах некоторых финляндских историков (Я. Калела, И. Хакалехто, М. Ёкиппи, Ю. Суоми, Х. Сеппяля и другие) наметился новый подход. История Финляндии военного и предвоенного периодов рассматривается ими во взаимосвязи с развитием тогдашней международной обстановки. Это позволяет создать более объективную картину исторического процесса, хотя многое в их работах, нам кажется, не договаривается. Не порывая полностью со старыми схемами, названные ученые стараются понять и раскрыть движущие силы событий того времени, критикуют отдельные стороны внешней политики Финляндии, дают правдивые оценки многим внешнеполитическим акциям Советского Союза.

Однако доминирующими в историографии и большинстве органов печати Финляндии пока остаются тенденции к искажению истории советско-финляндских отношений. Наблюдается стремление снять с международного империализма и правящих кругов Финляндии ответственность за ухудшение этих отношений в 30-х годах и имевшие место войны, переложив ее исключительно на Советский Союз. Появился даже тезис о неизбежности и якобы полезности для Финляндии участия в

войнах против СССР с точки зрения «развития собственного народа» и международного положения страны³. Один из финских генералов выразился так, что «итог войны заключается не в «поражении», а в проявившемся победном противодействии, которое сохранило жизнь народу»⁴. Читатель умышленно уводится от исторических фактов и событий, которые позволили бы ему увидеть реальность, а также те силы, которые способствовали вовлечению Финляндии в войну и поставили страну на грань катастрофы.

Сегодня, когда в Советском Союзе начали самокритично анализировать и освещать свое прошлое, в Финляндии проявляются попытки рендеологизировать историю и возродить прежний «образ врага», требуют от Советского Союза полной переоценки ряда событий в истории отношений наших стран. Журнал «Суомен кувалехти» даже выступил с утверждением, что до тех пор, пока это не будет сделано, «финляндско-советские отношения не могут развиваться на честной и здоровой основе».

Однако чем дальше продвигается изучение истории второй мировой войны и роли Финляндии в ней и чем шире становится документальная база, необходимая для исследователей, тем все больше подтверждается точность марксистского анализа международных отношений кануна войны и военных лет, в том числе правильность оценки политики Финляндии того периода. Исторической правдой является вывод, сделанный в самой Финляндии, о том, что она «не была пассивным орудием в игре между великими державами, то бишь бревном, плывущим по течению, а также не действовала в интересах самозащиты». Союз с гитлеровской Германией «можно считать логическим последствием внешнеполитических устремлений нашей страны в первые десятилетия ее независимости»⁵.

Конечно, много лет спустя некоторые события воспринимаются в ином свете, смещаются акценты, становятся известными новые моменты. Но все же, как правило, общая картина, когда за основу берутся факты, от этого не меняется.

Вторая мировая война возникла не случайно. Ее истоки лежат не в роковом стечении обстоятельств, а в природе империализма и в глубоких противоречиях внутри капиталистического мира, с одной стороны, и в общей враждебности к Советскому Союзу капиталистических государств, включая Финляндию,— с другой.

Сложное взаимодействие этих факторов привело пятьдесят лет назад к трагедии, принесшей человечеству неисчислимые страдания. Ответственность за подготовку и возникновение второй мировой войны безусловно ложится на империалистические круги Запада.

В. И. Ленин подчеркивал, что каждую войну следует рассматривать в конкретно складывавшейся ситуации и обязательно проследить историю ее возникновения, глубоко изучить предвоенную политику, которую определенное государство, известный класс этого государства вели в течение долгого времени перед войной⁶. «Если,— писал Ленин,— вы не показали связь... войны с предвоенной политикой, вы ничего в этой войне не поняли»⁷.

Недоверие в отношениях между Финляндией и СССР в межвоенный период было взаимным, и нельзя утверждать, что в политике Советского Союза не было иногда моментов, которые вызывали подозрение у нашего северного соседа. Однако ответ на вопрос, почему страна, получившая независимость от Советского государства, стала его самым немирным соседом и дело дошло до военного столкновения, можно найти во многом в предвоенной политике Финляндии.

Ее результатом явилось участие Финляндии во второй мировой войне на стороне гитлеровской Германии против Советского Союза и ряда других государств.

Если поставить вопрос так: что было бы с Финляндией в случае победы Гитлера? — ответ на него будет очень краток: Финляндия исчезла бы с лица земли как самостоятельное государство, ее народ перестал бы быть хозяином своей страны и постепенно превратился бы в одну из поработанных наций в гитлеровском рейхе с его «новым порядком» в Европе. Фактов, подтверждающих это, более чем достаточно.

В капиталистическом мире не нашлось силы, которая могла бы остановить агрессора и отвести угрозу от Финляндии. Такой силой стал Советский Союз. Точно так же, как Октябрьская революция открыла Финляндии путь к самостоятельности, так и победа Советского Союза над фашизмом во второй мировой войне обеспечила этой стране сохранение свободы и независимости, открыла ей путь мира и демократического развития.

Добрососедство в советско-финляндских отношениях покрывает более половины истории существования наших государств. Современное положение Финляндии ярко охарактеризовал У. Кекконен: «Счастье жить в

такой стране, народ которой знает, что по соседству с ней находится другая страна, которая питает к ней глубокую дружбу»⁸. Отношения дружбы и сотрудничества с Советским Союзом, отмечает его преемник президент М. Койвисто, означали для Финляндии прежде всего мир и безопасность. «Они принесли нашей стране,— подчеркивает он,— прочное международное положение. Они означали плодотворное общение с нашими соседями и другими народами. За это время были также созданы предпосылки для благосостояния нашего народа»⁹.

Сумев в послевоенный период первыми из европейских государств подняться над тем, что их разделяет, Советский Союз и его северный сосед Финляндия на протяжении уже более четырех десятилетий последовательно проводят во взаимных отношениях единственно правильный курс, определяемый совпадением коренных национальных интересов, следуют политике мира, дружбы и взаимовыгодного многостороннего сотрудничества. Добрососедство обеих стран стало прочным и устойчивым, политической реальностью современной Европы и имеет большое международное значение. Это важнейшее завоевание народов наших стран, их государственных и политических деятелей, общественных организаций, представителей самых различных слоев населения — наше ценнейшее достояние. О нем сказано и, несомненно, будет еще говориться много хорошего.

Укрепление и углубление советско-финляндского добрососедства не мыслится без постоянных усилий с обеих сторон, поисков новых подходов, новых путей, которые придавали бы ему еще большую перспективность. И разумеется, потребуются приумножение взаимного доверия между нашими странами, нашими народами.

В этой связи важно объективное освещение исторического прошлого наших стран и их взаимоотношений. Ретроспективный взгляд на минувшие события помогает, с одной стороны, лучше понять последовательность внешнеполитической линии СССР в отношении Финляндии, а с другой — полнее уяснить глубину и значение поворота во взаимоотношениях между нашими странами в послевоенный период.

Этой цели и служит книга, предлагаемая вниманию читателей.

В ПЛЕНУ „ОБРАЗА ВРАГА“

В духовных траншеях 20 — 30-х годов

Начинать предысторию участия Финляндии во второй мировой войне с советско-финляндских переговоров в октябре 1939 года, как это принято в западной историографии, нам кажется неправомерным. Смысл исторических событий не постигается изолированно, без взаимосвязи явлений в хронологической протяженности. И данную тему следует рассматривать в контексте международной обстановки 30-х годов и политики финского руководства в то время.

Курс, проводившийся молодой Финляндской Республикой, представлял собой результат компромисса между политическими партиями и группировками (исключая коммунистов и часть социал-демократов), для которых было характерно проявление в той или иной мере враждебного отношения к Советскому Союзу. На это не влияли ни смена президентов и правительств, ни пребывание у власти различных партий. Среди национальной буржуазии не было больших разногласий относительно общей линии Финляндии. Внешнеполитическая концепция, разрабатывавшаяся в узком правительственном кругу, исходила из легко допускавшейся возможности возникновения войны с Советским Союзом, которого считали «единственным врагом, угрожающим безопасности и суверенитету Финляндии». В соответствии с этим строилась вся дипломатическая и военная подготовка. Вокруг осуществления такой концепции не велось какой-либо борьбы, ее не связывали с каким-либо конкретным родоначальником, как это произошло с курсом внешней политики Финляндии в послевоенный период, названным линией Паасикиви — Кекконена.

Но, естественно, в руководящих политических кругах Финляндии не мыслили, что страна будет действовать в

разреze своей концепции в одиночку. А отсюда перво-степенное значение приобретали поиски союзников среди ведущих империалистических держав¹. При этом, как отмечали финские историки И. Калела и Ю. Туртола, «стремление заполучить от иностранных государств опору против Советского Союза привело к положению, когда внешнеполитический курс страны фактически определяли изменения в стратегических планах капиталистических держав»².

В 20-х — начале 30-х годов во внешней и военной политике Финляндии преобладала ориентация на Англию и Францию. В условиях мирового экономического кризиса, приведшего к усилению политической реакции, в Финляндии постепенно создались предпосылки для избрания прогерманской ориентации. Этому способствовал приход в 1931 году на пост президента страны реакционного деятеля П. Свинхувуда³. Будучи на этом посту до 1937 года, он неизменно занимал антисоветскую позицию и активно выступал за развитие сотрудничества с Германией. Хорошо известно его высказывание: «Любой враг России должен быть всегда другом Финляндии. Финляндский народ по существу своему является другом Германии»⁴.

Как свидетельствует видный финский дипломат К. Корхонен, который одним из первых исследовал историю финляндско-советского сотрудничества, отношение Финляндии к СССР в период между мировыми войнами «было насыщено страхом и ненавистью к большевикам и русским. Было нелегко согласиться с тем, что Советская Россия по-прежнему должна охранять свои военно-политические интересы в районе Финляндии... Достижение примирения или прочного мира с великой державой на Востоке казалось невозможным, и следствием этого являлась холодная война. Политически передовая часть народа Финляндии в 20—30-х годах жила в духовных траншеях, готовая в любой момент встретить предопределенного смертельного врага с Востока»⁵.

Официальная пропаганда изображала Советский Союз как враждебное государство, участие в войне с которым неизбежно. Заглядывая в историю и извлекая из нее то, что могло быть использовано для показа в негативном плане российско-финляндских отношений, пропагандисты трудились над созданием мифа об «извечной вражде» финнов и русских. При этом, как пишет финский исследователь П. Райтила, антирусским настроениям придавался расистский характер⁶.

В большинстве своем различные органы печати Финляндии, исключая рабочие газеты, занимали крайне отрицательные позиции по отношению к СССР. Нередко сведения о Советском государстве замалчивались, существования его просто не замечали⁷. В ряде публикаций откровенно воспевалась будущая война с СССР⁸. В армейской печати и в изданиях военизированных организаций враждебные Советскому Союзу и его народам материалы занимали в 1932 году до 90 процентов⁹. Главный редактор «Известий» К. Радек отводил финляндской печати первое место в мире по антисоветской пропаганде¹⁰.

Такая линия могла вести лишь к усилению напряженности в отношениях с Советским Союзом и была безответственна с точки зрения внешней политики Финляндии. Не случайно в 30-х годах журнал прогрессивного направления «Туленкантаят» с осуждением писал о правящих кругах Финляндии, что они «всегда были склонны к авантюристской внешней политике, наиболее недальновидной и наиболее опасной с точки зрения интересов государства»¹¹.

Правда, в верхушечных слоях Финляндии всегда находились и сторонники разумного, реалистического подхода к проблеме отношений с Советским Союзом, основанных прежде всего на правильно понимаемых национальных интересах страны. К их числу относились прежде всего К. Стольберг, Р. Холсти, Э. Борн, К. Энкель, А. Юрье-Коскинен, Ю. К. Паасикиви*. А. Юрье-Коскинен, в частности, неоднократно советовал правительству Финляндии избрать дружественный Советскому Союзу внешнеполитический курс. В 1934 году он писал из Москвы в Хельсинки: «Нашим первоочередным стремлением во внешней политике — независимо от любой расстановки политических сил в Европе — должно быть поддержание хороших отношений с Россией»¹². Эта мысль не нашла поддержки в финляндском правительстве. Министр иностранных дел А. Хакцель ответил А. Юрье-Коскинену: «Нынешний статус-кво в отношениях между Финляндией и Советским Союзом является... нормальным состоянием и русские должны уяснить это. Существующие отношения вряд ли можно улучшить»¹³.

* К. Стольберг — президент Финляндии в 1919—1925 годах; Р. Холсти — посланник в Швейцарии и представитель Финляндии в Лиге Наций в 1927—1940 годах, министр иностранных дел в 1936—1938 годах; Э. Борн — министр внутренних дел в 1931—1932 и 1939—1941 годах, председатель правления Шведской народной партии в 1934—1945 годах; К. Энкель — министр иностранных

Два года спустя А. Юрье-Коскинен повторно обратился в МИД Финляндии. Он писал: «Несмотря на то, что сам я принадлежу к правым, я глубоко убежден, что наши национальные интересы требуют от нас честного стремления к поддержанию хороших отношений с Советским Союзом...»¹⁴.

Однако сторонники добрососедских отношений с СССР никогда не были в руководящих кругах Финляндии в большинстве и тем более не осмеливались выступать открыто. В одном из современных исследований финского ученого К. Иммонена отмечалось, что в обстановке, существовавшей в Финляндии в 20—30-х годах, «не было возможности для делового и реалистического разговора о Советском Союзе», а «позитивная и даже нейтральная позиция» по отношению к СССР «могла в худшем случае повлечь за собой уголовное преследование»¹⁵. Поэтому, несмотря на отдельные эпизодические перемены положительного характера в финской внешней политике, ее общая линия оставалась неизменной и страна по-прежнему устремлялась, по образному выражению О. В. Куусинена, как «стрелка компаса к северу, в объятия тех государств и правительств, которые на данном этапе занимали враждебную по отношению к СССР позицию»¹⁶.

В чем состояли причины такой ориентации и внедрения в сознание финского народа представления о Советском Союзе как «враге»? Определенную роль играли, конечно, сложившиеся ранее предубеждения в отношении Советского государства, непонимание мотивов его политики, отождествление с царской Россией и вытекавшие отсюда представления о стремлении СССР «присоединить» к себе Финляндию. В одном из документов — отчете государственной комиссии, проверявшей в 1926 году состояние обороны Финляндии,—говорилось, в частности, следующее: «Мы не можем считать, что эта великая держава (СССР. — *Ред.*) окончательно и навсегда отказалась от надежды получить обратно территории, которыми она владела в течение столетий и которые обеспечили бы ей особо благоприятную во многих отношениях позицию на Балтийском море»¹⁷. То есть речь идет об «угрозе с Востока» для Финляндии. И этот миф использовался правыми кругами постоянно.

дел в 1918—1919, 1922, 1924 годах; А. Юрье-Коскинен — посланник в СССР в 1934—1940 годах; Ю. К. Паасикиви — генеральный директор Национального банка в 1914—1934 годах, посланник в Швеции в 1936—1940 годах и в СССР в 1940—1941 годах.

Конечно, в основе недружественного отношения к Советскому государству лежала прежде всего классовая неприязнь, боязнь воздействия его примера на трудящихся Финляндии и в силу этого незаинтересованность в таком соседстве. В. И. Ленин замечал в 1919 году, что «финская буржуазия ненавидит большевиков»¹⁸.

В проведении антисоветской политики было заложено также представление, что Финляндии предопределено выполнение важной миссии «стойкого форпоста Запада». Другими словами, занимавшаяся позиция по отношению к Советскому Союзу преподносилась не только под углом зрения заботы о защите своей страны и ее жизненных интересов, но и как гуманная и благородная задача «по защите мировой цивилизации». В этом смысле показательно письмо генштаба финской армии, разосланное в 1931 году через МИД Финляндии своим посольствам в других странах. В нем утверждалось, что Советский Союз представляет самую большую угрозу всеобщему миру и прогрессу, в силу чего следовало побудить пограничные государства образовать против СССР «оплот цивилизованного мира». Свинхувуд и Маннергейм были наиболее активными выразителями такого замысла.

Не последнее место занимало и стремление финляндских монополий овладеть природными богатствами Советской Карелии, а также требования националистических кругов создать «великую Финляндию», выдвинув ее границы до Урала. Эта экспансионистская, захватническая идея внедрялась уже с 20-х годов как неотъемлемая черта патриотизма.

Буквально через день после признания Советским правительством государственной независимости Финляндии тогдашний премьер-министр П. Свинхувуд сообщил руководителям Германии о притязаниях Финляндии на территорию Советской России. В памятной записке, переданной в начале 1918 года представителями финляндского правительства германскому командованию, говорилось: «Финляндия должна стать независимой, дееспособной страной, но для этого потребуются расширить ее жизненное пространство, присоединить к ней территории, находящиеся за пределами финляндских границ. Это так называемую российскую Карелию и Кольский полуостров». Расширенная таким образом Финляндия стала бы, по мнению ее военно-политических кругов, «мощным фактором на севере, ценным союзником Германии в военном и экономическом отноше-

нии...»¹⁹. Позднее выдвигались планы расширения территории Финляндии уже до линии Псков — озеро Ильмень и присоединения Петрограда к Финляндии или превращения его в «вольный город». В ноябре 1918 года известный правый деятель Л. Ингман, вскоре ставший премьер-министром, объявил «исторической задачей Финляндии» объединение родственных финнам соседних племен.

Среди влиятельных финляндских политических и военных кругов в 1919—1920 годах раздавались призывы к участию Финляндии в интервенции западных держав. При этом имелось в виду достижение внешнеполитических выгод и возможности территориальных приобретений. Затем сторонниками экспансионистской политики долгое время не признавался Тартуский мирный договор. Его критиковали и утверждали, что, «действуя правильно, можно было бы урвать побольше у Советской России»²⁰. При этом, несмотря на уже существовавший Мирный договор, правительство Финляндии продолжало вмешиваться в дела Советской России как с помощью вооруженных действий, так и дипломатическим путем, направляя бесчисленные ноты правительству РСФСР, апеллировало к Лиге Наций и Международному суду в Гааге. И в 30-х годах оно продолжало считать неурегулированными вопросы о Советской Карелии и так называемой Ингерманландии (отдельные районы Ленинградской области) и считало своим правом обращаться в этой связи чуть ли не в Лигу Наций²¹.

Наиболее активным проводником аннексионистских идей было Академическое Карельское общество — политическая организация студенчества и интеллигенции, претендовавшая на роль идейного авангарда нации. Влияние этого общества продолжало оставаться сильным вплоть до конца войны, так как большинство основных постов в государственном аппарате и политической жизни страны замещалось его членами²². Оно было построено по военному образцу и ставило своей целью добиться «господства на севере Европы финской расы», слияния всех «финноязычных народов между Балтикой и Уралом», с тем чтобы начало третьего тысячелетия явилось «тысячелетием народов Ледовитых морей». Журнал «Суомен хеймо» писал в 1937 году: «Академическое Карельское общество исходит из того, что финские племена в современной Европе составляют единственно здоровую и жизнеспособную расу, что только теперь они набирают силу и их задачей явится

когда-либо представлять высочайшую западную культуру»²³.

Лозунги Академического Карельского общества были подхвачены возникшим в конце 20-х годов фашистским лапуаским движением, требовавшим пересмотра Тартуского мирного договора, подготовки похода против Советского Союза и создания «великой Финляндии» от Атлантики до Урала²⁴. Лапуаское движение получило поддержку правящих кругов, включая П. Свинхувуда и К. Г. Маннергейма, а также видных деятелей ряда политических партий страны, прежде всего Национальной коалиционной партии. Умеренные буржуазные деятели и лидер социал-демократов В. Таннер не разделяли политические идеалы фашистского движения, но считали, что оно является «меньшим злом» по сравнению с коммунизмом, и не оказывали ему никакого отпора.

Увлечь за собой широкие массы лапуасцам не удалось. Их бесчинства стали вызывать осуждение даже в среде буржуазии. После предпринятого ими путча в Мянсяля в 1932 году организация лапуаского движения была распущена властями. Но деятельность лапуасцев продолжалась в рамках партии фашистского толка, именованной Патриотическим народным движением (ИКЛ). Эта небольшая, но хорошо организованная и весьма активная в области внешней политики партия опиралась на интеллигенцию, офицерство, богатых землевладельцев. Ее программные документы также содержали требования объединения финских племен в «великую Финляндию». Партия открыто пропагандировала нацистские идеи и выступала за всемерное сближение Финляндии с Германией.

Далеко не чуждыми аннексионистские планы были и Национальной коалиционной партии, печать которой призывала к тому, чтобы Финляндия выступала как «инициатор борьбы против Востока». Наряду с печатным органом Патриотического народного движения «Аян Суунта», ведущая газета коалиционеров «Ууси Суоми» безоговорочно выдвигала территориальные притязания к Советскому Союзу и активно поддерживала фашистские взгляды. Странники Национальной коалиционной партии или те, кто контактировал с ней, имелись почти во всех других политических партиях (Т. Кивимяки и Э. Эркко — в Прогрессивной, Х. Проккопе и Р. Виттинг — в Шведской народной, В. Таннер — в Социал-демократической и т. д.).

Значительную роль в стране играл также шюцкор — военизированная организация буржуазии, во многом независимая от государства и использовавшаяся правыми кругами как сильный фактор воздействия на его политическую жизнь. Финский исследователь Л. Хаатая писал, что независимость Финляндии в 20—30-х годах «скорее могла опираться на штыки шюцкора, чем на народ»²⁵.

Если говорить о господствовавших взглядах в армии, то здесь нельзя не сказать об офицерской присяге (она действовала до 1944 года), которая заканчивалась словами: «Так же, как я верю в единого бога, верю в Великую Финляндию и ее большое будущее»²⁶.

Наконец, в Финляндии существовали эмигрантские организации, готовившие кадры из белогвардейской молодежи и организовывавшие переправочные пункты для проникновения на территорию СССР.

Таким образом, в стране имелась относительно широкая база для проведения антисоветского курса. Советское правительство в начале 30-х годов не могло не делать соответствующей оценки складывавшейся обстановки в Финляндии. Обеспечение безопасности северо-западных границ страны приобретало все более важное значение. Член Политбюро ЦК ВКП(б) С. М. Киров с тревогой говорил об этом на конференции Ленинградской областной партийной организации в 1930 году, особо отмечая наблюдавшиеся фашистские проявления в Финляндии²⁷.

Холодное соседство

Советский Союз в своем отношении к Финляндии всегда исходил из ленинского учета объективной реальности факта существования после Октябрьской революции самостоятельного финляндского государства и важности неизменного проведения политики доброжелательности к своему северному соседу. С советской стороны неоднократно последовательно и категорично подтверждалось уважение государственной независимости и национальных интересов Финляндии, подчеркивалось стремление к установлению добрососедского сотрудничества с ней. Правительство СССР надеялось, что широкие круги общественности поймут различие между политикой царской России и Советского государства, а также оценят это. Основания для таких посылок были.

Хорошо известно, что правительство Финляндии в первые годы ее самостоятельности проводило недружелюбную в отношении Советской России политику (особенно это проявилось в санкционированных агрессивных вторжениях на советскую территорию в 1918—1922 годах вооруженных отрядов общей численностью до десяти тысяч человек) и находилось на грани того, чтобы активно включиться в интервенцию западных держав. Тем не менее этого не произошло. Основной причиной явилась твердая миролюбивая внешняя политика Советского государства, уважение им политической и экономической самостоятельности Финляндии. Как отмечал В. И. Ленин, «мирная политика большевиков оказалась серьезной», она — «более добросовестная, чем мирная политика всех остальных стран»²⁸ Запада.

Важную роль сыграло и то обстоятельство, что большинство финского народа, прежде всего трудящиеся массы, несмотря на царившие в стране после подавления революции террор и репрессии, выражали несогласие с военной политикой и выступали против интервенционистских антисоветских планов западных держав и реакционной национальной буржуазии. Хотя это сопротивление не было достаточно организованным, оно оказало значительное сдерживающее влияние на попытки вовлечь Финляндию в поход против Советского государства.

Тартуский мирный договор 1920 года создавал возможности не только для нормальных советско-финляндских отношений, но и для развития политических, экономических и культурных связей. На его основе были установлены между обоими государствами первые контакты в различных областях. Тем не менее в то время все еще проявлялись с финской стороны притязания на территорию Советской Карелии, требования об установлении там буржуазного строя.

По предложению В. И. Ленина в декабре 1921 года IX Всероссийский съезд Советов в Декларации о международном положении СССР предупреждал правительства соседних государств, что если они будут в дальнейшем посягать на целостность советской территории и безопасность советских республик, то в таком случае с советской стороны «в своей законной и справедливой защите против каждого покушающегося на безопасность и благополучие республик вынуждены будут дать ответ, который может стать роковым для нападающего и его пособников»²⁹.

Выражалась надежда, что соседние государства проявят благоразумие и будут воздерживаться от враждебных действий, пойдут по пути мирного и дружественного сотрудничества.

Вскоре, 1 июня 1922 года, в Хельсинки между РСФСР и Финляндией было подписано Соглашение о мероприятиях, обеспечивающих неприкосновенность советско-финляндской границы. Оно имело большое значение для нормализации пограничной обстановки и привело к смягчению общей напряженности в отношениях между обеими странами³⁰.

Хотя в последующем советско-финляндские отношения напоминали холодный мир, их можно было характеризовать как корректные, подобные, скажем, контактам между соседями, которые не расползаются друг к другу, но здороваются. В советской историографии и печати в 20-х годах, очевидно, преувеличивалось проявление недружественности Финляндии к СССР. В свою очередь, К. Стольберг выражал другую крайность, отмечая, что между Финляндией и Россией в то время существовало «хорошее доверие»³¹.

Являлось показательным, что Финляндия не пошла по пути военных авантюр, планировавшихся реакционными кругами Запада, стала придерживаться политики мира и неучастия в блоках. В декабре 1922 года на Московской конференции Прибалтийских стран она поддержала советское предложение о сокращении вооружений до минимума, необходимого для обеспечения национальной безопасности. В 1923 году была подписана советско-финляндская санитарная конвенция, которая способствовала оживлению торгово-экономических связей между странами.

Большое значение имели двусторонние договоры о ненападении, заключенные СССР в 1932 году с Францией, Финляндией и рядом других капиталистических государств. Подписать такой договор Советское правительство предлагало Финляндии гораздо раньше, еще в 1926 году, однако переговоры не привели к положительным результатам. 21 января 1932 года между СССР и Финляндией был подписан Договор о ненападении и мирном улаживании конфликтов. Оба государства обязались не только воздерживаться от нападения, но и сохранять нейтралитет в случае, если одно из них станет объектом агрессии со стороны третьих стран, а также не участвовать во враждебных друг другу коалициях. Договор подтверждал Тартуский мирный договор 1920 го-

да и Соглашение о мероприятиях, обеспечивающих неприкосновенность советско-финляндской границы 1922 года. Каждое из государств взяло обязательство разрешать все споры между собой мирным путем³².

В целом, однако, чувствовалось, что Договор о ненападении правительство Финляндии рассматривало не столько как способ улучшить советско-финляндские отношения, сколько видело в нем определенную синхронизацию своей политики с действиями других капиталистических государств. Договор был заключен всего на три года с продлением на двухлетний период, если одна из сторон не заявит о его денонсации. Ратификация Договора финляндской стороной затягивалась и, как отмечала газета «Хельсингин Саномат», его вскоре готовы были «забыть в Финляндии», поскольку на взгляды по вопросам безопасности страны он реально не оказал никакого влияния³³.

В начале 1934 года по инициативе Советского правительства Договор о ненападении был продлен на десятилетний срок (по 31 декабря 1945 года)³⁴. Это был последний дружественный Советскому Союзу акт финляндского правительства в довоенный период.

В чем же состояла сущность политики СССР в отношении Финляндии в рассматриваемый период? Краткий ответ на этот вопрос дан в начале 30-х годов в беседе Ю. К. Паасикиви с И. М. Майским, бывшим в то время полпредом СССР в Хельсинки. «СССР не посягает и не собирается посягать на целостность и независимость Финляндии,— говорил И. М. Майский,— единственно, чего он хочет, это чтобы между обеими странами существовали нормальные политические и экономические отношения, чтобы Финляндия не являлась осиным гнездом, которое в любой момент могут использовать в своих целях империалистические враги Советского государства. Вместе с тем, при наличии таких нормальных отношений перед Финляндией будет открыт большой и выгодный советский рынок, а ее международное положение сильно укрепится»³⁵.

К сожалению, этого не произошло. К середине 30-х годов ставшая очевидной прогерманская ориентация правительства Финляндии в обстановке превращения гитлеровского рейха в ударную антисоветскую силу помешала развитию добрососедских советско-финляндских отношений.

ТЕНЬ СВАСТИКИ НАД ФИНЛЯНДИЕЙ

Иллюзорный нейтралитет

Международная обстановка в начале 30-х годов существенно изменилась. Неравномерность экономического и политического развития капитализма привела к возникновению двух враждующих группировок капиталистических государств (Германия, Италия и Япония, с одной стороны, Англия, Франция и США — с другой), стремившихся к мировому господству. Экономический кризис обострил межимпериалистические противоречия и подталкивал западные державы к тому, чтобы «разрядить» их за счет Советского Союза. «Ненависть к социализму, долговременные расчеты, классовый эгоцентризм, — отмечал М. С. Горбачев, — мешали трезво осмыслить реальные опасности. Больше того, фашизму настойчиво предлагалась миссия ударного отряда в крестовом антикоммунистическом походе»¹.

С приходом в январе 1933 года фашистов к власти в Германии установилась террористическая диктатура ультрареакционных сил буржуазии. В книге А. Гитлера «Майн кампф» излагалась программа завоевания германским империализмом Европы и установления мирового господства. При этом подчеркивалось, что «жизненное пространство» германской нации нужно искать прежде всего на востоке Европейского континента. «Вокруг великой Германии мы создадим систему мелких и средних вассальных государств, в которую войдут Прибалтийские государства, Польша, Финляндия, Венгрия... Это будет федеративная германская империя», — писал Гитлер². Читая это в «Майн кампф», в Финляндии могли иметь полное представление о перспективе, какая ее ожидала.

После прихода Гитлера к власти планы территориальной экспансии, подготовка к агрессивной войне за мировое господство были возведены в ранг государ-

ственной политики Германии. Весной 1934 года Германия отвергла предложение Советского правительства о подписании совместного протокола, содержащего обязательство воздерживаться от любых действий, могущих нанести прямой или косвенный ущерб государствам района Балтийского моря. Гитлеровцы не хотели брать на себя никаких обязательств, которые могли бы затруднить их агрессию на Балтике и в Северной Европе.

Исходя из складывавшейся обстановки, Советское правительство стремилось объединенными усилиями всех стран, которым угрожала германская экспансия, остановить агрессора и считало необходимым добиваться сплочения сил всех европейских государств с тем, чтобы поставить надежный барьер гитлеровской агрессии. В таком направлении в СССР и разрабатывалась программа борьбы за создание системы коллективной безопасности³.

Советское правительство выдвигало предложение о заключении регионального соглашения (так называемого Восточного пакта) о взаимной помощи с участием СССР, Франции, Бельгии, Польши, Чехословакии, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии⁴. Имелось в виду, что его участники подпишут договор, по которому обяжутся взаимно гарантировать нерушимость их границ и оказывать друг другу помощь в случае нападения на них. Предусматривалось, что это соглашение будет заключено в рамках Лиги Наций.

В декабре 1933 года нарком иностранных дел М. М. Литвинов выступил с заявлением о заинтересованности СССР в сохранении независимости стран Балтийского моря. «Эти страны,— говорил он,— все более проникаются убеждением в нашем абсолютном миролюбии, доброжелательности к ним и заинтересованности в сохранении ими полной экономической и политической независимости. Но мы не только заинтересованы, но и озабочены этим»⁵.

Заключение Восточного пакта не могло не соответствовать национальным интересам Финляндии, так как укрепило бы ее положение. Однако Гитлер резко отрицательно отнесся к Восточному пакту, видя в этом преграду на главном направлении будущей германской экспансии⁶. Противопоставила свою позицию идее создания коллективной безопасности и Польша. Финляндия последовала их примеру. Ее правительство заявило, что не видит основания для беспокойства относительно

безопасности своего государства. По словам тогдашнего министра иностранных дел А. Хакцеля, предложение о заключении Восточного пакта «потрясло» правительство Финляндии, так как в случае нападения на нее в страну могли прибыть «большевистские войска»⁷. А финляндский посланник в Варшаве К. Г. Идман сообщил польскому министерству иностранных дел, что считает эту меру абсолютно ненужным делом⁸.

В последующее время, будучи в затруднении определить, на какую империалистическую группировку следует опираться, правительственные круги Финляндии считали наилучшим оставить себе открытым путь для окончательного решения и, исходя из этого, пришли к выводу о целесообразности провозглашения нейтралитета.

Инициаторами такого шага выступили правые деятели. Весной 1935 года К. Г. Маннергейм разработал памятную записку относительно мер по усилению обороны страны и необходимости поддержки ее внешнеполитическими акциями. В развитие этой записки было решено провозгласить нейтралитет Финляндии⁹.

В декабре 1935 года по предложению правительства Кивимяки парламент принял заявление, что в своей внешней политике Финляндия будет придерживаться нейтралитета и ориентации на Скандинавию. Заявление включало обязательство Финляндии «содержать оборонительные силы, соответствующие экономическим возможностям страны»¹⁰.

В последующем, вплоть до начала второй мировой войны, со стороны официальных правительственных органов и печати Финляндии не было недостатка в заявлениях о приверженности нейтралитету. Все важнейшие мероприятия в области внешней политики финляндское правительство неизменно обосновывало политикой нейтралитета.

Провозглашение нейтралитета можно было бы рассматривать как попытку Финляндии находиться вне противоречий между западными державами и выйти из зоны возможной войны между ними. Советский Союз, естественно, не мог быть против углубления мирного сотрудничества стран Северной Европы и приветствовал бы тенденцию «к оформлению и укреплению скандинавско-финского блока, если она направлена против угрозы германской агрессии»¹¹.

Анализ последующего внешнеполитического курса Финляндии показывает, что ее нейтралитет был симво-

лическим. К. Г. Маннергейм в конфиденциальной беседе с журналистами, обосновывая желательность проскандинавского курса, а он, несмотря на все колебания и отклонения, был прогрессивным явлением, говорил, что аннексионистские планы в отношении Советской Карелии и замыслы о создании «великой Финляндии надо держать в уме, хотя о них и не следует трубить»¹². Министр иностранных дел А. Хакцель, разъясняя фракциям финляндского парламента правительственное заявление о нейтралитете, подчеркивал, что проскандинавский курс — прямое продолжение антисоветской политики в новых условиях и что единственным врагом Финляндии по-прежнему остается Советский Союз¹³. Одновременно он заверил посланника Германии, что Финляндия «будет следовать антирусским курсом, несмотря на сотрудничество с соседними скандинавскими странами»¹⁴, занимающими позицию нейтралитета.

Имелись и другие факты, свидетельствовавшие о том, что провозглашение нейтралитета явилось своеобразной ширмой. На деле не только сохранялась антисоветская позиция, но и выражался отказ от участия в создании системы коллективной безопасности. А утверждения о нейтралитете усыпляли бдительность в отношении германского фашизма и сеяли иллюзии, будто словесными декларациями можно как-то оградить страну от военной опасности.

Судя по всему, курс на нейтралитет в известной мере был определен с учетом того, чтобы он не противоречил интересам Германии. Стремление нацистов предотвратить объединение усилий стран, которых они рассчитывали громить поодиночке, лежало в основе их действий на международной арене. В пропагандистском и дипломатическом отношениях Германией прилагались все усилия к тому, чтобы толкнуть страны Северной Европы на путь «абсолютного нейтралитета»¹⁵, который исключал бы их из числа потенциальных противников Германии, а также позволял ослабить действие одной из статей Устава Лиги Наций, обязывавшей всех ее членов участвовать в принятии санкций по отношению к агрессорам. Министр иностранных дел Германии К. Нейрат подчеркивал, в частности, что «Германия хочет от Финляндии во всех ситуациях только нейтралитета»¹⁶. Г. Геринг лично заверил К. Г. Маннергейма, что Финляндия может рассчитывать «на большую симпатию со стороны Германии, если будет соблюдать нейтралитет»¹⁷. Наконец, заведующий отделом стран Скан-

динавии и Балтийского моря МИД Германии В. Грюндхер не скрывал, что строгая политика нейтралитета Финляндии «на сто процентов отвечает пожеланиям Германии»¹⁸.

В Берлине считали, что сотрудничество Финляндии со Скандинавскими странами не помешает использованию Германией ее территории во время войны в качестве плацдарма. Там были лишь против «каких-либо союзов» Финляндии с Англией, Францией и СССР¹⁹.

При заявлении о нейтралитете правительство Финляндии имело в виду и другое, не менее существенное — ориентацией на Скандинавские страны достигнуть установления военного сотрудничества с ними под предлогом того, чтобы «обезопасить» себя со стороны СССР и открыть путь к осуществлению милитаризации Аландских островов в антисоветских целях. Имелось в виду, что при их милитаризации советский флот запирался бы в Финском заливе. В обстановке войны это легко могло быть использовано агрессором и изменило бы статус-кво на Балтийском море, создав еще большую угрозу безопасности СССР, не имевшему в его акватории никаких опорных пунктов. В итоге нейтралитет мог служить оправданием курса на вооружение.

Характерны в этом отношении сообщения, высказывавшиеся в сентябре 1936 года премьер-министру Швеции одним из воинственных финских офицеров П. Талвела: «Разве не унижительно быть столь малым в огромном мире, что к тебе никто даже не прислушивается? Вместе же мы можем быть значительно сильнее... Четыре страны могли бы теоретически выставить при мобилизации 40 дивизий, что на много больше, чем имела Австро-Венгрия после мобилизации в начале войны (первой мировой.— *Ред.*)»²⁰.

Заявление правительства Финляндии о нейтралитете не встретило заметного отклика за рубежом. В Скандинавии, в частности, не питали большого доверия к такого рода декларациям, поскольку был известен антисоветский характер внешнеполитического курса Финляндии. В высших кругах Швеции, например, прямо высказывалось мнение, что «Финляндия готовится к войне против Советского Союза»²¹. По словам тогдашнего финского премьер-министра Т. Кивимяки, король Швеции Густав V во время своего визита в Финляндию в 1936 году на одном из приемов сказал ему, что «в Швеции утвердилось мнение о наличии у Финляндии подобных намерений»²².

Финляндию считали в определенных скандинавских кругах «ненадежным партнером», «гнездом реакции», «каплей, зараженной вирусом фашизма»²³. Там не хотели компрометировать свой нейтралитет сближением с ней и опасались к тому же быть втянутыми в антисоветские авантюры.

Характерно, что ведущие шведские дипломаты в беседах с советскими представителями отмечали, что Швеция исходит из необходимости установить четкие границы для сотрудничества с Финляндией и не идти дальше культурного сближения²⁴.

В конечном счете Дания и Норвегия отказались от предложенного Финляндией сотрудничества²⁵. Швеция проявляла серьезные колебания и согласилась лишь на обсуждение вопроса о поставках военных материалов в Финляндию в случае войны²⁶, а от идеи оборонительного союза отказалась²⁷, хотя прежде допускалось сотрудничество шведского и финляндского генеральных штабов²⁸.

В целом сближение Финляндии со Скандинавскими странами не получило существенного продвижения вперед, за исключением подписания в мае 1938 года вместе с Данией, Швецией, Норвегией и Исландией Декларации, устанавливавшей одинаковые условия нейтралитета в случае войны между другими странами, и еще некоторых совместных заявлений.

В самой Финляндии также не чувствовалось энтузиазма в поддержке формально провозглашенного нейтралитета и проскандинавского курса. Вне всякого сомнения, трудящиеся видели в политике реального нейтралитета возможность избежать вовлечения страны в чуждую народу войну. Именно с этих позиций в Социал-демократической партии Финляндии высказывались мнения о необходимости сотрудничества стран Северной Европы в целях отражения угрозы фашизма и вносились реалистические предложения, не ущемлявшие СССР по вопросу об Аландских островах. Однако это не нашло отражения в ее действиях в парламенте. Партия выступала там за проведение политики добрососедства с СССР весьма робко²⁹.

Непоследовательная линия руководства СДПФ позволила буржуазии использовать стремление социал-демократов к нейтралитету для прикрытия антисоветской политики. За исключением социал-демократов и Шведской народной партии, другие влиятельные политические круги в Финляндии не проявили большого

интереса к проскандинавскому курсу³⁰. Это находило отражение в печати и влияло на общественное мнение³¹.

Жизнь показала, что провозглашенный Финляндией нейтралитет во многом носил иллюзорный характер и его отражение в политике страны оказалось слабым. Видный финский историк и дипломат Ю. Суоми характеризует его как нейтралитет, который «в определенной степени» привел к тому, что во внешнеполитическом плане положение Финляндии в конце 30-х годов представляло «блестящую изоляцию»³².

Ориентация на Берлин

Заключение в 1935 году англо-германского морского соглашения создало неограниченные возможности для установления гегемонии Германии в районе Балтийского моря и позволило Гитлеру выдвигать свои ударные силы ВМФ в его восточную часть. Традиционное английское влияние в Скандинавии стало ослабевать, и Англия перешла к пассивной политике в этом районе, хотя продолжала сохранять свои позиции во внешнеторговых и финансовых отношениях со странами Северной Европы. В частности, из Финляндии направлялось в Англию до половины экспорта, преимущественно лесотоваров. Англичане владели концессией на разработку никелевых рудников в Петсамо. Из числа военных закупок Финляндии на долю Англии приходилось в 1935—1938 годах в среднем ежегодно более 35 процентов³³. Английские военные специалисты проявляли особое внимание к оснащению и реорганизации вооруженных сил Финляндии³⁴.

В 1934—1937 годах К. Г. Маннергейм, которого английская печать называла «некоронованным королем Финляндии», трижды ездил в Лондон, где вел переговоры с представителями политических и военных кругов. В Англии в эти годы побывали также другие финские государственные и военные деятели. В свою очередь, летом 1936 года Финляндию посетил лорд М. Плимут, визит которого Р. Холсти охарактеризовал как продолжение англо-финляндского сотрудничества в период антисоветской интервенции в 1919 году. Показательно, что Плимут счел необходимым посетить и приграничные с СССР районы. В следующем году в Финляндии находился английский военно-морской министр А. Купер³⁵.

Часть финской буржуазии, связанная с английским капиталом, с опаской относилась к усилению в стране

политического и экономического влияния Германии, но не предпринимала активных действий, надеясь на то, что произойдет объединение империалистических держав Запада с Гитлером против Советского Союза.

Не выпускали Финляндию из поля своего зрения и Соединенные Штаты, стремившиеся использовать англо-германский антагонизм в районе Балтийского моря для укрепления собственных позиций. Наряду с Англией США были основным кредитором Финляндии. С 1920 года до начала второй мировой войны Финляндия получила из США займов в общей сложности 110 млн. долларов³⁶. В 1936 году Финляндия заключила с США договор о введении принципа наибольшего благоприятствования в торговле³⁷, что способствовало заметному ее расширению. Осенью 1938 года Финляндию посетил бывший президент США Г. Гувер, активный организатор антисоветской интервенции, приложивший в 1919—1920 годах немало усилий, чтобы вовлечь Финляндию в интервенцию против Советской России.

Однако усилия, направленные Англией и США, так же как и Францией, на укрепление своего влияния в Финляндии, не могли идти ни в какое сравнение с действиями Германии. В годы, предшествовавшие второй мировой войне, она добилась там наибольших успехов³⁸. Это объяснялось не в последнюю очередь ориентацией самой Финляндии, стремившейся всегда опираться на более сильную в конкретно сложившейся обстановке державу.

По словам профессора О. Вехвиляйнена, «национал-социализм не рассматривался как угроза финской безопасности, более того, в усилении Германии почувствовали быстрое облегчение для Финляндии, увидели гарантию обретения искомого противовеса опасной мощи России»³⁹.

Финляндские правые круги верили, что именно Германия, скорее всего, вступит в войну с СССР⁴⁰. Как отмечала в 1937 году близкая к правительству газета «Илкка», Финляндия будет в случае войны вполне реально представлять необходимый для Германии плацдарм и поэтому надо выбирать для себя из различных внешних ориентиров именно Германию как великую державу⁴¹. Считалось, что, занимая позицию, направленную против СССР, «помощь можно получить в условиях закрытого Балтийского моря только от Германии»⁴².

Сближению Финляндии с гитлеровской Германией

способствовало то обстоятельство, что значительная часть финляндской буржуазии сохраняла давние исторические связи с Германией, особенно окрепшие в результате интервенции кайзеровских войск в Финляндию в 1918 году для подавления рабочей революции. Гитлеровцы находили в Финляндии опору не только в профашистских организациях, но и среди банкиров, крупных промышленников и землевладельцев, а также у военного командования и высшего чиновничества. Особенно сильны были прогерманские настроения в армии. Финские офицеры в большинстве своем получали военное образование в Германии и широко внедряли у себя прусские порядки. Подавляющая часть офицерского состава выступала за установление тесных связей с Германией и оказывала соответствующее давление на правительственные круги.

Ориентации на Германию традиционно придерживались прежде всего такие крупнейшие буржуазные партии, как коалиционная и Аграрный союз. В целом же в Финляндии к гитлеровской экспансии относились, за исключением коммунистов и левых социал-демократов, гораздо спокойнее, чем в соседних Скандинавских странах. «Тень Гитлера в конце 30-х годов,— отмечал впоследствии У. Кекконен,— распростерлась над нами, и финское общество в целом не может поклясться, что оно не относилось к ней с определенной симпатией»⁴³.

Антисоветские и экспансионистские настроения в правящих кругах Финляндии облегчали гитлеровцам задачу привлечения Финляндии на свою сторону. Здесь, отмечал впоследствии видный деятель Шведской народной партии К. О. Фрич, «немцам не требовалось создавать скрытую пятую колонну, которая бы работала так же, как в Голландии, Бельгии, Норвегии,— официальные круги Финляндии довольно охотно стремились к сотрудничеству с немцами»⁴⁴.

Германией учитывалось также то обстоятельство, что из всех западных соседей СССР Финляндия занимала чуть ли не наиболее отрицательную позицию к призывам и усилиям СССР создать систему коллективной безопасности в Европе. Германские дипломаты характеризовали политику президента П. Свинхувуда и министра иностранных дел А. Хакцеля как «дружественную»⁴⁵. Ведущей мыслью внешней политики Финляндии в 30-х годах, писал видный финляндский ученый и политический деятель Я. М. Янссон, «были поиски третьей силы против Советского Союза. При этом тогда

особенно чувствовалось влияние Германии в определении судеб Финляндии»⁴⁶.

Финляндско-германское сближение происходило по всем линиям. Причем нередко из Берлина финских политических и военных деятелей запугивали тем, что уход Финляндии от тесного сотрудничества с Германией в экономическом, политическом и военном отношениях чреват опасностью «поглощения ее Советским Союзом»⁴⁷.

Особое внимание немецкая пропаганда уделяла мероприятиям, направленным на завоевание доверия к Германии у финского населения. Всячески подчеркивалась близость между Германией и Финляндией в политическом, культурном и географическом отношениях. В Берлине и других немецких городах торжественно отмечались юбилеи карело-финского эпоса «Калевала», а также композитора Я. Сибелиуса. Финским спортсменам оказывалось подчеркнутое внимание при проведении в Германии в 1936 году Олимпийских игр. Росло число стипендиатов из Финляндии в учебных заведениях Германии.

В Любеке был открыт специальный институт «по разработке нордических проблем» («Нордише гезеншафт»), имевший филиалы в других германских городах. Финскую нацию стали характеризовать как «кровно» и «духовно» родственную «высшей» германской расе и пустили в ход измышление о том, что чуть ли не в каждом финне течет немецкая кровь. Под лозунгом «нордического сближения» развернулся широкий обмен культурными, молодежными и другими делегациями, радиопрограммами, усиленно распространялась нацистская литература, издававшаяся в Германии на финском языке⁴⁸. В финских газетах в соответствии с официальной правительственной линией почти без сокращений публиковались речи Гитлера и одновременно им рекомендовалось не допускать публикации, которые содержали негативные моменты, касающиеся Германии⁴⁹. Профессор Ф. Иверсен, известный в Финляндии пацифист, в 1935 году был оштрафован на 5 тыс. марок за то, что назвал Гитлера, Геббельса и Геринга «триумвиратом насилия и необразованности». Через четыре года главный редактор «Васабладет» был приговорен к 10 месяцам тюрьмы за «унижающий Гитлера» отзыв в газете⁵⁰.

Как в Германии, так и в Финляндии стали распространяться утверждения и об «общности их культуры и

мировоззрения». В 1936 году съезд германских нацистов посетила представительная финская делегация во главе с профессором Миккола. Она вела переговоры с представителями руководства фашистской партии Гессом и Розенбергом о германо-финляндском культурном сближении. В Финляндии было основано множество различных организаций в поддержку нацизма. Депутат парламента Э. Хорнборг отмечал, что «Финляндия движется к Германии... где господствует антисемитизм, несамостоятельная и политизирующая наука, ограничения печати и милитаристские помыслы о диктатуре»⁵¹.

В Германию, в ее фашистские лица, направлялись сотни финских школьников и молодежи⁵². Характерно, что представителей бойскаутов из Финляндии принимал лично Гитлер⁵³. Все это вызывало тревогу и озабоченность среди трудящихся и других слоев населения страны. Ежегодное продолжительное пребывание в Германии педагогов и учеников, писала газета «Суомен Сосиалидемократти», означает не что иное, как «распространение нацизма и воспитание проповедников нацизма в нашей стране»⁵⁴.

Начиная с 1937 года наблюдался приток в Финляндию разного рода экскурсантов и представителей научных учреждений. Среди них находилось, как это можно было понять из финской печати, немало лиц, занимавшихся разведывательной деятельностью⁵⁵. Газета «Тампереен саномат» писала в этой связи, что приезжающие в Финляндию многочисленные немецкие представители «являются, главным образом, разведчиками или же чисто политическими агентами»⁵⁶. Их можно было часто видеть в Лапландии и других пограничных с Советским Союзом районах.

С большой помпой проводилось в 1936 году в Берлине торжественное мероприятие, посвященное 75-летию президента П. Свинхувуда. Выступивший на этом заседании А. Розенберг развивал идею общности судьбы Германии и Финляндии. На издававшихся немецких картах Финляндия стала включаться в число стран, которые входили в сферу влияния Германии.

Германия в своей политике по отношению к Финляндии рассчитывала прежде всего на финскую армию. В 1934—1935 годах между этими странами состоялся обмен военными атташе, установились тесные контакты между командованием их армий. Начало этому положил К. Г. Маннергейм, который, являясь председателем Высшего совета обороны Финляндии, выезжал в

1935 году в Германию, где вел переговоры с Г. Герингом и И. Риббентропом⁵⁷. В том же году в Финляндии находилась группа офицеров германского генштаба, знакомившаяся с состоянием финской армии⁵⁸. В свою очередь, в Германию стали регулярно направляться представители вооруженных сил Финляндии⁵⁹.

Закладывались, кроме того, основы взаимодействия военных разведок обеих армий. Этому способствовала поездка в 1935 году в Финляндию руководителя германской разведки адмирала В. Канариса. В результате ее в Финляндии было создано отделение разведывательного отдела германского генерального штаба. Военная разведка Финляндии стала для Германии важным источником сведений об обороне Советского Союза. Руководители разведок стран начали регулярно встречаться в Финляндии и Германии, обмениваясь информацией и разрабатывая совместные планы⁶⁰. Установился контакт и между офицерами контрразведки обеих стран. Германское гестапо стало тесно сотрудничать с сыскальной полицией Финляндии. Было заключено секретное соглашение о борьбе против коммунизма как «международного преступного явления»⁶¹. В одном из финских журналов заявлялось тогда, что «перед немцами у нас никаких тайн нет»⁶².

Летом 1936 года в Финляндии находились инспектор пехоты германской армии генерал Реве и несколько других высших офицеров. Они изучали дислокацию финских войск и оборонительные сооружения вблизи советской границы⁶³.

Успехи в области военного сотрудничества отмечались государственными наградами. В 1936 году финские ордена были вручены ряду немецких офицеров, а германские ордена получили ставший вскоре министром обороны Финляндии Ю. Ниукканен и мэр Хельсинки А. Туленхеймо.

Вторая половина 30-х годов была отмечена особыми устремлениями к укреплению германо-финляндского военного сотрудничества. Летом 1937 года в Германию выезжали представитель генерального штаба генерал Х. Эквист, командующий шюцкором генерал Л. Малмберг и ряд других высших офицеров. Они знакомились с немецкой армией⁶⁴. За этим последовали «частные» визиты К. Г. Маннергейма, встречавшегося с Г. Герингом, и командующего финской армией генерала Х. Эстермана, который был принят А. Гитлером. «Германии надо разгромить Россию прежде, чем она станет такой

могучей, что ее будет уже невозможно разбить», — заявил тогда Гитлер⁶⁵.

Под знаком усиления сотрудничества с Германией в военной области прошло и празднование 70-летия Маннергейма, отмечавшееся с большой торжественностью. В Хельсинки прибыла германская делегация во главе с генералом Н. Фалькенхорстом. Именно ему в 1941 году Гитлер поручил командование немецкими войсками, начавшими наступление против Советского Союза с финской территории. Визит был использован с обеих сторон для укрепления традиции «братства по оружию».

В последующем в Финляндию нанесли визиты из Германии эскадра подводных лодок, эскадрилья самолетов и авианосец, а также крейсер «Кёнигсберг». Правая буржуазная печать широко освещала это и подчеркнуто приветствовала⁶⁶.

На праздновании 20-летия подавления финляндской рабочей революции в мае 1938 года в Хельсинки находились представительные германские делегации. Одну из них возглавлял адмирал М. Бастиан, другую — генералы Р. фон дер Гольц и О. Бранденштейн. Не только гимнами обеих стран встречали их, но и исполнением нацистской песни гитлеровцев «Хорст Вессель». Маннергейм заверил участников празднования, среди которых находились и члены финского правительства, что Финляндия «становится духовно и материально сильным форпостом западных стран на Севере»⁶⁷.

Тридцатые годы были временем интенсивного вторжения германского капитала в экономику Финляндии, усилившегося роста финляндско-германского товарообмена. В 1934 году между обеими странами был заключен торговый договор, после чего импорт Финляндии из Германии возрос с 37,2 млн. германских марок в 1933 году до 70,1 млн. марок в 1937 году, а экспорт в Финляндию из Германии повысился соответственно с 42,3 до 78,2 млн. марок⁶⁸. Финские товары и прежде всего лесоматериалы (основная статья экспорта Финляндии) поставлялись в Германию по ценам ниже мировых⁶⁹. Почти вся добываемая в Финляндии медь в 1936—1938 годах вывозилась в Германию⁷⁰.

Усиление военного и экономического сотрудничества с Германией сопровождалось в Финляндии активными военными приготовлениями. Военная доктрина, разработанная в 1926 году и обновленная позднее, исходила из перспективы войны лишь с СССР, в соответствии с

чем 2/3 наземных войск сосредоточивались на Карельском перешейке⁷¹.

Боевая подготовка и вооружение финской армии находились на более высоком уровне, чем у многих армий малых западноевропейских государств. Кроме того, с помощью входившего в состав оборонительных сил шюцкора в стране велась военизированная работа среди гражданского населения, по масштабам не имевшая равных в мире⁷². В 1938 году в шюцкоре насчитывалось 100 тыс. членов и еще 30 тыс. в юношеских подразделениях. Число участников различных мероприятий шюцкора в том году составило почти 1 млн. человек⁷³.

Власть Маннергейма, ставшего в 1933 году маршалом, постоянно росла. Он, по словам финского историка М. Туртола, поставил своей главной задачей создание собственной военно-политической структуры, которая была бы свободна от любого политического контроля⁷⁴.

Став во главе специально созданного Экономического совета обороны, Маннергейм в начале 1935 года разработал план усиления военных приготовлений. При министерстве обороны был учрежден отдел военной экономики, который занялся планированием использования промышленности в военное время⁷⁵. Уже в 1937 году было образовано пять промышленных округов и создана определенная система перевода экономики на военные рельсы. Парламент утвердил новую обширную программу вооружений сроком на шесть лет. Начиная с 1938 года расходы на вооружение превысили 25 процентов государственного бюджета, причем часть из них скрывалась в бюджетах различных министерств⁷⁶.

В стране более широко развернулось строительство военных объектов. Прежде всего создавались новые аэродромы и посадочные площадки. Количество их значительно превышало потребности финляндской авиации⁷⁷. Строились дороги, различные оборонительные сооружения на Карельском перешейке, а также на островах в Финском заливе и на Ладожском озере. К мобилизации было подготовлено около 300 тыс. человек⁷⁸. Непосредственно в армии была осуществлена реорганизация высшего командования. Предусматривалось увеличить количество войсковых соединений, доведя число дивизий до тринадцати⁷⁹.

Сложности противоборства

В ходе милитаризации страны финское военно-политическое руководство выдвигало необходимость идеологического обоснования антисоветского курса, психологической обработки общественности. Под прикрытием мифа об «опасности со стороны восточного соседа»⁸⁰ активно разворачивались все военные приготовления. В 1937 году в министерстве обороны был создан специальный орган по пропаганде, а для руководства в стране средствами массовой информации образован «Союз пропаганды»⁸¹. В печати, на радио, в учебных заведениях особое внимание стало уделяться распространению утверждения о том, что Советский Союз является «исконным врагом» Финляндии, собирающимся «уничтожить ее независимость». Пограничные инциденты с СССР всячески раздувались⁸². Известный дипломат, один из современных идеологов правых финляндских кругов М. Якобсон писал о том периоде: «Отношение Финляндии к Советскому Союзу, особенно в кругах, формирующих общественное мнение, было крайне враждебным. Восточно-карельский вопрос продолжал владеть эмоциями националистической молодежи. Торговля с Советским Союзом была незначительной, культурные связи практически отсутствовали»⁸³.

Внешняя политика любого государства определяется не волевым решением правительства, а внутренней политикой и, в конечном счете, опосредованно социально-экономическим положением в стране. Финляндия 30-х годов заметно отличалась от государств так называемого классического буржуазного парламентаризма. Демократические свободы и политические права граждан здесь были существенно урезаны, а методы управления страной носили полудемократический характер. Как метко заметил по этому поводу Ю. Суоми, «преобладающее большинство парламента оставалось в стороне» при решении внешнеполитических проблем. На основе парламентских речей, по его словам, можно составить реальное представление, что генеральная линия внешней политики Финляндии выработывалась ограниченным кругом лиц⁸⁴.

Правительство проводило политику жестокой изоляции представителей левого крыла рабочего движения. От участия в государственной деятельности они отстранялись путем репрессий и фактического лишения гражданских прав. Тысячи участников рабочего движения

были осуждены к длительным срокам тюремного заключения. Коммунистическая партия была запрещена и осуществляла свою работу в условиях глубокого подполья. В таком же положении находились другие левые силы, молодежные и профсоюзные организации.

На предприятиях царил сложная обстановка. Во многих случаях рабочих увольняли за членство в Социал-демократической партии или в отдельных левых организациях. По выражению известного деятеля СДПФ Р. Ойтинена, рабочий класс находился в положении париев, людей, лишенных всяких прав, и это проявлялось везде — «в государственных учреждениях, заводских конторах, в школах, церкви, армии и т. д. организованный рабочий рассматривался почти как враг общества и его подозревали в измене государству и отечеству»⁸⁵. В 1936 году в стране была учреждена политическая полиция.

Двойственная внешняя политика, отказ от нормализации отношений с СССР, интенсивное вооружение и сближение с Германией — все это не могло не вызывать беспокойства у значительных слоев финского народа. Эта политика встречала осуждение и тех политических кругов, которые пытались реально оценить складывавшуюся международную обстановку.

Антивоенные и антифашистские настроения были широко распространены в рабочем движении и среди части интеллигенции. Идея дружбы с Советским Союзом пользовалась у них значительной поддержкой, хотя симпатии к нему и не могли проявляться открыто. С одной стороны, шло укрепление реакционных элементов и их организаций, а с другой — активизировалась борьба прогрессивных сил.

Наиболее последовательным сторонником мира, силой, которая отчетливо видела угрозу самостоятельности Финляндии со стороны фашистской Германии и указывала на эту опасность, борясь против политики войны, являлась Коммунистическая партия Финляндии. Хотя КПФ и была немногочисленной, однако пользовалась заметным влиянием среди трудящихся. Если в других общественно-политических организациях наблюдались лишь отдельные антимилиитаристские выступления, а некоторые партии в той или иной степени даже способствовали созданию условий для вовлечения страны в войну против СССР, то КПФ выступала за выработку внешнеполитической концепции, отвечающей национальным интересам, за сближение с СССР и поддержку

мирной политики Советского Союза, в защиту независимости Финляндии.

Анализируя государственные отношения Финляндии с Советским Союзом, VI съезд КПФ, состоявшийся в ноябре 1935 года, отмечал, что внешняя политика Финляндии «является политикой войны, а не мира». Съезд призвал рабочих к установлению единства действий против реакции и фашизма. В его решениях подчеркивалась необходимость образования на основе этого единства широкого антифашистского фронта, роспуска фашистской партии, отмены чрезвычайных законов и проведения политики мира по отношению к СССР. Съезд заявил о готовности КПФ сотрудничать со всеми сторонниками демократии и мира⁸⁶.

Партия отмечала, что «от угрозы войны Финляндию не спасет такой нейтралитет, который предусматривают финские пособники Гитлера. От угрозы войны нас спасет лишь активное участие финляндского народа в борьбе за мир и коллективную безопасность, против поджигателей войны». КПФ подчеркивала: «...неустанно и терпеливо следует повсюду разъяснять людям, что великий советский народ является не врагом, а другом финляндского народа и что могучий Советский Союз является защитой финляндского народа, как и всех малых народов против империализма, если только Финляндия хочет жить в согласии с СССР»⁸⁷. В документах КПФ выдвигалось требование развития экономических связей с Советским Союзом, имеющим широкий рынок, подчеркивалась их выгодность для Финляндии, как фактора, стабилизирующего и динамизирующего промышленное производство в стране.

Против националистических экспансионистских призывов, за нормализацию отношений с Советским Союзом выступала также значительная часть Социал-демократической партии Финляндии вопреки ее правому руководству, занимавшему иную позицию. Успехи развития Советского государства и рост его авторитета, как оплота мира и безопасности, нарастание угрозы войны и фашизма, а также активизация борьбы трудящихся в собственной стране оказывали влияние на рядовых социал-демократов. Среди них были широко распространены антивоенные настроения.

Уже в 1932—1933 годах в СДПФ стало складываться левое направление, состоявшее преимущественно из молодежи, группировавшейся вокруг «Академического социалистического общества» и «Хельсинкского товари-

щеского общества». Многие влиятельные социал-демократические деятели (К. Вийк, В. Мелтти, М. Рюэмя, К. Куло, С.-К. Кильпи, К. Сундстрем) не поддерживали политику правого лидера партии Вяйне Таннера. Они указывали на опасность милитаристских тенденций в Финляндии и призывали к сближению с Советским Союзом. Их влияние сказывалось в публикациях центрального органа СДПФ — газеты «Суомен социалидемокраатти». Она была в основном прогрессивной и заметно отличалась от общего антисоветского тона буржуазной печати. Газета писала: «Политика Финляндии не связана с судьбой нынешней Германии. Мы надеемся, что путь Финляндии как во внутренней, так и во внешней политике никогда не будет определяться германским фашизмом. У нас нет желания присоединиться к группировкам, создаваемым за последнее время германским фашизмом. У нас нет желания принимать участие в крестовых походах, о которых говорилось в Нюрнберге»⁸⁸.

На съезде партии в 1936 году ее руководство и парламентская фракция подверглись резкой критике за уступчивость перед правыми силами. Генеральный секретарь партии К. Вийк высказался за то, что необходимо перейти к развитию дружеских, добрососедских отношений с СССР. Он призывал препятствовать германскому проникновению в Финляндию, проводить политику нейтралитета, учитывающую интересы СССР, с тем чтобы Советский Союз, готовясь к решающим сражениям с фашизмом на главных направлениях, мог быть спокоен за свой северный фланг⁸⁹.

Против войны и реакции кроме левых социал-демократов выступали также Партия мелких крестьян, основанная в 1935 году Национальный антивоенный комитет, левое крыло Центрального объединения профсоюзов, Комитет борьбы против войны и смертной казни, Союз защиты прав человека, Женский союз мира и свободы, отдельные пацифистские организации, ряд представителей интеллигенции. Их усилия сыграли немалую роль в предотвращении дальнейшей фашизации страны.

Наиболее видными деятелями среди них были профессора В. Лассила и Ф. Иверсен. Вяйне Лассила — ученый с мировым именем. Вокруг него объединилась группа влиятельных представителей интеллигенции. Он последовательно боролся против реакции, открыто поддерживал политику мира и дружбы с Советским Союзом, добивался развития культурного обмена.

Большую роль в борьбе против фашизма и реакции в области культуры играли либеральные журналы «Тулленкантая», «Нюкюайка». Они вместе с примыкавшими к Компартии изданиями «Кирьяллисуслехти» и «Сойхту» пользовались заметным влиянием.

Определенное значение в сдерживании экстремистских антисоветских тенденций имели уже упоминавшиеся умеренные либеральные круги. Представители их выступали как сторонники нейтралитета Финляндии или региональных союзов малых государств. Среди деятелей, осуждавших действия профашистских сил в стране, были Ю. К. Паасикиви и У. Кекконен, занимавший с марта 1937 года пост министра внутренних дел. Кекконен выступал против сотрудничества с коалиционной партией, проводившей враждебную СССР политику, предостерегал студенчество от антисоветских выступлений⁹⁰. В начале 1938 года Кекконен отдал приказ о запрещении деятельности фашистской партии «Патриотическое народное движение»⁹¹ (суд, однако, позднее отменил такое решение).

В это время газеты Аграрного союза «Мааканса», «Илкка» и «Лийтто» критиковали фашистские организации в стране, подчеркивая, что их деятельность противоречит официальным заявлениям о стремлении Финляндии сохранять дружеские отношения с соседними странами и особенно с Советским Союзом⁹².

Проникновение фашизма в Финляндию вызвало серьезную озабоченность различных слоев страны. Печать Прогрессивной партии писала в связи с заявлением А. Розенберга об общности судьбы Германии и Финляндии, что «нельзя связывать будущее страны с судьбой третьего рейха. Финляндия хочет развивать хорошие, мирные отношения со всеми соседними государствами. Она намерена иметь дружественные отношения и с Германией, хотя в своей внутренней политике она не хочет придерживаться линии Германии»⁹³.

В конечном счете финляндская буржуазия, опасаясь роста антифашистских настроений народа, в 30-х годах не осмелилась установить в стране открытую фашистскую диктатуру. К тому же ей приходилось учитывать отрицательный зарубежный резонанс, вызванный внутренними событиями в Финляндии: ростом репрессий против левых сил и судебной расправой в середине 30-х годов над руководителем Компартии Финляндии Тойво Антикайненом. Проявившийся довольно откровенно авантюризм в политике вовсе не способствовал подня-

тию авторитета страны. Это выразалось в падении курса финляндских ценных бумаг на бирже, отказе западных стран в предоставлении Финляндии новых кредитов и определенной изоляции ее на международной арене.

На парламентских выборах 1936 года Компартия, лишенная возможности принимать в них участие, призвала трудящихся к поддержке тех кандидатов, которые выступали за сотрудничество демократических сил, против войны и фашизма. В результате число голосов, поданных за социал-демократов, существенно увеличилось. В итоге выборов СДПФ получила 83 мандата, Аграрный союз — 53, Шведская народная партия — 21, Национальная коалиционная партия — 20, Прогрессивная партия — 7 и Патриотическое народное движение — 14⁹⁴.

Парламентские выборы, как и выборы президента в начале 1937 года, подтвердили, что силы, выступающие за проведение прогитлеровской внешней и реакционной внутренней политики, не пользуются поддержкой большинства населения.

Результаты выборов и разоблачение составленного тайной полицией по заданию премьер-министра списка «подрывных элементов», куда вошли около двухсот известнейших представителей творческой интеллигенции, ряд либеральных и культурных организаций, способствовали падению правительства Т. Кивимяки⁹⁵. На смену ему в октябре 1936 года пришло более умеренное правительство во главе с директором банка К. Каллио, состоявшее из аграриев и представителей Прогрессивной партии. Но вскоре, в марте 1937 года, было создано правительство, возглавляемое деятелем Прогрессивной партии А. Каяндером. В него вместе с буржуазными деятелями вошли и социал-демократы. К. Каллио был избран президентом. Министром иностранных дел стал Р. Холсти, сторонник умеренного курса и проскандинавской ориентации.

Правительство Каяндера располагало в парламенте более широкой базой, чем любой из предшествующих кабинетов, — 142 мандатами. Следующие парламентские выборы (1939 года) не внесли существенных изменений в соотношение сил, и это правительство просуществовало до вступления страны в войну.

В своей программе оно заявило, что будет проводить «безусловную политику мира», намерено еще больше сближаться со Скандинавскими странами и стремиться

«к возможно более хорошим отношениям с Советским Союзом»⁹⁶. Однако последующие события показали, что существенных перемен в политике страны не произошло. Политический курс ее со сменой правительства и президента не претерпел изменений. Существенную роль в этом сыграла позиция правых социал-демократов, и прежде всего их лидера В. Таннера.

Единство действий коммунистов и социал-демократов могло превратить рабочий класс, все трудящиеся слои населения страны в мощную силу. Однако из-за позиции, занятой Таннером и другими правыми социал-демократическими лидерами, создать единый народный фронт не удалось. Ослепленные антикоммунизмом, они были уже не способны реально оценить фашистскую опасность.

В 1935 году Таннер обратился к рабочим с призывом примириться с буржуазией во имя «единства нации», забыть классовые противоречия, простить Маннергейму подавление революции в 1918 году и оказывать ему всемерную поддержку⁹⁷. При этом было заявлено, что «сотрудничество с буржуазией стало бы гарантией дальнейшего мирного развития, в котором нуждается народ»⁹⁸.

Включение СДПФ в правительство преследовало цель, с одной стороны, изменить отрицательное отношение социал-демократов к военным приготовлениям и, с другой, приглушить классовые противоречия, обеспечить со стороны рабочих поддержку официальной политики правительства.

Хотя В. Таннер занимал лишь пост министра финансов, многие считали его «сильнейшей фигурой в правительстве»⁹⁹. Он выполнил возлагавшиеся на него буржуазией надежды: привлечь СДПФ к поддержке военных приготовлений и очистить ее от левых элементов. В 1937 году по его требованию левая оппозиция в СДПФ была разгромлена, а «Академическое социалистическое общество» и ряд видных деятелей исключены из партии. В. Таннер выступил против запрещения фашистской партии, а в 1939 году добился принятия съездом СДПФ решения о вступлении рабочих в шюцкоровскую организацию¹⁰⁰. В ответ на произнесенные тогда слова В. Таннера о том, что учение о классовой борьбе «по-прежнему находится в кармане социал-демократов», министр внутренних дел У. Кекконен иронически заметил, что «при обследовании карманов Таннера они оказались пустыми»¹⁰¹.

Солидаризация с буржуазией большинства руководства СДПФ во главе с Таннером облегчила реакционным кругам Финляндии проведение подготовки к войне. Финская крайне правая печать с удовлетворением отмечала: «После того, как социал-демократия открыто отмежевалась от своей линии классовой борьбы, предлагая установить полное доверие, а также сотрудничество между предпринимателями и рабочими, и проводит ясную национальную политику, у нас нет больше к ней особых претензий»¹⁰².

Руководство левым рабочим движением было постепенно обезглавлено. Осень 1938 года ознаменовалась новыми массовыми репрессиями. Бросались в тюрьмы все подозреваемые и даже малоизвестные функционеры левого рабочего движения. Велись усиленные розыски коммунистов. Часть из них была арестована, другие ушли в глубокое подполье. Партийные связи КПФ были нарушены, отдельные партийные организации прекратили свое существование. Это привело к серьезному ослаблению Компартии, хотя ее деятельность и в дальнейшем не прекращалась.

Тесное политическое сотрудничество между Германией и Финляндией сохранялось и в 1938—1939 годах¹⁰³, хотя, учитывая настроение народа, в ряде случаев оно стало проводиться в более замаскированной форме. В финляндско-германских отношениях в этот период были кратковременные эпизоды кажущегося «охлаждения», но они носили преходящий характер и ни в малейшей степени не затрагивали взаимосвязей в военной области.

РОКОВОЙ ПУТЬ

Советский Союз подает руку

В условиях нараставшей угрозы второй мировой войны Советский Союз, учитывая, что политический курс Финляндии находится в явном противоречии с провозглашенным ею нейтралитетом, а внутривнутриполитическое положение свидетельствовало о воинственных тенденциях в политических и военных кругах, имел полное основание опасаться за безопасность своих северо-западных границ. Любая из империалистических группировок могла использовать финскую территорию как плацдарм для развертывания агрессии против СССР, и Финляндия в таком случае легко оказалась бы в состоянии войны. Аналогичный опыт этого уже имелся в прошлом, когда территория и порты Финляндии использовались Германией и странами Антанты в период интервенции против Советской России.

В течение ряда лет советское руководство надеялось, что достигнуть улучшения стратегического положения СССР в районе советско-финляндской границы, и прежде всего на наиболее уязвимом ленинградском направлении, можно будет путем принятия ряда мер внутреннего характера, которые обеспечат решение и оборонных задач. В этом плане осуществлялись строительство Беломорско-Балтийского канала, модернизация Кировской железной дороги, развитие Кольского полуострова и Мурманского района в экономическом и демографическом отношении. Но в условиях все более проявлявшейся германской экспансии этого становилось недостаточно. Особенно важно было обезопасить морские и сухопутные подступы к Ленинграду, поскольку граница здесь с Финляндией проходила в 32 километрах от города.

Маршал Советского Союза А. М. Василевский в своих воспоминаниях отмечал, что «на советском северо-западе не был осуществлен ряд мер стратегического характера: строительство достаточного количества ук-

реплений, аэродромов, создание сети шоссейных дорог и т. д. Но для таких мер, требующих огромных капиталовложений, наше государство не располагало возможностями. При всем том внимании, которое уделял Центральный Комитет партии безопасности северо-запада, Ленинграда, главной задачей все же оставалось укрепление обороны западного и юго-западного направлений»¹.

С учетом этого Советское правительство предприняло серию шагов для достижения договоренности с правительством Финляндии относительно мер, которые укрепили бы безопасность как северо-западных границ СССР, так и самой Финляндии. Если охарактеризовать политику Советского Союза в отношении Финляндии во второй половине 30-х годов, то, возможно, для этого подойдет определение «терпеливость». Ю. К. Паасикиви позднее не раз говорил посланнику СССР в Хельсинки П. Д. Орлову: «Конечно, на вашем месте я не потерпел бы такого соседа, который доставляет одни неприятности и беспокойство»².

Советский Союз был заинтересован в сохранении у своих границ независимой Финляндии, способной проводить самостоятельную политику. Историк К. Корхонен пишет: «Советский Союз не оспаривал нейтралитета Финляндии, но и не верил в его эффективность в случае конфликта между крупными державами. Поэтому ему требовалось либо добиться гарантии финляндского нейтралитета с помощью договора о взаимопомощи, либо получить право контроля за такими районами Финляндии, которые в условиях негарантированности ее нейтралитета поставили бы Советский Союз в рискованное положение в военном отношении»³.

Вместе с тем приходилось принимать во внимание, что Финляндия могла стать не только плацдармом для агрессии против Советского Союза, но и активным союзником агрессора, поскольку она имела собственные притязания на советские территории. Об этом неоднократно в официальном порядке делались заявления со стороны СССР. Народный комиссар иностранных дел М. Литвинов отмечал в беседе с посланником Финляндии в Москве А. Юрье-Коскиненем 27 февраля 1935 года, что «ни в одной соседней стране не ведется такая открытая пропаганда за нападение на СССР и отторжение его территорий, как в Финляндии»⁴. В другом случае на сессии ВЦИК в 1936 году констатировалось, что интервенционистские планы «не чужды некоторым

элементам» в Финляндии, «все более ориентирующейся на наиболее агрессивные империалистические государства»⁵.

Правительство СССР не могло смотреть безучастно на сближение Финляндии с фашистской Германией. Оно предупреждало финляндское правительство, что путь антисоветской политики, опирающейся на Германию, может в конечном счете привести к национальному самоубийству⁶. «Правда» писала: «Народы Советского Союза желают жить в ничем не омраченной дружбе с финляндским народом, но для этого необходимо, чтобы в Финляндии был положен конец беспримечной пропаганде злобы и ненависти к СССР и чтобы Финляндия вела действительно свободную политику, а не политику по указке из Берлина»⁷.

Со стороны Советского правительства неоднократно высказывалось руководству Финляндии мнение о настоятельной необходимости улучшения советско-финляндских отношений. Большие надежды в этой связи возлагались на встречу с министром иностранных дел Финляндии Р. Холсти в Москве в феврале 1937 года. Это должен был быть первый официальный визит в Советский Союз члена правительства Финляндии за всю историю советско-финляндских отношений, и предстояло впервые установить личный контакт между государственными деятелями обеих стран. Открывалась, таким образом, возможность обсудить проблемы, касавшиеся сотрудничества соседних государств на ответственном политическом уровне.

Поездка Р. Холсти могла бы стать важным этапом в улучшении советско-финляндских отношений и привести к позитивному сдвигу в них. В редакционной статье «Правды», посвященной визиту, отмечалось: «Добрососедская жизнь двух стран есть необходимая предпосылка их мирного сосуществования и развития. СССР неизменно этого желает. Он считает жизненно необходимым для обеих стран, чтобы во имя достижения этой цели было устранено все то, что мешало до сих пор налаживанию вполне нормальных и дружественных отношений между СССР и Финляндией. Сюда, в первую очередь, относится отказ от поддержки притязаний и помыслов враждебных СССР и Финляндии третьих сил и элементов, заинтересованных в подрыве добрососедских отношений между обеими странами»⁸.

Многие органы западной печати приветствовали визит, рассматривая его именно как шаг к нормализации

финляндско-советских отношений. Прогерманская ориентация и антисоветизм внешней политики Финляндии, профашистские выступления в стране неоднократно критиковались в печати Англии, Франции и других стран. Не случайно к середине 1930-х годов за рубежом сложилось представление, что Финляндия наполовину является союзником Германии⁹.

В финских официальных кругах считали, что поездка Р. Холсти в Москву должна показать всему миру стремление Финляндии на деле улучшить отношения с Советским Союзом и способствовать созданию благоприятных условий для сотрудничества со Скандинавскими странами. Учитывался и другой важный фактор — предстоящие президентские выборы, в ходе которых рассчитывали успокоить значительную часть общественности, озабоченную ростом антисоветских тенденций во внешней политике страны и активностью правых внутри Финляндии. Характерно, что в это время в стране усиливались требования о нормализации отношений с СССР.

Р. Холсти, высказывавшемуся в своих официальных выступлениях за финляндско-советское добрососедство, был оказан в Москве теплый прием. В своих отчетах о поездке и в мемуарах он отмечал, что с советской стороны было проявлено искреннее желание нормализовать отношения с Финляндией. М. М. Литвинов заявил, что «если Советский Союз в ближайшем будущем убедится, что Финляндия действительно намерена в своей внешней политике придерживаться принципов, выдвинутых министром Холсти, то можно будет начать переговоры о всех нерешенных вопросах, существующих между нашими странами»¹⁰.

Вопреки прогнозам противников советско-финляндского добрососедства в ходе визита не было поднято ни одного вопроса, который мог бы быть расценен как стремление втянуть Финляндию в сферу политического и военного влияния СССР. Советское правительство, отмечалось с финляндской стороны в связи с отчетом Р. Холсти о его поездке, «было готово удовлетвориться минимумом гарантий того, что Финляндия будет соблюдать существующие соглашения с СССР в случае возникновения возможных кризисных ситуаций»¹¹.

Принимавший участие в беседах К. Е. Ворошилов подчеркнул, что СССР не опасается Финляндии, но он должен «иметь уверенность в том, что вооруженные силы никакой державы не будут действовать с территории Финляндии против Советского Союза»¹². И далее

Р. Холсти был задан вопрос: «Как поступит Финляндия в случае, если третье государство, не спросив у нее на то разрешения, использует территорию Финляндии против Советского Союза?»¹³. На это финский министр смог высказать лишь свое личное мнение. Он ответил, что Финляндия не разрешит какой-либо третьей стране напасть через ее территорию на СССР. Как выяснилось позднее, Р. Холсти не был наделен необходимыми полномочиями. Ему было поручено обсуждать вопросы, касавшиеся главным образом Советской Карелии и Ингерманландии, а также пограничных инцидентов.

Скудость результатов поездки Р. Холсти показала не только отсутствие желания государственного руководства Финляндии нормализовать отношения с СССР, но и его бессилие. Подтвердилось, что у финского правительства не было стремления сделать что-либо существенное для улучшения отношений с Советским Союзом. Оно, как и прежде, находилось под воздействием влиятельных в стране правых сил, ориентировавшихся на Германию¹⁴. В. Войонмаа, замещавший некоторое время Р. Холсти, признавал, что правительство не могло получить поддержки в вопросах улучшения отношений с Советским Союзом из-за противодействия сил, которые занимали важные позиции в стране¹⁵.

Впоследствии стало известно, что сведения относительно предстоящего визита министра иностранных дел в Москву были сразу же переданы германскому посланнику в Хельсинки В. Блюхеру, причем сделал это начальник внешнеполитического отдела генштаба полковник А. Свенссон¹⁶. П. Свинхувуд же во время пребывания Холсти в Москве заверил Блюхера, что эта поездка является чистой «формальностью» и «ничто не может изменить внешнеполитическую ориентацию Финляндии»¹⁷. На этой основе у посланника сложилась уверенность, что «нормальные отношения Финляндии с Советским Союзом невозможны, как бы в это ни верили Холсти и ему подобные»¹⁸.

Тем не менее в Германии были раздражены поездкой Р. Холсти в Москву. Позднее Г. Геринг заявил посланнику Финляндии в Германии А. Вуоримаа, что эта поездка произвела на германское руководство крайне плохое впечатление¹⁹. Представители же германского МИД заявили, что до тех пор, пока Р. Холсти находится на посту министра иностранных дел, это не будет способствовать хорошим отношениям между Германией и Финляндией²⁰.

В Хельсинки уступили давлению Германии, и в следующем году Р. Холсти был смещен. Новым министром иностранных дел стал Э. Эркко, поддерживавший доверительные отношения с В. Блюхером. Эта замена вызвала положительную реакцию в Берлине. Там хорошо знали о его неприязненном отношении к Советскому Союзу и весьма «деловом подходе» к Германии²¹.

Показательно, что в этот период газета «Хельсингин Саномат», владельцем которой был Э. Эркко, стала активно пропагандировать тезис о слабости Советского Союза и давала понять, каким перспективным становится осуществление военно-политических планов Финляндии²². Проводилась, в частности, мысль о том, что репрессии против командного состава Красной Армии «привели к ослаблению военного потенциала СССР на длительное время» и «это обстоятельство можно использовать для военно-политической активности»²³.

Заметно изменился тон и ряда других газет крайне правого направления. «Ууси Суоми» позволяла себе угрозы в адрес СССР, а печать профашистской партии Патриотическое народное движение открыто подстрекала к насильственному отторжению приграничных советских территорий²⁴. Допускались и такого рода высказывания, что «если германская армия будет стремиться высадиться на побережье Финляндии, то финляндские войска, охраняющие его, не будут этому препятствовать»²⁵.

Продолжались ограничения демократических прав граждан, преследования и насильственное подавление сторонников улучшения финляндско-советских отношений. «В этих условиях военное положение становилось единственной «формой правления», которая могла обеспечить диктатуру правых», — писал позднее видный финляндский политический деятель И. Хело²⁶.

Советское правительство было вынуждено констатировать в итоге визита Р. Холсти отсутствие интереса со стороны финского руководства к установлению отношений доверия с СССР. Возникли основания для сомнений относительно намерений Хельсинки в осложнявшейся обстановке в Европе. Такой вывод подтверждался также тем, что в последующем со стороны Финляндии неизменно проявлялось стремление избежать какого-либо соглашения с Советским Союзом о взаимодействии в вопросах безопасности обеих стран.

Между тем международная обстановка еще более обострилась, когда весной 1938 года гитлеровская Гер-

мания расправилась с Австрией. «Захват Австрии,— писал 14 марта 1938 года Народный комиссариат иностранных дел СССР в ЦК ВКП(б),— представляется величайшим событием после мировой войны, чреватым величайшими опасностями и не в последнюю очередь для нашего Союза»²⁷. В заявлении представителя печати 17 марта 1938 года М. М. Литвинов подчеркнул, что уже теперь возникает угроза Чехословакии, а «затем опасность, в силу заразительности агрессии, грозит разрастись в новые международные конфликты...»²⁸.

В связи с этим Советское правительство считало необходимым незамедлительно предпринять как коллективные действия государств, чтобы предотвратить дальнейшее развитие агрессии и устранить усилившуюся опасность новой мировой войны, так и меры по обеспечению своей безопасности вблизи государственных границ.

В апреле 1938 года (то есть в следующем месяце после аншлюса Австрии) правительству Финляндии было сделано предложение приступить к переговорам для заключения договора о взаимопомощи, по которому СССР оказал бы Финляндии помощь в любом случае нападения на нее, а Финляндия — Советскому Союзу в том случае, если нападение на него будет осуществлено с использованием территории Финляндии.

Советское правительство не выдвигало требований о размещении Советских Вооруженных Сил или создании военных баз в Финляндии и хотело лишь иметь гарантии, что она не допустит использования своей территории для нападения на Советский Союз, будет готова отразить возможное нападение агрессора, а в случае необходимости сделает это и с помощью Советского Союза. Было предложено договориться о том, на какой основе советские войска в данном случае могли бы действовать на финляндской территории. При этом подчеркивалось, что, как только военные действия будут закончены, советские войска немедленно покинут территорию Финляндии²⁹.

Известно, что финские историки предпринимают усилия, чтобы детально разобраться в сложившейся обстановке. К. Корхонен, подробно изучавший ход и содержание состоявшихся переговоров, пришел к выводу, что «Советское правительство не стремилось добиться заключения обычного военного союза, а имело в виду договоренность о помощи» лишь в определенной ситуации — на случай агрессии Германии через территорию Финляндии против Финляндии или Советского Союза.

Как он отмечал, «важнейшей целью Советского Союза было помешать Германии установить контроль над весьма важными морскими стратегическими районами, которые принадлежали Финляндии или которые можно было контролировать через Финляндию»³⁰. Другой финский историк М. Якобсон отмечал, что шаг советской стороны следует рассматривать «отнюдь не как угрозу, а как предложение помощи»³¹. Весьма характерно, что также и У. Кекконен в своем анализе советско-финляндских переговоров того периода считал необходимым особо подчеркнуть, что в условиях усиления напряженности в Европе Советский Союз имел «вескую причину предложить договор»³².

Руководители правительства Финляндии, как стало известно позднее, хотели использовать переговоры не с целью обсуждения совместных проблем, а в расчете повлиять на позицию Советского Союза в вопросе о демилитаризации Аландских островов³³. Улучшения финляндско-советских отношений они по-прежнему не хотели и не проявили интереса к достижению соглашения.

Под влиянием правых кругов финское правительство отказалось от заключения договора, ссылаясь на то, что это «означало бы нарушение права самоопределения Финляндии»³⁴ и являлось бы отходом от нейтралитета. А он, как заявлялось, был «гарантией того, что не существовало угрозы Ленинграду со стороны Финского залива»³⁵. Наряду с этим утверждалось, что Финляндия не допустит создания германских военных баз на своей территории.

Как же Финляндия была намерена отстаивать свою независимость и нейтралитет в случае войны? Что являлось гарантией сопротивления с ее стороны прямой и косвенной германской агрессии? Могла ли Финляндия стать преградой при нанесении Германией удара по СССР через финскую территорию? На все эти вопросы ответа не было дано.

Что же касалось выдвинутой Советским правительством общей программы организации коллективной безопасности, то западные державы не пошли на ее рассмотрение. Правительства Англии и Франции, как известно, предпочли этому политику сговора с Германией, чтобы направить гитлеровскую агрессию на Восток. Заключенное ими в сентябре 1938 года Мюнхенское соглашение с Гитлером и Муссолини санкционировало поглощение Чехословакии Германией. В результате произошло изменение соотношения сил на Европейском континенте

в пользу фашистских держав, что открыло дорогу войне.

Чувствовалось, что финляндские руководители* истолковывали благоприятными для себя перемены в Европе — аншлюс Австрии и оккупацию Чехословакии, — видя в этом свидетельство мощи Германии, и рассчитывали, что положение Советского Союза будет ухудшаться³⁶. Осенью 1938 года для позиций правых кругов Финляндии стали характерными требования «перейти в восточной политике к более жесткой хватке».

В финляндской историографии можно встретить тезис о том, будто бы сталинские репрессии препятствовали установлению сотрудничества Финляндии с Советским Союзом. Действительно, эти события способствовали усилению в Финляндии пропаганды «образа врага», наносили ущерб авторитету Советского Союза как миролюбивого и демократического государства. Вместе с тем, по словам американского историка Дж. Хэслема, репрессии «послужили удобными алиби для тех деятелей в западных правительствах, которые из-за идеологической враждебности, навеянной русской революцией, не имели намерений связывать себя союзом с Россией»³⁷. Английский посланник в Финляндии Т. Сноу докладывал в Лондон, что в правящих кругах Финляндии испытывалось удовлетворение по поводу Мюнхенского соглашения. Оно расценивалось как «подтверждение того, что западные демократии наконец-то прервали свои вводящие в заблуждение отношения с Россией»³⁸.

Учитывая негативную реакцию финского руководства на заключение договора о взаимопомощи, Советское правительство не стало настаивать на этом. В августе 1938 года оно предложило Финляндии ограничиться письменным заявлением о ее готовности сопротивляться германской агрессии и принять при необходимости помощь от Советского Союза оружием, а для прикрытия себя с моря — поддержку Балтийского флота (о вводе советских войск на финляндскую территорию вопрос не ставился)³⁹. Но финское правительство вновь уклонилось от практического обсуждения советского предложения, сославшись на то, что принятие его означало бы «нарушение суверенитета и северного нейтралитета Финлян-

* Речь идет прежде всего о А. Кааяндере, Э. Эркко и В. Таннере. Парламент Финляндии о предложениях Советского Союза информирован не был, однако правительствам Англии и Швеции о них сообщили. К. Г. Маннергейм настаивал также на том, чтобы информировать и правительство Германии.

дии». Правительству СССР сообщалось, что с финской стороны может быть дано лишь устное заверение о неиспользовании территории страны для агрессии против Советского Союза⁴⁰.

Рассматривая ход этих переговоров, финский историк Юхани Суоми приходит к выводу, что Советский Союз в ходе их «действительно очень хотел обезопасить свой фланг со стороны Финляндии». Она же «отвергла почти все предложения», проявляя при этом «отсутствие гибкости и нежелание достичь соглашения»⁴¹.

В марте 1939 года по инициативе Советского правительства возобновились переговоры с Финляндией. Советской стороной перед Хельсинки был поставлен вопрос о возможности передачи в аренду СССР нескольких островов в Финском заливе — Суурсаари (Гогланд), Лавансаари (Мощный), Сейскари (Лесной), Большой и Малый Тютерсаари (Тютерс) в целях использования их для обеспечения безопасности морских коммуникаций на подступах к Ленинграду. Поскольку Финляндия не согласилась на это, то Советское правительство было взаимно островами уступить ей часть территории Советской Карелии⁴², имея в виду, как сказал М. М. Литвинов, что «Финляндия всегда интересовалась лесом, который имеется в изобилии в Карелии»⁴³.

В процессе переговоров, которые велись в Хельсинки и в Москве, с финской стороны не было проявлено желания вникнуть в существо советских предложений, и в апреле обсуждение их прервалось*. Характерно, что парламент Финляндии не ставился в известность о ходе переговоров (под предлогом соблюдения конфиденциальности), однако правительствам Германии и США направлялась подробная информация⁴⁴.

Тем временем в условиях нарастания угрозы войны в мире происходили определенные сдвиги. Под давлением общественного мнения правительства Англии и Франции были вынуждены пойти на контакты с СССР. Стремясь к сплочению сил неагрессивных стран, прежде всего великих держав, Советское правительство 17 апреля 1939 года предложило Англии и Франции заключить трехсторонний договор о взаимной помощи в случае агрессии в Европе против любого из этих государств, а также принять обязательство оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями

* К. Г. Маннергейм допускал возможность передачи островов, которые по Тартускому мирному договору были демилитаризованы.

и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих стран. То был последний шанс для сохранения мира в Европе.

С советской стороны особое внимание обращалось на необходимость иметь гарантии для Финляндии, Эстонии и Латвии, поскольку СССР учитывал «возможную косвенную угрозу с их стороны безопасности Советского Союза», если Германия попытается использовать Прибалтийские страны в своих агрессивных целях. Предлагавшееся Советским Союзом определение косвенной агрессии исключало бы в любой форме такой замысел использования этих государств для нападения на СССР ⁴⁵.

Однако из государств, граничащих с СССР, англо-французские предложения распространяли гарантии лишь на Польшу и Румынию. Финляндия и Прибалтийские страны оставались незащищенными, чем как бы подсказывалось фашистской Германии направление агрессии. Китайский дипломат, посетивший в это время Англию, сообщал, что он получил в авторитетных лондонских кругах сведения о том, что «оставляя Прибалтийские государства вне гарантий, Германии указывают путь к границам Советского Союза. Если определенные границы оставляют негарантированными, то из этого ясно, что на них можно нападать... Чемберлен желает, чтобы Германия все же в конце концов оказалась в состоянии конфликта с Советским Союзом, что является давнишним планом Чемберлена». Позднее Англия и Франция выступили против распространения гарантий на Финляндию в случае косвенной агрессии против нее ⁴⁶.

Среди других предлогов для саботажа переговоров с СССР и отказа от политики коллективной безопасности английское и французское правительства использовали и мнение самой Финляндии ⁴⁷.

Эта страна и раньше выражала чуть ли не наиболее отрицательную позицию из всех западных соседей СССР к призывам создать коллективный фронт защиты мира в Европе. В мае же 1939 года правительство Финляндии, поддержанное К. Г. Маннергеймом и правыми кругами, заявило, что считает себя полностью свободным от выполнения Устава Лиги Наций о санкциях, налагаемых на агрессора ⁴⁸. Объективно это было не только серьезной уступкой гитлеровской Германии, но и отвечало интересам Англии и Франции ⁴⁹. 6 июля Финляндия уведомила Англию о том, что она отказывается от

гарантий великих держав против германской агрессии. Позицию Э. Эркко, резко выступившего в парламенте против таких гарантий, поддержал и К. Г. Маннергейм⁵⁰.

20 июля финское правительство официально сообщило, что Финляндия отказывается от всякого сотрудничества с СССР в случае вооруженных действий, которые могут быть предприняты со стороны Германии, и будет рассматривать любую помощь как агрессию. Одновременно довольно явно обозначилось стремление содействовать созданию единого фронта империалистических держав против СССР и уговорить Берлин уладить отношения с Англией и Францией, чтобы в Лондоне шли на сотрудничество с гитлеровской Германией⁵¹. К тому же вместе с Прибалтийскими государствами Финляндия подыгрывала сторонникам политики умиротворения своей отрицательной позицией в отношении гарантий безопасности.

Таким образом, руководство Финляндии, избравшее линию уступок агрессору, несет определенную ответственность за развязывание второй мировой войны. Отказ финского правительства от коллективной безопасности был направлен и против жизненных интересов своего народа, так как лишал его помощи других стран Европы в случае гитлеровской агрессии. Ведь сама Финляндия не имела возможности противостоять агрессии, да и не намерена была оказывать ей сопротивление. Премьер-министр А. Каяндер в одной из бесед с советскими представителями не исключал возможности, что в случае войны, если агрессия придет с Запада, Финляндия не будет защищаться.

Гитлеровская агрессия между тем продолжала шириться. После мюнхенского сговора Гитлер ясно увидел, что западные державы не намерены всерьез противодействовать его замыслам и защищать независимость малых государств. Весной и летом 1939 года район Балтийского моря стал одним из узловых пунктов военно-политического кризиса, охватившего Европу. Усилившееся давление Германии на Литву и захват Клайпедской области показывали, что гитлеровская агрессия в Прибалтике — дело ближайшего будущего. Финляндия могла легко стать ее очередной жертвой, а территория страны использовалась бы для развертывания военных действий против Советского Союза. Договор о ненападении, заключенный между Финляндией и СССР в 1932 году, по мнению К. Стольберга, с юридической точки

зрения не мог быть препятствием для создания военного плацдарма иностранным государством на территории Финляндии⁵².

Видный финский военный эксперт подполковник Ю. Фабрициус в 1939 году признавал, что «с военно-теоретической точки зрения Финляндия представляет для России как прямую угрозу, так и препятствие для активных военных операций в случае втягивания России в вооруженный конфликт в Европе»⁵³.

Это понимали не только военные специалисты. «Именно в войне между Германией и Советским Союзом,— отмечал весной 1939 года исполком СДПФ,— побережье и шхеры Финляндии представляют для ведущих военные действия большую важность в качестве пунктов базирования. Финляндская территория поэтому может быть использована Германией в ее планах нападения на Ленинград и Мурманскую железную дорогу... Северная Финляндия и особенно Петсамо также могут стать важной военной целью в случае возможного военного конфликта»⁵⁴.

✓ На состоявшемся в этот период съезде Социал-демократической партии Финляндии отмечались активизация действий нацистских элементов, усиление профашистских настроений в армии и возрастание влияния тех кругов, которые ждали удобной ситуации для развязывания военных действий против СССР. Не исключено, что некоторые политические и военные деятели Финляндии готовы были пойти тогда на заключение военного союза с Германией, действуя за спиной парламента, как это произошло затем в 1940—1941 годах.

Активизация милитаристски настроенных правых сил в Финляндии неизменно происходила под знаком необходимости «единения народа» в виду «угрозы с Востока». А между тем сами руководящие военно-политические круги Финляндии в это время не верили в существование реальной опасности войны со стороны СССР⁵⁵. Об этом свидетельствовали, в частности, и оценочные документы генштаба финской армии⁵⁶.

Таким образом, совершенно искусственно, без каких-либо оснований в стране создавалось представление о необходимости мобилизации сил для отражения «ожидаемых действий» против Финляндии со стороны Советского Союза. И в то же время демонстративно подчеркивалось, что к Германии питается абсолютное доверие. В конце апреля 1939 года было официально заявлено, что в Финляндии «не чувствуют для себя угрозы со

стороны Германии», поскольку с ней существуют «дружественные отношения»⁵⁷.

Что же практически делалось в Финляндии в рассматриваемый период в области дальнейшей милитаризации страны? Какова была в этом роль империалистических держав Запада, и прежде всего Германии?

С начала 1939 года правительство Финляндии приступило к осуществлению ряда мер, обеспечивающих перевод всей жизни страны на путь непосредственной подготовки к условиям войны. Было завершено составление плана военно-экономической мобилизации, а также приняты законы об усилении оборонительной готовности на случай войны и о введении в ходе ее всеобщей трудовой повинности.

Военным приготовлениям Финляндии придавалось важное значение в Германии. Об этом свидетельствовало пристальное внимание со стороны высокопоставленного руководства гитлеровского вермахта к состоянию финской армии и оборудованию территории страны в военном отношении.

Показательно, что за три месяца до начала второй мировой войны в Финляндию прибыл с визитом начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Ф. Гальдер. Пышный прием оказывался ему. Премьер-министр А. Каяндер вручил генералу высшую награду государства — Большой крест ордена Белой Розы. В речи на приеме в честь Гальдера Э. Эркко высоко оценил ту «исключительную благосклонность, которую вооруженные силы Германии проявляют к Финляндии»⁵⁸. В своем ответе Гальдер подчеркнул, что Финляндия идет «по правильному пути» и, имея мощную оборону, может «так же как и Германия уверенно смотреть в будущее»⁵⁹. Он ознакомился с состоянием финляндской армии, совершил инспекционную поездку на Карельский перешеек и в Лапландию — районы основных оперативно-стратегических направлений для действий против СССР.

Контакты Финляндии с Германией по военной линии стали приобретать активный характер в различных направлениях. Отрабатывалось взаимодействие финской и немецкой военных разведок. С этой целью летом 1939 года в Финляндии находилась группа руководителей германского абвера во главе с адмиралом Ф. В. Канарисом. Осенью того же года была достигнута договоренность о предоставлении Германии для причаливания

ее подводных лодок ряда островов в районе Хельсинки. В сооружении укреплений на Карельском перешейке участвовали немецкие военные специалисты.

Оборудование Карельского перешейка в военном отношении шло полным ходом. В целях мобилизации для этого рабочей силы прибегали к широкой антисоветской пропаганде⁶⁰. Тысячи националистически настроенных добровольцев участвовали в строительстве различных военных объектов⁶¹. (Заметим: советская сторона почти не располагала сведениями о характере и предназначении создававшихся сооружений.) В этот район в июне 1939 года приезжал главнокомандующий английской армии генерал У. Кирк и осматривал результаты произведенных работ. В беседах, состоявшихся с финским руководством, он одобрительно отнесся к занятой им позиции отказа от сотрудничества с Советским Союзом, направленного против гитлеровской агрессии.

В августе на Карельском перешейке проходили крупнейшие в истории Финляндии военные маневры с участием 20 тыс. человек. Они носили характер непосредственной подготовки к войне и состоялись одновременно с маневрами немецкой и итальянской армий. Премьер-министр А. Каяндер охарактеризовал это как «национальную проверку сил». На них пригласили аккредитованных в Финляндии военных атташе (кроме советского), а также министра обороны Швеции, с которым обсуждался вопрос относительно позиции Швеции «в возможной войне Финляндии с СССР»⁶².

Неудивительно, что в Советском Союзе не могли не обратить внимания на столь ярко выраженную милитаристскую демонстрацию вблизи границы с СССР. «Советское правительство имеет основание сомневаться в отношении политики нейтралитета Финляндии, ибо антисоветские выступления приняли открытую агрессивную форму», — писала тогда газета «Суомен социалидемократти»⁶³.

С учетом происходивших в Финляндии событий В. М. Молотов в августе 1939 года в беседе в Москве с известным финским буржуазным политическим деятелем Г. Идманом заявил, что «Советский Союз не будет сложа руки ожидать подхода немцев к воротам Ленинграда со стороны Финляндии... Земли у Советского Союза предостаточно и он не нуждается в Финляндии, однако поведение финнов показывает, что в Финляндии пытаются любыми путями обострить отношения с Россией»⁶⁴.

Поскольку переговоры с Англией и Францией результатов не давали, вопрос о безопасности северо-западной границы СССР становился еще более актуальным. В июне 1939 года И. В. Сталин заключил, что «Финляндия может легко стать плацдармом антисоветских действий для каждой из двух главных буржуазно-империалистических группировок — немецкой и англо-французско-американской»⁶⁵.

При рассмотрении с его участием на Главном военном совете вопроса, связанного с прикрытием государственной границы, а также ведения боевых действий в случае военного конфликта с Финляндией, было решено в конечном счете поручить разработку оперативного плана командующему войсками Ленинградского военного округа К. А. Мерецкову⁶⁶.

Предпринятое затем детальное изучение обстановки на советско-финляндской границе позволило К. А. Мерецкову сделать весьма пессимистическое заключение. Он пришел к выводу, что государственный рубеж охраняется исключительно слабо, и больше того, «гарантия безопасности СССР на нашем северо-западе отсутствует»⁶⁷.

Разработанный в последующее время командованием и штабом Ленинградского военного округа оперативный план на случай ведения боевых действий с Финляндией был утвержден на Главном военном совете. Он предусматривал короткий срок проведения контрудара и существенно отличался от позиции Генерального штаба, которая не была поддержана И. В. Сталиным. Отвергнутый так называемый «план Шапошникова» предусматривал, что возможные военные действия с Финляндией будут носить продолжительный по времени характер. Эта точка зрения основывалась на реальной оценке состояния финской армии и наличия вблизи советско-финляндской границы укрепленных рубежей. Начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников высказывал мнение, что в случае военного конфликта с Финляндией и причастности к нему как-либо империалистических держав боевые действия будут напряженными и продлятся несколько месяцев⁶⁸.

Угроза войны тем временем приближалась к границам Советского Союза. Гитлер вел уже непосредственную подготовку к нападению на Польшу. С вступлением немецких войск в Клайпеду появлялась опасность дальнейшего их продвижения в глубь территории Прибалтики. А это создавало угрозу выхода германской армии к

жизненно важным центрам СССР, в том числе и к Ленинграду.

В сложившихся условиях, убедившись в отсутствии возможности обеспечить безопасность своего государства и мир в сотрудничестве с западными державами, Советский Союз был вынужден использовать другие средства и пути стабилизации положения на своих западных границах. 23 августа 1939 года между СССР и Германией был подписан Пакт о ненападении. Обе стороны обязались воздерживаться от насилия и агрессии, не участвовать ни в каких группировках, направленных против другой стороны.

Фашистская Германия намеревалась соблюдать Пакт только до тех пор, пока не будут подчинены основные государства Западной Европы, а также завершена подготовка к нападению на СССР. «Мы можем выступить против России лишь в том случае, если освободимся на Западе»,— заявил Гитлер 23 ноября 1939 года⁶⁹.

Пакт не избавлял Советское государство от угрозы фашистской агрессии. Иллюзий по поводу истинной сущности политики Гитлера у Советского руководства не было⁷⁰. Однако Пакт давал возможность отдалить агрессию и, как отмечал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, «выиграть время в интересах укрепления нашей обороны, препятствовал созданию единого анти-советского фронта» империалистических держав⁷¹.

Точную характеристику попыткам осудить этот шаг Советского правительства дал М. С. Горбачев: «Говорят, что решение, которое принял Советский Союз, заключив с Германией пакт о ненападении, не было лучшим. Возможно, и так, если руководствоваться не жесткой реальностью, а умозрительными абстракциями, вырванными из контекста времени. И в этих условиях вопрос стоял примерно так же, как во время Брестского мира: быть или не быть нашей стране независимой, быть или не быть социализму на Земле»⁷².

Идя на подписание Пакта, Германия была вынуждена считаться с интересами безопасности Советского Союза и отказаться от планов установления своего господства над Прибалтийскими государствами, подтвердить их суверенитет. Договор означал также переход Финляндии из-под опеки Германии в сферу влияния Советского Союза.

В руководстве Финляндии Пакт был воспринят вначале как катастрофа⁷³, ибо «отклонение всех предложе-

ний Советского Союза и полностью отрицательное отношение к разрабатываемым СССР и западными державами планам гарантии строились в основе на помощи Германии, которую считали безоговорочной»⁷⁴. Однако с германской стороны успокаивали финнов, заявляя, что Пакт не означает соглашения о союзе, а представляет лишь договор о ненападении, который Германия должна была подписать по тактическим соображениям. Их убеждали, что «в тяжелую минуту» Германия будет на стороне Финляндии⁷⁵. В результате финское руководство, поощряемое заверениями, исходившими из Берлина⁷⁶, продолжало проводить жесткую политику в отношении СССР, считая, что германская поддержка будет в конце концов оказана⁷⁷.

Новое предложение отвергается

1 сентября фашистская Германия напала на Польшу. Через день Англия и Франция объявили войну Германии. В связи с нападением Германии на Польшу Финляндия 3 сентября сделала заявление о нейтралитете, а на следующий день подтвердила, что оно в равной степени относится к Англии и Франции. Нейтралитет Финляндии вскоре был провозглашен по отношению ко всем воюющим государствам и подтвержден в совместной декларации совещания министров иностранных дел северных стран в Копенгагене 18—19 сентября.

Но нейтрального поведения у правительства Финляндии не получилось. Это было видно прежде всего в области внешнеэкономических связей. В Хельсинки согласились на все предложения Германии о продолжении во время войны взаимной торговли, обязывались при этом продавать Германии всю медную руду, молибден, часть никеля, кобальт и другое стратегическое сырье. Переговоры же о продолжении торговли с Англией и Францией, несмотря на их стремление к экономическому сотрудничеству с Финляндией, не состоялись. Очевидно, здесь учитывалось то обстоятельство, что в связи с войной на море плавание торговых судов между Англией и Финляндией становилось опасным.

Сразу же с первых дней второй мировой войны в правительственных кругах Финляндии убедились, что политика обеих противоборствующих группировок империалистических держав по-прежнему сохраняет антисоветскую направленность. Нужно ли было в таком случае менять свою позицию в отношении Советского Со-

юза? В архиве МИД Финляндии, бумагах Р. Рюти, В. Таннера и других государственных деятелей страны сохранились сведения о том, как продолжали поддерживаться тесные неофициальные связи с наиболее влиятельными германскими руководителями⁷⁸. Не ослабли контакты также с антисоветски настроенными кругами США, Англии и Франции.

25 сентября Гитлер подписал секретную директиву № 4 о дальнейших военных действиях в направлении Прибалтики, в частности о захвате Литвы⁷⁹. Было очевидно, что Прибалтийские государства не смогут оказать сопротивление Германии в случае нападения на них. Поэтому Советское правительство предложило правительствам Эстонии, Латвии и Литвы заключить договоры о взаимопомощи. Вскоре такие договоры были подписаны. У. Черчилль заметил, что после этого «советские вооруженные силы быстро поставили препятствие возможным устремлениям Германии как с пути, ведущего к Ленинграду с юга, так и с этой стороны Финского залива. Только путь через Финляндию оставался открытым»⁸⁰. Недостаточность советско-финляндского договора о ненападении 1932 года, как отмечал К. Корхонен, стала очевидной⁸¹.

Советское правительство не теряло надежды, что дипломатическим путем удастся добиться выработки мер по обеспечению взаимной безопасности с Финляндией. Но с ее стороны по-прежнему не чувствовалось желания вступать в обсуждение с правительством СССР этой острой проблемы.

5 октября правительству Финляндии было сделано предложение возобновить прерванные весной переговоры и обсудить вопросы взаимного обеспечения безопасности. С этой целью советское руководство было готово принять в Москве министра иностранных дел или кого-либо специально уполномоченного представителя Финляндии⁸².

Э. Эркко немедленно связался с посланником Германии В. Блюхером и выразил озабоченность, как бы действия Советского Союза не нанесли «ущерба Германии». В сообщении, переданном в Берлин, говорилось, что Эркко «в осторожной форме пытался выяснить, может ли Финляндия рассчитывать на получение поддержки от Германии в случае предъявления Россией чрезвычайных требований»⁸³. Правительство Германии сообщило в Хельсинки свою рекомендацию о допустимости лишь такого шага, как передача Советскому Союзу ост-

ровов в Финском заливе⁸⁴. Ни о чем другом, считали в Берлине, не могло идти и речи. Это подтвердил впоследствии И. Риббентроп на Нюрнбергском процессе⁸⁵.

7 октября правительство Финляндии уведомило о своем согласии продолжить переговоры. В Москву, однако, выезжал не министр иностранных дел, а Ю. К. Паасикиви, являвшийся тогда посланником в Швеции. В состав финляндской делегации входили также начальник отдела МИД Ю. Ньюкоп, полковник А. Паасонен и посланник в Москве А. С. Юрье-Коскинен.

В составленных Э. Эркко после консультаций с В. Блюхером и утвержденных 9 октября правительством инструкциях для финляндской делегации подчеркивалась невозможность заключения договора о взаимной помощи и поручалось занимать отрицательную позицию в отношении создания военных баз на территории Финляндии, а также переноса границы на Карельском перешейке, но допускалась возможность уступки островов Сейскари, Лавансаари и Тютерсаари⁸⁶. На следующий день Блюхер сообщил в Берлин, что если Советский Союз не ограничит свои предложения островами в Финском заливе, то Финляндия окажет ему вооруженное сопротивление⁸⁷.

После этого, 10 октября, правительство Финляндии поспешило дать задание своему посланнику в Лондоне Г. А. Грипенбергу, чтобы тот привлек внимание английского руководства к переговорам в Москве. Отношение с английской стороны, как почувствовал Грипенберг, выразилось весьма определенно: «Финляндия должна оказать противодействие»⁸⁸. Можно было заключить, считает финский профессор Ю. Невакиви, рассматривая позицию англичан, что нежелание финнов «принять советские требования» и «использовать силу соответствовало бы интересам Англии»⁸⁹.

Взятый правительством Финляндии курс перед началом переговоров полностью отвечал интересам империалистических держав Запада. «Инструкции, данные финской делегации... — сообщалось в госдепартамент США американским посланником в Хельсинки, — являются именно такими жесткими, как этого ожидали американский и английский посланники в Финляндии»⁹⁰.

Финское руководство взяло к тому же курс на всемерное затягивание отъезда делегации на переговоры. Это необходимо, заявил министр обороны Ю. Ниукканен, поскольку «важен каждый час в целях использования времени для переброски войск к границе»⁹¹.

Таким образом, еще до отъезда финляндской делегации в Москву и начала переговоров была взята линия, исключающая возможность взаимоприемлемых компромиссных решений с СССР, не останавливаясь даже перед военным конфликтом.

Правительству, отмечал член парламентской комиссии по иностранным делам К. Фрич, учитывая исключительную серьезность обстановки и вставшие проблемы, было бы необходимо предварительно скоординировать свои действия с парламентом и не определять заранее принципиальную позицию Финляндии. Но произошло так, что парламентская комиссия получила информацию лишь 10 октября, когда делегация уже уезжала⁹².

Переговоры в Москве велись с продолжительными перерывами с 12 октября по 9 ноября. С советской стороны к ним с самого начала был проявлен весьма серьезный подход. Советскую делегацию возглавил председатель Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталин, а ее членами были народный комиссар иностранных дел В. М. Молотов, его первый заместитель В. П. Потемкин и полпред СССР в Финляндии В. К. Деревянский⁹³.

На первой встрече советская делегация обратилась с предложением, основывавшемся на происшедшем резком изменении международного положения вследствие начавшейся в Европе войны, рассмотреть проблему обеспечения безопасности Ленинграда. При этом исходной была постановка вопроса делегацией СССР о возможности заключения между обеими странами пакта о взаимопомощи.

Ю. К. Паасикиви проявил понимание опасений советской стороны относительно того, что территория Финляндии может быть использована другим государством для нападения на СССР, однако в соответствии с полученными им инструкциями заявил, что заключение такого договора противоречило бы «политике нейтралитета северных стран»⁹⁴. После этого И. В. Сталин снял внесенное предложение и поставил вопрос о возможности заключения ограниченного пакта о взаимной помощи, который касался бы лишь обороны Финского залива подобно договору, который Финляндия намеревалась подписать со Швецией относительно обороны Аландских островов⁹⁵. Поскольку делегация Финляндии возразила и против этого предложения, оно также было снято.

14 октября Советское правительство поставило на рассмотрение другие варианты решения проблемы взаимной безопасности. Было выражено пожелание договориться о том, чтобы отодвинуть советско-финляндскую границу к северу от Ленинграда до линии Липола (район Котово) — Койвисто (Приморск) с тем, чтобы город находился вне зоны артиллерийского обстрела с территории Финляндии*. «Мы ничего не можем поделать с географией,— сказал И. В. Сталин.— Поскольку Ленинград нельзя передвинуть, следует отодвинуть дальше границу»⁹⁶.

Советская делегация предложила также договориться о передаче Советскому Союзу расположенных в Финском заливе к западу от Кронштадта островов Суурсаари, Сейсаари, Лавансаари, Тютерсаари и также Койвисто (Большой Березовый), в Заполярье — части полуострова Рыбачьего, где важно было обеспечить прикрытие морских подступов к Мурманску, предотвратить опасность использования этой территории как военного плацдарма. Общая площадь, предлагавшаяся для обмена, составляла 2761 кв. километр. В качестве компенсации Советское правительство соглашалось уступить Финляндии 5529 кв. километров территории (вдвое больше) в Советской Карелии — районы Поросозеро, а также Реболы, что выдвинуло бы на восток границу Финляндии в самой узкой части страны (так называемой «финской талии»), считавшейся у ее военного руководства весьма уязвимой в стратегическом отношении. Советское правительство шло на передачу этой территории, рискуя даже тем, что граница Финляндии приблизилась бы тогда к важнейшим коммуникациям СССР — Кировской железной дороге и Беломорско-Балтийскому каналу.

Одновременно с советской стороны было высказано пожелание получить в аренду на определенный срок небольшую территорию в районе Ханко для устройства военно-морской базы. Во взаимодействии с аналогичной базой в Палдиски, расположенной в Эстонии, она могла бы перекрыть доступ в Финский залив и обеспечить та-

* Лично Ю. К. Паасикиви также неоднократно высказывался относительно неправомерности границы, определенной Тартуским мирным договором 1920 года. Установленная им «граница по реке Раяйоки (река Сестра. — *Ред.*) была пригодна в качестве границы между различными территориями одного и того же государства,— говорил он,— но она не подходила в качестве границы между двумя суверенными государствами, потому что она проходит слишком близко от большого города Ленинграда»⁹⁷.

ким образом безопасность как Ленинграда, так и Хельсинки и всего южного побережья Финляндии⁹⁸. Кроме того, предлагалось осуществить обоюдное разоружение укрепленных районов на Карельском перешейке, оставив там обычную погранохрану, и усилить договор о ненападении пунктом, по которому Финляндия и Советский Союз взяли бы обязательство не присоединяться к таким группировкам или союзам государств, которые «прямо или косвенно враждебны той или другой договаривающейся стороне»⁹⁹.

Советское правительство изменило свою прежнюю позицию относительно Аландских островов* и согласилось на вооружение их силами одной лишь Финляндии.

Все эти предложения вполне отвечали интересам обоих государств и ни в какой степени не затрагивали суверенитета Финляндии. Премьер-министр А. Каяндер, выступая по радио, отметил, что они «не угрожают независимости страны»¹⁰⁰. Это видели и зарубежные деятели, которые далеки были от симпатий к Советскому Союзу. «Вполне естественно,— признавал У. Черчилль,— что Россия нуждается в базах, которые помешают Германии начать агрессию против прибалтийских территорий и Петрограда»¹⁰¹.

Смысл позиции Советского Союза тем более отчетливо виден современным объективным исследователям рассматриваемых событий. СССР в октябре 1939 года, констатировал К. Корхонен, «стремился к соглашению, а не к конфликту с Финляндией»¹⁰². Предложение о военной базе, по его оценке, было «обосновано в военноморском и историческом смысле»¹⁰³. Ведь «речь шла о том, чтобы обеспечить финляндский фланг в том случае, если Германия действительно попытается полностью подчинить себе внешнюю политику Финляндии или использовать часть ее территории»¹⁰⁴.

У делегации Финляндии, как оказалось, не было полномочий для обсуждения выдвинутых СССР предложений. Для советской стороны явилось неожиданностью заявление, что финским представителям необходимо направиться в Хельсинки «для получения новых инструкций»¹⁰⁵. В этой связи все уточненные пожелания Советского Союза были переданы финляндской делегации в письменном виде в форме памятной записки¹⁰⁶.

* Советский Союз выступил в Совете Лиги Наций в мае 1939 года против пересмотра Конвенции 1921 года об Аландских островах, сделав тем самым невозможным принятие предложений Финляндии и Швеции о милитаризации Аландских островов.

16 октября делегация вернулась в Хельсинки и информировала о переговорах комиссию правительства по иностранным делам, которую впоследствии финские историки и мемуаристы окрестили «военным кабинетом». Сообщение Ю. К. Паасикиви заслушивали члены комиссии премьер-министр А. Каяндер, министр иностранных дел Э. Эркко, министр обороны Ю. Ниукканен и министр финансов В. Таннер¹⁰⁷. Здесь же присутствовали К. Г. Маннергейм и другие представители высшего командования финской армии. Правительство, парламент, а также его комиссию по иностранным делам, не говоря уже о народе, «военный кабинет» не считал нужным поставить в известность о ходе переговоров.

Ю. К. Паасикиви и А. Юрье-Коскинен подчеркнули на совещании, что «если мы займем отрицательную позицию в отношении предложения Советского Союза, то нужно принимать во внимание, что не исключена опасность войны»¹⁰⁸. Военное руководство допускало возможным согласиться на то, чтобы незначительно (до 35 километров) отодвинуть границу на Карельском перешейке. Эта мысль была не новой. К. Г. Маннергейм высказывал ее еще весной 1939 года, считая, что так можно было бы сделать еще «до того, как попросит Москва»¹⁰⁹.

Однако Э. Эркко и министр обороны Ю. Ниукканен категорически выступили против принятия каких-либо советских предложений и вообще против компромиссов. Тем самым была еще раз продемонстрирована приверженность курсу на обострение отношений с СССР вплоть до вооруженного конфликта.

Впоследствии стало известно, что Э. Эркко заверил в непреклонности своей позиции одного из лидеров крайне правых кругов — председателя Академического Карельского общества доктора В. Хеланена и получил от него полную поддержку. Хеланен заявил, что принятие советских предложений нанесет удар по «осуществлению программы великой Финляндии» и таким образом будет похоронена «великая идея»¹¹⁰.

В итоге выработки линии на дальнейшее ведение переговоров с Советским Союзом финское руководство решило отвергнуть предложения СССР, но сделать это не в категорической форме, а создав видимость уступчивости. Инструкция финляндской делегации предусматривала согласие на некоторые незначительные изменения границы на Карельском перешейке, не решавшие вопроса обеспечения безопасности Ленинграда. Что же каса-

лось аренды Ханко, то по этому поводу должен был последовать категорический отказ.

Тем временем в Финляндии официальная пропаганда взвинчивала антисоветские настроения. Это приняло значительный размах еще перед началом переговоров в Москве. Но теперь выступления приобретали воинственный характер. К тому же страна фактически переводилась на военное положение. 6 октября правительство приняло решение о концентрации войск на Карельском перешейке. 10 октября перед войсками были поставлены боевые задачи¹¹¹. Начался призыв резервистов. Вслед за этим принимается решение о развертывании полевых войск и создании ставки генерального штаба¹¹². К. Г. Маннергейм был назначен главнокомандующим вооруженных сил Финляндии¹¹³.

6 октября парламент принял Закон об охране республики. Он дал властям широкие полномочия для применения репрессий против граждан, общественных организаций и печати¹¹⁴. На основании этого закона 16 октября в различных районах страны было арестовано более 270 граждан¹¹⁵, подозреваемых в принадлежности к Компартии Финляндии. Были заключены в тюрьмы все рабочие, когда-либо привлекавшиеся к ответственности за политические преступления¹¹⁶. Занятия в школах прервались. 11 октября началась добровольная эвакуация жителей Хельсинки, Тампере, Выборга, Карельского перешейка и побережья Финского залива¹¹⁷. Почти одновременно финское правительство уведомило письменно все дипломатические миссии в Финляндии об имеющемся плане эвакуации правительства и дипкорпуса.

Большое психологическое воздействие на население оказали введенная в ряде городов страны светомаскировка и объявленная тренировочная воздушная тревога накануне убытия финляндской делегации из Хельсинки в Москву¹¹⁸.

В день ее отъезда для парламентариев была организована поездка на Карельский перешеек в целях ознакомления с состоянием там строительства военных объектов вблизи границы с СССР и выяснения настроений солдат, призванных в армию. Участник этой поездки Э. Линкомиес отметил, что «настроение в войсках было исключительно наэлектризованным»¹¹⁹, а член комиссии парламента по иностранным делам К. О. Фрич сделал совершенно определенный вывод: «Финляндия готова к войне»¹²⁰.

При правительстве начал функционировать государ-

ственный информационный центр для контроля за общественным мнением и его обработки. В массовом порядке стали проводиться митинги воинственного характера, публиковаться статьи и брошюры, в которых утверждалось, что «Финляндия может успешно восвать против СССР». Напутствуя финляндскую делегацию, направлявшуюся в Москву 21 октября, газета «Ууси Суоми» в передовой статье предлагала вести переговоры с позиций «полной независимости», поскольку «установленной вдоль границы артиллерии достаточно 2—5 минут, чтобы обрушить на Ленинград тонны стали».

Могло ли все это вызывать у Советского Союза доверие в отношении намерений Финляндии и благоприятствовать ходу переговоров?

В руководящих кругах Советского Союза были особо озабочены действиями министра иностранных дел Э. Эркко, который, отказавшись возглавить финляндскую делегацию в Москве, оказывал все более упорное противодействие достижению договоренности с СССР, подталкивал страну к войне. Сильную поддержку Э. Эркко получал от Ю. Ниукканена, а позднее от премьер-министра А. Каяндера и президента К. Каллио. Кроме того, он имел опору и в кругу высшего военного руководства во главе с К. Г. Маннергеймом. Не случайно последующие трагические события Ю. К. Паасикиви связывал прежде всего с именем Эркко.

По указанию Э. Эркко в печати развернулась целая кампания по обработке общественного мнения против любых соглашений с Советским Союзом¹²¹. В основу ее был положен тезис о том, что советские предложения «представляют собою русский империализм»¹²². Э. Эркко, по определению историка Т. Сойкканена, «преуспел в этом»¹²³.

Прибывшая в Москву 23 октября финляндская делегация изложила на возобновившихся переговорах содержание полученных в Хельсинки установок. Согласно им граница на Карельском перешейке могла быть отодвинута у побережья Финского залива не дальше района Куоккалы (Репино), а в порядке территориального обмена допускалась возможность передачи СССР мелких островов: Сейскарри, Пенинсаари (Малый), Лавансаари, Большой и Малый Тютерсаари. Предложение об аренде полуострова Ханко отклонялось¹²⁴.

Характерно, что на втором этапе переговоров обстановка заметно ухудшилась. Поскольку К. Каллио и Э. Эркко испытывали определенное недоверие к

Ю. К. Паасикиви, то теперь в состав делегации был дополнительно включен «для укрепления позвоночника» В. Таннер¹²⁵, который фактически и определял в дальнейшем ее линию. Э. Эркко напутствовал В. Таннера: «Нам нужно оставаться жесткими. Я знаю, что ты сделаешь так, но сможет ли П. (Паасикиви. — *Ред.*)»¹²⁶.

Именно эту линию жесткости В. Таннер и проводил. Как говорил В. М. Молотов впоследствии (в декабре 1940 года) послу США в Москве Л. Штейнгардту, «участие В. Таннера в переговорах испортило все дело...»¹²⁷.

Но, несмотря на нежелание финской стороны достигнуть компромиссных решений, советская делегация продолжала поиски путей к ним. В ходе переговоров, проходивших 24 октября, правительство СССР проявило готовность внести коррективы в ранее высказанные предложения и разъясняло смысл своей позиции. Ю. К. Паасикиви сообщил, что Финляндия может отодвинуть границу лишь на 13 километров. И. В. Сталин сказал, что это слишком узкая полоса территории, недостаточная для возможного оказания отпора агрессивным силам, и что советское предложение о перемещении границы к северу от Койвисто являлось минимальным. Подчеркивалось при этом, что Финляндия не в состоянии сама защитить себя в случае вторжения агрессора. Финляндские представители запротоколировали тогда такие слова Сталина: «Вашего разрешения не спросят. Вы не сможете, даже если захотите, воспрепятствовать высадке (он указал при этом по карте на Ханко) войск великой державы, которые высадятся и будут продвигаться, несмотря на ваше сопротивление»¹²⁸.

С советской стороны еще раз предлагалось внимательно подойти к вопросу об обмене территориями в плане определения их размеров. А о Ханко решить вопрос так, чтобы советский гарнизон мог оставаться там лишь до окончания войны в Европе, которую вели Англия и Франция с Германией¹²⁹.

В тот же день финляндская делегация вновь выехала в Хельсинки за инструкциями. Но там о компромиссе не думали. Э. Эркко продолжал категорически выступать против любых уступок со стороны Финляндии, угрожая в противном случае уйти в отставку. Его поддержал Ю. Ниукканен, считавший, что «война выгоднее, чем требования России», и выразивший уверенность в том, что Финляндия в этом случае сможет успешно продержаться не менее шести месяцев¹³⁰.

Поскольку обстановка, складывавшаяся вокруг советско-финляндских переговоров, вызывала беспокойство в парламенте, оставшемся все еще в неведении, Э. Эркко решил успокоить депутатов и общественность, заявив в одной из своих речей, что никаких окончательных решений не будет принято без того, чтобы «народ и парламент Финляндии не ознакомились с советскими предложениями и не высказали свое мнение о них»¹³¹. Однако впервые парламент был информирован о ходе переговоров лишь 28 октября, причем весьма своеобразно: на заседание правительства пригласили представителей парламентских фракций и потребовали от них обеспечить поддержку линии правительства в парламенте¹³².

Уверенности в получении такой поддержки у правительства не было. В правительственных партиях имелись потенциальные противники линии Эркко. В частности, на совещании депутатов от Социал-демократической, Шведской народной и Коалиционной партий, а также аграриев допускалась возможность более серьезных территориальных уступок, чем предлагало правительство¹³³. Поэтому Э. Эркко обошел комиссию парламента по иностранным делам, где правительственные партии имели большинство, а треть мест принадлежала социал-демократам. Основное внимание он уделил завоеванию поддержки от фракции Коалиционной партии¹³⁴, в которой находилось большинство сторонников жесткого антисоветского курса. В. Таннер со своей стороны пытался получить опору в социал-демократической фракции, но скрывал сведения о позициях советской и финляндской делегаций на переговорах, опасаясь, что правдивая информация могла привести к трещине в создавшемся «едином внутривластном фронте». В конечном счете противникам соглашения с предложениями Советского Союза удалось добиться одобрения линии правительства о небольшом изменении границы на Карельском перешейке.

Финляндские историки, исследовавшие этот период, отмечают: ставшие традиционными утверждения о том, что принятие советских предложений не получило бы поддержки в парламенте и народе, несостоятельны. «Если бы правительство выступало решительно, то парламент мог бы согласиться на территориальные уступки...» — пишут Ю. Таркка и А. Тиитта¹³⁵. Эту мысль подтверждал также историк С. Мюллюниemi.

Непреклонность позиции финского руководства в от-

ношении советских предложений отражала и другую весьма существенную сторону: переговоры в Москве проходили в обстановке активного вмешательства западных держав, побуждавших правительство Финляндии не идти на соглашения с СССР и всячески дававших понять, что они «не оставят финнов без поддержки». При этом в позиции стран Запада были свои оттенки. Ее в целом нельзя назвать однозначной как в ходе переговоров, так и при последующем развитии событий.

Германия рекомендовала Финляндии продержаться на данном этапе, обещая «прийти на помощь позднее, когда позволит обстановка». В конце октября Финляндию посетил родственник Г. Геринга, граф Армфельт, который передал Э. Эркко и К. Г. Маннергейму рекомендацию «держаться жестко» и обещание «вернуться к данному вопросу, если положение Финляндии осложнится»¹³⁶. Это имело свои результаты. По словам начальника политического отдела МИД Финляндии А. Пакаслаhti, «Эркко был склонен в течение всех наших переговоров в Москве возлагать какие-то надежды на поддержку Германии»¹³⁷.

Со стороны ряда других государств в это же время следовали советы Финляндии не принимать советских предложений и давались заверения в поддержке ее¹³⁸. Особенно поощряла Финляндию на неуступчивость английская дипломатия¹³⁹. Скандинавский отдел МИД Великобритании считал необходимым «прояснить финнам, что с точки зрения дальнего прицела им полезнее бороться, чем отступить»¹⁴⁰. Как считал английский посланник в Хельсинки Т. Сноу, «решимость финнов стоять до конца или погибнуть» могла бы «принести пользу интересам Англии»¹⁴¹. Во всяком случае, по заявлению министра иностранных дел Э. Галифакса 31 октября, советско-финляндский конфликт «не мог быть угрозой союзникам в любом виде»¹⁴².

Размышляли в Англии над советско-финляндской проблемой и военные деятели. 23 октября военный кабинет Англии поручил комитету начальников штабов «выяснить пользу и выгоду от прямого вмешательства Англии в случае военного конфликта между Финляндией и Советским Союзом»¹⁴³.

Не остались в стороне и США. Из Вашингтона сообщили Финляндии, что ее сближение с Советским Союзом нецелесообразно¹⁴⁴. Посол США в Москве высказал мнение, что можно будет ограничиться уступкой островов в Финском заливе, если Финляндия «достаточ-

но энергично отклонит другие требования Советского Союза»¹⁴⁵. «Нью-Йорк Таймс» писала: «В дипломатических кругах полагают, что... поддержка США может поощрить Финляндию к уклонению от переговоров с Москвой»¹⁴⁶.

Западная пресса развернула большую активность, подстрекая Финляндию к отклонению советских предложений. Статьи на эту тему не сходили со страниц западных газет, отодвинув на задний план все международные события, включая войну Англии и Франции с Германией. Вместе с тем со стороны США и Скандинавских стран были предприняты дипломатические демарши с целью «морально поддержать Финляндию».

Такая позиция западных держав, писал в своих мемуарах К. Г. Маннергейм, создавала в руководящих политических кругах Финляндии мнение о том, что в случае войны Финляндия «не будет изолирована»¹⁴⁷. Но особую уверенность в поддержке Запада выражал Э. Эркко. На заседании комиссии парламента по иностранным делам он заявил: «Мы ни на какие уступки Советскому Союзу не пойдем и будем драться во что бы то ни стало, так как нас обещают поддержать Англия, Америка и Швеция»¹⁴⁸. Он дал печати установку широко пропагандировать «поддержку позиции Финляндии» в Скандинавии и других западных государствах.

В действительности западные страны никакой эффективной помощи Финляндии не обещали, ограничиваясь подстрекательскими заявлениями. В частности, шведское правительство всячески подчеркивало свое нежелание быть втянутым в войну против СССР. На совещании глав северных стран, состоявшемся в Стокгольме 18 октября 1939 года, было решено не оказывать Финляндии какой-либо военной помощи и не брать никаких обязательств военного характера по отношению друг к другу. Премьер-министр П. А. Хансон подчеркнул отрицательную позицию Швеции в этом вопросе в личном письме В. Таннеру. От парламента и большинства политических деятелей страны это было скрыто¹⁴⁹.

Предложения Советского правительства на переговорах, пишет К. Корхонен, являлись «совершенно определенными, ограниченными и вытекали из обоснованных реальных потребностей»¹⁵⁰. К тому же, подчеркивает он, «переговоры от начала и до конца проходили в деловом духе» и у Советского правительства «хватило терпеливости на непредвиденную затяжку переговоров

и две поездки финляндской делегации в Хельсинки за указаниями»¹⁵¹.

Однако, учитывая готовность советской делегации к поискам компромиссов, финляндская сторона избрала линию на затягивание переговоров, чтобы «попробовать, насколько далеко можно пойти по этому пути»¹⁵². Переданные 31 октября делегации Финляндии инструкции о предельных территориальных уступках на Карельском перешейке оказались более скромными, чем допускалось это согласно информации, представленной парламенту¹⁵³.

В. М. Молотов, беседуя в те дни с полпредом в Швеции А. М. Коллонтай, прямо сказал, что «договориться с финнами нет никакой возможности». Но это требовалось сделать во что бы то ни стало. Выступая 31 октября на сессии Верховного Совета СССР, он охарактеризовал советские предложения как «минимум, без которого невозможно обеспечить безопасность СССР и наладить дружеские отношения с Финляндией». Им была выражена уверенность, что правительство Финляндии все же пойдет навстречу Советскому Союзу и не будет искать повода для срыва предполагаемого соглашения¹⁵⁴.

Речь В. М. Молотова, отмсчает К. Корхонен, была «спокойной по тону и довольно примирительной»¹⁵⁵. Было очевидно, писал прогрессивный финский журнал «Сойхту», что после этого уже невозможно по-прежнему выступать с утверждениями, что Советский Союз выдвигает требования, ставящие под угрозу независимость Финляндии¹⁵⁶.

Однако и теперь Э. Эркко попытался использовать официальное заявление советского руководства для срыва переговоров (он хотел вернуть делегацию обратно в Хельсинки, но не получил поддержки правительства). Его активность выходила уже далеко за рамки дипломатического ведомства. В это время Э. Эркко напрямую связался с начальником генштаба генералом К. Л. Эшем и сказал ему, что «надо готовиться в военном отношении к внезапной опасности», и даже определил, на каких направлениях следует ожидать удары со стороны советских войск¹⁵⁷.

При продолжении переговоров в Москве на их третьем этапе, начавшемся 3 ноября, финляндская делегация вновь отклонила предложение о сдаче в аренду порта Ханко и об установлении границы на Карельском перешейке по линии, предложенной советской стороной,

составшись в одном случае на невозможность иметь базу иностранного военно-морского флота на своей территории и в другом — что эти советские предложения затрагивали бы «безопасность Финляндии». На предложение продать Советскому Союзу в районе Ханко участок земли, который стал бы таким образом советской территорией, также последовал отрицательный ответ.

Стремясь к достижению договоренности на основе компромисса, советская делегация сняла вопрос о Ханко и предложила рассмотреть вопрос о продаже Советскому Союзу или обмене на соответствующую территорию СССР нескольких небольших островов восточнее Ханко. Одновременно была высказана готовность пойти навстречу Финляндии и в отношении линии границы на Карельском перешейке ¹⁵⁸.

Ю. К. Паасикиви, так же как и еще один, новый член делегации социал-демократ М. Пеккала, проявлял понимание позиции СССР, характеризовал внесенные компромиссные предложения как «сдержанные и умеренные» и полагал, что «их следовало бы принять». Возможность уступок признавало и командование финской армии. Однако делегации предлагалось отвергать все предложения, которые «не согласуются с политическим положением и нейтралитетом Финляндии» ¹⁵⁹. Понятно, что под такое определение при желании было нетрудно подвести любое предложение. На все замечания, поступавшие от делегации, Эркко неизменно отвечал, что «любой компромисс и принятие советских предложений будет означать большевизацию Финляндии» ¹⁶⁰.

8 ноября Э. Эркко без ведома президента дал делегации указание категорически отклонять новые предложения Советского Союза и прервать переговоры, если предложения Финляндии не будут приняты ¹⁶¹.

Последняя встреча делегаций на переговорах в Москве состоялась 9 ноября. С финской стороны было сообщено, что правительство Финляндии не может согласиться на предоставление Советскому Союзу в любой форме островов в Финском заливе, поскольку это означало бы «отказ от жизненных интересов собственной страны». Руководство советской делегации, отмечают финские историки, в тот день энергично пыталось найти компромиссное решение ¹⁶², но безуспешно: наталкивалось на отрицательную позицию финляндской делегации ¹⁶³. В ответ на ее запрос относительно дальнейших действий из Хельсинки последовало указание воз-

вернуться в Финляндию¹⁶⁴. Там, по-видимому, сочли, что дипломатический диалог с Советским Союзом исчерпан. Э. Эркко заявил, что у делегации есть «более важные дела», чем ведение переговоров с Советским правительством¹⁶⁵.

Со стороны советского руководства и раньше не исключалась возможность срыва переговоров финской стороной, однако упорная неуступчивость правительства Финляндии даже после нескольких недель обмена мнениями явилась для него неожиданностью.

Предложения Советского Союза, отмечается в работах финских историков, были последовательными и не представляли чего-то нового, так как обосновывались теми же соображениями относительно обеспечения безопасности Ленинграда, которые высказывались Финляндии еще в 1918—1920 годах¹⁶⁶. Они не выходили за рамки международного права и никоим образом не были посягательством на независимость страны. В основу переговоров было положено полное равенство обеих сторон и уважение суверенитета Финляндии. Равноправный характер переговоров признавался финскими дипломатами¹⁶⁷.

Позднее, уже в послевоенные годы, У. К. Кекконен обращал внимание на то, «с какой исключительной последовательностью» в 30-х годах Советский Союз, «безопасность которого оказалась под серьезной угрозой вследствие милитаристской политики гитлеровской Германии, стремился в соответствии со своей оборонительной внешней политикой к урегулированию соседских отношений с Финляндией договорным путем», однако последняя «тщательно оберегала свой образ как «форпоста Запада» и избегала двустороннего урегулирования с Советским Союзом»¹⁶⁸.

Но важно теперь более подробно остановиться на размышлениях самого главы финляндской делегации Ю. К. Паасикиви, где дается оценка позиции, занятой тогда узким кругом руководства Финляндии. В его мыслях содержится трезвый подход к действительному положению вещей.

Прекращение переговоров, пишет Ю. К. Паасикиви, было «одной из наиболее серьезных и тяжелых внешнеполитических ошибок в серии внешнеполитических просчетов Финляндии. Ошибки делались и раньше, в том числе в 1938 году и в начале 1939 года, их делали одну за другой вплоть до 1944 года. Однако осень 1939 года явилась исходным пунктом последующих событий».

И далее он касается советских предложений. «Меня несколько удивили,— отмечает Паасикиви,— небольшие требования Сталина осенью 1939 года, хотя они так или иначе все же были достаточны для обороны Ленинграда. Сталин, так же, как и Молотов, хотел избежать войны». По существу, ведь «вопрос стоял лишь об обмене территориями на Карельском перешейке с полной и даже, пожалуй, обильной компенсацией и об аренде базы в северной части Финского залива... Новая граница не затронула бы наших оборонительных линий: ведь мы сразу же отошли бы на рубеж Суванто — Сумма, который Сталин назвал как требование их военных, оговорившись при этом, что сам он удовлетворится меньшим. Советскому Союзу остался бы лишь район батареи Койвисто, и это был бы единственно подлинно значимый вопрос. Его мы, возможно, могли бы каким-либо образом компенсировать». Что же касалось Ханко, то, по мнению Паасикиви, можно было бы, очевидно, договориться вместо аренды порта на передачу одного-трех островов в этом районе и тогда «сразу же сказать: „По рукам“».

Паасикиви особо подчеркивал конструктивный подход с советской стороны: «Осенью 1939 года Сталин пошел на некоторые изменения по перешейку, отказался от полуострова Ханко. Он ожидал от нас компромиссных предложений, но мы таких предложить не смогли, если не считать самых минимальных». И далее делается общее заключение: «Мы совершили большую политическую ошибку, сделали глупость, не согласившись на предложение Сталина»¹⁶⁹.

Война, которой могло не быть

Советское руководство пришло к выводу, что единственным путем решения проблемы обеспечения безопасности Ленинграда и северо-западной границы СССР является военный. Командование Ленинградского военного округа, получившее в этой связи указание разработать операцию, представило К. Е. Ворошилову план осуществления «разгрома сухопутных и морских сил финской армии»¹⁷⁰. Округ не был, однако, готов к этому и не располагал для ее проведения достаточными силами и средствами. Естественно, это еще раз подтверждает, что советское руководство надеялось на успех перегово-

ров. Если бы оно действительно исходило из возможности военного решения, то соответствующая подготовка была бы проведена заранее.

В Финляндии тем временем продолжала наращаться пропагандистская антисоветская кампания. Еще за день до прекращения переговоров Э. Эркко направил органам печати секретный циркуляр, в котором рекомендовалось подчеркивать неприемлемость советских предложений как преследующих цель «вовлечь Финляндию в сферу влияния Советского Союза» и «вбить клин между Финляндией и Скандинавией»¹⁷¹.

Вместе с тем Ю. К. Паасикиви да и К. Г. Маннергейм не разделяли такого подхода, что необходимо продолжать линию на обострение обстановки в советско-финляндских отношениях, и высказывались за возобновление переговоров. Однако настойчивости в этом не проявили. В конечном счете взгляды Э. Эркко и В. Таннера еще более укрепились в правительстве.

На что же рассчитывали в узком правительственном кругу? Об этом, пожалуй, наиболее четко сказал впоследствии в своих мемуарах министр обороны Ю. Ниуканен. Исходили из того, заявлял он, что «Финляндия никогда одна не пойдет против какой-либо крупной державы»¹⁷². Эркко допускал возможность принятия военных мер со стороны Советского Союза, но считал, что это произойдет не ранее весны 1940 года. Было решено поддерживать высокую боевую готовность войск и следить за развитием военных действий в Европе¹⁷³. В стране стали проводиться десятки «патриотических митингов», на которых с вызывающими речами выступали члены правительства, а также депутаты парламента. 23 ноября премьер-министр А. Каяндер на массовом митинге подтвердил нежелание идти навстречу предложениям Советского Союза.

Вместе с тем в эти дни и со стороны Советского правительства не были приняты меры, чтобы разрядить обстановку. «Правда» ответила на выступление Каяндера резкой по содержанию статьей, озаглавленной «Шут гороховый на посту премьера»¹⁷⁴. По поводу непримиримой позиции Финляндии газета еще в начале ноября писала: «Мы отбросим к черту всякую игру политических картежников и пойдем своей дорогой, несмотря ни на что. Мы обеспечим безопасность СССР, не глядя ни на что, ломая все и всякие препятствия на пути к цели»¹⁵⁷. Вскоре в советской печати появились сообщения о провокационных действиях с финской стороны на

границе и, в частности, об обстреле из артиллерии 26 ноября деревни Майнила на Карельском перешейке.

Сразу же без проверки этого факта правительство СССР направило ноту Финляндии, в которой констатировало, что «сосредоточение финляндских войск под Ленинградом не только создает угрозу для Ленинграда, но и представляет на деле враждебный акт против СССР»¹⁷⁶, и предложило отвести их от границы на 20—25 километров, чтобы предотвратить назревающий вооруженный конфликт. Нота, отмечал Ю. К. Паасикиви, была по форме и содержанию умеренной, а содержащиеся в ней предложения «не являлись невозможными»¹⁷⁷. По-видимому, это была последняя попытка склонить Финляндию пойти на уступки. Однако она не увенчалась успехом. Правительство Финляндии не приняло это предложение и в ответной ноте выдвинуло встречное требование об отводе на такое же расстояние советских войск, что лишало бы Ленинград всякого прикрытия. Это предложение, пишет финляндский историк Б. Лаулра, «не было разумным, ибо такой отвод означал бы перемещение войск в пригороды Ленинграда и тем самым ненужным образом подчеркнул бы близость границы и «незащищенность» города»¹⁷⁸.

Советское правительство охарактеризовало финскую ноту как «документ, отражающий глубокую враждебность правительства Финляндии к Советскому Союзу и призванный довести до крайности отношения между обеими странами»¹⁷⁹. Было заявлено, что отклонение советского предложения может означать лишь, что финляндское правительство «продолжает оставаться на враждебных позициях в отношении СССР, не намерено считаться с требованиями пакта о ненападении и решило и впредь держать Ленинград под угрозой»¹⁸⁰.

Одновременно на многих советских предприятиях и в учреждениях, в воинских частях были организованы десятки массовых собраний под лозунгами: «Нашему терпению приходит конец», «Краснознаменный Балтийский флот готов сокрушить врага», «Будем бить врага беспощадно», «Смести с лица земли финских авантюристов»¹⁸¹ и т. п., открыто направленных на обострение конфликта и решение его путем военных мер.

28 ноября Советский Союз заявил правительству Финляндии о денонсации Договора о ненападении*, за-

* Это противоречило требованию 5-й статьи Договора, согласно которой любая из сторон могла денонсировать его с предупреждением по крайней мере за 6 месяцев.

ключенного в 1932 году¹⁸², а на следующий день заместитель народного комиссара иностранных дел В. П. Потемкин по поручению руководства страны довел до сведения финляндского посланника в Москве, что правительство СССР «не может больше поддерживать нормальные отношения с Финляндией и вынуждено отозвать из Финляндии своих политических и хозяйственных представителей»¹⁸³.

Правительство Финляндии приняло решение обратиться к Советскому правительству с предложением созвать совещательную комиссию, предусмотренную Договором о ненападении, или прибегнуть к посредничеству третьего государства¹⁸⁴. Оно выразило готовность прийти к соглашению относительно отвода частей финляндской армии, расположенных на Карельском перешейке, «на такое расстояние от Ленинграда, на котором их нельзя было бы считать представляющими угрозу его безопасности»¹⁸⁵. Однако к моменту поступления в Москву финляндской ноты об этом дипломатические отношения уже были прерваны.

В. М. Молотов, выступивший по радио 29 ноября, сообщил, что Главному командованию Красной Армии и Военно-Морского Флота дано распоряжение «быть готовым ко всяким неожиданностям и немедленно пресекать» возможные действия с финской стороны. Фактически же был отдан приказ начать на следующий день боевые действия¹⁸⁶. В соответствии с ним войска Ленинградского военного округа во взаимодействии с Краснознаменным Балтийским и Северным флотами 30 ноября в 8 часов утра перешли государственную границу*. Перед ними правительством ставилась задача «разгромить и уничтожить финляндскую армию и флот». При этом особо подчеркивалось следующее: «Мы не покушаемся на национальную независимость финского народа. Наша цель — обеспечить полную безопасность нашей социалистической Родины и колыбели пролетарской революции — города Ленина»¹⁸⁷.

В тот же день президент К. Каллио сделал заявление о том, что «в целях поддержания обороны страны

* В ряде советских изданий в прошлом вплоть до начала 80-х годов события начавшейся войны между Советским Союзом и Финляндией излагались необъективно. Утверждалось, в частности, что финляндское правительство «подтянуло к советской границе крупные военные силы, предприняло артиллерийский обстрел советских воинских частей под Ленинградом и, наконец, объявило 30 ноября Советскому Союзу войну»¹⁸⁸.

Финляндия объявляет состояние войны»¹⁸⁹. В последующее время о действиях президента было мало что известно. Он слабо влиял на ход событий. 1 декабря было создано новое правительство во главе с Р. Рюти, которого американская печать характеризовала как «закаленного борца против коммунизма»¹⁹⁰. В узкий круг членов комиссии правительства по иностранным делам входили: ставший министром иностранных дел В. Таннер, министр обороны Ю. Ниукканен, министр юстиции И. Седерхельм, министр просвещения У. Ханнула и министр без портфеля Ю. К. Паасикиви. Р. Рюти сконцентрировал в своих руках все политическое руководство. Армию возглавил К. Г. Маннергейм в качестве главнокомандующего (в мирное время эта должность по конституции принадлежит президенту). Своим приказом № 1 от 30 ноября 1939 года он объявил о начале военных действий против Советского Союза.

Начавшуюся войну Ю. К. Паасикиви позднее не раз называл «войной Эркко»¹⁹¹, подчеркивая тем самым его роль в срыве возможного соглашения с Советским Союзом. К. Г. Маннергейм заявил, что «если бы Эркко был мужчиной, то он удалился бы в лес и застрелился»¹⁹². Однако Эркко предпочел уехать в Швецию, куда получил назначение на должность посланника.

Отставка Э. Эркко с поста министра иностранных дел, так же как и последовавшая замена правительства А. Каяндера новым кабинетом, отражала провал проводившейся политики, приведшей страну к войне. Как писал об этом времени известный финский дипломат А. Пакаслаhti, чрезвычайно «ужасал допущенный просчет». И это при всем том, подчеркивал он, что «возникновение войны не было для правительства Финляндии совершенно неожиданным»¹⁹³.

Новос правительво Рюти с первых же шагов своей деятельности повело двойственную политику. С одной стороны, из Хельсинки стали раздаваться заявления о желании прекратить войну и вернуться к прежним отношениям с Советским Союзом, а с другой — обращались призывы к Западу оказать активную помощь Финляндии; Р. Рюти решительно заявил: «Мы будем сражаться до конца и даже после конца»¹⁹⁴.

Могло ли в этой ситуации Советское правительство вновь вернуться за стол переговоров, не допуская разрастания военного конфликта с Финляндией? Безусловно, могло. В. М. Молотов в беседе с У. К. Кекконеном

в 1950 году признал допущенную ошибку с советской стороны, сказав: «Мы тоже были виноваты»¹⁹⁵.

Действительно, Советский Союз сделал немало для того, чтобы предотвратить военное столкновение, чтобы мирным путем урегулировать вопрос о безопасности Ленинграда и северо-западных границ СССР. Однако оправдывать применение военной силы советской стороной в условиях проявившейся готовности в Хельсинки вернуться к переговорам нельзя. Несомненно, что ответственность за это несет И. В. Сталин, единолично решавший все важнейшие вопросы советской внешней и внутренней политики.

Сражения и дипломатия

В начавшейся войне боевые действия с обеих сторон велись в исключительно трудных зимних условиях. Советским войскам приходилось наступать по пересеченной лесисто-болотистой местности преимущественно по бездорожью. К тому же соединениям Красной Армии, действовавшим на Карельском перешейке, предстояло преодолевать вначале серьезные оборонительные рубежи, а затем мощные укрепления, получившие наименование «линии Маннергейма». Построенная в основном к началу войны, эта линия представляла собой три полосы обороны общей глубиной почти 90 километров. Она пересекала Карельский перешеек от Финского залива до Ладожского озера, имела 674 дота и дзота, соединенных траншеями и ходами сообщения с 800 подземными казематами¹⁹⁶ и другими бетонированными сооружениями. Перед долговременными укреплениями имелись противотанковые препятствия и проволочные заграждения¹⁹⁷.

Финская армия насчитывала 295 тыс. человек¹⁹⁸. Наибольшие силы — 133 тыс. человек¹⁹⁹ — были сосредоточены на Карельском перешейке. Здесь располагались шесть пехотных дивизий, четыре пехотные и одна кавалерийская бригады, а также отдельные части. Они входили в состав II армейского корпуса генерал-лейтенанта Х. Эквиста и III армейского корпуса генерал-майора А. Хейнрикса армии «Перешеек», которой командовал генерал-лейтенант Х. Эстерман. Кроме того, севернее Ладожского озера находилась Карельская группа в составе двух дивизий IV армейского корпуса генерал-майора И. Хейсканена (позднее его сменил генерал-майор Э. Хеглунд). Далее, на ухтинском направ-

лении, действовала Северофинляндская группа генерал-майора В. Туомпо, и в Заполярье в ходе последующих боевых действий была образована Лапландская группа генерал-майора К. Валениуса. Сухопутные войска подерживали 29 кораблей военно-морского флота и 114 самолетов военно-воздушных сил Финляндии²⁰⁰.

Советские войска, начавшие наступление почти на 1500-километровом фронте, имели в своем составе в Заполярье две стрелковые дивизии 14-й армии комдива В. А. Фролова, южнее, в Карелии,— три стрелковые дивизии 9-й армии комкора М. П. Духанова, северо-восточнее Ладожского озера — четыре стрелковые дивизии 8-й армии комдива И. Н. Хабарова и на Карельском перешейке — два стрелковых корпуса 7-й армии командарма 2-го ранга Н. Д. Яковлева.

В составе 7-й армии, действовавшей на главном направлении, в первой линии находились 5 стрелковых дивизий, 3 танковые бригады и 16 артиллерийских полков. Во второй линии были развернуты три стрелковые дивизии. Кроме того, подходил танковый корпус в составе двух танковых и одной стрелковой бригад²⁰¹. 7-я армия располагала 644 самолетами²⁰² и поддерживалась Краснознаменным Балтийским флотом, которым командовал флагман флота 2-го ранга В. Ф. Трибуц. В Заполярье 14-я армия взаимодействовала с Северным флотом, которым командовал флагман флота 2-го ранга В. П. Дрозд.

По оценке командования Ленинградского военного округа, соотношение сил 30 ноября 1939 года на фронте 7-й армии было следующим: по количеству батальонов советские войска превосходили финские в 2,5 раза, по легкой артиллерии — в 3,5, по авиации — в 4 раза, по танкам превосходство было абсолютным²⁰³.

Первый период советско-финляндской войны продолжался до 10 февраля 1940 года. За это время войскам, наступавшим на Крайнем Севере и в Карелии, удалось в условиях глубоких снежных заносов продвигаться на десятки километров. Соединения и части 14-й армии во взаимодействии с Северным флотом овладели полуостровами Рыбачьим, Средним и городом Петсамо, закрыв тем самым выход Финляндии к Баренцеву морю. Одновременно войска 9-й армии, наступавшие на куоляярвенском, суомусалминском и нурмеском направлениях, вклинились в оборону противника на 30—50 километров. В полосе наступления 8-й армии ко второй половине декабря удалось продвинуться на 80 километров. Но боевые действия советских войск к северу от

Важное значение для улучшения советско-финляндских отношений имела поездка в Москву в феврале 1937 г. министра иностранных дел Финляндии Р. Холсти (на снимке — крайний справа).

Советско-финляндская граница проходила в 32 км от Ленинграда. На снимке — участок границы в районе Белоострова. Август 1939 г.

К. Г. Маннергейм принимает парад войск после самых крупных в истории Финляндии военных маневров, проведенных в августе 1939 г.

В октябре—ноябре 1939 г. состоялись советско-финляндские переговоры. На снимке — делегация Финляндии перед отъездом в Москву.
Второй слева — глава делегации Ю. К. Паасикиви.

Командующий войсками Ленинградского военного округа
командарм 2-го ранга К. А. Мерецков. 1939 г.

Митинг в танковой части Ленинградского военного округа
в связи с обострением обстановки на советско-финляндской границе
в конце ноября 1939 г.

Район Сумма (выборгское направление),
где была прорвана «линия Маннергейма».

Писательница Хелла Вуолийоки.
В январе 1940 г. она сыграла
важную роль в установлении
неофициальных контактов с
посланником СССР в Швеции
А. М. Коллонтай.

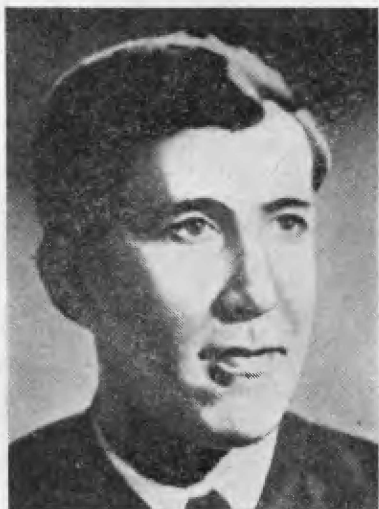

У пограничного шлагбаума советско-финляндской границы,
установленной по Мирному договору 1940 г.

По Мирному договору, заключенному между СССР и Финляндией
в 1940 г., на полуострове Ханко создавалась советская военно-
морская база. Советские корабли следуют к полуострову Ханко.
Март 1940 г.

Председатель Общества мира
и дружбы с СССР
Маури Рյомя.

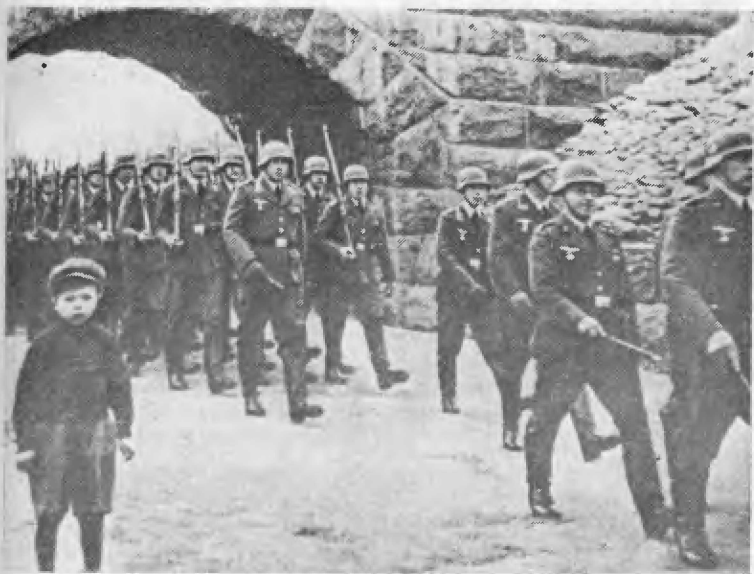
Секретарь Общества мира
и дружбы с СССР
Аймо Рикка.

Митинг в Хельсинки, проведенный в начале августа 1940 г.
Обществом мира и дружбы с СССР.

Под предлогом «соглашения о транзите» немецкие войска в сентябре 1940 г. стали размещаться в Северной Финляндии.

Кайсу-Мирьями Рюдберг

Карл Вийк

Микко Ампуя

Юрье Ряйсянен

Вяйнэ Мелтти

Кай Сундстрем

«Шестерка» финских парламентариев — социал-демократов, активно выступавшая против участия Финляндии в войне.

Особую роль в подготовке Финляндии к войне против СССР играл финский генерал П. Талвела (на снимке слева).

В декабре 1940 г. он встречался с начальником генерального штаба сухопутных войск Германии генералом Ф. Гальдером.

Немецкий генерал Н. Фалькенхорст (с картой) и финский генерал Х. Силласвуо (крайний слева) 15 июня 1941 г. уточняли план вторжения на советскую территорию.

Принятие в финляндском парламенте 25 июня 1941 г. решения о вступлении в войну против Советского Союза.

Финские войска начали боевые действия против Советского Союза.
Июнь 1941 г.

Финские войска, наступавшие на ленинградском направлении, перешли реку Сестру. Бой у Белоострова 3 сентября 1941 г.

Советские воинские части в Карелии ведут ожесточенные бои против атакующих финских войск. Лето 1941 г.

Вилле Песси

Аймо Аалтонен

Хертта Куусинен

Видные деятели Коммунистической партии Финляндии (КПФ),
находившиеся в годы войны в тюрьме.

Вейкко Пёюсти

Аатто Саллинен

Олави Лайхо

Вяйнэ Кэтонен

Коммунисты — активные участники подпольного антивоенного движения в Финляндии.

Летом 1942 г. в Финляндию прибыл Гитлер. Его сопровождали Рюти и Маннергейм.

По приглашению Гитлера летом 1942 г. в Германии находился Маннергейм. Во время встречи с Герингом.

Ладожского озера в условиях сильных морозов замедлились и затем приостановились.

Со стороны финского командования были приняты срочные меры, чтобы воспрепятствовать наметившемуся прорыву войск 8-й и 9-й советских армий в центральные районы Финляндии, что влекло за собой пересечение территории в наиболее узкой части (так называемой «финской талии»). Переброшенные сюда подвижные части финских войск оказывали упорное сопротивление, контратаковали. Им удалось окружить и обескровить в районе Суомуссалми 44-ю стрелковую дивизию.

Армия Финляндии к этому времени насчитывала уже около 337 тыс. человек²⁰⁴. Созданной в декабре в районе Суоярви особой группе войск под командованием полковника П. Талвела удалось нанести поражение 155-й и 139-й стрелковым дивизиям на участке Толварви — Иломанси²⁰⁵.

Решающее значение имели боевые действия на Карельском перешейке, где вела наступление 7-я армия. Темп ее продвижения в приграничном сражении достигал 5—7 километров в сутки. Финским частям не удалось задержать советские войска, и они вышли к «линии Маннергейма». Сначала, 2—3 декабря, в районе реки Тайпаленйоки (Бурная) к ней вырвалась 142-я стрелковая дивизия, а к 12 декабря подошли и остальные соединения 7-й армии. С боями были взяты город Терноки (Зеленогорск), форт Ино (Приветнинское), Райвола (Рожино), Рауту (Орехово) и другие населенные пункты. Таким образом, вся зона заграждений Карельского перешейка от Ладожского озера до Финского залива была позади.

Действовавшие на море корабли КБФ также добились успеха. Осуществив десантные операции, моряки овладели островами Сейскарри, Лавансаари, Суурсаари (Гогланд), Нарви, Сомери и другими. Побережье Финляндии со стороны Финского и Ботнического заливов было блокировано.

С выходом 50-го стрелкового корпуса к «линии Маннергейма» командование 7-й армии решило осуществить в полосе наступления 142-й стрелковой дивизии форсирование реки Тайпаленйоки, чтобы затем выйти в тыл частей III армейского корпуса. Для решения этой задачи была создана под командованием комкора В. Д. Грендаля особая группа в составе трех стрелковых дивизий²⁰⁶.

В свою очередь главнокомандующий финской армии

К. Г. Маннергейм потребовал в эти дни отбить назад ряд утраченных позиций. 4 декабря на совещании в штабе армии «Перешекс» он резко «выразил недовольство быстрым отходом войск»²⁰⁷, находившихся перед линией укреплений. В обстановке острых противоречий, возникших на совещании, командующий армией «Перешеек» заявил о готовности уйти со своего поста²⁰⁸. Это свидетельствовало о том, что первый удар, нанесенный советскими войсками, создал тревожную обстановку у финского военного руководства. Оно спешно принимало меры к тому, чтобы не допустить прорыва Красной Армией «линии Маннергейма».

Проведенное 6—7 декабря группой Грендаля форсирование реки Тайпаленйоки в среднем и нижнем ее течении не привело к осуществлению намеченного замысла. Хотя и удалось на одном из участков перебросить на противоположный берег реки несколько батальонов, этот успех не был развит.

Части III армейского корпуса контратаковали советские подразделения, закрепившиеся на плацдарме, и сильным пулеметно-минометным огнем не допускали переправы новых подкреплений. Попытка группы Грендаля осуществить 7—8 декабря высадку на плацдарм дополнительных сил не дала желаемых результатов. После этого активные действия здесь были приостановлены.

Вскоре Главный военный совет принял решение осуществить некоторую перестройку системы управления войсками. С 9 декабря все действующие армии, Балтийский и Северный флоты подчинили непосредственно Ставке Главного командования Красной Армии. Во главе 7-й армии стал командарм 2-го ранга К. А. Мерецков. Одновременно была усилена группировка войск на Выборгском направлении.

Затем в течение 17—20 декабря предпринималась попытка прорвать «линию Маннергейма» на Выборгском направлении, к западу от озера Муоланярви (Глубокое) силами четырех стрелковых дивизий. Но их атаки окончились неудачей. В упорных боях удалось лишь подойти к району Хотинен — Сумма (Солдатское). Однако из-за сильного артиллерийско-минометного огня оборонявшихся советские части понесли большие потери и закрепиться не смогли. Неудачно закончилась также попытка по льду форсировать озеро Сувантоярви (Суходольское).

20 декабря военный совет 7-й армии направил в

Ставку Главного командования донесение. В нем сообщалось, что без разрушения основных долговременных сооружений противника и без проведения ряда инженерных работ по разграждению подступов к его переднему краю успешная атака пехоты и танков невозможна. Предлагалось провести перегруппировку частей и начать разрушение выявленных долговременных сооружений финских войск артиллерией. Ставка Главного командования Красной Армии, рассмотрев представленные соображения, утвердила их и разрешила 7-й армии с 26 декабря перейти к обороне²⁰⁹.

К этому времени потерпела также полную неудачу попытка финского командования силами II корпуса нанести контрудар по передовым частям советских войск на Карельском перешейке. Задуманная операция не удалась из-за «недостаточной подготовленности и опытности войск, а также их командиров»²¹⁰.

Первый период боевых действий вскрыл серьезные недостатки в управлении и боевой подготовке частей Красной Армии, выявилось слабое знание театра военных действий, организации, тактики и вооружения финской армии рядом должностных лиц. Все это вело к затягиванию боевых действий и к большим потерям. К. Г. Маннергейм позднее писал: «Наступательные операции противника в декабре можно сравнить с плохо слаженным оркестром, в котором играют вразнобой. Дивизию за дивизией бросали на наши позиции, но взаимодействие между различными родами войск оставляло желать много лучшего. Артиллерия снарядов не жалела, но огонь был плохо подготовлен и не координирован с наступлением пехоты и танков. Иногда взаимодействие могло принимать самую странную форму. Бывало так, что танки выдвинутся вперед, отстреляются и вернутся на исходные позиции прежде, чем пехота вообще вступит в дело. Такие элементарные ошибки, разумеется, дорого обходились Красной Армии»²¹¹.

К высказыванию финского маршала следует добавить и другое. Военное командование Финляндии поражал наряду с этим боевой дух советских воинов, их беспримерное мужество и отвага. «Вскоре мы поняли, — писал упоминавшийся уже финский дипломат А. Пакаслахти, — что советские солдаты имели иммунитет к нашей пропаганде. Они сражались до последнего. И даже оказываясь в безнадежном положении, они отказывались сдаться... Маршал был поражен этим новым психологическим складом русских»²¹².

В целях организации более эффективного ведения боевых действий на Карельском перешейке Ставка Главного командования Красной Армии сократила участок фронта 7-й армии с 90 до 43 километров, создав на ее правом фланге (кексгольмское направление) новую — 13-ю армию под командованием комкора В. Д. Грешаля. Для объединения усилий этих армий был образован Северо-Западный фронт под командованием командарма 1-го ранга С. К. Тимошенко. Происходили изменения и в войсках, действовавших севернее Ладожского озера. На базе нескольких соединений 8-й армии была сформирована 15-я армия. Командующим 8-й армией стал командарм 2-го ранга Г. М. Штерн, а 15-й — командарм 2-го ранга М. П. Ковалев. Соседней, 9-й армией командовал комкор В. И. Чуйков.

Перед Северо-Западным фронтом, действовавшим на главном направлении — на Карельском перешейке, — была поставлена задача прорвать «линию Маннергейма», разгромить основные силы финской армии и выйти на рубеж Кексгольм (Приозерск) — Антреа (Каменногорск) — Выборг. Это по замыслу советского командования должно было решить исход войны²¹³. Обе армии были усилены авиацией, артиллерией, танковыми и инженерными частями.

Таким образом, события первого периода боев показали, что вооруженные действия против финских войск будут отнюдь не легкими и в дальнейшем. Очевидной стала недостаточность сил одного Ленинградского военного округа. В военно-политических кругах Финляндии также видели всю сложность развивавшихся событий. Уже после второй мировой войны, на Парижской мирной конференции в 1947 году, В. М. Молотов говорил, что «война, на которую нас вынудила Финляндия зимой 1939—40 годов, была тяжелой как для Советского Союза, так и для Финляндии»²¹⁴.

Какой же из этого следует вывод? Нужно было прекратить конфликт между странами в самом начале, даже тогда, когда загрохотали пушки войны.

О готовности вернуться к переговорам с СССР правительство Финляндии сообщило 4 декабря через посланника Швеции в Москве О. В. Винтера. Оно информировало, что хочет внести новые конкретные предложения, которые, по его мнению, обеспечат безопасность Ленинграда и удовлетворят Советское правительство²¹⁵. Однако последовал отрицательный ответ. В. М. Молотов, сославшись на прекращение советской

стороной дипломатических отношений с правительством Финляндии и признание образовавшегося Народного правительства Финляндской Демократической Республики, вопреки объективной реальности заявил, что в связи с этим «Советский Союз не считает себя находящимся в состоянии войны с Финляндией». Одновременно было отклонено предложение Швеции представлять интересы Финляндии в СССР ²¹⁶.

Народное правительство во главе с О. В. Куусиненом, провозгласившее себя правительством Финляндской Демократической Республики, было создано 1 декабря в городе Териоки из представителей левых сил Финляндии, находившихся в эмиграции в Советском Союзе. Рассматривавшее себя как временное, это правительство заявило, что ставит целью достижение мира между Финляндией и СССР, осуществление демократизации страны и обеспечение подлинной независимости Финляндии. Оно было признано советской стороной как единственное правительство Финляндии, и 2 декабря был заключен Договор о взаимопомощи и дружбе между СССР и Финляндской Демократической Республикой ²¹⁷.

Народное правительство полагало, что его Декларация, призывавшая наряду с прекращением войны к глубоким демократическим преобразованиям, встретит широкую поддержку рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции Финляндии. В Декларации без каких-либо оснований утверждалось, что «в разных частях страны народ уже восстал и провозгласил создание Демократической Республики». Действия Красной Армии на территории Финляндии характеризовались как «выполнение освободительной миссии в отношении финского народа». Был уже сформирован один корпус, который рассматривался как ядро будущей Народной армии. В него вербовались карелы и финны, проживавшие в Советском Союзе. В Декларации говорилось, что этому корпусу «предоставляется честь принести в столицу знамя Финляндской Демократической Республики» и водрузить его над зданием президентского дворца ²¹⁸.

Относительно целесообразности создания Народного правительства в финляндском коммунистическом и рабочем движении нет единого мнения. Имеются различные суждения: и порицающие этот шаг, и рассматривающие его как попытку прогрессивных сил способствовать разрешению возникшего конфликта. В частности, обращается внимание на то, что подписанный Народ-

ным правительством Договор с СССР о взаимопомощи и дружбе исходил из интересов Финляндии и по своему политическому содержанию отражал поддержку предложений Советского правительства, сделанных осенью 1939 года. Отмечается и тот факт, что его основные положения были реализованы затем в Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заключенном между Советским Союзом и Финляндией в 1948 году (это отмечал и Ю. К. Пааскиви)²¹⁹.

Создание Народного правительства выглядело своего рода импровизацией и реальной поддержки среди населения Финляндии не получило. Утверждать же, что оно вообще не могло рассчитывать на опору в стране, вряд ли достаточно оснований. За неделю до начала войны премьер-министр А. Каяндер признал, в частности, в одной из речей наличие в Финляндии сил, не согласных с политикой, проводимой правительством по отношению к Советскому Союзу²²⁰. Английский историк А. Аптон, исследующий финляндские проблемы, также подчеркивает, что нет данных о том, как в действительности левые силы в стране относились к Народному правительству О. В. Куусинена, ибо власти жестоко подавляли любое инакомыслие²²¹.

В литературе ставится к тому же под сомнение тезис о «единодушии» финского народа во время этой войны и отмечается бездоказательность утверждения о том, что «голоса рабочих и буржуазии слились в общем хоре». В чем проявлялось это единодушие? — спрашивается нередко. — Когда и где оно взвешивалось? Не состоит ли правда в том, что правительство считало свидетельством единодушия народа статьи газет, проповеди пасторов в церквях, речи ораторов на патриотических митингах, организованных правительством? Общественное мнение в ту пору «формировалось интеллигенцией, которая в те годы вместе с членами своих семей входила в шюцкор, Академическое Карельское общество, Союз фронтовиков освободительной войны, лапуаское движение, Замок Финляндии, Союз самостоятельности, Союз защиты Финляндии, Лотта Свярд, движение скаутов* или какую-либо другую патриотическую организацию»²²².

В какой степени можно говорить о «широких кругах» или об общественном мнении, ставится, в част-

* Большинство этих реакционных организаций было запрещено и распущено в конце 1944 года на основании Соглашения о перемирии.

ности, вопрос, «когда в октябре 1939 года лишь редкие люди знали, какие требования (речь идет о переговорах в Москве.— *Ред.*) были предъявлены Финляндии?» Национализм был раздут до такой степени, отмечает историк В. Хуттунен, что это ограничивало возможности выйти из войны на реалистических условиях²²³.

То обстоятельство, что сразу же после окончания войны в Финляндии развернулось внушительное народное движение за мир и дружбу с Советским Союзом, дает основание поставить под сомнение тезис «о единстве финской нации» в 1939—1940 годах. Указанный факт говорит о том, что и в это время в Финляндии было немало людей, которые продолжали видеть в Советском Союзе друга.

Вместе с тем известно, что факт создания Народного правительства был широко использован финскими правыми кругами для утверждения версии о якобы создавшейся угрозе государственному существованию Финляндии*.

Разумеется, Народное правительство Финляндии не могло возникнуть без ведома и содействия Советского правительства, и на его создание, несомненно, повлияла вера Сталина в справедливость неоднократно высказывавшегося им тезиса о том, что в случае войны «друзья рабочего класса СССР» нанесут удар в спину тому буржуазному правительству, которое будет вести войну против социалистического государства. В политических и военных кругах Советского Союза под влиянием этого тезиса в значительной степени было распространено мнение, что тыл капиталистических стран в случае их военных конфликтов с СССР будет так же непрочен, как и тыл белых правительств в годы гражданской войны.

На примере советско-финляндской войны 1939—1940 годов такой взгляд оказался несостоятельным. Судя по всему, это было сравнительно быстро осознано и советским руководством, и самим Народным правительством Финляндии. Во всяком случае, правительство Куусинена никаких шагов для получения им международного признания не предпринимало и существование его являлось лишь фактором морального и политического воз-

* Тезис о том, что образование Народного правительства таило в себе угрозу независимости Финляндии, находит отражение и в современной буржуазной исторической литературе. Этому, в частности, посвящена книга финского профессора О. Юссилы «Тернокое правительство 1939—40», изданная в 1985 году²²⁴.

действия на Финляндию в ходе этой войны. Вопрос о ратификации подписанного Советским Союзом с ним Договора вообще не поднимался. Позднее, уже перед заключением мира, Народное правительство самораспустилось.

Война вызвала с самого начала беспрецедентную шумную антисоветскую и антикоммунистическую кампанию в западных странах. Основная масса трудящихся участия в ней не принимала. В нее включились прежде всего органы буржуазной прессы, крупные предприниматели, многие видные деятели творческой интеллигенции, политики. В основе этой кампании и демонстративных акций в поддержку Финляндии нередко лежали не сочувствие к ней, а собственные политические и стратегические интересы.

Были выступления и другого характера. Известный английский драматург Бернард Шоу в это время писал, что «речь идет о стремлении России обеспечить свою безопасность, и поэтому было очень глупо со стороны Финляндии не согласиться с предложениями России об обмене территориями». Ведь «ни одна держава не может терпеть границу, с которой можно обстреливать такой город, как Ленинград. Особенно, когда эта держава знает, что государство, расположенное по ту сторону границы, как бы оно мало и слабо ни было, угрожает ее безопасности из-за недальновидного правительства, действующего в интересах других, более мощных государств»²²⁵. Аналогичные мнения высказывали видный датский писатель М. А. Нексе, левые лейбористы в Англии Д. Н. Притт, В. П. и З. К. Коутс, влиятельный деятель шведской социал-демократии Р. Адлер²²⁶, ряд других западноевропейских социалистов. В Англии, Франции, США и некоторых других странах состоялись собрания трудящихся с осуждением политики правительства Финляндии.

Характерно, что по мере развития военных событий постепенно происходила дальнейшая эволюция во взглядах общественности на Западе. Это видно на примере Англии. Опрос различных слоев населения Институтом общественного мнения показал, что популярность помощи западных стран Финляндии падала, особенно к концу войны. Если в начале февраля 1940 года за ее оказание высказывалось 74 процента англичан, то в первой половине марта — уже только 33 процента²²⁷.

Из секретариата Лиги Наций было инспирировано обращение к ней правительства Финляндии, содержав-

шее обвинение Советского Союза в агрессии и просьбу о посредничестве в конфликте. Секретариат Лиги, ослабленной в ходе начавшейся мировой войны, активизировался, увидев в этом возможность оживить свою деятельность и одновременно изолировать Советский Союз, что позволило бы беспрепятственно реализовать вынашивавшиеся на Западе определенными кругами планы изменения характера этой международной организации²²⁸. Метко заметила в этой связи газета английских коммунистов «Дейли уоркер»: «Впервые за все время своей истории Лига Наций действует быстрее именно тогда, когда организует войну»²²⁹.

9 декабря по инициативе генерального секретаря Лиги Наций И. Аvenoля было созвано заседание Совета Лиги. Из 14 его членов 7 высказались за осуждение СССР (Англия, Франция, Бельгия, Боливия, Египет, Доминиканская Республика и Южно-Африканский Союз). 14 декабря состоялась Ассамблея Лиги Наций. СССР отказался от участия в ней, мотивировав тем, что его конфликт с Финляндией касается лишь двух стран. Но и при отсутствии советского представителя заседание состоялось. В итоге обсуждения вопроса Англия и Франция навязали решение об исключении СССР из Лиги Наций. За него проголосовало 29 стран — членов Лиги из 52 (12 государств не направили своих представителей в Женеву, 11 государств воздержались при голосовании), причем многие из них высказали различные оговорки. В частности, Скандинавские страны голосовали за осуждение действий Советского Союза и оказание материальной и моральной помощи Финляндии, но воздержались при голосовании по вопросу об исключении СССР из Лиги Наций, а также о применении санкций против него²³⁰.

Исключение СССР из Лиги Наций объективно способствовало лишь эскалации военных действий. Именно оно было использовано Англией и Францией как предлог для подготовки активного вооруженного вмешательства в советско-финляндский конфликт. В финской литературе отмечалось, что этим западные страны закрыли «еще одну дверь, связывавшую с Советским Союзом» Финляндию²³¹. Заметим также, что заседание, на котором исключили СССР из Лиги Наций, оказалось последним в истории этой организации. Больше ее члены никогда уже не собирались.

Стремление реакционных кругов западных держав подтолкнуть Финляндию на путь войны с Советским Со-

юзом, проявлявшееся еще во время назревания конфликта между ними, преследовало в новой обстановке совершенно определенную цель: превратить возникшее локальное вооруженное столкновение в отправной пункт для «крестового похода» против СССР. Теперь советско-финляндская война заняла важное место в стратегических планах Англии и Франции. Они стали оказывать Финляндии основную помощь в ведении ею боевых действий.

Это не противоречило интересам Германии, которая тогда была связана боевыми действиями на Западе и, опасаясь расширения войны на два фронта, не пошла на предоставление широкой помощи Финляндии. Симпатии фашистского руководства, как подтвердил на Нюрнбергском процессе Риббентроп, были на стороне Финляндии²³².

Формально Германия демонстрировала верность советско-германскому пакту от 23 августа 1939 года и с началом военных действий между Советским Союзом и Финляндией заявила о своем нейтралитете. Представители Германии, несмотря на просьбы финляндского правительства, уклонялись от оказания ему официальной поддержки, понимая, что это приведет к нежелательным для Германии осложнениям с Советским Союзом и помешает ее планам²³³. «Крайне сожалею, что мы не смогли помочь „при первом заходе“. Но это было невозможно», — заявил Гитлер Маннергейму три года спустя²³⁴. Тем не менее Германия поставляла Финляндии оружие, передала в ее распоряжение свои линии связи, готовила к отправке туда батальон добровольцев и т. д.²³⁵.

Еще больше чувствовалось, как Германия на деле была заинтересована в расширении советско-финляндской войны, во втягивании в нее Англии и Франции, с которыми она воевала. Советский посол в Лондоне И. М. Майский сообщал в то время в Москву: «Германский миндел ведет сейчас такую линию: сравить СССР с Англией и Францией, используя для этого финские события в надежде довести дело до окончательного разрыва между Москвой и „западными державами“, затягивать финскую войну...»²³⁶ Вполне понятно, что Берлин не хотел выполнять посредническую миссию для достижения мира между СССР и Финляндией²³⁷.

Позиция Германии улавливалась в Финляндии²³⁸. Впоследствии Ю. Ниукканен писал: «Германия охотно приветствовала бы энергичную помощь нам со стороны

западных держав и их присоединение к нашему фронту в войне против Советского Союза... Ничто не могло быть более желанным для Германии, как выступление Англии против Советского Союза»²³⁹. К тому же Берлин давал понять Швеции и Норвегии, что Германия положительно относится к участию Скандинавских стран в войне Финляндии против СССР. До сведения шведского руководства было доведено, что Германия не предпримет санкции против Швеции, если та выступит на стороне Финляндии²⁴⁰.

В такой обстановке Р. Рюти еще 1 декабря обратился к Англии и Франции за военной помощью. Реакция на это последовала довольно быстро. В Англии, по словам финского посланника в Лондоне Г. Грипенберга, интерес к вооруженному столкновению Финляндии и Советского Союза «возрос так, что они забыли о своей собственной» войне²⁴¹. Спустя три дня после обращения Р. Рюти английское руководство приняло решение о необходимости «помогать Финляндии по политическим причинам»²⁴². И хотя советско-финляндские боевые действия не влияли на стратегические позиции Англии и Франции, в Лондоне объясняли, что «это может стать прелюдией к дальнейшим экспансионистским планам русских...». При этом уточнялось далее следующим образом: «Если русская агрессия распространится в юго-западную Европу, то мы будем вынуждены объявить войну, хотим ли мы этого или нет»²⁴³.

Учитывая заинтересованность англо-французских союзников в войне, которая велась Финляндией против СССР, и надеясь на возможность осуществления ими интервенции, в Хельсинки стали проявлять решимость в дальнейшем наращивании боевых действий. Предполагалось еще до получения действенной военной помощи от Англии и Франции сковать силы Красной Армии, а затем перейти вместе с их войсками в контрнаступление и перенести военные действия на советскую территорию²⁴⁴.

Вскоре помощь Запада вооружением пошла в Финляндию. Англия направила ей 88 самолетов, 121 орудие, 211 тыс. снарядов, 40 тыс. ручных гранат, 450 тыс. противотанковых мин, миллионы патронов, некоторое количество танков, катеров и другие военные материалы²⁴⁵. Не менее щедрая помощь поступила из Франции: 156 самолетов, 210 орудий, более 5 тыс. пулеметов, 20 тыс. гранат, 11 млн. патронов и другое вооружение²⁴⁶.

Вообще в ходе войны тринадцать различных капиталистических государств направляли в Финляндию вооружение, боеприпасы и снаряжение²⁴⁷. В частности, из Швеции поступило 28 самолетов, 117 млн. патронов, 200 орудий, 22,5 тыс. снарядов и другое вооружение. США поставили 44 самолета, 232 орудия, 2 тыс. пулеметов, 350 тыс. снарядов, 150 тыс. гранат, 68 млн. патронов, военные материалы²⁴⁸. Значительную военную помощь оказали также Южно-Африканский Союз, Италия, Венгрия, Испания, Бельгия. В Финляндию прибыло более 11 тыс. добровольцев из Англии, США, Скандинавских стран и некоторых других государств²⁴⁹. Большинство из них, однако, не успело принять участия в боях.

Несмотря на то что военные действия между СССР и Финляндией происходили в период уже начавшейся второй мировой войны, они не были ее составной частью. Но, имея локальный характер, советско-финляндский военный конфликт мог перерасти в открытое столкновение с теми силами, которые стояли за спиной Финляндии. В этом случае Финляндия и Советский Союз оказались бы втянутыми в мировую войну.

Под видом оказания помощи Финляндии в Лондоне и Париже принялись за спешную разработку планов нападения на СССР с тем, чтобы превратить советско-финляндскую войну в отправной пункт организации объединенного военного похода стран Запада против СССР. С началом войны правительства Англии и Франции потребовали от своих генеральных штабов новой оценки обстановки относительно «преимуществ и вреда, могущих возникнуть для нас, если мы официально или неофициально объявим войну СССР»²⁵⁰.

Конкретные замыслы относительно развертывания военных действий против СССР в Англии появились уже с начала второй мировой войны. 9 сентября 1939 года У. Черчилль предложил английскому правительству план под кодовым названием «Кэтерин», которым предусматривалось нанесение удара по СССР со стороны Балтийского моря²⁵¹. Подготовка к его осуществлению, однако, требовала значительного времени. К концу года появились новые, более масштабные замыслы нападения на Советский Союз как с севера, так и с юга. Мыслилось, что Германия в случае осуществления такого плана могла бы предпринять со своей стороны «естественный шаг» и осуществить вторжение в центральные районы Советского Союза²⁵².

Для удара с севера предусматривалось использовать территорию Скандинавии. Предлогом для этого намечалось считать оказание помощи Финляндии в войне против Советского Союза. 19 декабря высший военный совет союзников принял решение о подготовке такого нападения. Англия и Франция при этом рассчитывали вовлечь в войну на своей стороне Норвегию и Швецию и путем открытия нового театра военных действий ослабить давление на Западном фронте, а также лишить Германию шведской железной руды. Началось усиленное запугивание их угрозой «советской агрессии». Одновременно было сообщено, что западные державы «готовы прийти к ним на помощь в случае осложнений, которые могут наступить, если Швеция и Норвегия окажут помощь Финляндии»²⁵³.

16 января 1940 года союзники закончили подготовку плана переброски части английских и французских войск в Финляндию через территорию Швеции и Норвегии²⁵⁴. Предусматривалась высадка в районе Петсамо 100-тысячного экспедиционного корпуса для быстрого захвата Мурманска, полуострова Рыбачьего и последующего продвижения на юг²⁵⁵. Дело оставалось за получением официального обращения правительства Финляндии, а также согласия со стороны Норвегии и Швеции. В ставку Маннергейма прибыли в качестве связных генерал Ч. Линг из Англии и полковник Ж. Ганеваль из Франции.

В свою очередь министр иностранных дел Финляндии В. Таннер совершил ряд поездок в Стокгольм, чтобы выяснить, даст ли правительство Швеции согласие на пропуск через свою территорию экспедиционных войск²⁵⁶. Однако правительства Швеции и Норвегии сознавали опасность, которую влекло за собой втягивание своих стран в мировую войну и превращение их в театр военных действий. Швеция заявила, что не поступится своим нейтралитетом ради Финляндии и не разрешит пропуск экспедиционных частей через свою территорию. В этой связи В. Таннер с горечью писал впоследствии, что Швеция «больше внимания обращала на собственное положение и собственную безопасность»²⁵⁷. Норвежское правительство также не пошло на оказание помощи Финляндии вне рамок правовых норм нейтралитета²⁵⁸.

Финским руководителям было известно, что планы интервенции союзников продиктованы отнюдь не стремлением помочь Финляндии, а желанием «переключить»

мировую войну на Советский Союз. Тем не менее одержимость устремлений антисоветского характера брала у них верх над любыми другими соображениями, вплоть до высших национальных интересов. Р. Рюти считал, что «у нас в руках все козыри» и предложение союзников об интервенции открывает большие перспективы для Финляндии, «если его правильно использовать»²⁵⁹.

Следовало ожидать, что Финляндия сразу проявит решительность в принятии англо-французской помощи и активизирует боевые действия на фронте. Но этого не наблюдалось. И на Западе не очень спешили с высадкой экспедиционных войск. Только 5 февраля 1940 года высший военный совет Англии и Франции окончательно принял решение направить войска в Финляндию. А все это время Финляндия, по словам В. Таннера, находилась «в критическом положении»²⁶⁰.

В условиях относительной стабильности фронта Советское правительство положительно отнеслось к мирному зондажу, который стал неофициально предприниматься со стороны Швеции и Норвегии. В январе 1940 года в Стокгольм прибыла видная финская писательница и общественный деятель Х. Вуолийоки, имевшая санкции министра иностранных дел В. Таннера²⁶¹. Она встретила там с советскими представителями для обсуждения вопроса об осуществлении мирных переговоров и прекращении войны.

Как отмечает Х. Вуолийоки, с советской стороны было проявлено «исключительно глубокое понимание и дружба» по отношению к финскому народу, выразалось «сожаление по поводу положения дел и самое гуманное стремление помочь заключению мира». При этом вновь подтверждалось, что речь не шла о стремлении Советского Союза «уничтожить независимость Финляндии»²⁶².

После встречи в Стокгольме и информации Х. Вуолийоки об этом в Хельсинки там стали размышлять о продолжении контактов с СССР. Что касалось позиции советской стороны, то она основывалась на необходимости достижения мира с Финляндией. Но считалось, что в изменившейся в ходе войны обстановке следует рассматривать вопрос о дополнительных гарантиях безопасности северо-западных границ СССР. Поэтому когда 29 января 1940 года правительство Финляндии через министерство иностранных дел Швеции было информировано о том, что СССР в принципе не возражает против заключения мира с правительством Р. Рюти, то было высказано пожелание: прежде чем начать переговоры,

необходимо знать, на какие условия мира готова пойти Финляндия ²⁶³.

Разъяснений по этому вопросу со стороны Финляндии не поступило. В конце концов Р. Рюти, В. Таннер и представитель ставки при правительстве генерал Р. Вальден приняли решение не отвечать на советское уведомление. Как объяснил ситуацию посланник Финляндии в Швеции своему американскому коллеге в Стокгольме, правительство отклонило советские условия, надеясь на возможность «получения эффективной помощи от Швеции, а затем и от союзников» ²⁶⁴. Эту позицию, как видно, разделял и Маннергейм. Он считал, что «не следует поддаваться паническому настроению» и вообще «не надо спешить с миром» ²⁶⁵.

Об установившихся контактах с Советским Союзом знал лишь узкий круг лиц. От большинства членов правительства и от парламента это скрывали. Даже президенту К. Каллио о них было сообщено лишь 8 февраля, а комиссии по иностранным делам в правительстве и парламенте узнали об этом еще позже — соответственно 12 и 21 февраля ²⁶⁶.

Зигзаги на пути к миру

Хотя правительство Финляндии и не пошло на переговоры с Советским Союзом, складывавшаяся внутри страны обстановка и военные проблемы требовали принятия безотлагательных решений в направлении достижения мира. С каждым днем войны все острее вставал экономический вопрос. Состояние финской экономики не позволяло делать ставку на ведение затяжной, крупномасштабной войны.

Жесткое государственное регулирование экономики страны позволило на короткий срок поднять военный потенциал Финляндии. Было расширено производство оружия, боеприпасов, снаряжения и различных военных материалов. Это произошло за счет гражданских отраслей хозяйства. Перевод экономики Финляндии на военные рельсы, отмечал шведский исследователь Р. Брюмерт, «уменьшил ту часть общественного продукта предприятий, который мог быть использован в промышленном производстве и в торговле» ²⁶⁷.

Вместе с тем уже сразу возникла проблема обеспечения населения необходимыми товарами и прежде всего продовольствием. Осенью 1939 года было образовано министерство снабжения. Оно должно было решать во-

просы распределения среди населения продуктов питания. В стране была введена карточная система, причем нормы по карточкам составляли от 20 до 60 процентов прежнего уровня потребления²⁶⁸. Заметно выросли налоги. По сравнению с 1938 годом стоимость жизни в Финляндии возросла на 20 процентов²⁶⁹.

Трудности, которые испытывало население, усугублялись введенной обязательной трудовой повинностью, согласно которой каждый гражданин Финляндии в возрасте от 18 до 60 лет был обязан выполнять работу, необходимую для войны. Рабочий день в промышленности увеличился до 9—10 часов²⁷⁰.

В условиях военной обстановки многие невзгоды и трудности экономического характера коснулись прежде всего трудящихся. Но правые лидеры социал-демократии призывали рабочих к отказу от какой-либо классовой борьбы. 23 января 1940 года между руководством Социал-демократической партии и правыми буржуазными кругами было достигнуто особое соглашение. Оно представляло собой договоренность Центрального объединения профсоюзов Финляндии (ЦОПФ), в котором ведущее место занимали социал-демократы, с Центральным союзом предпринимателей о том, чтобы все спорные вопросы между владельцами предприятий и рабочими решались мирным путем. Этим фактически провозглашался классовый мир трудящихся с буржуазией²⁷¹. Правительство же со своей стороны приняло ряд мер, предусматривавших ограничение прав на забастовки и демонстрации, запрещение перехода рабочих с одного предприятия на другое, а также об обязательном нормировании заработной платы. В интересах «единения народа» 15 февраля было заключено соглашение о поддержке социал-демократами реакционной военизированной буржуазной организации шюцкор, классово враждебной трудящимся.

В условиях такой внутривнутриполитической обстановки, когда финское руководство пыталось решать сложные экономические проблемы и предотвратить возможность каких-либо социальных противоречий в стране, наступил решающий этап в ходе боевых действий на фронте. 11 февраля развернулось наступление советских войск на Карельском перешейке. В приказе Военного совета Северо-Западного фронта была поставлена задача сокрушить «линию Маннергейма» и «навсегда обеспечить безопасность северо-западных границ Советского Союза и Ленинграда»²⁷².

В районе прорыва 7-й армии против II корпуса и созданного под командованием генерал-майора Т. Латайненна нового I корпуса было сосредоточено значительное количество боевой техники: более тысячи орудий и столько же танков. Главный удар наносился 19-м и 50-м стрелковыми корпусами на 17-километровом участке в направлении станции Лейпясуо.

В результате массированного артиллерийского огня и сильных атак советских бойцов части II армейского корпуса финнов оказались в трудном положении. В районе Суммы наметился прорыв в финской обороне. Особенно ожесточенные бои разгорелись 13 февраля у местечка Ляхтее, где оборонялись части 5-й пехотной дивизии II армейского корпуса. Там, писал впоследствии К. Г. Маннергейм, «положение стало критическим». Финские войска, занимавшие укрепленный район, несли огромные потери²⁷³. Несмотря на введенные в бой резервы, положение не удалось стабилизировать.

В ходе трехдневных ожесточенных боев наступавшие войска вклинились в финскую оборону, расширили прорыв и овладели Суммским укрепленным районом. В это же время упорные бои велись за Хотиненский узел «линии Маннергейма». К исходу 14 февраля в результате стремительной атаки 100-й стрелковой дивизии сопротивление частей 5-й пехотной дивизии было сломлено, мощный узел, имевший 13 железобетонных сооружений, полностью перешел в руки советских воинов²⁷⁴.

На следующий день наступавшие части вышли к Лейпясуо, а 16 февраля вступили в Кямья (Гаврилово) — важный опорный пункт на пути к Выборгу. Характеризуя действия частей Красной Армии, участник этих боев, финский военный историк В. Х. Халсти отмечал, что в отличие от первого периода войны теперь наблюдалась иная картина в действиях советских войск: их четкая слаженность, взаимосвязь между пехотой, танками и артиллерией. «Русские напоминали как бы оркестр, где каждый исполнял свою роль и мелодию», — писал он в книге «Зимняя война 1939—1940 гг.»²⁷⁵.

В сложившейся обстановке финское командование, опасаясь, что часть сил II армейского корпуса окажется отрезанной в юго-западном (прибрежном) районе Карельского перешейка, начало отводить свои войска на второй оборонительный рубеж. 18 февраля главная полоса финской обороны от озера Муоланярви (Глубокое) до Финского залива оказалась полностью прорванной.

Крупное поражение финских войск привело к тому, что был отстранен от командования армией «Персшек» генерал-лейтенант Х. Эстерман. Его заменил командир III армейского корпуса генерал-майор А. Хейнрикс. Одновременно ставка финского главного командования стала принимать меры, чтобы с помощью подвижных групп прикрытия приостановить наступление Красной Армии.

Но части 7-й армии решительно продвигались вперед и к 21 февраля вышли ко второй полосе «линии Маннергейма», а войска 13-й армии — к главному рубежу обороны в межозерном дефиле севернее Муолы (Искры). Напряженные боевые действия шли в это время и у побережья Ладожского озера в районе Тайпале (устье реки Бурной), где оборонялись части III армейского корпуса. Его командир генерал-майор П. Талвела записал в своем дневнике: «Здесь непрерывно бушуют ожесточенные и тяжелые бои... На кровавом поле боя в Тайпале столь сильного минометного огня не было за всю прошлую мировую войну»²⁷⁶.

В прибрежной полосе Финского залива частям 7-й армии во взаимодействии с отрядами моряков КБФ во второй половине февраля удалось овладеть в районе Койвисто (Приморска) рядом островов Бьеркского архипелага. При прорыве основного рубежа «линии Маннергейма» советские войска захватили до 500 финских оборонительных сооружений, в том числе 95 железобетонных²⁷⁷.

«Прорвав главную полосу,— отмечал К. А. Мерецков,— мы преодолевали на протяжении нескольких километров отсечные позиции, за которыми натолкнулись на новую оборонительную полосу, а авиация показала, что восемь километрами дальше лежит еще третья полоса»²⁷⁸. Предстояло, таким образом, на пути к Выборгу прорывать еще сложную систему укреплений.

Моральный дух финских солдат в это время существенно изменился. Командир 1-й пехотной дивизии, прикрывавшей выборгское направление, полковник А. Е. Мартола писал: «Солдаты были уставшие, длительное время не спали. Настроение у всех было далеко не блестящее. Ругали Германию, которая бросила нас»²⁷⁹.

Советское правительство в это время не снимало вопроса о достижении мира. Еще 12 февраля Финляндии были переданы конкретные предложения советской стороны. Они включали в качестве дополнительных га-

рантий, кроме предложений, сделанных осенью 1939 года, передачу СССР всего Карельского перешейка и северного побережья Ладожского озера. Советское правительство соглашалось эвакуировать район Петсамо, несмотря на его историческую принадлежность к России, и заключить договор с Финляндией и Эстонией о совместной обороне Финского залива²⁸⁰.

На это правительство Финляндии сообщило 23 февраля, что оно в принципе принимает советские условия, рассматривая их как «отправную точку», и согласилось на них²⁸¹.

27 февраля в Стокгольме состоялась встреча полпреда СССР А. М. Коллонтай с В. Таннером. В ходе ее Таннер поднял вопрос о неприемлемости некоторых территориальных условий советской стороны и предложил отсрочить дальнейшие переговоры. Р. Рютти, со своей стороны, пробовал угрожать, заявляя, что Финляндия в случае неблагоприятных для нее условий мира использует для реванша «первую же удобную возможность, как только Россия окажется в трудном положении»²⁸².

Затягивая переговоры, В. Таннер одновременно пытался, по его выражению, «приставить нож к горлу западных держав» — ускорить интервенцию. За это выступал и К. Г. Маннергейм²⁸³. В тот день, когда шли переговоры в Стокгольме, Р. Рютти срочно направил в Лондон и Париж просьбу внести коррективы в «график» отправки экспедиционных сил в Финляндию и «сделать все возможное», чтобы это осуществилось как можно скорее²⁸⁴.

Затягивание правительством Финляндии переговоров вынудило советское руководство продолжать наступление и штурмовать следующую, вторую полосу укреплений «линии Маннергейма». В соответствии с приказом командующего Северо-Западным фронтом наступление было возобновлено 28 февраля. Войска получили задачу прорвать вторую полосу финской обороны и овладеть городом Выборгом²⁸⁵.

Финская армия к этому времени была значительно усилена за счет военных поставок из западных стран. Приблизительно в два раза в ней возросло число полевых и зенитных орудий, противотанковых пушек, минометов. Количество самолетов достигло 409²⁸⁶. Группировка финских войск на Карельском перешейке пополнилась новыми частями.

Для прорыва второй полосы «линии Маннергейма» на главном, выборгском, направлении были сосредото-

чены после перегруппировки войск 7-й армии 19, 50, 10 и 34-й стрелковые корпуса²⁸⁷. Наступление началось мощной полуторачасовой артиллерийской подготовкой. Двинувшаяся затем на штурм укреплений пехота подерживалась танками и авиацией. Сломив сопротивление противника, войска 7-й армии 29 февраля вышли на линию Хейниоки (Вещево) — Аласяйние (Верхнечеркасово) — Лиханиеми (район побережья Финского залива) и полностью овладели юго-западной частью Карельского перешейка. Финские части стали отходить на широком участке фронта — от реки Вуоксы до Выборгского залива.

Успешно действовал 50-й стрелковый корпус под руководством комкора Ф. Д. Гореленко. Его части в трудных условиях, двигаясь по глубокому снегу, вышли 2 марта к тыловой оборонительной полосе финских войск северо-восточнее Выборга, перерезав железную дорогу, связывавшую его с Антреа, где находился штаб армии «Перешеек». Одновременно 34-й стрелковый корпус комдива К. П. Пядышева головными частями достиг южных окраин Выборга. При прорыве второй полосы укреплений наступавшие войска захватили и уничтожили 216 оборонительных сооружений, из которых 39 являлись железобетонными²⁸⁸.

Несколькими днями позднее войска 13-й армии, наступая на кексгольмском направлении, в двух местах форсировали реку Вуоксу. Об ожесточенности боев на этом участке дает представление доклад командира 2-й пехотной дивизии полковника Э. Р. Коскимиеса 26 февраля генералу П. Талвела: «Сегодня живы еще, завтра — на грани гибели, а послезавтра 2-й дивизии больше не будет, если во всяком случае не получим помощи от III армейского корпуса»²⁸⁹.

В условиях, когда вторая полоса обороны на Карельском перешейке оказалась прорванной, правительство Финляндии 29 февраля, не дожидаясь ответа от западных союзников, решило принять в качестве основы советские предложения, полученные неделю назад²⁹⁰. Однако на следующий день, 1 марта, появилось новое заключение, что следует все же отказаться от принятия предложения СССР, поскольку можно еще «продолжать вести войну». Даже высказывалось мнение о необходимости начать «бомбить Петербург»²⁹¹. Все эти колебания появились под влиянием заявлений Лондона и Парижа о скорой помощи Финляндии экспедиционными войсками.

Действительно, Англия и Франция, встревоженные поступающими к ним данными относительно возможного мирного разрешения советско-финляндского конфликта, стремились не допустить этого. По свидетельству В. Таннера, «едва правительство (Финляндии.— *Ред.*) вынесло решение, как извне началось сильное давление» на него²⁹². Англия и Франция считали, что «Финляндии суждено сыграть роль важной шахматной фигуры в стратегических военных планах западных держав» и финны должны понять, что «помощь предложена» им «не за синие глаза»²⁹³. Хотел Таннер того или нет, но он подтвердил: в войне, которая велась против Советского Союза, Финляндия рассматривалась как марионетка империалистических держав Запада, ей отводилась роль антисоветского военного плацдарма.

1 марта начальник генерального штаба английской армии фельдмаршал Э. Айронсайд пригласил к себе финского военного представителя полковника А. Паасонена и сообщил ему, что западные державы имеют цель без промедления направить в Финляндию войска численностью 50 тыс. человек и в последующем увеличить их контингент²⁹⁴. А несколько часов спустя финский посланник в Лондоне Г. Грипенберг телеграфировал в Хельсинки, что согласно информации, переданной ему министром иностранных дел Англии Э. Галифаксом, правительства Англии и Франции обратятся 2 марта к шведскому и норвежскому правительствам с просьбой дать согласие на пропуск англо-французских войск в Финляндию. При этом подчеркивалось, что «союзники отправят экспедиционные войска в Финляндию в таком количестве, насколько позволит пропускная способность портов и железных дорог»²⁹⁵.

Тем временем советские войска продолжали наступать. 4 марта 70-я стрелковая дивизия, руководимая комдивом М. П. Кирпоносом, форсировала залив и обошла Выборгский укрепленный район с северо-запада. Весь следующий день шли бои за расширение захваченного плацдарма и увенчались успехом. Части дивизии овладели 40-километровой прибрежной полосой и закрепились на достигнутом рубеже.

Об этом успехе было немедленно сообщено в Ставку Главного командования Красной Армии. Вскоре после этого 7-я армия получила задачу взять Выборг в течение двух-трех дней. К. А. Мерецков вспоминал об этом впоследствии так: И. В. Сталин, передавший ему распоряжение, говорил, что «для заключения мирного до-

говора необходимо, чтобы противник убедился, что дорога на Хельсинки открыта»²⁹⁶.

Наступил момент, когда правительство Финляндии должно было решить окончательно: или предоставить территорию страны для войск Англии и Франции, готовившихся начать вооруженные действия против Советского Союза, или пойти на заключение мира с ним. При этом становилось ясным, что превращение страны в поле боя второй мировой войны означало бы для Финляндии полную катастрофу. «Если мир по какой-либо причине не удалось бы заключить,— писал финский военный историк Х. Сеппяля,—последствия оказались бы роковыми»²⁹⁷.

4 марта К. Г. Маннергейм высказал правительству мнение, что дальнейшее продолжение войны становится бессмысленным. Это, очевидно, оказало свое воздействие. Когда Советский Союз 6 марта вновь предложил начать официальные переговоры о заключении мира, правительство Финляндии согласилось на них.

Переговоры начались в Москве 7 марта. В состав делегации Финляндии входили Р. Рюти, министр Ю. К. Паасикиви, председатель парламентской комиссии по иностранным делам В. Войонмаа и генерал Р. Вальден, в состав делегации СССР — В. М. Молотов, А. А. Жданов и комбриг А. М. Василевский.

Уже на следующий день нажим западных держав на правительственные круги в Хельсинки принял еще более активный характер. Из Парижа специально прилетел полковник А. Паасонен для того, чтобы сообщить, что Англия и Франция решили увеличить количество войск, предназначенных для отправки в Финляндию, до 57 тыс. человек. В этой информации указывалось также, что посылка первой партии войск в количестве 15,5 тыс. человек назначена на 15 марта²⁹⁸.

Вслед за этим, вечером того же дня, во время заседания Государственного совета Финляндии, вновь обсуждавшего сложившееся положение, прибыл посланник США Х. Шоенфельд и просил срочно принять его. По поручению своего правительства он запрашивал: «...желает ли Финляндия вмешательства Соединенных Штатов Америки в ее дела?»²⁹⁹.

Вряд ли произошло совпадение в таком последовательном нажиме на финское руководство. Англия, Франция и США спешили сделать все возможное, чтобы не допустить прекращения Финляндией войны.

В Москве в это время финляндская делегация, ссы-

даясь на необходимость консультаций с Хельсинки, еще не давала окончательного ответа на советские предложения. Какие же требовались консультации? Дело заключалось в том, что Маннергейм высказывался за изменение позиции, склоняясь к необходимости принять действенную помощь от Запада. В Москву через Швецию сразу же направили шифровку в адрес финляндской делегации с сообщением об этом. Получив такое уведомление, делегация «готова была прекратить ведение переговоров и покинуть Москву», причем «обсуждалось даже время отлета самолета»³⁰⁰.

В такой обстановке для советских войск было чрезвычайно важным усилить продвижение вперед на западном побережье Выборгского залива, взломать третью (тыловую) оборонительную полосу и овладеть Выборгским укрепленным районом.

7 марта 10-й и 28-й стрелковые корпуса в упорных боях расширили прибрежный плацдарм западнее Выборга. 50-й и 30-й стрелковые корпуса, наступавшие на Выборг с юга и юго-востока, также добились заметного успеха. На их участке обозначился прорыв к предместьям города³⁰¹. Маннергейм сообщал своему правительству: «Положение тяжелое. Новые войска перебрасываются через Выборгский залив... Мы не можем отбросить их назад... Это последняя наша линия...»³⁰²

В течение 8 марта финское командование предприняло огромные усилия, чтобы приостановить наступление советских войск на прибрежном плацдарме и не допустить их вступления в Выборг. На направлении Выборг — Хельсинки создавался заслон в виде особой группы «Хамина» под командованием генерал-майора Э. Ф. Ханелля. Ей придавались части, находившиеся к западу от Выборгского залива и составлявшие береговую оборону города Котка³⁰³. В это же время в районе Выборга сосредоточивались значительные силы за счет переброски войск с других участков фронта³⁰⁴. И тем не менее руководство финской армии не видело возможности стабилизировать положение. В докладе командующего войсками на Карельском перешейке генерала А. Хейнрикса К. Г. Маннергейму делался вывод о невозможности продолжать войну³⁰⁵.

9 и 10 марта в районе Выборга продолжались исключительно ожесточенные бои. 11 марта части 28-го корпуса прорвались к шоссе Выборг — Хельсинки и перерезали его. В тот же день все корпуса 7-й армии по-

сле артподготовки развернули непосредственное наступление на Выборг.

К этому времени финская армия понесла ощутимые потери. Они, согласно официальным данным, опубликованным в Финляндии, составили свыше 23 тыс. убитыми и 45 тыс. ранеными³⁰⁶. Переговоры же финской стороны с западными державами показывали, что предлагаемая ими помощь являлась недостаточной для Финляндии и могла поступить с большим опозданием.

Из Лондона и Парижа заверяли, что посылка войск будет осуществляться без промедления, лишь бы Финляндия официально запросила помощь. 11 марта премьер-министр Англии О. Чемберлен заявил в парламенте, что дело за правительством Финляндии и «в случае его обращения с просьбой об оказании дальнейшей поддержки, они немедленно придут на помощь финнам всем, чем возможно»³⁰⁷. Аналогичное заявление было сделано премьер-министром Франции Э. Даладье. Военно-морской министр Англии У. Черчилль срочно прибыл в Париж, где совместно с премьер-министром Даладье заявил финляндским представителям, что, если Финляндия пожелает, «акция Запада будет начата немедленно; Норвегию и Швецию больше не спросят, их только проинформируют»³⁰⁸.

А обстановка на фронте достигла своей кульминации. Советские войска начали штурм Выборга. Перед финским командованием встал вопрос: куда сместится фронт, когда англо-французские войска вступят на территорию Финляндии? Ведь, по данным посланника в Лондоне Г. Грипенберга, экспедиционный корпус готовили для посадки на корабли только к 12 марта³⁰⁹. Р. Гюти, как писал А. Пакаслаhti, считал, что после 12 марта советские войска в течение двух-трех недель могли оказаться в Хельсинки³¹⁰.

В конце концов финляндской делегации в Москве были даны необходимые полномочия для заключения мирного договора. 12 марта в 22 часа он был подписан. Согласно Договору 13 марта в 12.00 военные действия между Советским Союзом и Финляндией прекратились. К этому времени 165-я танковая бригада и 7-я стрелковая дивизия 7-й армии вели уже бои в южной части Выборга. По свидетельству ряда финских военачальников, заключение мира спасло финскую армию от разгрома, поскольку «противостоять превосходящей силе было невозможно»³¹¹.

Мирный договор основывался на признании полной

независимости Финляндии и на невмешательстве в ее внутренние дела. Финляндии не было предъявлено каких-либо требований о контрибуциях или разоружении армии. Не поднимался и вопрос о заключении договора о взаимной помощи, которым западные державы пугали финляндское правительство, а оно в свою очередь создавало соответствующее общественное мнение в стране.

Единственной целью Договора, как отмечалось в его преамбуле, было обеспечение безопасности северо-западных границ СССР, важнейших жизненных центров и коммуникаций страны — Ленинграда, незамерзающего Мурманского порта и Кировской железной дороги. С учетом этого определялась новая линия государственной границы между СССР и Финляндией, которая, по существу, восстанавливала историческую российско-финляндскую границу, существовавшую до 1808 года. В пределы СССР вошли: Карельский перешеек с городом Выборгом, район Куолаярви, ряд островов в Финском заливе, а также части полуостровов Рыбачьего и Среднего. Финляндия сдавала Советскому Союзу в аренду на 30 лет полуостров Ханко для создания там военно-морской базы, которая должна была прикрывать вход в Финский залив³¹². Все это существенно улучшало стратегическую обстановку в Балтийском море и на Севере при необходимости отражения возможной агрессии.

Финляндия и Советский Союз взяли обязательство воздерживаться от нападения друг на друга и не заключать каких-либо союзов или участвовать в коалициях, направленных против договаривающихся сторон. Если первое обязательство было ранее зафиксировано в Договоре 1932 года о ненападении, то требование о неучастии во враждебных коалициях или заключении союзов, направленных против каждой из сторон, было принципиально новым обязательством, которое взяло на себя правительство Финляндии. С советской стороны оно рассматривалось как политическая гарантия будущего курса внешней политики Финляндии. Это положение позднее вошло в Мирный договор с Финляндией 1947 года и стало составной частью Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, одним из важнейших принципов современных советско-финляндских отношений.

Заключение мира опрокинуло планы империалистов западных держав превратить Финляндию в поле сра-

жения, создать под видом помощи ей единый антисоветский фронт и начать «крестовый поход» против СССР.

По мере того как время удаляет людей от этих событий, а прежние тезисы пропаганды уступают место серьезному анализу конкретных фактов и явлений, все чаще в зарубежной исторической литературе даются реалистические оценки существа событий, связанных с советско-финляндской войной 1939—1940 годов. Прогрессивные органы печати и объективные исследователи в Финляндии, обстоятельно рассматривая эти события, приходят к выводу, что со стороны Финляндии эта война была серией внешнеполитических ошибок и результатом сознательно проводившегося милитаристского курса, явилась «логическим следствием националистической политики 20-х и 30-х годов».

Угрозы независимости Финляндии со стороны Советского Союза в 1939 году, а также до этого или позже не было. Ю. К. Паасикиви, неоднократно обращавшийся к вопросу о причинах обострения финляндско-советских отношений до возникновения трагического конфликта, писал: «Ошибочная и неправильная политика вовлекла нас в 1939 году в войну, которая закончилась так, как только и могла закончиться». И далее он с полной убежденностью говорил, что осенью у Финляндии «была возможность уступить и заключить договор с Советским Союзом на условиях, которые не оскорбляли нашу честь и которые в материальном отношении были намного выгоднее, чем те, на которые мы были вынуждены согласиться по Московскому миру». В результате, заключает он, «несчастливая война отравила наши отношения с руководителями Советского Союза и привела к тому, что Советский Союз полностью утратил доверие к нам»³¹³.

Мнение Паасикиви находит поддержку среди финских и других историков в западных странах. В частности, профессор Ю. Невакиви ставит вопрос так: было ли у Советского Союза время для выжидания, пока Финляндия «созреет для уступок»? И отвечает: «Гитлер мог бы, как того желали и западные державы, после захвата Польши повернуть оружие непосредственно против СССР»³¹⁴.

Вместе с тем в Финляндии до сих пор существуют взгляды о неизбежности войны с Советским Союзом в 1939 году. Более того, встречаются рассуждения даже о «необходимости „зимней войны“», поскольку она якобы «вынесла Финляндию на карту мира», дала ей изве-

стность. Наиболее часто сторонники таких взглядов ссылаются на то, что будто бы «против соглашения с Советским Союзом был финский народ» и оно «не получило бы поддержки в парламенте». По существу, в этом заключено стремление скрыть истину. Из рассмотренных выше событий видно, что политику делал узкий круг руководителей, а народ и парламент ставились перед фактом уже готового решения.

Первый вице-председатель парламента Э. Линкомиес писал, что если бы правительство хотело, то могло бы склонить парламент и народ к принятию предложений Советского Союза и, таким образом, предотвратить возникновение военного конфликта³¹⁵. Это подчеркивал и член комиссии парламента по иностранным делам К. О. Фрич: «Если бы до сведения парламента была доведена вся серьезность положения и то, что оно являлось серьезным уже в 1938 году, позиция парламента во время переговоров 1939 года была бы иной»³¹⁶. По мнению историка Т. Сойкканена, внутривластные предпосылки для достижения взаимопонимания с Советским Союзом в октябре — ноябре 1939 года были значительно более благоприятными, чем во время визита Р. Холсти в Москву и переговоров в 1938-м — начале 1939 года³¹⁷. Премьер-министр Швеции Т. Эрландер выражал убеждение, что «зимней войны можно было бы избежать», но правительство Финляндии «скрывало положение дел»³¹⁸.

С советской стороны, несомненно, должна была последовать максимальная гибкость в разрешении конфликтной ситуации с Финляндией, когда дипломатические средства оказались исчерпанными. 105-дневная война нанесла серьезный ущерб престижу Советского Союза на международной арене.

Действия советских войск в начальный период войны убедительно подтвердили тот факт, что с их стороны не велось заблаговременной подготовки к нанесению удара по Финляндии. Но с другой стороны, ход боев показал все теневые стороны состоящих Вооруженных Сил СССР, их организации, уровня подготовки командного и рядового состава, оснащения боевой техникой, оружием и снаряжением. Выявились серьезные недостатки в тыловом обеспечении. Агрессивные силы империалистических держав, и прежде всего фашистская Германия, из этих фактов сделали для себя соответствующий вывод.

Мир или перемирие?

Мирный договор открывал благоприятные возможности для восстановления прерванных войной отношений между Финляндией и Советским Союзом и налаживания добрососедства. Заключая его, финское руководство, однако, стало сразу же рассматривать Мирный договор как «вооруженное перемирие». Бралась ориентация на то, что мир «не будет постоянным: генералитет и офицерство имеют в виду получить передышку, чтобы затем, осуществив перевооружение армии, разгромить противника». Такую позицию разделяли прежде всего Р. Рюти, К. Г. Маннергейм, Р. Вальден, Ю. Никканен, В. Таннер³¹⁹.

Эти взгляды завуалированно пропагандировались и в печати. «Новый день еще может все изменить»,— писал орган коалиционеров «Ууси Суоми»³²⁰. Другая, самая крупная в стране газета «Хельсингин саномат» заявляла, что ролью Финляндии и в будущем остается быть «стержнем западной цивилизации»³²¹.

Не вязалось с мирными условиями и то, что в стране было сохранено военное положение. Численность армии в два раза превышала ее уровень мирного времени, а срок военной службы был увеличен до двух лет. Значительные воинские контингенты размещались в близких к СССР районах, где по приказу К. Г. Маннергейма с 22 марта 1940 года началось интенсивное возведение укреплений. По его указанию сразу после окончания войны было избрано новое место расположения ставки, и осенью там началось строительство³²².

Устремления реваншистского характера, естественно, не могли реализоваться без опоры на внешние силы. Но куда должна была повернуться в Хельсинки стрелка внешнеполитического компаса? Германия, по словам немецкого посланника В. Блюхера, все еще вызывала у финнов «большое разочарование»³²³. Что касается Англии и Франции, то было весьма сомнительно, что «западные державы приступят к широкомасштабным военным действиям в пользу Финляндии, не присовокупив к этому свои собственные интересы»³²⁴. С подписанием же Мирного договора в Москве утратился былой интерес в Лондоне и Париже к финляндской проблеме. Не случайно У. Черчилль заявил в марте 1940 года, что, с точки зрения союзников, Финляндия «в любом случае потеряна»³²⁵.

В такой обстановке финское руководство решило активизировать действия в целях создания военного союза северных стран, назвав его «оборонительным». Идея союза, однако, улавливалась в Скандинавии. По словам председателя норвежского стортинга К. Хамбро, союз «помог бы Финляндии возвратить утраченные территории»³²⁶.

Когда стали известны намерения Финляндии, связанные с «оборонительным союзом» северных стран, Советское правительство вполне обоснованно заняло резко отрицательную позицию к этому плану. Участие Финляндии в таком союзе оказалось бы прямым нарушением Мирного договора.

Но финское руководство настойчиво добивалось создания северного военного союза. Переговоры об этом по инициативе Финляндии начались со Швецией и Норвегией еще во время войны. Тогда, в конце февраля 1940 года, в Стокгольме премьер-министр Швеции П. А. Ханссон склонялся к возможности создания чисто оборонительного союза северных государств, хотя подчеркивал при этом сложность данного вопроса³²⁷.

В сущности нового союза четко прорисовывалась его антисоветская направленность. Ни Стокгольм, ни Осло не были склонны идти по пути военной конфронтации с СССР. К тому же в этих странах главную опасность для себя все отчетливее видели в фашистской Германии³²⁸. Правительства Скандинавских стран не могли не учитывать отрицательного отношения Советского Союза к вынашивавшейся идее военной блокировки северных государств с реваншистскими устремлениями.

Тем временем Гитлер 26 марта 1940 года принял решение осуществить агрессию в Скандинавию. В начале апреля германская армия оккупировала Данию и Норвегию. В результате вооруженные силы Германии выдвинулись к границе Советского Союза в Заполярье, а в бассейне Балтийского моря взяли под контроль проливы, вплотную приблизившись к берегам Швеции и усилив угрозу морским коммуникациям СССР. Вслед за этим были захвачены Бельгия и Голландия, капитулировала Франция и потерпели поражение английские войска под Дюнкерком.

Происшедшие события не могли не повлиять на политические и военные круги Финляндии. В. Блюхер доносил в Берлин 22 мая о том, что германские победы на Западе, захват Голландии и Бельгии произвели глубокое впечатление в Финляндии и определяющее поло-

жение стали занимать те социальные круги, которые положительно относятся к Германии³²⁹.

Правительство Финляндии не только не высказало протеста против оккупации Норвегии Германией, но даже обратилось к германскому правительству с просьбой расширить оккупацию северных районов этой страны. В июне 1940 года Финляндия разорвала отношения с находившимся в эмиграции правительством Норвегии³³⁰.

Таким образом, вопрос о «Северном оборонительном союзе» сам собой отпал. Как писал генерал П. Талвела, «вести вторую войну против Советского Союза было бы безнадежно. Германия являлась единственной нашей слабой надеждой, и мы интенсивно обдумывали способы, чтобы можно было сблизиться с нею»³³¹.

23 марта Р. Рюти охарактеризовал курс правительства как «известное сближение с Германией»³³². Еще раньше Ю. Нюкканен заявил, что «мир означает переход на позиции Германии» и она является единственной, кто окажет Финляндии поддержку³³³. Эти высказывания свидетельствовали о том, что в кругах финского руководства внимание было сосредоточено на укреплении связей с Германией.

Усиление прогерманского направления можно было усмотреть и в том, как было реорганизовано новое правительство. 27 марта в составе кабинета Р. Рюти министром иностранных дел оказался откровенный сторонник фашистской Германии Р. Виттинг. Министром обороны стал (по настоянию К. Г. Маннергейма) генерал Р. Вальден. В. Таннер был утвержден министром снабжения. Весьма характерным было заявление, сделанное позднее Р. Виттингом германскому посланнику В. Блюхеру о том, что в Финляндии стремятся к образованию такого правительства, которое бы ориентировалось единственно на Берлин³³⁴.

Воинственно настроенные и прогерманские круги хотели видеть на посту президента Финляндии более решительного проводника их политики. 17 марта в газете «Ууси Суоми» была опубликована передовая статья, в которой говорилось, что К. Каллио следовало бы уйти в отставку. Но организованная в прессе кампания за смещение Каллио не дала результатов. Правда, влияние его в области осуществления внешней политики существенно ограничилось³³⁵.

В нарушение закона президенту Финляндии не были возвращены полномочия главнокомандующего в мирное

время. Значительно ослабла и конституционная власть парламента. При решении важных государственных вопросов он часто стал оказываться в стороне³³⁶. Сохранив за собой пост главнокомандующего, Маннергейм получил на деле неограниченную власть. Распоряжения его выполнялись фактически беспрекословно³³⁷. По словам профессора М. Ёкипин, «никогда прежде в независимой Финляндии не было так централизовано управление и предоставлены ему большие полномочия, как это стало во время «перемирия»³³⁸.

К. Г. Маннергейм, Р. Вальден, Р. Рюти, Р. Виттинг и В. Таннер образовали так называемый внутренний правящий круг, тесно связанный с крупным капиталом. Эта группа в нарушение конституции страны и обязательств по международным договорам, втайне от народа, а во многом и от парламента и остальных членов правительства диктаторскими методами решала все важнейшие вопросы³³⁹ и вершила судьбами страны. Правительство, как правило, лишь истолковывало принятые ею решения³⁴⁰.

В финской исторической литературе можно встретить утверждение, будто бы «правительство действовало на широкой базе» и это якобы позволяло «вырабатывать взгляды, соответствовавшие быстро меняющейся обстановке»³⁴¹. В действительности дело обстояло не так и оперативность решений достигалась в результате того, что они принимались в узком кругу. В Финляндии шел процесс, приближавший ее к авторитарному режиму. Это отмечали и германские газеты, писавшие, что в Финляндии после марта 1940 года «начала вырисовываться основная линия авторитарного режима» и она «готовится к включению в новый порядок в Европе»³⁴². Были, однако, в этом процессе и свои особенности.

Одной из сложных проблем 1940 года было фактическое двоевластие: наряду с правительством властью обладала и главная ставка. Как писал известный политический деятель Финляндии К. Фагерхольм, являвшийся в тот период министром, «в Финляндии есть два правительства: правительство в Хельсинки, власть которого кончается на восточной окраине столицы; после этого есть только Маннергейм»³⁴³.

В сложившихся условиях фактического дуализма политического и военного руководства в стране существовала при этом общая согласованная линия действий в проведении прогерманской политики. Замкнутый уз-

кий круг финского руководства проводил эту политику по всем линиям сближения с гитлеровской Германией — политической, экономической, военной и идеологической.

Финская сторона стремилась прежде всего оформить политическое сотрудничество с Германией. 26 апреля финляндский посланник в Берлине А. Вуоримаа передал начальнику политического отдела МИД Германии Э. Вейцекеру пожелание Финляндии восстановить «прежние отношения»³⁴⁴. Р. Рюти заявил, что «все будущее экономическое и политическое развитие Финляндии может осуществляться лишь в рамках полного и добровольного приспособления к планам Германии»³⁴⁵. О необходимости ориентации на Германию говорил и В. Таннер, утверждавший, что в будущем в Европе «руководящую роль станут играть державы оси. Будут государства-руководители, имеющие власть и оружие, и остальные, которые должны работать и которые должны жить по указаниям государств-руководителей»³⁴⁶. Таким видели в Хельсинки развитие отношений с Германией в перспективе.

Позднее Гитлер отметил, что «весной 1940 года финны напрашивались на протекторат Германии»³⁴⁷. Действительно, в правительственных кругах Финляндии были разработаны планы создания в стране открыто прогерманского правительства и установления Германией протектората над Финляндией. Его осуществление предполагалось в прямой форме или же косвенной — в рамках военного объединения народов северо-западной части Балтийского моря, что пропагандировалось в то время Берлином³⁴⁸.

Практический шаг в этом направлении был сделан летом 1940 года. Р. Виттинг сообщил тогда германскому посланнику, что он и премьер-министр Р. Рюти готовы отправиться в Берлин для переговоров с Гитлером относительно реализации идеи установления протектората, хотя это и могло в конечном счете привести к «значительному сокращению суверенитета их страны в пользу Германии»³⁴⁹. Однако в Берлине считали преждевременным такой шаг, поскольку он мог вызвать настороженность у Советского Союза. Как пишет финский историк О. Маннипен, «финнов убеждали, что Германия до разгрома Англии не сможет открыто оказать никакой поддержки Финляндии», но с финской стороны «необходимо четко выразить желание стать форпостом Германии»³⁵⁰.

В правительственных кругах Финляндии были крайне заинтересованы, чтобы Советский Союз оказался один на один с объединенными силами империалистических держав. Поэтому Берлину выражалась надежда, что может быть удастся добиться нормализации отношений с Англией. В таком направлении шел разговор у Р. Рюти с В. Блюхером. Финский премьер интересовался у него возможностями достижения «германо-английского мира»³⁵¹.

Финское руководство довольно откровенно желало быстрее столкновения Германии с Советским Союзом. 9 июня на заседании правительства Р. Рюти заявил: «Когда между Германией и Россией вспыхнет война, это будет в интересах всего мира. Германия — единственное государство, которое в настоящее время в состоянии разбить Россию...»³⁵² Рейх к такого рода высказываниям руководства Финляндии относился осторожно. Что касалось военных замыслов на Востоке, то они держались в тайне, «чтобы не вызвать у русских подозрения»³⁵³. Весной и летом 1940 года из Берлина Финляндии делали некоторые дружественные жесты — приглашали в Германию финских специалистов-фортификаторов и ряд военных на отдых и лечение. В целом же давалось понять, что отношения должны быть временно сдержанными и афишировать их нецелесообразно.

В оценке позиции военно-политических кругов Финляндии гитлеровское руководство сомнений не имело. Чуть позднее, в сентябре, Г. Геринг так определил ее: «Финляндия готова пойти на все уступки»³⁵⁴. Совершенно очевидно, что у Геринга были основания так говорить. Германское руководство располагало сведениями о проявлении в Финляндии стремления участвовать в «походе на Восток». Немецкие дипломаты последовательно вели зондаж в этом направлении.

19 июля в Хельсинки прибыл уполномоченный Риббентропа Л. Вейцзауер, чтобы непосредственно из уст представителей высшего государственного и военного руководства страны получить ответ на вопрос об отношении Финляндии к возможному конфликту между Германией и Советским Союзом. Беседы с Р. Рюти и К. Г. Маннергеймом убедили его, очевидно, в том, что на Финляндию можно положиться. Во всяком случае, Германия вновь могла удостовериться в проявлении к ней симпатий с финской стороны³⁵⁵. 20 июля Гитлер принял в Берлине нового посланника Финляндии в Германии Т. Кивимяки³⁵⁶. Эта встреча, несомненно, вне-

сла новый элемент в развитие германо-финляндского сотрудничества.

Заметим, что на этом этапе Гитлер начал решать вопросы планирования войны с СССР. Именно тогда в разработывавшихся вариантах плана появились сведения о месте, отводившемся Финляндии в агрессии против Советского Союза. Предполагалось даже возможное нанесение главного удара через финскую территорию³⁵⁷. Из известных теперь документов и отдельных фактов видно, в каком направлении предполагалось использовать Финляндию. В планах главнокомандования военно-морских сил Германии, разработывавшихся в июле 1940 года, предусматривалась оккупация Советского Союза по линии Ладога — Смоленск — Крым. Считалось при этом, что «сопротивление русских военно-морских сил будет сломлено, когда выдвинутый через Прибалтику вперед левый фланг войск соединится с финнами на Ладоге»³⁵⁸. А в первоначальных набросках плана, рассматривавшегося в генеральном штабе сухопутных войск и докладывавшихся генерал-полковнику Ф. Гальдеру 1 августа, предусматривалось поставить перед финской армией задачу «приковать к себе 15 дивизий и 2 моторизованные бригады» советских войск³⁵⁹. В целом у руководства гитлеровского вермахта складывался такой замысел: немецким войскам нанести удар по Ленинграду и соединиться с финскими войсками³⁶⁰.

Не считая пока возможным раскрывать Финляндии свои замыслы, гитлеровское руководство в доверительных беседах с финскими высокопоставленными политическими и военными деятелями объясняло, что Германия готовится к защите на случай «возможной советской агрессии».

Реализация намечавшихся в Германии замыслов использования Финляндии в планах нападения на СССР ставила в плоскость практического решения вопросы о начале концентрации немецких войск на ее территории, а также о содействии в оснащении финской армии дополнительным количеством оружия и боевой техники. Эмиссаром для переговоров по этим вопросам в Финляндию был направлен по рекомендации Г. Геринга бывший подполковник авиации И. Вельтенс, занимавшийся в тот период сделками по продаже оружия.

14 августа Гитлер и Геринг проинструктировали Вельтенса. Он получил задание информировать финское политическое и военное руководство о том, что Германия готова поставить Финляндии в секретном порядке

оружие при условии, что она даст согласие на транзит германских войск в Северную Норвегию через свою территорию ³⁶¹. Особо было подчеркнуто, что об этом никоим образом не должен знать парламент ³⁶².

Вельтенс прибыл в Финляндию в качестве официального представителя германского правительства 17 августа. 18—19 августа состоялись его переговоры с К. Г. Маннергеймом, Р. Рюти, Р. Виттингом и Р. Вальденом. Маннергейм дал согласие на транзит немецких войск, которое затем подтвердил Рюти, заручившийся поддержкой Таппера ³⁶³. Р. Рюти заявил Вельтенсу, что Финляндия «с благодарностью принимает предложения германского правительства» и при их осуществлении будет «уважать пожелания правительства Германии и точно следовать им» ³⁶⁴. Рюти и Маннергейм заверили Вельтенса, что в случае войны с СССР «Финляндия будет сражаться до последнего человека» ³⁶⁵.

В итоге переговоров Германия получила право под видом транзита ввести свои войска в Финляндию ³⁶⁶. Ближайший доверенный Маннергейма генерал П. Талвела записал 21 августа после визита Вельтенса в своем дневнике: «Эта неделя была неделей судьбы Финляндии. Тогда мы совершили поворот нашего пути на сторону Германии» ³⁶⁷.

Как затем оказалось, президент К. Каллио был оставлен в неведении относительно переговоров (предлогом для этого являлось его болезненное состояние), хотя обсуждаемый вопрос входил исключительно в компетенцию главы государства. В действительности К. Г. Маннергейм, Р. Рюти и их единомышленники опасались информировать К. Каллио, так как он мог отклонить их решение в силу его явно антиконституционного характера. В литературе существует утверждение, что когда десятью днями позже К. Каллио было сообщено о результатах миссии И. Вельтенса, у президента произошел инсульт ³⁶⁸. После случившегося обязанности президента стал выполнять Р. Рюти.

Ясно, что большой нужды в транзите через Финляндию у Германии, имевшей гораздо более удобные морские пути для поддержания связи с Северной Норвегией, не было. Главной целью в данном случае являлось заблаговременное создание оперативной базы для агрессии против Советского Союза ³⁶⁹. Вступление германских войск на территорию Финляндии под видом транзита позволяло маскировать агрессивные планы, а

также постепенно заставить финский народ смириться с фактом их пребывания в стране.

То, что происходило у финских руководителей с Вельтенсом, следует рассматривать как первые неофициальные переговоры с эмиссаром германского руководства об участии Финляндии в войне против СССР. Это являлось грубым нарушением Финляндией ее обязательств по Мирному договору 1940 года.

Согласно законодательству Финляндии ввод иностранных войск на территорию страны в мирное время не мог быть осуществлен без заключения межгосударственного соглашения, санкционированного решением Государственного совета (то есть правительства совместно с президентом) и согласия на это парламента. Президент, парламент и правительство в данном случае были полностью обойдены. Таким образом, своими действиями Маннергейм, Гюти, Вальден и Виттинг фактически нарушили требование закона, а это должно рассматриваться как преступление, подпадающее под уголовный кодекс Финляндии.

Реализация достигнутого соглашения в виде непрерывного и все более расширявшегося сотрудничества военных, деловых и политических кругов обеих стран началась довольно быстро с ведома и при непосредственном руководстве Маннергейма. Он установил такой порядок, что ничто не фиксировалось на бумаге и по всем вопросам сотрудничества с Германией ему делались лишь устные доклады. «Метод тайных военных переговоров и соглашений был для них не только наиболее коротким путем, ведущим к цели — совместной войне, но и самым удобным с точки зрения политической конспирации... проводить на практике подготовку войны тайком, поставив финляндский народ, большинство депутатов парламента и даже некоторых членов правительства перед совершившимся фактом» — так характеризовал тактику руководителей Финляндии О. В. Куусинен³⁷⁰.

Уже во второй половине августа в Берлине состоялись переговоры финляндской военной делегации во главе с генералом П. Талвела относительно получения оружия и переброски в Финляндию германских войск³⁷¹. По указанию Гитлера Финляндия должна была «вдоволь» снабжаться «высококачественной материальной частью», причем весьма поспешно³⁷². Переговоры быстро завершились достижением полной договоренности о транзите германских воинских частей.

Таким образом, в Финляндию стало интенсивно поставляться немецкое оружие. Виды его и объем поступлений определялись в соответствии с запросом, сделанным генералом Л. Гренделем, ведавшим военным снабжением финской армии³⁷³.

Обусловливались ли поставки оружия решением вопроса о предоставлении Финляндией права немецким войскам на высадку их на ее территории? Очевидно, нет. Как пишет финский историк Х. Яланти, «можно считать, что финское правительство дало бы согласие на транзит и без предлагавшегося оружия»³⁷⁴. Но соглашение о «транзите» было важно для Берлина, поскольку являлось своеобразной «гарантией»³⁷⁵ бесперебойной транспортировки немецких войск в Финляндию.

Весьма показательно, что правительство Финляндии по собственной инициативе предоставляло вермахту суда общим водоизмещением в 50 тыс. тонн для перевозки немецких войск³⁷⁶. С участием германских офицеров была проведена рекогносцировка всех финских портов в Ботническом заливе, а также воздушная разведка в Лапландии³⁷⁷.

12 сентября было подписано соглашение о разовом транзите германских военнослужащих (более 5,5 тыс. человек)³⁷⁸, формально скрепившее итоги переговоров И. Вельтенса, которому было поручено достигнуть соглашения о транспортировке «вначале» небольших контингентов, чтобы не привлекать внимания³⁷⁹. По настоянию финского правительства 22 сентября этому соглашению путем обмена нотами был придан официальный характер³⁸⁰. Германия получила право при предупреждении за 24 часа ввести в Финляндию любое количество войск, причем они могли находиться на территории страны неограниченное время³⁸¹. В ноябре 1940 года было подписано дополнительное соглашение, по которому Германия получала в распоряжение порты юго-западной Финляндии — Турку, Мянтьюлуото и Раума. Ей давалось также право размещать своих представителей на железнодорожных узлах³⁸². Финляндия оказалась, таким образом, единственной страной в Европе, добровольно открывшей свои границы для армии гитлеровской Германии.

До сих пор финские историки утверждают, что соглашение о транзите было вызвано «угрозой нападения» Советского Союза в августе 1940 года на Финляндию. М. Ёкипини отмечает, что «боязнь Советского Со-

юза вынудила Финляндию сразу же согласиться на транзит немцев в Лапландию»³⁸³.

Но где подтверждение тому, что для Финляндии существовала «угроза нападения» на нее? М. Ёкипини ссылается на трудности проверки этого по советским архивам, однако пишет: «...были ли слухи обоснованными или нет» относительно опасности для Финляндии со стороны СССР, «они несомненно оказали решающее воздействие на руководящих деятелей»³⁸⁴. Так, фактически бездоказательно, оправдывается финское руководство.

Чтобы понять, существовала ли для Финляндии «угроза с востока» в августе 1940 года, не обязательно искать этому подтверждение в советских архивах. Достаточно объективно оценить то, что происходило в то время в Красной Армии, и прежде всего в Ленинградском военном округе. Там, как теперь хорошо известно, шел процесс интенсивной перестройки в войсках, их реорганизации с учетом уроков прошедшей советско-финляндской войны. Кстати, разведотдел генштаба финской армии докладывал командованию 20 августа 1940 года о сокращении количества частей Красной Армии на границе с Финляндией³⁸⁵. Какие же могли быть опасные для нее «военные приготовления» в тот период?

Что же касается советских архивов, то в них привлекают внимание документы, характеризующие озабоченность советского командования усилившейся милитаризацией в Финляндии и размещением на ее территории немецких войск³⁸⁶. В обобщенных данных за 9—15 октября 1940 года советская разведка доносила, в частности, следующее: «В настоящее время происходят крупные переброски войск из Северной Норвегии в Северную Финляндию. За август — сентябрь месяцы финскую границу только в районе Сванвик — Салмиярви и Наутси перешло около 40 тысяч германских войск»³⁸⁷.

Действительно, в Финляндии распространялись слухи о новой «угрозе» со стороны СССР. Но за этим скрывалось стремление прикрыть существо взятого курса на всемерное сближение с Германией. Решение относительно присутствия немецких войск в Финляндии было принято в узком кругу финского руководства. Соглашение об этом с Германией подписывалось с финской стороны военным чином в ранге подполковника, и этот документ не представляли ни правительству, ни парламенту, поскольку «дело это осуществлялось исключительно секретно, и сохранялось в особой тайне»³⁸⁸.

21 сентября немецкие транспорты с войсками стали прибывать в Финляндию. Это явилось полной неожиданностью для населения страны, депутатов парламента, большинства министров и руководства политических партий. Министр внутренних дел Э. Борн впервые узнал о происшедшем событии из полицейского управления города Вааса, откуда запрашивали: «Что нужно делать в связи с прибытием немецких солдат?»³⁸⁹. Впоследствии в указании по пропаганде в армии говорилось, что внимание Германии к Финляндии усилилось осенью 1940 года с заключением соглашения о транзите, «дабы воспрепятствовать тому, чтобы Советский Союз не уничтожил нас во время насильственного мира»³⁹⁰. Вот таким образом объяснялось вступление войск Германии на землю Финляндии.

Всячески маскируя сущность происходившего на севере страны, финское руководство просило Берлин о том, чтобы там одобрили идею придать соглашению о транзите немецких войск характер акта, аналогичного соглашению Финляндии с Советским Союзом о его транзитных перевозках в Ханко³⁹¹. Вместе с тем в крайне правых политических и военных кругах Финляндии не скрывали своей радости по поводу столь серьезного поворота в развитии событий. После получения из Германии оружия и когда «немецкие войска прошли маршем через Северную Финляндию», восторженно признавал П. Талвела, финны «обрели смелость оттого, что судьба Финляндии неотделима от Германии»³⁹².

Более 2 тыс. немецких солдат и офицеров из числа «транзитников» сразу же остались в Финляндии. В Рованиемпи, Ивало и других районах Лапландии началось строительство барачных, складов, дорог, аэродромов. Одновременно Германия установила полный контроль над портом Петсамо, где было открыто консульство, в составе которого находился представитель военно-морских сил Германии. В начале 1941 года в Лапландии оказалось уже более 20 тыс. немецких солдат и офицеров. Эта часть Финляндии стала практически оккупированной³⁹³.

В этот период решались также вопросы выработки совместных германо-финских оперативных военных планов. В сентябре 1940 года генерал П. Талвела в качестве личного представителя Маннергейма вновь прибыл в Берлин, где состоялись переговоры с представителями германского генштаба³⁹⁴. В ходе их, как показали свидетели на Нюрнбергском процессе главных немецких

военных преступников и как признавал Талвела, была достигнута договоренность о совместной работе генштабов Германии и Финляндии по подготовке войны против Советского Союза³⁹⁵.

С осени 1940 года была восстановлена связь немецкой и финской разведок. В Хельсинки оживилась деятельность «бюро Целлариуса», которое, тесно сотрудничая с финской разведкой, установило контакт с остатками сети иностранных осведомителей в Советской Прибалтике. Финляндия наряду с Турцией, Афганистаном и Японией была для гитлеровцев одним из важнейших источников информации о СССР. Материалы ее военной разведки передавались в Германию, а информация финляндских пограничных отрядов на Севере — командованию германской армии «Норвегия»³⁹⁶. Вся граница с Советским Союзом была разбита на пять секторов, через которые постоянно направлялись тщательно подготовленные разведывательные группы в глубь советской территории³⁹⁷.

Посланник Германии в Хельсинки В. Блюхер оказывал постоянное воздействие на решение внутривнутриполитических вопросов в Финляндии. Он получал неограниченную информацию, вплоть до ознакомления с оригиналами всех шифротелеграмм, поступавших из посольства Финляндии в других странах. Наряду с германским министерством иностранных дел и вермахтом в Финляндии постоянно имелись представители нацистской партии, СС и СД³⁹⁸.

Однако весь ход подготовки Финляндии в политическом и военном отношении к новой войне с Советским Союзом не мог, естественно, осуществляться без милитаризации экономики и тесного сотрудничества в этом направлении с Германией. Финское руководство после «зимней войны» не стало переводить экономику страны на мирные рельсы, а сосредоточило усилия на увеличении ее военного потенциала. Линия правительства в 1940—1941 годах была достаточно четкая: ликвидировать выявившиеся ранее экономические просчеты и подготовить Финляндию к новой войне.

Решение этой задачи осуществлялось путем еще большей централизации руководства хозяйством страны. Укреплялись связи между государством и промышленностью, особенно производившей военную продукцию. Доля государственного сектора в экономике страны в 1940 году составила 50 процентов, а в 1941-м — 58 процентов, по сравнению с 14—16 процентами до вой-

ны³⁹⁹. Это являлось показателем усиления регулирования со стороны властей процессов производства. В августе 1940 года был образован специальный штаб военной экономики, который был передан в непосредственное подчинение главнокомандующему⁴⁰⁰.

К выполнению военных заказов было привлечено 647 заводов⁴⁰¹. В это время усилилось оснащение армии боевой техникой и оружием. В итоге к лету 1941 года количество вооружения в войсках увеличилось в несколько раз. Так, численность артиллерии возросла в 4 раза⁴⁰², количество боеприпасов возросло по сравнению с «зимней войной» в 1,5—2 раза⁴⁰³. Доля военных расходов в 1940 году составила 81,8 процента от общих расходов государства. Военные ассигнования по сравнению с 1938 годом возросли приблизительно на 60 процентов⁴⁰⁴.

Значительное увеличение боевой техники, оружия и боеприпасов в армии Финляндии шло и за счет закупок за рубежом в течение 1940 года. Вооружение поступало из США, Франции, Англии, Италии и других стран. Однако затем оно стало поставляться преимущественно из Германии, которая в 1940 году направила Финляндии 400 различных орудий, 200 пулеметов, 5 тыс. пистолетов, 53 самолета и большое количество боеприпасов⁴⁰⁵.

Армия Финляндии росла численно. Если в начале 1940 года в вооруженных силах страны насчитывалось около 385 тыс. человек, то в первой половине 1941 года было уже 470 тыс.⁴⁰⁶ Наличие большой армии и общая отобюджетированность экономики к войне позволили финскому историку Э. О. Тирронену сделать вывод, что военная готовность Финляндии летом 1941 года «была лучше, чем когда-либо прежде»⁴⁰⁷.

Военные затраты ложились тяжелым бременем на население Финляндии. Ее государственные расходы в 1940 году превышали доходы на 12 млрд. 100 млн. марок⁴⁰⁸. «Увеличение расходов на оборону,— отмечал шведский исследователь Р. Брюммерт,— привело к росту налогов от каждой группы населения, а также к уменьшению снабжения товарами и свертыванию сферы обслуживания»⁴⁰⁹. Начали возрастать цены на товары, увеличивалось количество бумажных денег, находившихся в обращении. Военные расходы существенно влияли на материальное положение трудящихся.

В связи с ростом объема военного производства ощущалась нехватка рабочей силы в других отраслях

экономики страны. К тому же 57 процентов трудоспособного мужского населения, занятого в лесной промышленности и в сельском хозяйстве, при мобилизации подлежало призыву в армию⁴¹⁰. Для решения этой проблемы правительство Финляндии создало специальное бюро рабочей силы, призванное рассматривать вопросы обеспечения ею отдельных отраслей экономики и привлечения различных категорий населения к трудовой повинности⁴¹¹.

В стране усложнилось положение с продовольствием и сырьем. Без иностранной помощи их могло хватить лишь на два—шесть месяцев⁴¹². Урожай зерновых и производство молока снизились в 1940—1941 гг. соответственно на 35 и 20 процентов по сравнению с 1939 годом⁴¹³. Значительные трудности возникли с топливом и нефтепродуктами. За три с половиной месяца прошедшей войны запасы жидкого горючего в стране были почти полностью исчерпаны. Что касается угля, то его в 1940 году поступило из-за рубежа только третья часть от закупок 1937—1938 годов⁴¹⁴.

Вступление Финляндии в новую войну без внешней экономической помощи сразу могло поставить страну в тяжелое положение. Это хорошо понимали в Хельсинки. Уже весной 1940 года там четко прослеживалась прогерманская внешнеэкономическая ориентация. Фактически процесс восстановления прежнего опекунства Германии начался через два дня после подписания Мирного договора в Москве. В. Таннер прямо заявил посланнику В. Блюхеру о желательности восстановления торговых отношений с Германией⁴¹⁵. 28 марта в Берлине начались торговые переговоры. Германия проявила заинтересованность в закупке у Финляндии медной руды и никеля, одновременно поставив вопрос об ограничении ее торговли с Англией.

Особое значение для германской военной промышленности имел никель, добывавшийся в Петсамо. Там в то время находилось 70 процентов разведанных запасов никеля капиталистической Европы, концессия на разработку которых принадлежала Англии. Когда в конце апреля в Хельсинки прибыл немецкий дипломат К. Шнурре, ему Р. Рюти дал обещание, что Германия будет иметь никель. Тогда Берлин высказался о желании получить концессионные права на добычу никеля в Петсамо⁴¹⁶.

На начавшихся в следующем месяце германо-финляндских переговорах в полной мере проявилось стрем-

ление финских правительственных кругов добиться теснейшего экономического сотрудничества с гитлеровским рейхом. Хотя еще до начала переговоров глава финской делегации Р. Фиандт заверил В. Блюхера, что в экономической политике Финляндия «готова весьма далеко пойти навстречу требованиям Германии»⁴¹⁷.

29 июня между этими странами было подписано торговое соглашение, по которому доля Германии в финской внешней торговле должна была подняться до 40 процентов. Все ограничения для ввоза немецких товаров в Финляндию были отменены. Германии фактически предоставлялась монополия на экспорт финских лесоматериалов. 1 октября в Хельсинки было подписано секретное соглашение, по которому Германия в обмен на предоставление Финляндии оружия на 50 млн. марок получала монопольное право на все ее экспортные товары⁴¹⁸, включая петсамский никель. Этим было нарушено достигнутое между СССР и Финляндией соглашение о создании смешанных финско-советских обществ по разработке никелевых залежей в Петсамо.

В соответствии с торговыми соглашениями в течение весны — осени 1940 года товарооборот между этими странами приобрел широкий размах. Из Финляндии в Германию стала направляться в значительных размерах продукция деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности. Из Германии в финские порты поступали чугун, прокат, уголь, минеральные удобрения, хлеб⁴¹⁹. При этом Германия заняла в финском импорте первое место, значительно ослабив тем самым позиции Швеции и Англии — традиционных торговых партнеров Финляндии⁴²⁰. Как писал профессор О. Вехвилайнен, «уже весной 1940 года Финляндия попала в экономическом отношении в зависимость от Германии»⁴²¹.

Упрочение военно-политического и экономического сотрудничества с Германией, активизация подготовки Финляндии к новой войне сопровождалась принятием мер идеологического воздействия на население страны, имевших целью разжечь реваншистские, антисоветские настроения. Прежде всего на это направлялись усилия печати и радио. Цензура, введенная в Финляндии летом 1940 года, особо следила за тем, по словам ее руководителя К. Вилкуна, чтобы в области внешнеполитической проводилась линия «на осуждение Советского Союза»⁴²². Была запрещена всякая критика правительственных решений. Цензура обращала внимание на то, чтобы прессой не наносился «ущерб единомыслию наро-

да»⁴²³. Принимались меры, имевшие цель скрыть различного рода трудности, которые переживала страна. Это относилось прежде всего к экономической области⁴²⁴. Цензура способствовала распространению официальных пропагандистских материалов, готовившихся государственным информационным бюро⁴²⁵, просматривала десятки тысяч информационных сообщений, из которых сотни отсеивались⁴²⁶. Печати и радио было запрещено критиковать нацизм и его преступления. По радио широко передавались речи Гитлера, превозносились фашистские порядки в Германии и ее внешняя политика.

Такова была политическая атмосфера жизни в Финляндии. Однако поголовного поклонения нацизму в стране не наблюдалось. Часть буржуазии, еще недавно активно сотрудничавшая с Англией и Францией, была недовольна вторжением Германии в финляндскую экономику и тем, что страна оказалась во враждебном им лагере. Кое-кто верил в возникновение совместного фронта Германии и западных держав против СССР, но у многих финнов проявлялась антипатия к национал-социалистическому режиму. Необходимо было считаться и с тем, что союз с германским империализмом, подавившим финскую рабочую революцию в 1918 году, не мог получить поддержку среди трудящихся. У социал-демократов — крупнейшей парламентской партии — преобладали антивоенные взгляды.

Официальная пропаганда всеми способами стремилась насаждать милитаристский дух в среде финских трудящихся и глушить социальные противоречия в стране. Со стороны властей всячески поощрялись мероприятия по созданию всевозможных реваншистских, антисоветских, прогерманских организаций. Одной из таких стал довольно многочисленный «Финский союз братьев по оружию», основанный летом 1940 года. Выступая при его учреждении, К. Г. Маннергейм заявил, что фронтовики должны теперь «объединиться в братский союз, в котором каждый, невзирая на свое классовое положение и принадлежность к различным слоям общества, сможет идти бок о бок»⁴²⁷. Таннеровское руководство социал-демократов проявило «понимание важности» задачи и создало среди рабочих «Союз братьев по оружию». Во главе его стал секретарь СДПФ К. Лехмус⁴²⁸. Таким образом, еще более активизировалась милитаристская и психологическая обработка широких масс трудящихся.

В обстановке подавления деятельности прогрессивных сил и усиления шовинистической военной пропаганды многие финские граждане оказались политически дезориентированными. В стране стали заметно проявляться прогерманские настроения. И все же, несмотря на все сложности, в кругах финской общественности наблюдалось стремление воспрепятствовать скольжению страны по пути к войне. В социал-демократической партии ряд деятелей и организаций выражали довольно решительно противодействие милитаристскому прогерманскому курсу таннеровского руководства. Наиболее влиятельную группу среди них образовали шесть социал-демократов — парламентариев, объединившихся вокруг К. Вийка — видного деятеля финляндского рабочего движения, бывшего секретаря партии. В составе этой группы, получившей название «шестерка», были М. Ампуя, В. Мелтти, К.-М. Рюдберг, Ю. Ряйсянен, К. Сундстрем. Их взгляды разделял также И. Хело. Все они являлись активными борцами за мир, сторонниками добрососедских отношений с Советским Союзом и ставили цель добиться изменения опасного для страны внешнеполитического курса. С весны 1940 года «шестерка» развернула активную антивоенную деятельность в парламенте и в массах, приступила к изданию газеты «Вапаа сана», распространявшейся тиражом 25 тыс. экземпляров⁴²⁹.

Наряду с группой Вийка заметно было проявление оппозиционности к линии Таннера среди социал-демократических деятелей в рядах профсоюзного движения. Осенью 1940 года съезд Центрального объединения профсоюзов Финляндии осудил сотрудничество руководства СДПФ с профашистскими организациями и потребовал принятия мер для установления дружественных отношений с СССР.

Активизировались и члены ряда антивоенных организаций. Они также требовали установления добрососедских отношений с Советским Союзом. 22 мая 1940 года в Хельсинки было создано Общество мира и дружбы с СССР. Оно стало быстро расти и в начале июня уже насчитывало 2,5 тыс. человек, в июле — 10 тыс., в августе — 30 тыс. человек. В конце года в нем было 40 тыс. членов. В октябре общество имело 115 местных организаций⁴³⁰. Энергично выступая за мир и дружбу с Советским Союзом, оно организовывало митинги и собрания, начало выпускать газету «Кансан саномат». Широкий отклик, который получила среди населения

деятельность общества, свидетельствовал, что ни разнужданная антисоветская пропаганда, ни жестокие репрессии против сторонников мира и дружбы с СССР не в состоянии заглушить симпатии народа к Советскому государству. Гонения, обрушившиеся на членов общества с первых дней его возникновения, объясняли в правительственных кругах тем, что деятельность этой организации была «опасна для страны», поскольку могла «сломить моральный дух народа»⁴³¹.

Летом в Финляндии возникло движение фронтовиков, участвовавших в войне 1939—1940 годов. Оно оформилось в организацию 1 августа. Главным требованием ее было отстоять мир. Бывшие фронтовики активно призывали вести внешнюю политику страны так, чтобы «решительно противостоять курсу, направленному на военные авантюры», а отношения с Советским Союзом «всемерно строить на доверительной основе»⁴³². Члены КПФ, находясь в подполье, стремились в это время максимально использовать в своей деятельности легальные антивоенные организации. Коммунисты разъясняли трудящимся опасность прогерманского политического курса, пытались предотвратить сползание страны на путь реваншизма и войны.

По плану „Барбаросса“

После того как немецкие войска оказались на территории Финляндии, процесс милитаризации страны и сближения ее с Германией в военном отношении пошел еще быстрее. Финское командование приняло целый ряд мер, направленных на повышение боеспособности армии. В сентябре появились решения относительно реорганизации руководства вооруженными силами. 25 сентября Маннергейм дал указания о расширении деятельности шюцкора по подготовке мобилизации, наращивалось строительство укреплений на советско-финляндской границе. Если в июне — июле там работали 5 тыс. человек, то в ноябре — уже 28 тыс., а в марте 1940 года — 35 тыс. человек. В январе парламент принял закон об обязательной двухлетней военной службе⁴³³.

Чтобы пресечь деятельность миролюбивых сил и сторонников установления добрососедских отношений с Советским Союзом, власти пошли на крайние меры. Это коснулось прежде всего Общества мира и дружбы с СССР. По инициативе В. Таннера, поддержанного его

сторонниками в СДПФ, было выдвинуто требование о ликвидации этой организации. Против общества стали предприниматься погромные действия, платные агенты нападали на участников массовых мероприятий. В конце июля начались аресты активных деятелей организации, ее руководителей. Наконец, в декабре 1940 года решением суда общество было запрещено под предлогом, что его деятельность якобы «угрожает сохранению и развитию дружественных отношений между Финляндией и Советским Союзом». В 1941 году несколько сот активных членов общества были арестованы. Многих из них суд приговорил к различным срокам тюремного заключения.

Вскоре начались аресты и среди активистов рабочего движения, публично выступавших против политики войны. Репрессиям стали подвергаться рабочие, известные своими прогрессивными настроениями. «Шестерка» во главе с К. Вийком в сентябре 1940 года была исключена из Социал-демократической партии.

Крайне правых явно не устраивал К. Каллио на посту президента. Находясь в болезненном состоянии в результате постоянной дискриминации и давления, он был вынужден в конце ноября 1940 года уйти в отставку и через несколько часов после этого скончался.

19 декабря на пост президента был избран (выборщиками 1937 года) Р. Рюти. Немаловажное значение при этом сыграл тот факт, что его кандидатура поддерживалась в Германии. В Берлине считали, что за время пребывания на посту премьера он проявил «понимание интересов третьего рейха»⁴³⁴. Попытка антивоенных кругов избрать президентом своего представителя — И. Хело — оказалась безуспешной.

Избрание Р. Рюти президентом усилило прогерманскую ориентацию Финляндии и подготовку ее к агрессии против СССР. 3 января 1941 года было сформировано новое правительство. На пост премьер-министра предлагалась кандидатура Ю. К. Паасикиви. Однако Рюти настоял на том, чтобы этот пост занял представитель финансовых кругов Ю. Рангель, имевший тесные личные связи с новым президентом.

Став главой правительства, Рангель вошел в правящий «внутренний круг», который называли неофициальным военным кабинетом⁴³⁵. Состав нового правительства не вызывал сомнений относительно направленности его деятельности. В него впервые в истории Финляндии был включен представитель профашистской партии

«Патриотическое народное движение» (ИКЛ). В новогоднем обращении к населению Финляндии Р. Рютти довольно четко сформулировал политический курс: «...укреплять и углублять дружественные отношения с Германией»⁴³⁶.

Тем временем высшее военное руководство укрепляло контакты с руководством гитлеровского вермахта, надеясь получить от него информацию об оперативных планах и скоординировать участие в них Финляндии. У финских офицеров уже не было сомнений, что Финляндии вместе с Германией придется вести войну против Советского Союза. Военный атташе в Швеции полковник В. Х. Палоярви откровенно заявил, что когда Германия «окажется в войне с Советским Союзом, то для Финляндии откроется возможность вернуть обратно утраченные территории и отодвинуть границу с перешейка до Невы и даже к югу от Ленинграда»⁴³⁷.

Советское правительство, естественно, следило за развитием герmano-финляндских отношений. Особую озабоченность в СССР вызывала переброска немецких войск на финскую территорию⁴³⁸. 27 сентября 1940 года В. М. Молотов, принимая в Москве германского посла Ф. Шуленбурга, настаивал на том, чтобы его ознакомили с текстом герmano-финляндского протокола (вместе с секретным приложением) относительно «транзита» немецких войск через территорию Финляндии⁴³⁹.

Гитлеровское руководство всячески уходило от ответа. Это особенно отчетливо проявилось во время поездки В. М. Молотова в ноябре 1940 года в Берлин и его переговоров с Гитлером. Там советской стороной был четко поставлен вопрос: для каких целей Германия направляет свои войска в Финляндию и почему там немецкие части располагаются вблизи границы с СССР? Гитлер под различными предлогами уклонялся от ответа и в конечном итоге сослался на то, что через финскую территорию осуществляется обычный «транзит» немецких частей в Норвегию⁴⁴⁰.

Правительство СССР решительно настаивало на немедленном выводе немецких войск из Финляндии, рассматривая их размещение там как угрозу Советскому Союзу. Бывший сотрудник посольства Германии в Москве Г. Кегель писал впоследствии, говоря об указанных требованиях, что «руководство Советского Союза ясно видело эту военную опасность»⁴⁴¹.

В Берлине же в целях маскировки своих замыслов прибегли к распространению слуха о том, будто Совет-

ский Союз угрожает Финляндии. При этом утверждалось, что Молотов во время переговоров в Берлине якобы настаивал, чтобы Германия предоставила СССР «свободу действий» в отношении Финляндии. Легенда о мнимой «угрозе Финляндии со стороны Советского Союза» стала целенаправленно распространяться среди финнов и бытует до наших дней в некоторых зарубежных изданиях и печати об этом периоде истории.

Вместе с тем уже в день прибытия советской делегации в Берлин, 12 ноября, Гитлер издал секретное распоряжение № 18, где говорилось, что «независимо от результатов этих переговоров следует в соответствии с отданным уже устным приказом продолжить подготовку операции на Востоке»⁴⁴².

До 18 декабря, когда Гитлер подписал известную директиву № 21 (план «Барбаросса»), содержащую общий замысел и исходные указания об агрессии против СССР, требовалось, очевидно, согласование с Финляндией ее места и роли в ходе военных действий. Когда же оно было достигнуто? Было ли оно оформлено письменным соглашением или носило характер устной договоренности? Это в истории пока остается белым пятном.

И все же, как заявил У. К. Кекконен в 70-х годах, касаясь включения Финляндии в план «Барбаросса», она «фактически присоединилась к этому фронту в 1940 году»⁴⁴³. По словам Кекконена, «даже абсолютный болван не может больше отрицать того, что небольшая финская руководящая группа заключила с нацистской Германией секретное соглашение об участии Финляндии в агрессивной войне Гитлера летом 1941 года»⁴⁴⁴.

Несомненно, особая роль при решении практических вопросов, связанных с включением Финляндии в план «Барбаросса», принадлежала личному представителю Маннергейма генерал-майору П. Талвела, который неоднократно выезжал в Германию по его заданию для ведения переговоров с представителями гитлеровского руководства и командования вермахта. Вряд ли можно считать совпадением по времени то, что именно после завершения переговоров Талвела в Берлине с Герингом и начальником штаба сухопутных войск генерал-полковником Ф. Гальдером была подписана в тот же день директива, касающаяся плана «Барбаросса». Причем в него по указанию Гитлера была внесена корректива, согласно которой финская армия вместо предусмотренного ранее выполнения пассивной роли должна была ре-

шать активные наступательные задачи⁴⁴⁵. Основные силы финской армии должны были наступать на ленинградском направлении вдоль восточного и западного побережья Ладожского озера. Кроме того, им ставилась задача овладеть районом Ханко.

П. Талвела в своих мемуарах, написанных в начале 60-х годов, утаил самое важное — содержание переговоров в Германии, сказав, что еще не настало время, когда можно «ворошить события 1940 года». При этом он добавил: «Мои сведения опубликуют позднее, когда они не смогут повредить моей стране ни в какой форме, т. е. когда не будут связывать прошлую историю с современностью»⁴⁴⁶.

Но из кратких записей в дневнике Ф. Гальдера видно, что на переговорах речь шла о сроках приведения финской армии в состояние скрытой боевой готовности с последующей задачей ее наступления в юго-восточном, ленинградском направлении, а также о районах Петсамо и Салла, откуда предстояло действовать немецким войскам на мурманском и беломорском направлениях⁴⁴⁷. Геринг в ходе переговоров высказался за то, что Финляндия должна решительно «идти вместе с Германией», и когда последняя победит, то от этого «выиграет в огромной степени и Финляндия»⁴⁴⁸.

На следующий день после возвращения Талвела из Германии, 21 декабря, в оперативном отделе финского генерального штаба были составлены первые наброски плана участия Финляндии в агрессии против Советского Союза⁴⁴⁹. А упоенный «успехом» своей поездки в Берлин Талвела с уверенностью записал 1 января 1941 года в своем дневнике: «Надеюсь, что наступивший год принесет возможность вместе с Германией разбить рюсся (презрительная кличка русских.— *Ред.*). Тогда может быть осуществится моя давняя мечта о Карелии»⁴⁵⁰.

Маннергейм, детально информированный Талвелой о результатах проведенных в Германии переговоров, обратился 7 января с письмом к Герингу, в котором «благодарил рейхсмаршала» за то, что тот идет «навстречу надеждам, выраженным Финляндией»⁴⁵¹.

Начало 1941 года ознаменовалось новой серией встреч представителей высшего немецкого и финского военного руководства, где детализировались вопросы совместных действий в ходе осуществления агрессии против Советского Союза. На переговорах в Германии начальника финского генерального штаба генерала

А. Хейнрикса с Ф. Гальдером 30 января обсуждались проблемы проведения Финляндией скрытой мобилизации и уточнения оперативного замысла боевых действий финской армии⁴⁵². Было предусмотрено, в частности, что финские войска нанесут удар на ленинградском направлении со стороны Карельского перешейка силами пяти дивизий и тремя дивизиями — к северу от Ладожского озера⁴⁵³.

Военный атташе в Берлине полковник В. Хорн назвал 30 января «знаменательным днем в истории Финляндии»⁴⁵⁴. В этой фразе была заключена, очевидно, оценка важности переговоров с точки зрения того, что Финляндия прочно заняла свое место в плане «Барбаросса». Адьютант Гитлера майор Г. Энгель отметил в своих мемуарах, что когда начальник генштаба Финляндии генерал Хейнрикс находился в ОКХ и его посвящали в существо плана «Барбаросса», то «фюрер дал ОКВ свободу действий в переговорах с Финляндией»⁴⁵⁵.

В последовавшей затем в конце февраля поездке начальника штаба армии «Норвегия» полковника Э. Бушенхагена и начальника разведотдела армии майора Х. Мюллера по северным районам Финляндии рассматривались возможности сосредоточения немецких и финских войск на мурманском, кестеньгском и кандалакшском направлениях. Была при этом совершена десятидневная поездка вдоль советской границы. В итоговой записке об этом и состоявшихся затем переговорах с Хейнриksom, а также с офицерами финского генштаба Бушенхаген писал, что «у финнов ставились на первый план местнические интересы» рваншистского характера⁴⁵⁶. С финской стороны была выражена также заинтересованность в усилении немецких войск на севере одной-двумя своими дивизиями⁴⁵⁷.

Почти в одно время с Бушенхагеном по указанию Геринга в Финляндии находился главный квартирмейстер германских ВВС генерал-лейтенант Х. Г. Зейдель. Он выяснял возможности использования немецкой авиацией финских аэродромов⁴⁵⁸.

В мае в Финляндию вновь прибыл полковник Э. Бушенхаген для переговоров относительно координации действий германской и финской армий. Было установлено, что все войска Финляндии к северу от реки Оулуйоки переходят в подчинение командующего армией «Норвегия» генерал-полковника Н. Фалькенхорста⁴⁵⁹.

Так шаг за шагом шла планомерная подготовка

Финляндии к агрессии против Советского Союза. В свете этого весьма странным выглядит все еще бытующий в финской исторической литературе, а также печати тезис о том, что якобы Советский Союз в 1940—1941 годах оказывал исключительно сильное давление на Финляндию, проявлял стремление к новой войне с ней и захвату страны. Утверждается, будто Финляндию вынудили ухватиться за помощь Германии, как последнее средство. Весьма объективный в целом историк профессор М. Ёкипири пишет, в частности, следующее: «Трудно осуждать руководство нашей страны за активизацию отношений с Германией с начала декабря 1940 г., поскольку оно было озабочено всецело думами в связи с поступающими весомыми сведениями по поводу угрозы ликвидации нашей страны»⁴⁶⁰.

Действительно, слухи о «неминуемом нападении» Советского Союза, «требованиях СССР к Финляндии» и «концентрации войск на финской границе» особенно широко распространялись в конце 1940-го, а также в январе 1941 года. Они исходили из Стокгольма, Берлина, Лондона и других западных столиц, а также из Государственного информационного бюро Финляндии с тем, чтобы прикрыть начавшееся сотрудничество с Германией и обеспечить психологическую подготовку населения к принятию новой войны⁴⁶¹. Фактически же политическому и военному руководству как в Финляндии, так и в Германии было хорошо известно, что никакой угрозы со стороны СССР нет. Сведения об этом поступали и от финской и от немецкой разведок⁴⁶².

Советский Союз не без оснований все пристальнее следил за событиями, происходившими в Финляндии. Как ему, скажем, следовало понимать тот факт, что в Финляндии, согласно поступавшей с начала 1941 года информации, создавалась эсэсовская часть, которая предназначалась для действий в составе германской армии за пределами Финляндии? Позднее стали известны подробности этого. Финский эсэсовский батальон формировался по инициативе Гимmlера с санкции Рюти и Маннергейма. В него было завербовано 1200 человек. Скрыть такое было трудно. Социал-демократы выступали против вербовки в батальон СС, но В. Таннер считал это допустимым «по внешнеполитическим соображениям»⁴⁶³. Впоследствии финский батальон СС участвовал в боях на советско-германском фронте в районах Украины и Северного Кавказа.

Заключительному этапу подготовки совместной гер-

мано-финской агрессии предшествовала поездка посланного Гитлером в Хельсинки 20 мая дипломата К. Шнурре. Он в переговорах с Р. Рюти информировал его о приближении срока войны Германии с Советским Союзом и предложил направить в Берлин представителей генерального штаба финляндской армии для окончательного согласования планов военных действий. Такие переговоры состоялись 15—28 мая в Зальцбурге и Цоссене. С германской стороны их вели генералы В. Кейтель, А. Йодль и Ф. Гальдер, с финляндской — генерал А. Хейнрикс и полковник К. Тапола. В результате их были согласованы планы совместных операций, а также сроки мобилизации и начала наступления финской армии. С учетом пожеланий представителей Финляндии была достигнута договоренность, что наступление ее вооруженных сил на ленинградском направлении начнется не сразу, а будет скоординировано в соответствии с продвижением на Ленинград немецкой группы армий «Север». Предполагалось, что финские войска начнут операцию через две недели после нападения Германии на Советский Союз⁴⁶⁴.

После возвращения Хейнрикса и Тапола из Германии Рюти информировал правительство о сроках проведения намеченных военных мероприятий.

В дальнейшем в начале июня 1941 года во время встреч представителей командования финской армии и вермахта была достигнута договоренность по ряду конкретных вопросов, касавшихся взаимодействия сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил. На переговорах в Хельсинки 4—5 июня стороны согласились передать в подчинение немецкого командования в Лапландии две финские дивизии, а также предоставить в распоряжение немецкой авиации аэродромы в районах Хельсинки, Кеми и Южной Финляндии. Затем в городе Киле 6 июня финская делегация ВМС во главе с капитаном 1-го ранга С. Сундманом договорилась с представителями германского военно-морского командования о совместном минировании Финского залива и базировании немецких боевых кораблей в ряде портов Финляндии⁴⁶⁵.

Оставались считанные дни до начала агрессии против Советского Союза. Как же Финляндия подходила к этому рубежу в экономическом отношении? Полностью ли отдавал себе отчет «военный кабинет» относительно возможностей страны в условиях серьезных военных испытаний?

На военные расходы в 1941 году ассигновалось 8 млрд. финских марок, то есть примерно 45 процентов расходной части государственного бюджета⁴⁶⁶. Изыскивая средства на ведение широкомасштабной войны, руководство Финляндии вынуждено было прибегнуть к значительным внутренним и внешним займам. В сложившейся обстановке они стали фактически главным источником получения денег. Но соответственно рос и государственный долг. Он увеличился более чем на 13 млрд. марок по сравнению с довоенным периодом, причем основную его долю — около 9 млрд. марок — составляла внешняя задолженность⁴⁶⁷. А ведь в начале второй мировой войны ее почти не было. В мае 1941 года премьер-министр Ю. Рангель с горечью признавал, что положение с финансами «жалкое», а расходы в течение года «даже при использовании всех возможностей дадут дефицит в 8 миллиардов марок»⁴⁶⁸.

Все это заставляло задумываться и Берлин. Немецкие экономические эксперты отмечали, что «Германия окажется вынужденной финансировать ведение Финляндией войны»⁴⁶⁹.

В Финляндии к этому времени сложилось очень тяжелое положение с продовольствием. Его запасы подходили к концу. Р. Рюти в мае 1941 года признавал, что в городах хлеба не хватает⁴⁷⁰. Согласно информации, представленной премьер-министром председателям парламентских фракций, дефицит зерна до нового урожая мог составить 50 тыс. тонн⁴⁷¹. И это говорилось в канун войны!

Германия предоставила Финляндии денежный кредит в несколько миллионов немецких марок⁴⁷². На основе заключенного в марте 1941 года торгового соглашения между этими странами в Финляндию было поставлено зерно и другие виды продовольствия, а также сырье, топливо, горючее. По словам немецкого посланника в Хельсинки В. Блюхера, «с помощью германских поставок теперь население Финляндии питалось, финская экономика обеспечивалась всем необходимым, а ее армия вооружалась»⁴⁷³. Причем некоторые виды поступающих из Германии стратегических товаров Финляндия не могла расходовать по своему усмотрению. Например, поступающий бензин не мог расходоваться, а должен был складироваться как неприкосновенный запас для военного времени⁴⁷⁴.

Весьма сложное экономическое положение сказывалось на состоянии морального духа в стране. Чтобы как-

то поддержать его, финское руководство пошло на разжигание реваншистских настроений. Среди населения всячески пропагандировались радужные иллюзии завоевательского характера. Особое значение придавалось их распространению в среде рабочих. И небезуспешно. В 1941 году, после того как таннеровское руководство СДПФ пошло на соглашение с командованием шюцкора, в его рядах оказалось 27 процентов представителей рабочего класса ⁴⁷⁵.

Заметно активизировал свою деятельность среди рабочих «Союз братьев по оружию», располагавший широкой сетью местных организаций и имевший к весне 1941 года свыше 10 тысяч своих агентов ⁴⁷⁶, действовавших в рабочих организациях, прежде всего в профсоюзах. Они следили за политическими настроениями рабочих, информировали о них государственную полицию и армейскую контрразведку ⁴⁷⁷. В частности, в одном из письменных донесений в полицию 31 мая сообщалось, как члены этого Союза «наводили порядок» на предприятиях, борясь с инакомыслящими ⁴⁷⁸.

В начале 1941 года усилилось преследование левых сил. Возобновились массовые аресты их представителей, выступавших против войны. Министерство внутренних дел вело эту работу по соответствующему плану ⁴⁷⁹.

В такой внутривнутриполитической обстановке в Финляндии шли приготовления к нападению на Советский Союз. 1 июня была начата частичная мобилизация, а затем — эвакуация населения из приграничных с Советским Союзом районов. В оперативное подчинение немецкой армии «Норвегия» перешел III финский армейский корпус. В это же время в Лапландию прибыло и руководство группировкой немецких войск. Она насчитывала уже до 200 тыс. человек, что превышало численность проживавшего в Северной Финляндии населения ⁴⁸⁰. Военные корабли германских ВМС и суда с войсками вошли в ряд финских портов.

Финляндия активизировала разведывательные действия. Финские самолеты проникали в воздушное пространство Советского Союза. Интенсивнее пошла наземная разведка. Заброска агентуры на территорию СССР велась и со стороны специального органа абвера — «бюро Целлариуса» ⁴⁸¹. Началась концентрация финских и немецких войск в близлежащих к границе с Советским Союзом районах.

13 июня в Финляндию прибыл генерал В. Эрфурт — представитель ставки германского верховного командо-

вания при генеральном штабе финской армии. Он встретился с А. Хейриксом и К. Г. Маннергеймом для обсуждения вопросов, касающихся координации действий между немецкими и финскими войсками⁴⁸². 17 июня финское правительство объявило, что Финляндия считает свою «политическую связь с Лигой Наций прерванной».

18 июня в Финляндии началась всеобщая мобилизация. Соединения финской армии получили операционные направления в ходе предстоявшего наступления. Заготовленный заблаговременно приказ Маннергейма о переходе в наступление был передан в тот же день в типографию генштаба. Ожидалось распоряжение для его тиражирования⁴⁸³. Р. Рюти заявил участникам созванного им секретного совещания, что «если СССР в течение шести дней не совершит нападение, то это сделаем мы»⁴⁸⁴.

21 июня вооруженные силы Финляндии были приведены в состояние полной боевой готовности. Накануне финляндские подводные лодки и германские минные заградители, располагавшиеся в шхерах, направились в территориальные воды Советского Союза для постановки мин, получив на это санкцию лично президента Финляндии⁴⁸⁵.

Так Финляндия под руководством узкого круга политических и военных деятелей вплотную была подведена к войне против Советского Союза на стороне фашистской Германии. Все это в наши дни не вызывает сомнений. Однако объективные факты того времени все еще получают у отдельных историков другую трактовку. «Финляндия, естественно, с помощью Германии стремилась проплыть мимо «советских рифов», — пишет известный финский военный историк А. Вуоренмаа. — Но «в начале 1941 г. Германия все же скрытно подправила движение лодки веслом, чтобы не напороться на порог... Под воздействием волн, схваченная ими лодка оказалась в русле огромного течения и не могла больше быть управляемой»⁴⁸⁶. Из этой сказочной аллегии получается, что финляндский челн оказался в пучине войны вместе с Германией «против своей воли». Но все последующие события убедительно опровергают попытки показать невинность финского руководства в трагедии войны.

В „БРАТСТВЕ ПО ОРУЖИЮ“ С ГИТЛЕРОМ

Вступление в войну

В день нападения на Советский Союз — 22 июня 1941 года — Германия уже не скрывала, что Финляндия с ней заодно. Гитлер в речи, произнесенной 22 июня, подчеркнул, что в едином строю с немецкими войсками на Севсре находятся «финские братья по оружию», которых «возглавляет маршал». В свою очередь генерал Фалькенхорст, командовавший группировкой войск в Северной Финляндии, в тот же день подтвердил, что подчиненная ему «германо-финская армия присоединяется к этому наступлению»¹.

Маннергейм и Виттинг, ознакомленные с текстом речи Гитлера еще накануне, 21 июня, не высказали со своей стороны возражений по поводу ее содержания². А некоторые крупные финские столичные газеты спешно опубликовали ее в полном объеме на видном месте.

Это официальное заявление и широковещательные комментарии немецкой пропаганды о том, что Финляндия выступает в качестве союзника Германии, обескуражили население страны и поставили финское руководство в затруднительное положение. Срочно были конфискованы дополнительно выпущенные газеты с речью Гитлера³. Из Хельсинки в Берлин через посланника Т. М. Кивимяки последовала просьба, чтобы МИД Германии и немецкая печать «повторно не говорили о Финляндии как о союзнике»⁴.

Уже после нападения фашистской Германии на СССР Советское правительство направляло усилия на то, чтобы не допустить каких-либо осложнений в отношениях с Финляндией. 23 июня правительство СССР констатировало, что не имеет никаких претензий к Финляндии и не стремится нарушить ее самостоятельность или территориальную целостность. Командование Ленинградского военного округа получило от народного

комиссара обороны С. К. Тимошенко строжайшее указание не допускать ничего такого, что могло бы обострить отношения с Финляндией. Штаб округа следил за его неукоснительным выполнением⁵.

Одновременно по дипломатическим каналам Советское правительство приняло меры для выяснения позиции Финляндии. Однако четкого ответа на вопрос, прикнута ли она к Германии или нет, получить не удалось. Министр иностранных дел Финляндии Р. Виттинг ответил советскому посланнику в Хельсинки П. Д. Орлову уклончиво, сославшись на то, что этот вопрос будет рассматриваться в парламенте 25 июня. А финляндский посланник в Москве П. Хюнинен заявил В. М. Молотову, что не получил из Хельсинки никаких указаний⁶. Чувствовалось, что в Финляндии умышленно тянули дело с ответом.

В это время к границе Советского Союза перебрасывались соединения финских войск и немецкой армии «Норвегия». Естественно, ни о какой оборонительной направленности их действий не шло и речи. Начальник штаба армии «Норвегия» Э. Бушенхаген в этой связи отмечал: «Никто не исходил из того, что русские нападут на Финляндию. Все формирование и развертывание финских войск преследовало наступательные, а не оборонительные цели»⁷.

Численность вооруженных сил Финляндии после проведенной в стране мобилизации достигла более 600 тыс. человек, что составляло около 17 процентов всего ее населения. В составе сухопутных войск находилось 16 пехотных дивизий, кавалерийская и две егерские бригады, а также отдельные части. Финские вооруженные силы имели 307 самолетов, свыше 1800 орудий и достаточное количество боеприпасов. Военно-морские силы имели в своем составе 2 броненосца, 7 торпедоносцев, 7 миноносцев, 5 подводных лодок и несколько десятков других кораблей шхерного флота⁸.

Главный удар должна была наносить развернутая севернее Ладожского озера Карельская армия под командованием генерала пехоты А. Е. Хейнрикса. В нее входили: VI и VII армейские корпуса генералов П. Талвела и Э. Хеглунда, группа «0» генерала В. Ойнонена и две пехотные дивизии резерва. По линии государственной границы на Карельском перешейке были развернуты II и IV армейские корпуса генералов Т. Лаатикайнена и К. Л. Эша. В районе Ханко сосредоточилась группа «Ханко» полковника А. Снеллмана,

состоявшая из пехотной дивизии и бригады береговой обороны.

Изготовившиеся для наступления в Заполярье войска под командованием генерал-полковника Н. Фалькенхорста должны были действовать тремя группировками: на мурманском направлении — горнострелковый корпус «Норвегия» генерала Э. Дитля, на кандалакшском направлении — 36-й армейский корпус генерала Х. Фейге и 6-я финская пехотная дивизия, на ухтинском и кестеньгском направлениях — III финский армейский корпус генерала Х. Сийласуо, входивший в состав немецкой группировки войск. Южнее, на ребольском направлении, выдвигалась на исходные позиции для наступления 14-я финская пехотная дивизия.

Уже 22 июня подводные лодки Финляндии занимались минированием акватории Советского Союза и прилегающего к полуострову Ханко района. В это же время финскими войсками были заняты Аландские острова, что являлось открытым нарушением Финляндией взятых на себя обязательств соблюдать их демилитаризацию. От советского посольства в Хельсинки потребовали 23 июня эвакуировать свое консульство с Аландских островов⁹.

Против Советского Союза с территории Финляндии предпринимались целенаправленные диверсионные действия. 22 июня на немецком самолете было переброшено в район Беломорско-Балтийского канала подразделение финских диверсантов для взрыва его шлюзов¹⁰. К тому же немецкая авиация получила в свое распоряжение шесть финских аэродромов¹¹ для нанесения бомбовых ударов по районам Ленинграда, Кронштадта, Мурманска и другим важнейшим объектам, а также коммуникациям Северо-Запада СССР.

Признаком пребывания Финляндии на грани вступления в войну являлось то, что ее посольство в Москве начало сжигать свой секретный архив¹².

Предлогом для объявления финляндским правительством войны Советскому Союзу был использован тот факт, что советские самолеты в целях срыва налетов немецкой авиации на Ленинград произвели 25 июня в соответствии с указанием Ставки Верховного Главнокомандования удар по ряду аэродромов Финляндии и Северной Норвегии с целью уничтожения базировавшихся там германских самолетов. В обстановке, когда телеграфно-телефонная связь с Хельсинки не действовала, с советской стороны по радио было разъяснено Финлян-

дин, что предпринятый налет был направлен лишь против немцев¹³.

Уже то, что в результате бомбардировки советской авиации финские ВВС потеряли всего три самолета¹⁴, являлось свидетельством направленности этого удара не против Финляндии. Но финское руководство вовсе не собиралось что-либо выяснять, поскольку искало предлог для начала агрессии против Советского Союза. Министр иностранных дел Р. Виттинг информировал В. Блюхера о якобы имевшем место «обстреле русским солдатом финской погранохраны», а в другом случае — о разорвавшемся на территории Финляндии советском артиллерийском снаряде¹⁵.

25 июня Блюхер спешно дал финляндскому правительству установку не терять удобного момента, чтобы вступить в войну¹⁶, представив Финляндию «жертвой нападения». Со своей стороны финское руководство вполне понимало, что упускать время нельзя, поскольку «может возникнуть такое положение, в котором Финляндии не удастся получить возможность выдвинуть причину для разрыва отношений с Советским Союзом» и принять «окончательное решение о войне» с ним¹⁷. Так, упреждающие действия советской авиации, по выражению финского военного историка Х. Сеппяля, «облегчили» положение правительства Финляндии¹⁸, искавшего предлог для объявления войны Советскому Союзу.

Финскому государственному и военному руководству было особенно важно представить Финляндию как «жертву агрессии», чтобы получить поддержку своей политики среди широких слоев населения страны и парламента. Финские историки обоснованно указывают, что народ Финляндии «не хотел быть вовлеченным в сражения в Европе»¹⁹ и парламент не одобрил бы вступление страны вместе с Германией в агрессивную войну против СССР²⁰. Поэтому требовалось представить дело так, чтобы речь шла об «оборонительных» действиях, и не в союзе с Германией, а отдельно от нее. Таким путем рассчитывали оправдать нарушение Мирного договора 1940 года и обосновать «справедливость» вступления в войну.

Важно в этой связи заметить: финское руководство высказывало Германии настойчивое пожелание, чтобы вступление Финляндии в войну произошло позднее начала гитлеровской агрессии против СССР, так как имелось опасение, что открытое нападение с финской стороны может и не получить поддержки у значительной ча-

сти наследия, особенно у демократически настроенной общественности²¹. Для Берлина такая постановка вопроса не создавала проблемы, поскольку это не противоречило оперативным планам германского военного командования.

Расчет на то, что удастся представить вступление Финляндии в войну как действие оборонительного характера, преследовал и внешнеполитические цели. Необходимо было ввести в заблуждение западные державы, в первую очередь США и Англию, сохранив у них благожелательное отношение к себе.

В ходе осуществления своего замысла узкий круг финского руководства стремился к тому, чтобы решение об объявлении войны Советскому Союзу, которое мог принять президент лишь с одобрения парламента, прошло там без затяжных дебатов. Проявлялось опасение, что если решение вопроса будет начинаться с обмена мнениями с СССР дипломатическим порядком, то Финляндия может «лишиться возможности обосновать причину разрыва отношений с Советским Союзом»²². Как впоследствии констатировал один из видных представителей правительственных кругов военного периода Э. Линкомиес, «во имя исторической правды необходимо признать, что правительство Финляндии хотело зажечь войну»²³.

Чтобы избежать в парламенте широких дебатов, решили ограничиться заявлением премьер-министра и поддержкой его лидерами парламентских фракций. 25 июня вечером на закрытом заседании парламента выступил премьер-министр Ю. Рангель. Его речь, не рассматривавшаяся предварительно правительством, изобиловала туманной ультрапатриотической фразеологией и маскировала факт заблаговременной подготовки Финляндии к вступлению в войну на стороне фашистской Германии. Премьер-министр изобразил Советский Союз как «государство-агрессор», ставящее целью «ликвидировать финский народ». В силу этого, заявил Рангель, «страна должна обороняться всеми имеющимися средствами». Чтобы воспрепятствовать обсуждению своей речи и свести все дело к формальному одобрению вступления Финляндии в войну, он сказал: «Длинные речи не помогут, требуются действия»²⁴.

В этом же духе от имени своих парламентских фракций выступили В. Таннер, Ю. Ниукканен, Э. Линкомиес, Б. Салмиала и другие. Наиболее откровенно о целях вступления Финляндии в войну заявил представитель

профашистской партии «Патриотическое народное движение» Салмиала. «...Нам необходимо теперь объединить все финские племена вместе,— сказал он,— нам нужно осуществить идею создания великой Финляндии и надо добиться того, чтобы передвинуть границы (из зала парламента: Куда?),—туда, где проходит самая прямая линия от Белого моря до Ладожского озера (из зала: Не надо говорить всего того, о чем думаешь!).— Это закрытое заседание»²⁵.

Только депутат К. Вийк, представлявший «шестерку» левых социал-демократов, выступил с реалистических позиций. Он сказал, что Финляндия утратит свою самостоятельность, включившись в чуждую ей войну в «иностранных интересах», ей надо проводить политику нейтралитета и мира. «Если бы нашему народу,— заявил Вийк,— была предоставлена полная возможность высказать свое мнение, то он несомненно с еще большей силой заявил бы о своем стремлении к самостоятельности и миру»²⁶.

Тем не менее при активной поддержке со стороны крайне правых деятелей, в атмосфере созданной в парламенте дезинформации о Советском Союзе и его отношении к Финляндии, заявление Рангеля получило одобрение. Как отмечал впоследствии один из депутатов от Социал-демократической партии Атос Виртанен, «парламент выразил свое доверие правительству, находясь почти совершенно в неведении»²⁷. Эту же мысль относительно неосведомленности парламентариев подтверждает профессор Мауно Ёкиппи. Он пишет, что «широкое тайное сотрудничество с немцами скрывалось от них»²⁸.

На следующий день, 26 июня, президент Рюти в выступлении по радио официально объявил, что Финляндия находится в состоянии войны с Советским Союзом. Он пытался представить дело так, будто бы Финляндия подверглась нападению со стороны Советского Союза. Маскируя сговор с фашистской Германией в подготовке агрессии против СССР, Рюти заявил, что со стороны Финляндии будет вестись «своя обособленная оборонительная война».

В последующем со стороны официального руководства и органов пропаганды Финляндии будет неизменно доказываться, будто финны воюют не в качестве союзника Гитлера, а лишь как «братья по оружию», во имя исключительно собственных национальных интересов и идеалов. Фальшивость такого утверждения была очевидной. Председатель внешнеполитической комиссии

парламента В. Войонмаа писал 30 июня 1941 года своему сыну, посланнику Финляндии в Берне: «Финляндия — в состоянии войны против Советского Союза. Это все происходит под вывеской оборонительной войны, но теперь уже ясно, что это — агрессивная война... Речь идет о полном участии в крестовом походе Германии... Все это означает, что Финляндия вступила в военный союз и связала свою судьбу с Германией, что она целиком и полностью государство «оси» и полным ходом скатывается к гитлеризму»²⁹. Не менее показательно также свидетельство Э. Линкомиеса. «Правда истории,— писал он впоследствии,— заключается все же в том, что если бы Финляндия не связала себе заранее руки, то ей все не понадобилось бы прибегать тогда к подобному определению. Если бы Финляндия хотела сохранить мир, то, очевидно, естественнее было бы, прежде чем объявить состояние войны, попытаться выяснить у Советского правительства его намерения...»³⁰

Стремление Финляндии представить Советский Союз агрессором и утверждать, будто бы она не по своей воле оказалась в водовороте войны³¹, проявляется в ряде случаев в финской исторической литературе и теперь. В этой связи еще в 60-х годах американский историк профессор Ч. Лундин справедливо ставил вопрос: нужен ли был Советскому Союзу еще один — финский фронт в то время, когда СССР вел напряженную борьбу с напавшей на него фашистской Германией?³²

Вступая в войну с Советским Союзом, государственное и военное руководство Финляндии ставило в ней совершенно определенные цели. Они никогда в общем виде не формулировались и не провозглашались, но по совокупности заявлений лиц, определявших политику страны, и данным официальных материалов вполне четко очерчены. Особенно ясно это видно из заявлений Р. Рюти, Ю. В. Рангеля, К. Г. Маннергсйма, В. Таннера, В. Хаккила³³ и других. Ставившаяся фашистской Германией задача ликвидации социалистического строя в СССР, уничтожения Советского государства и порабощения его народа полностью отвечала и целям руководителей Финляндии. Но особо выделялись своекорыстные, великофинляндской направленности националистические идеи, предусматривавшие захват у Советского Союза значительной территории с выдвинутым так называемым «стратегическим границ» до Белого моря и Онежского озера, к рекам Свири и Неве.

В книге известного финского историка Охто Манни-

нена «Контуров великой Финляндии» обстоятельно и документированно раскрываются эти замыслы. Причем показывается, что они не являлись пределом. Финский посланник в Риме О. Талас поставил вопрос о том, чтобы в задачу Финляндии входило создание протектората над той частью советской территории, где проживали коми, марийцы, чувашаи, остяки, вогулы. И на это последовала положительная реакция президента Рюти. Строились докладывавшиеся в Берлин планы переселения карелов Калининской области в пограничные с Карелией районы, а черемисов и мордвы — в Архангельскую область с последующим превращением ее в протекторат Финляндии³⁴.

Разве удалось бы достигнуть финскому руководству таких далеко идущих целей в сепаратной войне, как ее представил Рюти 26 июня? Об этом, естественно, не могло быть и речи. «Стратегические цели Финляндии в начале войны,— писал Х. Сеппяля,— были ограничены в том отношении, что ее действия находились в зависимости от действий вооруженных сил Германии, от ее поражений или успехов»³⁵. Какая же в таком случае могла быть «обособленная» от Германии война?

Начало агрессии

Финские войска развернули боевые действия не сразу после объявления войны Советскому Союзу. 26 июня главнокомандующий финской армии К. Г. Маннергейм прибыл из своей ставки, находившейся в городе Миккели, в район сосредоточения Карельской армии. В ее штабе и соединениях рассматривались конкретные оперативные вопросы предстоящего наступления севернее Ладожского озера³⁶, где должен был наноситься главный удар. Переход в наступление Карельской армии ставился в зависимость от темпов продвижения немецкой группы армий «Север» на ленинградском направлении. Финские войска были сориентированы на активное ведение боевых действий и захват отдельных приграничных территорий. Как писал впоследствии командир VI армейского корпуса генерал П. Талвела, было условлено, что финские войска могли «захватить определенную территорию», но не должны были «втягиваться в крупные боевые действия»³⁷.

Именно такую установку имели финские войска, ведя бои на Карельском перешейке, в полосе государственной границы с СССР, в течение 29 июня — 9 июля.

Они встретили здесь сильный отпор со стороны советских пограничников, частей 7-й и 23-й армий Северного фронта, прикрывавших границу. Не увенчались успехом попытки финских частей II армейского корпуса выйти к Ладожскому озеру и расчленить противостоявшие здесь силы Северного фронта. К 10 июля потери этого корпуса превысили 2 тыс. человек³⁸. Финским войскам удалось вклиниться севернее Ладожского озера в оборону советских частей приблизительно на 15 километров.

В районе Ханко финская артиллерия открыла интенсивный огонь по советской военно-морской базе уже 26 июня. Но предпринятые 14-й пехотной дивизией в конце июня — начале июля неоднократные попытки прорваться на территорию полуострова закончились безрезультатно. Советские войска не только отбили все атаки, но и сами перешли затем к активным действиям, захватив вблизи базы более десятка островов.

Провалилось также наступление немецкого горнострелкового корпуса «Норвегия», предпринятое с территории Финляндии 29 июня на мурманском направлении. Прикрывавшие его части 14-й армии к 20 июля в упорных боях обескровили гитлеровские дивизии и остановили их на рубеже реки Западная Лица. Немецким войскам удалось продвинуться лишь на 25—30 километров. Корпус Дитля, писал немецкий генерал Х. Хельтер, «застрял в районе предмостного укрепления восточнее Лицы»³⁹.

Действовавший южнее 36-й немецкий армейский корпус, усиленный 163-й пехотной дивизией, которую затем планировалось передать в распоряжение Маннергейма, начал наступление 1 июля и, пользуясь численным превосходством, за неделю боев несколько продвинулся вперед и овладел районом Салла. III финский армейский корпус генерала Сийласвуо также перешел в наступление 1 июля и через десять дней вышел к переднему краю главной полосы обороны советских войск, проходившему по реке Войнице⁴⁰. На этом рубеже в последующем развернулись ожесточенные бои.

Начавшая 4 июля наступление в направлении Ругозера 14-я пехотная дивизия полковника Э. Раапана захватила в пограничной зоне Реболы, но, несмотря на более чем трехкратное превосходство в силах над противостоявшими подразделениями пограничников и стрелкового полка, не смогла в последующие полмесяца прорвать оборонительный рубеж советских войск⁴¹.

Тем временем Карельская армия изготовилась севернее Ладожского озера для нанесения главного удара, преследовавшего цель выйти на соединение с немецкими войсками, наступавшими на Ленинград с юго-запада. 9 июля представитель германского командования при ставке Маннергейма генерал В. Эрфурт сообщил ему, что, согласно полученной от Ф. Гальдера телеграмме, 10 июля группа армий «Север» развернет наступление из района Дно — Псков непосредственно на Ленинград. Необходимо, чтобы финская армия начала одновременное наступление вдоль восточного побережья Ладожского озера навстречу германским войскам⁴², как это и было предусмотрено оперативными планами.

С ведома президента Рюти Маннергейм отдал приказ Карельской армии о переходе в наступление 10 июля. «Свобода Карелии и великая Финляндия, — говорилось в нем, — озаряются нам в огромном водовороте всемирно-исторических событий»⁴³. Так, стремясь облечь в красивую фразу одну из главных целей начатой войны, Маннергейм открыто подтвердил замысел относительно «великой Финляндии».

Столь откровенный призыв к осуществлению захватнических планов, содержащийся в приказе главнокомандующего, явился своего рода сигналом к тому, чтобы усилить в войсках и среди населения соответствующую идеологическую обработку. Наряду с распространявшимися пропагандой идеями реванша, возврата к границам 1939 года, теперь выдвигалась на первый план великофинляндская идея. Правительство Финляндии и активно поддерживавшие его реакционные круги стремились возбудить у населения и особенно у солдат на фронте воинственно-националистические чувства, накалить до предела враждебные настроения в отношении Советского Союза. Создание «великой Финляндии» стало на практике государственной политикой.

Такая политика не встречала противодействия и у правого руководства Социал-демократической партии. Ее лидер В. Таннер не скрывал совпадения своих взглядов с направленностью действий фашистской Германии, поставившей цель уничтожить Советский Союз. Уже в речи по радио 3 июля он заявил, что «Финляндии нет оснований сожалеть, если Советский Союз вместе со своим идеологическим строем падет»⁴⁴.

Наступление Карельской армии началось после сильной артиллерийской и авиационной подготовки. Ее соединения пошли на прорыв обороны 7-й армии, кото-

рой командовал генерал-лейтенант Ф. Д. Гореленко. VI армейский корпус генерала П. Талвела, наносивший главный удар, имел четырехкратное превосходство по пехоте и девятикратное по артиллерии⁴⁵ над противостоявшей ему 71-й стрелковой дивизией полковника В. Н. Федорова. Одновременно начал наступление VII армейский корпус генерала Э. Хеглунда на сортавальском направлении, прикрывавшемся 168-й стрелковой дивизией полковника А. Л. Бондарева.

Развернувшиеся бои носили исключительно напряженный, кровопролитный характер. «Советские войска,— отмечал военный историк Х. Сеппяля,— оказывали ожесточенное противодействие»⁴⁶. Об этом же пишет в своем дневнике генерал Талвела, характеризуя ход боевых действий. В записи, сделанной 12 июля, он констатирует: «Противник оказывает исключительно упорное сопротивление, и продвигаться приходится лишь с боями от одного опорного пункта к другому»⁴⁷. Финские войска несли большие потери. Общее количество их составило в июле около 6700 убитыми и пропавшими без вести, а число раненых достигло 25 тыс. человек⁴⁸.

К 14 июля VI армейский корпус ценой значительных потерь расчленил фронт 7-й армии надвое (часть ее сил отошла в район Сортавалы) и захватил станцию Лоймола. Это позволяло ему продвигаться на олонечнолодейнопольском и петрозаводском направлениях. Но советское командование, создав Южную и Петрозаводскую оперативные группы, нанесло контрудары по финским войскам. В результате продвижение их было приостановлено на тулоксенском и суоярвинском участках 25 июля. Затормозилось также наступление финских войск в северной и средней части Карелии, где они встретили упорное сопротивление советских войск на подступах к Кировской железной дороге.

В такой обстановке 30 июля Маннергейм отдал приказ о переходе в наступление II армейского корпуса на Карельском перешейке в направлении Хиитола—Кексгольм, которое прикрывалось на 105-километровом участке 142-й и 115-й дивизиями 23-й армии генерал-лейтенанта М. Н. Герасимова. Бои приобрели здесь не менее ожесточенный характер.

В это время Советское правительство, используя посредничество США, предложило правительству Финляндии прервать дальнейшее ведение войны и заключить мир. Письмо И. В. Сталина по этому поводу было

направлено Ф. Рузвельту 4 августа. «СССР придает большое значение вопросу о нейтрализации Финляндии и отходу ее от Германии,— говорилось в нем.— Советское правительство могло бы пойти на некоторые территориальные уступки Финляндии с тем, чтобы замирить последнюю и заключить с нею новый мирный договор»⁴⁹. Однако финляндское правительство не намерено было менять свои замыслы и идти на прекращение войны. Оно 1 августа под давлением Германии разорвало отношения с Англией⁵⁰. А когда американский посланник в Хельсинки Г. Ф. Шoenфельд встретился с президентом Рюти и передал ему советское предложение, то ответ последовал без промедления: с правительством СССР не может быть никаких переговоров. «Ожидаемое взятие Ленинграда,— заявил Рюти,— прояснит положение Финляндии на фронте»⁵¹. По его словам, это должно было произойти через несколько недель. О посреднической миссии США было немедленно доложено немецкому посланнику В. Блюхеру⁵².

Таким образом, первая попытка СССР достигнуть мира с Финляндией спустя около двух месяцев после начала войны была отвергнута даже без того, чтобы обсудить советские предложения. В этом проявлялась на деле сущность финской «оборонительной» стратегии. Как видим, Рюти думал не о прекращении войны, а о захвате Ленинграда.

Нагнетая атмосферу шовинистического угара, военно-политическое руководство Финляндии усилило репрессии против тех, кто высказывался в пользу мира. Стало увеличиваться количество отправленных в тюрьмы финских граждан. К концу войны их числилось, по явно заниженным данным, около 8 тыс. человек. Среди них значительную часть составляли коммунисты⁵³.

Политический террор и преследования коснулись даже парламентариев. В августе 1941 года, нарушив положение о парламентской неприкосновенности, государственная полиция Финляндии арестовала «шестерку» К. Вийка. Эта группа депутатов — левых социал-демократов — была предана суду по обвинению в подготовке «государственного преступления», хотя на деле она позволила лишь сделать антивоенное заявление, которое даже по меркам того времени представлялось «весьма осторожным»⁵⁴.

Так безудержная шовинистическая пропаганда и государственная поддержка националистических организаций, с одной стороны, и гонения по отношению к про-

тивникам войны, строжайший контроль за печатью и радиоинформацией — с другой, призваны были добиться дальнейшего «духовного единства» населения. Общая обстановка в стране, как отмечал видный общественный деятель левой социал-демократ И. Хело, «означала диктатуру и духовный террор»⁵⁵.

В обстановке достигнутых германской армией временных военных успехов и продолжавшегося наступления финских войск милитаристская, антисоветская пропаганда в Финляндии оказывала заметное психологическое воздействие на различные слои населения страны. Все более усиливавшимися звуками победных фанфар удавалось многих оглушить и заставить поверить в то, что Советский Союз будет быстро разгромлен и война продлится всего несколько недель⁵⁶. Официально в печати ей дали и название — «летняя война», не подозревая, что вскоре его придется менять.

5 августа финские войска, пополненные резервами, осуществили прорыв в восточной части Карельского перешейка и развернули бои за узловую железнодорожную станцию Хитола. Командование финской армии поставило перед частями II армейского корпуса задачу выйти к Ладожскому озеру и прижать к берегу Сортавальскую группировку советских войск, рассчитывая одновременно осуществить быстрое продвижение на кексгольмском направлении. В этой обстановке командующий Северным фронтом генерал-лейтенант М. М. Попов отдал приказ командующему 23-й армией отвести Сортавальскую группировку на юг, чтобы использовать ее войска для прикрытия кексгольмского направления, а 142-й стрелковой дивизии — организовать упорную оборону Хитолы⁵⁷. Ход последующих событий показал, что решение было правильным.

Если бы советскому командованию удалось организовано отвести войска приладожского участка 23-й армии на рубеж Вуоксинской водной системы и занять оборону, используя созданные там полевые укрепления и инженерные заграждения, то финским войскам было бы сложно осуществить намеченный замысел. Однако 6 августа главком Северо-Западного направления К. Е. Ворошилов отменил приказ командующего фронтом, потребовав удерживать Сортавалу во что бы то ни стало⁵⁸. Для ликвидации прорыва финских войск было приказано осуществить контрудар за счет перегруппировки сил 23-й армии и передававшейся из резерва фронта 265-й стрелковой дивизии⁵⁹.

Контрудар еще готовился, когда части II корпуса финской армии овладели 8 августа Лахденпохьей и в течение следующего дня вышли к Ладожскому озеру. Сортавальская группировка советских войск оказалась отрезанной от основных сил 23-й армии. Предпринятый советскими частями 10—14 августа контрудар в районе Хиитолы не увенчался успехом. Финские войска, овладев важным узлом дорог на пути к Кексгольму (Приозерску) и Выборгу, направили главные усилия на то, чтобы выйти к Вуоксе и, форсировав ее, захватить плацдармы. Приказ об этом финская ставка передала командованию II армейского корпуса 13 августа. Одновременно было дано указание IV корпусу быть готовым к переходу в наступление частью сил в юго-восточном направлении — также по направлению к Вуоксе⁶⁰.

Чтобы овладеть городом Сортавалой и ускорить ликвидацию отрезанной в этом районе группировки советских войск, Маннергейм ввел в бой I армейский корпус полковника Е. Н. Мякинена. Бои приобрели здесь напряженный, кровопролитный характер. Финское командование отмечало исключительную стойкость оборонявшихся в районе Сортавалы частей 168-й стрелковой дивизии полковника А. Л. Бондарева и его высокие личные боевые качества. Один из ближайших помощников Маннергейма в ставке, генерал В. Е. Туомпо, записал 19 августа о Бондареве в служебном дневнике: «Хороший и стойкий командир»⁶¹.

В сложных условиях, под сильным артиллерийско-минометным огнем финских войск, 168-я стрелковая дивизия и другие части Сортавальской группировки к исходу 20 августа эвакуировались на судах Ладожской военной флотилии на остров Валаам. В это же время эвакуировались водным путем оказавшиеся отрезанными от основных сил 23-й армии и прижатые финскими войсками к берегу Ладожского озера части 142-й стрелковой и 198-й моторизованной дивизий⁶².

После неудачной попытки 23-й армии нанести контрудар по II армейскому корпусу обстановка для финских войск на кексгольмском направлении сложилась весьма благоприятно. Перед ними открылся совершенно незащищенный 30-километровый коридор. Через него части II корпуса и устремились к Вуоксе.

Советское командование не располагало в это время резервами, чтобы остановить здесь наступление финских войск, поскольку на ближних подступах к Ленинграду шли напряженные бои с немецкой группой армий

«Север» и основные силы использовались для защиты города именно с южного направления. На просьбу командующего войсками Северного фронта М. М. Попова об усилении 23-й армии четырьмя стрелковыми и одной авиационной дивизиями за счет резерва Ставки ВГК Генеральный штаб ответил отказом⁶³.

Тем временем части финской армии, не встречая серьезного сопротивления, приближались к Вуоксе. В середине августа они приступили к форсированию реки. В течение 17—21 августа 18-я пехотная дивизия захватила плацдарм на южном берегу Вуоксы⁶⁴ и получила приказ наступать далее в сторону Выборга с целью выхода в тыл группировке советских войск, оборонявшихся в западной части Карельского перешейка. Одновременно части II армейского корпуса захватили город Кексгольм и стали продвигаться в южном направлении.

Во второй половине августа командование финской армии сосредоточило главное внимание на захвате Выборга. 22 августа Маннергейм отдал приказ IV армейскому корпусу наступать на Выборгском направлении. Осуществлению его способствовало то, что часть сил II армейского корпуса, форсировавших Вуоксу, быстро продвигалась в тыл Выборгской группировке советских войск.

24 августа, отразив контратаки частей 23-й армии, финские войска вышли к ее тыловому оборонительному рубежу, а на следующий день со стороны Выборгского залива были высажены два финских морских десанта. Железнодорожная магистраль Выборг — Ленинград оказалась перерезанной. Части и подразделения 43, 115 и 123-й дивизий, прорываясь через финские заслоны, с боями отходили на юг и юго-запад к Финскому заливу, в район Койвисто (Приморска), откуда впоследствии 12 тыс. человек эвакуировались морским путем⁶⁵. Выборг был оставлен советскими частями 29 августа. В тот же день финские войска вошли в пустой город.

Командование Ленинградского фронта распорядилось отвести части и соединения 23-й армии за реку Сестру, на рубеж старой государственной границы. Там им предстояло перегруппировать силы и занять оборону, опираясь на долговременные сооружения Карельского укрепленного района⁶⁶.

31 августа, накануне выхода финских войск к реке Сестре, Маннергейм отдал приказ форсировать водную преграду и продолжать наступление. «Старая государственная граница на перешейке достигнута,— говори-

лось в его приказе,— нам надо вести борьбу до конца, установив границы, обеспечивающие мир»⁶⁷. В соответствии с этим части и соединения финской армии уже 1 сентября попытались прорвать оборону советских войск. Через день они захватили Старый Белоостров и ряд других населенных пунктов⁶⁸.

В этих условиях командование Ленинградского фронта предприняло неотложные меры, чтобы остановить финские войска на Карельском перешейке, и прежде всего к северу от Сестрорецка. В бой были введены резервы, которые стали решительно контратаковать финские части. Развернулись напряженные, кровопролитные бои, в ходе которых обе стороны несли большие потери. К этому времени общее число потерь финской армии превысило 20 тыс. человек⁶⁹.

В результате контратак на отдельных участках советские войска достигли некоторых успехов: 5 сентября у врага был отбит Старый Белоостров, 7 сентября удалось продвинуться в район Каллелово, остановить продвижение финских частей у озера Светлого⁷⁰. Финские войска вынуждены были обороняться. И ставка в Миккели зафиксировала это приказом о переходе к обороне.

Безрезультатные попытки прорвать оборону 23-й армии на Карельском перешейке отразились на моральном состоянии финской армии. Среди солдат появились многочисленные случаи неповиновения, они отказывались наступать. «Отказавшиеся от наступления считали,— отмечал финский историк Ю. Куломаа,— что военное руководство обязано было вести лишь оборонительные бои, не захватывая чужой территории. На Карельском перешейке отказались идти вперед 200 человек 48-го пехотного полка 18-й дивизии, когда одному из подразделений было дано распоряжение 12.9 наступать через старую границу»⁷¹. Значительное число солдат 27-го и 57-го пехотных полков также отказались идти дальше рубежа реки Сестры. Под влиянием понесенных потерь в августовско-сентябрьских боях моральный дух солдат сильно упал.

Возобновить наступление на Карельском перешейке уже не представлялось возможным, и Маннергейм вынужден был информировать об этом германское командование. И южнее Ленинграда измотанные и обескровленные немецкие соединения группы армий «Север» были остановлены на рубеже Пулково — Лигово. Штурм города с юга захлебнулся, 20 сентября советско-германский фронт здесь стабилизировался.

Что могло предпринять в этих условиях финское командование? Снять войска с других участков фронта, чтобы, атакуя Карельский укрепленный район, перемолоть новые тысячи солдат? Этого не позволяли сделать людские ресурсы страны.

Вынужденный переход финнов к обороне на Карельском перешейке имел и другие причины. В случае окончательного провала гитлеровского плана захвата Ленинграда Финляндия могла отмежеваться от гитлеровцев и попытаться поправить за рубежом мнение о себе. Такая попытка была сделана. Уже 11 сентября Виттинг заверил американского посланника Шоенфельда, что «Финляндия решила не участвовать в наступлении на Ленинград»⁷².

Многие годы спустя некоторые финские историки пытались представить финского главнокомандующего чуть ли не «спасителем Ленинграда». Появилась не выдерживающая критики легенда о «гуманности» Маннергейма, о том, что благодаря ему «Ленинград выстоял»⁷³. Глубоко заблуждается финский военный историк Хельге Сеппяля, когда пишет, что «финские войска могли, по всей вероятности, дойти до предместий Ленинграда». Странно звучит его утверждение, что «финны в отличие от немцев скорее заслоняли Ленинград»⁷⁴. Будем объективны: Ленинград выстоял благодаря мужеству его защитников, а военно-политическое руководство Финляндии не свободно было в выборе решений — их диктовала складывавшаяся обстановка.

Подтверждением тому, что действия финского главнокомандующего соответствовали ранее согласованным с немецким военным руководством планам в отношении Ленинграда, являлись события, разворачивавшиеся далее на свирском участке фронта в сентябре — начале октября 1941 года. Отсюда по приказу Маннергейма Карельская армия должна была осуществить прорыв в юго-западном направлении и продвигаться на соединение с наступающими к Тихвину и Волхову немецкими войсками, чтобы замкнуть вокруг Ленинграда второе блокадное кольцо. Он действовал в соответствии с директивой, полученной от Гитлера 19 июля, где указывалось, что «задачей главных финских сил, подкрепленных 163-й немецкой дивизией, по-прежнему остается наступление с нанесением главного удара восточнее Ладожского озера и уничтожение во взаимодействии с войсками группы армий «Север» противостоящего противника»⁷⁵.

23 августа Кейтель в письме к Маннергейму вновь обратил его внимание на важность наступления финской армии на свирском направлении с целью соединения с немецкими войсками и об участии ее в овладении Ленинградом⁷⁶. Именно в это время со стороны группы армий «Север» предпринималась попытка непосредственно прорваться к Ленинграду с юго-запада и юга, а с рубежа реки Волхов — к Ладожскому озеру. 27 августа Гальдер сделал в своем дневнике такую запись: «Соединение с финскими войсками должно быть достигнуто при любых обстоятельствах независимо от общей обстановки под Ленинградом»⁷⁷.

Маннергейм в свою очередь не думал отказываться от наступления на свирском направлении и о готовности возобновить его уведомил немецкого представителя при финской ставке генерала Эрфурта 30 августа⁷⁸. Приказ об этом прибыл в Карельскую армию 1 сентября⁷⁹.

Войска VI армейского корпуса генерала П. Талвела, усиленные двумя дивизиями, переброшенными с Карельского перешейка и из района Ханко, начали наступление на свирском направлении 4 сентября. Прорвавшись сквозь оборону Южной оперативной группы советских войск, они 6 сентября захватили Олонец, а через два дня вышли к реке Свири. Форсировав ее, 17-я пехотная дивизия полковника А. Свенссона захватила небольшой плацдарм на южном берегу, имея цель продвигаться навстречу немецким войскам. В это же время VII армейский корпус генерала И. В. Хеглунда развернул наступление на Петрозаводск. Имея значительное численное превосходство в силах над противостоявшей Петрозаводской оперативной группой, оборона которой была растянута по фронту на 100 километров и имела небольшую глубину, финские войска начали теснить советские части.

Гитлеровское военное руководство выражало удовлетворение действиями финского командования. Генерал А. Йодль, прибывший в ставку Маннергейма в день возобновления наступления Карельской армии, был «исключительно доволен», поскольку в «главном вопросе» с финским маршалом было «взаимопонимание»⁸⁰. Йодль вручил Маннергейму высокую награду «третьего рейха» — Железный крест.

С выходом гитлеровцев 8 сентября к Ладожскому озеру в районе Шлиссельбурга (Петрокрепости), состоящая между авангардными частями группы армий «Север» и финскими войсками существенно сократи-

лось: со стороны Карельского перешейка оно составляло по прямой 40—70 километров, а со свирского участка — 180 километров. Ленинград оказался блокированным немецкими войсками с юга и финскими — с севера.

Германскому и финскому командованию казалось, что наступил момент, когда еще один согласованный удар с двух сторон — и судьба Ленинграда будет окончательно решена. Так именно и писала 11 сентября 1941 года газета «Ууси Суоми»: «Когда немецкие войска захватили восточнее Петрограда Мгу, а финские войска достигли Свири, судьба Петрограда была решена».

VI армейский корпус с подчиненной ему 163-й немецкой пехотной дивизией, ведя наступление против частей 7-й отдельной армии, смог ценой больших потерь выйти 21 сентября на рубеж Свирьстрой — Подпорожье — Вознесенье. Дальнейшее продвижение его затормозилось. 7-я армия, пополненная резервами, на ряде участков дала отпор финско-немецким войскам.

Однако на петрозаводском направлении, где наступал VII армейский корпус, советским частям не удалось удержать занимаемые рубежи. Финское командование, перешедшее в распоряжение корпуса дополнительно две пехотные дивизии, добилось значительного перевеса в силах. Был осуществлен прорыв к Петрозаводску. 1 октября части корпуса захватили город и начали развивать наступление на Медвежьегорск.

Последующие попытки финского командования добиться в октябре перелома в боевых действиях на свирском участке в свою пользу не дали результатов. Упорным сопротивлением частей 7-й армии их дальнейшее продвижение к 18 октября было окончательно приостановлено и фронт стабилизировался.

Финское командование с тревогой отмечало падение «боевого духа» среди частей, воевавших на Свири. В войсках стало резко нарастать дезертирство, а также уход в «лесную гвардию» — антивоенно настроенные отряды и группы бывших солдат. В августе из частей Карельской армии дезертировало 135 человек, в сентябре — 210, а в октябре — 445 человек⁸¹. Так же как и в ходе боев на Карельском перешейке, солдаты ряда частей 5-й и 17-й пехотных дивизий свирского участка фронта отказывались продолжать наступление. Особенно массовый характер приняли волнения солдат 61-го полка 17-й пехотной дивизии, где сотни человек отказались выполнить приказ о форсировании реки Свири⁸².

Не случайно наступление на Свирском участке фронта Маннергейм решил предпринять во второй половине октября силами только немецкой 163-й пехотной дивизии, а финские войска должны были поддерживать ее лишь артиллерией. Попытка же использовать часть сил 11-й финской пехотной дивизии привела к тому, что из нее стали дезертировать солдаты⁸³.

С началом контрнаступления Красной Армии в середине ноября под Тихвином окончательно провалился замысел гитлеровского командования о соединении немецких и финских войск и создании второго блокадного кольца вокруг Ленинграда. По словам представителя германского командования в финской ставке генерала В. Эрфурта, у Маннергейма была «потеряна всякая вера» в успешные перспективы войны. «Маршал, склонный по своей природе к пессимизму, был крайне расстроен и рисовал будущее в самых мрачных тонах»⁸⁴.

В течение октября — декабря 1941 года командование финской армии предпринимало наступательные действия с целью захвата северной и средней части Советской Карелии. Финским войскам удалось овладеть Медвежьегорском и достигнуть Масельского перешейка. Окончательно соединения финской армии были остановлены советскими войсками в середине декабря 1941 года на рубеже западнее Кандалакши, Лоухов, Ухты, Ругозера, станции Масельская и у южного участка Беломорско-Балтийского канала. На полуостров Ханко финские части вступили в ноябре 1941 года, после того как советский гарнизон эвакуировался.

Таким образом, в начале зимы 1941/42 года линия фронта от Баренцева моря до Финского залива стабилизировалась. Немецкие войска в Заполярье и финская армия перешли к позиционной войне, продолжавшейся до середины 1944 года. Крушение плана «молниеносного» разгрома СССР вынудило финское руководство внести коррективы в определение названия войны применительно к Финляндии: вместо «летней», как ее именовали с июня 1941 года, она стала называться «войной-продолжением». Пропагандистский смысл такого определения означал, что для Финляндии данная война представляла собой продолжение «сражений зимней войны»⁸⁵, то есть войны 1939—1940 годов. В указании генштаба финской армии, направленном в начале декабря в войска, говорилось, что Финляндия ведет «сепаратную войну» и ее целью является «достижение таких границ, которые бы можно было самостоятельно защитить»⁸⁶.

Весьма сложно было в то время представителям левых сил Финляндии доносить до сознания населения страны правду об истинном характере войны и ее целях. Действовавшая в глубоком подполье Коммунистическая партия Финляндии, несмотря на репрессии и нередко нарушавшуюся связь между ее руководством и местными организациями, вела устную и печатную пропаганду против нацизма, пыталась своими выступлениями «создать противодействие ему и преступной военной политике»⁸⁷. Летом 1941 года коммунистам удалось наладить в наиболее крупных центрах страны — Хельсинки, Турку, Тампере — выпуск нелегальных газет и листовок⁸⁸.

КПФ объясняла в распространявшемся ею в октябре 1941 года Обращении к трудящимся массам, что война, которая велась против Советского Союза, не была «оборонительной», а являлась откровенно захватнической. «Каждый должен знать, — говорилось в нем, — что сколько бы эта война ни продолжалась, она не может закончиться ничем иным, как жертвами и несчастьем для нашего народа»⁸⁹. Обращение призывало «объединить все силы, чтобы противодействовать» пагубной политике войны. В нем выдвигались конкретные призывы добиваться возвращения резервистов на заводы и фабрики и для ведения сельскохозяйственных работ, отмены цензуры и установленных ограничений демократии, освобождения политических заключенных⁹⁰.

Для пропаганды идей борьбы против войны и нацистской опасности коммунисты Финляндии использовали листовки, издававшиеся как за подписью КПФ, так и от имени антифашистских, антивоенных сил. В сентябре 1941 года Компартия выпустила первый номер нелегальной газеты «Сосиалисмин айрут», где ставился вопрос о необходимости решения проблемы прекращения войны⁹¹. Тираж газеты и листовок, выходивших примерно один раз в месяц, колебался от 2 до 4 тыс. экземпляров. Содержание их было рассчитано на рабочих, крестьян, интеллигенцию, фронтовиков. На севере страны, где располагались немецкие войска, листовки распространялись также и на немецком языке⁹². В донесениях, поступавших в финские информационные органы, отмечалось, что коммунисты использовали различные другие способы ведения антивоенной деятельности в рабочей среде, где была «возможность индивидуально влиять»⁹³.

В условиях потерпевшей провал «молниеносной летней войны» и вскрывшейся фальши с «оборонительным»

и «обособленным» ее характером голос нелегальной печати левых сил становился все более доходчивым для населения и способствовал расширению в различных его слоях антивоенных настроений. О тяге к миру заговорила и социал-демократическая печать. Газета «Кансан Лехти» опубликовала 13 сентября передовую статью с весьма выразительным заглавием: «Тоска по миру». А главный редактор газеты «Суомен социалидемокраатти» Э. Кильпи на сентябрьском заседании исполкома СДПФ отмечал проявление стремления к миру среди населения вообще, а среди фронтовиков в особенности⁹⁴. Стоявший во главе цензуры К. Вилкуна писал, что в Финляндии люди «не могли понять, почему продолжала дальше вестись война»⁹⁵ после того, как войска вышли к старой государственной границе.

Немало солдат, уходивших с фронта в «лесную гвардию», делали это не из-за трусости и стремления избежать гибели, а выражая свою позицию по отношению к захватнической войне. К декабрю 1941 года из финской армии дезертировало не менее 2360 человек⁹⁶. «Лесогвардейцами» становились также и те, кто уходил от выполнения обязательной трудовой повинности. Отряды и группы «лесной гвардии» действовали в ряде районов страны, причем наиболее активно в губерниях Турку-Пори, Хяме и Уусимаа⁹⁷. Коммунисты, включившиеся в действия «лесогвардейских» отрядов, придавали им целенаправленный антивоенный характер.

В Финляндии широко стал известен факт группового перехода осенью 1941 года финских солдат 21-го отдельного батальона на сторону советских войск. Так выполнили свой интернациональный долг свыше 300 человек из числа направленных в армию политических заключенных (преимущественно коммунистов)⁹⁸, отказавшихся участвовать в агрессии против Советского Союза.

Антивоенные проявления среди населения и на фронте вызвали усиление репрессивных действий со стороны властей и военного командования. В одном из указаний штаба Карельской армии, направленном 15 ноября 1941 года в войска, говорилось: «В силу того, что в различных частях, входящих в состав Карельской армии, проявляется усталость от войны, когда возникает необходимость серьезно наказывать, требую от соответствующих командиров и начальников продолжать уделять серьезное внимание этому вопросу, а также в дальнейшем делать все необходимое, чтобы воспрепятствовать прояв-

лению неповиновения и способствовать оздоровлению морального духа в войсках»⁹⁹.

Сам факт происходивших изменений в политических настроениях населения Финляндии благоприятствовал тому, чтобы извне побудить ее руководство пойти на рассмотрение вопроса о выходе из войны. И с советской стороны предпринимались усилия, чтобы правительства США и Англии оказали соответствующее давление на Финляндию¹⁰⁰.

Больше всего в этом направлении могли сделать Соединенные Штаты Америки, которые имели нормальные отношения с Финляндией. К их голосу прислушивались в Хельсинки. Но после неудавшейся попытки в августе осуществить посредничество, правительство США не предпринимало энергичных шагов в этом направлении. Лишь трижды в конце октября 1941 года госсекретарь К. Хэлл высказывал финскому руководству пожелание, что «войска Маннергейма останутся у старых границ»¹⁰¹. Кстати, подобного рода надежду выражали несколько раньше — 22 сентября — правительство Англии и эмигрантское правительство Норвегии, находившееся в Лондоне¹⁰².

Почему же дело сводилось лишь к увещанию финского руководства и не были приняты более эффективные способы воздействия на него? Премьер-министр Англии У. Черчилль в своем письме И. В. Сталину 7 ноября 1941 года объяснял это тем, что «у Финляндии много друзей в Соединенных Штатах», и в свою очередь сам считал, что вряд ли являлось бы целесообразным объявление, скажем, войны Финляндии. По его словам, «это было бы лишь формальностью»¹⁰³. Вашингтон и Лондон, таким образом, ограничивались лишь уговорами правящих кругов Финляндии. Об этом, в частности, свидетельствовало личное обращение Черчилля к Маннергейму письмом, в котором содержалось предложение о прекращении Финляндией военных действий против Советского Союза¹⁰⁴.

В конечном счете правительство Англии пошло все же дальше, чем США. Оно направило Финляндии 24 ноября 1941 года ноту-ультиматум, где говорилось, что если 3 декабря Финляндия не откажется от продолжения военных действий против СССР, то Англия объявит о состоянии войны между ней и Финляндией. С финской стороны последовало заявление, что военные действия не могут быть приостановлены «раньше времени» и что они будут вестись до выхода к так называемым «стра-

тегическим рубежам, обеспечивающим безопасность». После этого Англия приняла окончательное решение — 5 декабря объявила Финляндии войну.

Соединенные Штаты Америки подобного шага не сделали. Они ограничились лишь призывом к правительству Финляндии прекратить военные действия против СССР и получили 11 ноября в ответной ноте из Хельсинки следующее разъяснение: «Финляндия стремится обезвредить и занять наступательные позиции противника, в том числе лежащие далее границ 1939 года. Было бы настоятельно необходимо для Финляндии и в интересах действительности ее обороны предпринять такие меры уже в 1939 году, во время первой фазы войны, если бы только ее силы были для этого достаточны»¹⁰⁵. Так в конце 1941 года финляндское руководство сказало правду о целях, которых оно хотело достигнуть в «первой фазе», то есть в ходе войны 1939—1940 годов.

Декларативные заявления Финляндии о сепаратном ведении войны вступали во все более глубокие противоречия с ее практическими действиями. 25 ноября 1941 года она официально присоединилась к антикоминтерновскому пакту, что узаконило ее политический союз с Германией и другими странами фашистского блока. Готовность присоединиться к этому пакту проявилась с финской стороны еще в августе¹⁰⁶, а официальное подписание было приурочено ко дню «пятилетнего юбилея» создания этого блока империалистических держав. Личный самолет Гитлера был предоставлен министру иностранных дел Виттингу, чтобы доставить его в Берлин на церемонию по этому случаю.

Присоединение Финляндии к антикоминтерновскому пакту рассматривалось в Берлине как важный шаг на пути превращения ее в подчиненное Германии государство (то есть установление протектората над ней, к чему склонялись Рюти и Виттинг в 1940 году). Характерно, что в этой связи Гитлер 16 июля 1941 года говорил своим приближенным о необходимости «осторожно приступить к подготовке присоединения Финляндии в качестве союзного государства»¹⁰⁷.

Столь откровенно выраженный прогитлеровский курс финского руководства вызвал в мире резко отрицательный резонанс. Заявление о состоянии войны с Финляндией сделали Канада, Австралия, Новая Зеландия, Индия. Это оказало гнетущее воздействие на население Финляндии. Оно усилилось в декабре, когда произошло немецкое наступление под Тихвином и герман-

Концентрационный лагерь для советских граждан
на оккупированной финскими войсками
территории Советской Карелии.

3 февраля 1943 г., после Сталинградской битвы, в ставке Маннергейма обсуждался вопрос о перспективах участия Финляндии в войне.

Беседа А. М. Коллонтай с финляндским посланником в Стокгольме Г. А. Грипенбергом в 1944 г.

Видные политические деятели страны, активные сторонники
выхода Финляндии из войны.

Ю. К. Паасикиви

У. К. Кекконен

Участники «мирной оппозиции», выступавшей за выход

М. Пеккала

С.-К. Кильпи

Э. Кильпи

Р. Свенто

Финляндии из войны.

Р. Тернгрэн

А. Виртанен

И. Кето

Л. Хельяс

В финском блиндаже
в период наступления советских войск летом 1944 г.

Во время наступления 21-й армии
на Выборгском направлении в июне 1944 г.

Вступление советских войск в Выборг 20 июня 1944 г.

Генерал армии К. А. Мерецков (крайний слева)
с группой офицеров на командном пункте (Карельский фронт,
октябрь 1944 г.).

Наступление частей 7-й армии на свирском направлении.
Переправа через реку Свирь 21 июня 1944 г.

Город Петрозаводск — столица Советской Карелии —
освобожден. 28 июня 1944 г.

Группа финских военнослужащих с белым флагом направилась 4 сентября 1944 г. через линию фронта для встречи с представителями Красной Армии.

После прекращения боевых действий начали устанавливаться контакты между советскими и финскими военнослужащими.

Финляндская правительственная делегация направляется через линию фронта в Советский Союз для ведения мирных переговоров.

Во время подписания в Москве
Соглашения о перемирии с Финляндией 19 сентября 1944 г.

№ 221 (1941) 22 СЕНТЯБРЬ 1944 г. ПИТЕРСБ. Цена 30 коп.

ИЗВЕСТИЯ
Советов
Депутатов
Трудающих
СССР

Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ПРАВДА

Орган Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся

К соглашению о перемирии с Финляндией

19 сентября в Москве подписано соглашение о перемирии между Советским Союзом и Финляндией. Это соглашение является результатом успешных действий Красной Армии и флота, которые в течение нескольких месяцев вели боевые действия на финском фронте. Соглашение предусматривает прекращение огня с 19 сентября 1944 года. Финляндия обязуется вывести свои войска с территории Советского Союза и вернуть территории, занятые в 1941 году. Советский Союз гарантирует независимость и территориальную целостность Финляндии.

№ 221 (1941) 22 СЕНТЯБРЬ 1944 г. ПИТЕРСБ. Цена 30 коп.

Войска Ленинградского фронта нанесли немцам тяжелое поражение в районе северной ТАРТУ и западной города НАРВА. Прорвано сильно укрепленная оборона противника. Освобождено свыше 1.800 населенных пунктов.

Соглашение
ПЕРЕМИРИЯ МЕЖДУ СОЮЗОМ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК И ПОВЕДЕННЫМ КОРОЛЕВСТВОМ ФИНЛЯНДИИ И СЕВЕРНОЙ ФИНЛЯНДИИ, С ОДНОЙ СТОРОНЫ, И ФИНЛЯНДИЕЙ, С ДРУГОЙ

В Москве 19 сентября 1944 года подписано соглашение о перемирии между Советским Союзом и Финляндией. Соглашение предусматривает прекращение огня с 19 сентября 1944 года. Финляндия обязуется вывести свои войска с территории Советского Союза и вернуть территории, занятые в 1941 году. Советский Союз гарантирует независимость и территориальную целостность Финляндии.

Соглашение о перемирии с Финляндией опубликовано в советской печати.

Советско-финляндская граница восстановлена!
Сентябрь 1944 г.

В Заполярье советские войска в ходе наступления
вышли к границе с Финляндией и Норвегией.

Губернский центр Рованиеми в Северной Финляндии, уничтоженный
гитлеровцами при отступлении.

В апреле 1945 г. финские подразделения достигли северо-западной границы Финляндии с Норвегией и Швецией, изгнав со своей территории последних гитлеровских солдат.

10 мая 1945 г. в Хельсинки состоялся массовый праздник по случаю окончания войны в Европе.

ская армия потерпела сокрушительное поражение под Москвой. Начавшееся контрнаступление советских войск в конце 1941 года, отмечал немецкий посланник В. Блюхер, «оказало сильное воздействие на моральный дух в Финляндии» и в целом «удручающе повлияло на Финляндию»¹⁰⁸.

Широкие круги финской общественности не могли не видеть, что вторая мировая война приобретала все большую масштабность. 11 декабря Германия и Италия объявили войну Соединенным Штатам Америки. В ответ на это конгресс США принял решение об объявлении им войны. А 1 января 1942 года в противовес фашистскому блоку образовалась антигитлеровская коалиция. Дипломатические представители 26 государств во главе с СССР, США и Англией подписали Декларацию Объединенных Наций о решимости сотрудничать между собой в деле совместного разгрома врага. Резюмируя раздумья о происшедшем, председатель комиссии финляндского парламента по иностранным делам В. Войонмаа писал: «С определенностью можно сказать лишь, что на будущей мирной конференции мы будем сидеть не на той стороне стола, которую займут великие демократии мира»¹⁰⁹.

Мрачные мысли о перспективе вызвала у политического и военного руководства Финляндии необходимость принятия иных, чем прежде, решений. В декабре 1941 года было отдано войскам распоряжение о создании укрепленных оборонительных рубежей на Карельском перешейке — «линии ВКТ» и в Карелии — «линии ПСС»¹¹⁰. По словам министра обороны Р. Вальдена, «блалась ориентация на «затяжную войну»¹¹¹.

„Год выжидания“

Наступил 1942 год. Известный финский историк профессор Туомо Полвинен назвал его «годом выжидания»¹¹². Чего же выжидало политическое и военное руководство Финляндии?

Видный деятель Шведской народной партии, член комиссии по иностранным делам парламента К. Фрич объяснял это так: «Ожидали обещанного Германией весеннего наступления, которое должно было приблизить окончательную развязку и решающий разгром России»¹¹³. Аналогичным образом истолковывал суть позиции финского руководства в начале 1942 года немецкий посланник В. Блюхер. Он говорил, что в правитель-

ственных кругах Финляндии уповали на новое крупное наступление Германии, которое должно привести к разгрому Советского Союза¹¹⁴. Пока же в той конкретной военно-политической обстановке, учитывая крупное поражение, нанесенное советскими войсками немецкой армии, Маннергейм не принимал никаких новых решений относительно ведения боевых действий. О настроениях, царивших в финской ставке, свидетельствуют записи в дневнике генерала В. Туомпо, сделанные 3 января 1942 года: «Дела на германском фронте ухудшились. Русские везде наступают, тесня немцев все дальше. Блокада Ленинграда под угрозой развала. Маршал нервничает...»¹¹⁵

Для выяснения у гитлеровского командования дальнейших перспектив Маннергейм направил в начале января в Германию генерала Хейнрикса, но там ему не дали конкретного ответа. Лишь в полученном Маннергеймом в конце месяца письме от начальника штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии В. Кейтеля содержалось пожелание, чтобы финские войска предприняли операцию по захвату Беломорска с целью перерезать Кировскую железную дорогу, обеспечивавшую связь с Мурманском.

Но финское командование, ранее считавшее целесообразным проведение такой операции, в сложившихся условиях не решилось вести активные действия. Хотя ориентация, дававшаяся финским войскам, не позволяла делать вывод, что в Финляндии отмежевались от гитлеровских планов. Это видно, в частности, из директивы от 24 мая 1942 года командующего группы войск «Карельский перешеек» генерала Х. Эквиста. Он указывал в ней, что войскам надо «ясно показывать военные цели ведущейся войны: граница «трех перешейков» (Карельский перешеек, Олонецкий перешеек и Беломорский перешеек)». И далее в директиве подчеркивалось, что приостановившееся продвижение финских войск на Карельском перешейке осенью 1941 года вовсе не означает оставление замысла начать наступление «в целях ликвидации» окруженного Ленинграда¹¹⁶. Как видно из указанного документа, и в отношении Ленинграда не было какой-то «особой финской» позиции, отличавшей ее от гитлеровских планов.

Таким образом, тактика выжидания финского руководства преследовала на деле совершенно определенную цель: не отказываясь от дальнейшего осуществления своих агрессивных замыслов, отодвинуть выполне-

ние их до того времени, когда сложится благоприятная для Финляндии военно-стратегическая обстановка. Последующий ход событий, правда, так и не предоставил возможности для реализации задуманного. «Война, которую готовили финны и включились в нее с серьезными замыслами,— писал Х. Сеппяля,— закончилась поражением уже в декабре 1941 года, но продолжала все еще вестись с Советским Союзом, принося большие жертвы во имя стратегических целей Германии»¹¹⁷.

При этом было совершенно очевидно, что экономика Финляндии не выдерживает напряжения войны. В зимне-весенний период 1942 года страна оказалась в состоянии особенно тяжелого экономического кризиса. Объем промышленного производства в целом уменьшился в 1942 году на 22 процента по сравнению с довоенным уровнем. Особенно заметным было снижение производства в лесной, горнодобывающей и текстильной отраслях. Количество выпускавшейся продукции предприятиями текстильной промышленности уменьшилось к этому времени чуть ли не наполовину¹¹⁸. Не хватало рабочей силы, сырья, горючего и электроэнергии. Из-за кризисного положения с сырьем и горючим зимой 1942 года нависла угроза почти полной остановки промышленного производства¹¹⁹. Выработка электроэнергии к концу года удовлетворяла лишь половину потребностей¹²⁰.

Чувствовалась серьезная нехватка железнодорожных и автомобильных транспортных средств. Последовало правительственное запрещение на использование в тылу автомашин, работавших на бензине. В целом движение транспорта на внутренних линиях сократилось почти в три раза по сравнению с довоенным временем¹²¹. Нарастание же военного производства в стране привело к тому, что в первой половине 1942 года промышленность, работавшая над выполнением военных заказов, перешагнула рубеж того, что позволяли ресурсы¹²².

Особенно тяжелое положение сложилось в сельском хозяйстве. Из-за нехватки мужской рабочей силы часть урожая осталась необранной. Для удовлетворения потребности страны в хлебе необходимо было закупить за границей до 300 тыс. тонн зерна¹²³. Общие запасы продовольствия в Финляндии составили всего 74 процента необходимого¹²⁴. Такое положение являлось следствием не только отсутствия должного количества зерна, но и сокращения мясо-молочного производства и овощей. поголовье скота уменьшилось на одну треть, а производство молока — на одну четверть¹²⁵.

Нехватку продуктов питания не представлялось возможным покрыть за счет закупок их за рубежом. Внешнеторговый оборот Финляндии существенно сократился. Основные надежды возлагались теперь на получение недостающего хлеба и других продуктов питания из Германии. Но в условиях зимы, когда не было возможности осуществлять морские перевозки, Финляндия оказалась перед угрозой голода. Для питания населения стал использоваться даже семенной фонд зерна¹²⁶. «Если бы не было запеканки из салаки,— отмечал видный деятель СДПФ В. Войонмаа,— то не знаю, как бы мы да и большинство населения Хельсинки прожили бы...»¹²⁷

В тот период по установленной нормированной системе распределения продовольствия населению в тылу была определена ежедневная выдача хлеба по 150—160 граммов на человека, а в войсках на фронте — по 350 граммов. Заметно снизилась калорийность пищи. Стал процветать так называемый черный рынок. Именно тогда, чтобы выжить, стало обращаться, по официальным данным статистики, две трети семей в стране. Расходы на приобретение продуктов питания составили в семейном бюджете населения со средним достатком приблизительно 70 процентов¹²⁸.

Неуклонно продолжавшееся сокращение выпуска продовольствия и производства предметов жизненной необходимости, дефицит финансов (к 1942 году расходы в стране превысили доходы на 9,5 млрд. марок)¹²⁹ усиливали недовольство населения войной. Оценивая сложившееся в начале 1942 года положение, финский историк А. Руси писал, что «вообще в настроениях населения начался разброд», а «первоначальный военный психоз прошел»¹³⁰. Эти настроения не могла игнорировать и печать. 4-го, а затем 12 января в газете «Суомен социалидемокраатти» был поднят вопрос о необходимости сепаратного мира.

В такой обстановке, стремясь ослабить кризисные процессы в стране, правительство и военное командование пошли на увольнение из армии к лету 1942 года 180 тыс. солдат и унтер-офицеров старших возрастов¹³¹. Однако ликвидировать огромный дефицит рабочей силы в промышленности и сельском хозяйстве этой мерой не удалось. К тому же частично проведенное увольнение военнослужащих вызвало у оставшихся на фронте рост недовольства продолжавшейся войной. В войсках увеличилось число военных преступлений, при этом почти

удвоилось количество случаев дезертирства и отказа дальше служить в армии¹³². Командование ответило на это усилением репрессий. Число смертных приговоров солдатам возросло в 1942 году в два раза¹³³.

В это время в сельских районах страны стало открыто проявляться противодействие требованиям министерства снабжения сдавать государству в принудительном порядке отдельные виды продовольствия¹³⁴. Жители ряда районов оказывали поддержку «лесогвардейцам» и тем, кто преследовался властями за антивоенную деятельность¹³⁵.

Группы сопротивления и «лесогвардейцев» заметно активизировались. Смело и мужественно вели нелегальную борьбу группы В. Пеюсти в районе Хельсинки, У. Кайпайнена и Т. Поутанена в губернии Уусимаа, В. Кетонена и О. Лайхо в районе Турку, боевики «Пеллерво» под руководством П. Такатало вблизи Тампере и другие. Ядром этих групп, как правило, были коммунисты¹³⁶.

В донесениях, поступавших в государственную информационную службу, отмечалась активизация деятельности Компартии на промышленных предприятиях Хельсинки, Турку, Тампере, Вааса, Коккала¹³⁷. В листовке-обращении, распространявшейся в марте 1942 года в Турку, от имени «Союза освобождения финского народа» содержался призыв добиваться объединения во «фронт мира». Листовка звала к развертыванию борьбы за спасение видных борцов за мир и дружбу с Советским Союзом Маури Рюэмя и его товарищей, над которыми нависла угроза смертной казни¹³⁸. В другой листовке КПФ, распространявшейся в Тампере, говорилось: «Новый год мы начинаем с призыва к борьбе за мир всех тех, кто стремится избавиться от войны, от преступного кровопролития народа и несчастья...»¹³⁹

При всей сложности ведения КПФ разъяснительной работы в массах нелегальными средствами воздействие ее было несомненным. К тому же в кризисной внутриполитической обстановке стал наблюдаться постепенный отход ряда деятелей Социал-демократической партии от поддержки прогитлеровского курса, проводившегося В. Таннером и его сторонниками. Оппозиционная таннеровскому руководству группа И. Кето (она фактически оформилась к осени 1942 года) имела в своем составе таких видных политических деятелей, как М. Пеккала, В. Войонмаа, А. Виртанен, Л. Зиллиакус. Они доволь-

но настойчиво пропагандировали взгляды относительно необходимости выхода Финляндии из войны.

Среди финского населения не скрывалось недовольство поведением немецких войск в Северной Финляндии, где они распоряжались как на оккупированной территории. Финский полковник О. Вилламо 27 апреля 1942 года докладывал начальнику генштаба генерал-лейтенанту А. Хейнриксу о том, что командующий группировкой немецких войск «ведет себя в Финляндии как в захваченной стране», попирает финские законы, ущемляет права местных жителей в Лапландии, занимается самоуправством. В этом донесении говорилось, что немецкая армейская группа «раздражает финнов»¹⁴⁰. Появились случаи столкновения с применением оружия между финскими и немецкими военнослужащими. Это отмечалось не только в Северной Финляндии, но также в Хельсинки, Котке и других районах юга страны¹⁴¹.

Когда гитлеровская ставка предложила Маннергейму командовать также и немецкими войсками в Лапландии, он отклонил это, считая, как сам писал позднее, что «попал бы в зависимость от германского руководства»¹⁴². Весной 1942 года по инициативе, проявленной финской стороной, было достигнуто разграничение немецких войск и вооруженных сил Финляндии¹⁴³.

Учитывая настроение финнов и кризисное состояние экономики в стране, Берлин стремился разрядить положение путем поставок «брату по оружию» зерна и других видов продовольствия, а также военных материалов. Германское командование, планировавшее летом 1942 года большое наступление на Восточном фронте, рассчитывало привлечь к активному участию в нем и финскую армию. Именно в этой связи следует рассматривать предпринятую 4 июня 1942 года поездку Гитлера в Финляндию. Она явилась неожиданной для финского руководства. К тому же никогда прежде никого из своих союзников, исключая Муссолини, фюрер не удостоивал такой чести.

Гитлер прибыл прямо в ставку Маннергейма в город Миккели в сопровождении генералов Кейтеля, Йодля, Дитля, Штумпфа, Дитриха и других. Хотя официально эта поездка была приурочена к 75-летию Маннергейма, но было совершенно очевидно, что главная цель ее заключалась в упрочении германо-финского военно-политического сотрудничества и в том, чтобы побудить Финляндию к активным военным действиям.

В конце июня состоялась поездка Маннергейма в

Германию. Он прибыл 27 июня в сопровождении генерала Туомпо на личном самолете Гитлера в его ставку. После встречи с фюрером главнокомандующий финской армией выехал в генеральный штаб сухопутных войск Германии, где вел переговоры с Кейтелем и Гальдером, а также имел беседу с Герингом. Даже из скурых дневниковых записей генерала Туомпо можно понять, что в центре внимания переговоров были проблемы, связанные с возобновлением активных действий финской армии на ленинградском направлении и в Карелии. Гитлер сообщил Маннергейму, что он специально направит из Крыма под Ленинград тяжелую артиллерию для прорыва укреплений¹⁴⁴.

Вряд ли было совпадением то, что через несколько дней после этих встреч и переговоров с Гитлером был решен вопрос о подготовке нового наступления на Ленинград. В директиве, направленной 19 июля 1942 года командующему группой армий «Север», говорилось о необходимости «начать наступление на Ленинград с задачей овладеть городом, установить связь с финнами севернее Ленинграда...»¹⁴⁵

Несмотря на то что в то время немецко-фашистскому командованию нужны были войска на юге, где велось наступление на сталинградском и ростовском направлениях, Гитлер отклонил решение о переброске на Кубань из Крыма 11-й армии Манштейна. 21 июля было отдано распоряжение направить ее на север, «чтобы занять Ленинград, тем самым высвободить финские дивизии на Карельском перешейке и установить сухопутную связь с Финляндией»¹⁴⁶. А двумя днями позднее в директиве верховного главнокомандования германской армии содержалось указание: подготовить захват Ленинграда к началу сентября 1942 года¹⁴⁷.

29 июля 1942 года в Финляндии появился один из ближайших помощников Гитлера — Гиммлер. Он вел переговоры с Рюти, Рангелем и Маннергеймом, а прибывший с ним генерал Вольф обсуждал в финской ставке, как об этом свидетельствуют косвенные данные, вопросы дальнейшего взаимодействия немецких и финских войск. Генерал Туомпо записал в дневнике итог переговоров с Вольфом: «На очереди Ленинград»¹⁴⁸. В целях согласования вопросов, связанных с координацией действий финских войск с группой армий «Север», в гитлеровскую ставку выезжали генералы Хейнрикс и Талвела¹⁴⁹.

24 августа 1942 года Гитлер поручил руководить

планировавшейся операцией генералу Манштейну, указав: «1-й этап — окружить Ленинград и установить связь с финнами; 2-й этап — овладеть Ленинградом и сровнять его с землей»¹⁵⁰. Начало наступления — 14 сентября.

Манштейн считал, что в ходе предстоящей операции надо нанести основной удар со стороны Карельского перешейка или одновременно с двух сторон — северной и южной, чтобы отрезать Ленинград от Ладожского озера, через которое осуществлялась связь с Большой землей, и «вплотную охватить город кольцом»¹⁵¹. Однако эти расчеты были сорваны в конце августа активными наступательными действиями войск Ленинградского и Волховского фронтов. Немецкие дивизии, потерявшие в этих боях почти 60 тыс. солдат и офицеров¹⁵², не смогли развернуть запланированное наступление. Вернувшийся из поездки в Германию генерал Талвела сообщил 12 октября Маннергейму, что «захват Ленинграда откладывается»¹⁵³.

Гитлер был взбешен и потребовал перекрыть Дорогу жизни по Ладожскому озеру, чтобы максимально блокировать Ленинград. Для этого требовалась помощь с финской стороны, поскольку ставилась задача захватить небольшой остров Сухо, гарнизон которого прикрывал Ладожскую трассу в юго-восточной части озера. Финское командование пошло на это, предоставив возможность сформировать у северного побережья Ладоги немецкий морской десант из 30 судов. Но и эта операция потерпела полный провал. Вражеский десант 22 октября был разгромлен советскими войсками.

Приведенные факты показывают, что политическое и военное руководство Финляндии было далеко не безучастно к планам гитлеровского командования. Это еще раз подтверждает, что версия об «обособленной войне» не соответствует действительности.

Германские победные фанфары в связи с продвижением немецких войск летом 1942 года к Волге и Кавказу оказывали воздействие на тех, кому «великая Финляндия» еще казалась реальностью. Они неуклонно проводили в этом плане линию в отношении захваченной территории Советской Карелии. Там царил жесткий оккупационный режим, установленный в соответствии с приказом Маннергейма от 15 июля 1941 года «О военном управлении Восточной Карелией». Земля, леса, предприятия объявлялись собственностью Финляндии на основе одобренного в ноябре 1941 года всеми фрак-

циями парламента решения об аннексии Советской Карелии. Для управления ее территорией в январе 1942 года в Петрозаводске был создан штаб военной администрации Восточной Карелии¹⁵⁴, а сам город переименовали в Янислинна.

Фальшь финской националистической пропаганды об «освобождении соплеменников» в Карелии опровергалась тем, что треть всего оставшегося там населения была заключена в концентрационные лагеря¹⁵⁵. Лесопромышленные компании развернули интенсивную эксплуатацию природных богатств оккупированной территории. По существу, систематическое организованное ограбление захваченных районов, принудительный угон, а также превращение в заключенных значительной части гражданского населения, глумление над военнопленными и физическое уничтожение их — все это почти не отличало происходившее в оккупированной части Советской Карелии от действий фашистской Германии в захваченных ею районах СССР. Так на деле выглядело осуществление идеи «великой Финляндии». Население Советской Карелии ответило на это партизанской борьбой в тылу финских войск.

За рубежом, прежде всего в странах антигитлеровской коалиции, достаточно отчетливо видели направленность действий финского руководства, его откровенно аннексионистскую политику и последствия обмена визитами Гитлера и Маннергейма. 16 июля 1942 года американский посланник в Хельсинки передал правительству Финляндии ноту, в которой говорилось о разрыве консульских отношений между странами. США закрывали у себя до двух десятков финляндских представительств, включая генеральное консульство в Нью-Йорке¹⁵⁶.

Со стороны Швеции также стала проявляться определенная натянутость в отношениях с Хельсинки. Как отмечал 20 июля В. Войонмаа, «настроение в Швеции по отношению к Финляндии становится все более прохладным...»¹⁵⁷. В некоторых кругах Стокгольма наметился критический подход к оценке позиции финляндского правительства, упорно проводившего агрессивную политику. Как констатировал посланник Швеции в Советском Союзе В. Ассорссон, в Хельсинки «все еще верили в германскую победу» и «трудно представить, чтобы финны пошли на мир»¹⁵⁸.

Действительно, неизменность позиции Финляндии, выражавшаяся в стремлении продолжать войну, вновь

подтвердилась осенью 1942 года. 25—27 октября секретарь советского посольства в Стокгольме сообщил через шведского журналиста, что Советский Союз готов заключить мир с Финляндией на основе границ 1939 года¹⁵⁹. Предложение Советского Союза о мире было передано финскому руководству. С ним ознакомились президент, премьер-министр, министр иностранных дел и некоторые дипломаты¹⁶⁰. Виттинг сразу же поспешил уведомить об этом Германию. О характере советского предложения он поставил в известность 30 октября посланника в Хельсинки Блюхера, а тот, соответственно, представил информацию Риббентропу. На это от министра иностранных дел «третьего рейха» последовало требование в угрожающем тоне, чтобы Финляндия прекратила всякие контакты с СССР в любом виде. Блюхер был вызван в Берлин для доклада о происходящих в Финляндии событиях¹⁶¹.

Тревога в германском МИДе вскоре улеглась. Советская инициатива была в Хельсинки тихо похоронена, и к ней уже не возвращались. Как констатировал финский посланник в Стокгольме, эта инициатива была «полностью заглушена, когда о ней проинформировали Германию»¹⁶². В ноябре Виттинг заверил Блюхера, что «между Финляндией и Россией никогда не будут вестись переговоры о сепаратном мире», а Рангель в подтверждение этого заявил, что «во внешней политике Финляндии не произойдет никакого изменения»¹⁶³.

Осенью 1942 года на фронте также активно внедрялась идея о том, что финские войска должны готовиться к решительным боевым действиям. В документе за подписью генерала Х. Эквиста 7 сентября группе войск «Карельский перешеек» давалась такая установка: «Ведение войны до победного конца является жизненным вопросом для нашего народа»¹⁶⁴. Замыслы относительно достижения Финляндией так называемых «стратегических границ», то есть новых захватов территории Советского Союза, представлялись воинственно-националистическим кругам все еще вполне осуществимыми. Нужен был могучий удар Советских Вооруженных Сил по германской армии, который заставил бы Финляндию отказаться от покорного следования прогитлеровским курсом и от захватнических замыслов. И такой удар вскоре был нанесен под Сталинградом.

Под воздействием коренного перелома

Грандиозное наступление советских войск под Сталинградом, начавшееся 19 ноября 1942 года, по мере своего развития стало оказывать все более чувствительное воздействие на внутривнутриполитическое положение в Финляндии, что вскоре стало проявляться и в характере поведения финских правительственных кругов. В госдепартамент США начала поступать из Хельсинки информация, что «в руководящих кругах Финляндии происходят резкие перемены во взглядах»¹⁶⁵.

Об этом же телеграфировал 5 декабря 1942 года в Берлин и германский посланник Блюхер: «Финны, занимающие ведущее положение, пересматривают в настоящее время взгляды на исход войны...»¹⁶⁶ Такая информация, естественно, вызвала тревогу в «третьей рейхе». Хотя там, конечно же, понимали, что в Хельсинки не могли быстро предпринять какие-либо решительные шаги.

А дальнейшее развитие событий требовало таких шагов. В ходе битвы на Волге в ноябре — декабре 1942 года немецкая армия потерпела поражение. Известный финский писатель Олави Пааволайнен, являвшийся офицером службы пропаганды, отмечал в дневнике: «Русская победа в Сталинграде после 23-недельной битвы явилась мировой сенсацией. Первый раз почувствовал и народ Финляндии такое потрясение... Безраздельная вера в победу Германии заколебалась»¹⁶⁷.

Вслед за победой под Сталинградом в начале 1943 года развернулось наступление советских войск на Северном Кавказе, в междуречье Волги и Дона. В январе была прорвана блокада Ленинграда. 1943 год ознаменовался началом массового изгнания гитлеровских захватчиков с советской земли. В мире у многих теперь не вызывало сомнений, что достигнутые Красной Армией победы положили начало коренному перелому в ходе всей второй мировой войны.

Изменившаяся обстановка заставляла финское руководство довольно пристально следить за тем, что в это время происходило в самой Германии. Начальник разведки ставки полковник А. Паасонен докладывал Рютти, Маннергейму и Хейнриксу, что во время встречи с руководителем германской разведки адмиралом В. Канарисом тот в конфиденциальной беседе сказал: «Мы уже проиграли войну»¹⁶⁸. К тому же и по донесениям Кивимяки из Германии, а также находившегося

там для связи с вермахтом генерала Талвела, положение в «третьем рейхе» становилось весьма тревожным. В этой связи в середине января 1943 года Талвела был официально вызван к Маннергейму для соответствующего доклада¹⁶⁹.

Финское руководство испытывало серьезную озабоченность в связи с прорывом советскими войсками блокады Ленинграда. Кивимяки сообщал из Берлина, что по своей инициативе он там «особо заострял внимание на необходимости сохранения блокады Ленинграда» германской армией, поскольку высвободившиеся советские силы «могут быть переброшены на Карельский перешеек»¹⁷⁰.

Характерно, что в это время финская дипломатия стала проявлять большую активность в плане сближения с западными странами и выражения им своих «миролюбивых побуждений». Состоялась серия бесед и консультаций с представителями США и Швеции, различными способами демонстрировалось желание восстановить прежние отношения с Англией¹⁷¹.

С учетом этого США и Швеция предприняли меры, чтобы выяснить у Советского Союза его позицию относительно возможного проявления Финляндией стремления достигнуть мира. Представитель США 29 января 1943 года поставил, в частности, вопрос об этом перед советской стороной. В ходе конфиденциальных переговоров американскому дипломату совершенно определенно заявили, что если бы Финляндия вышла из войны, то «это было бы, конечно, в интересах Советского Союза»¹⁷². Дело оставалось за конкретными шагами с финской стороны. Но как раз их все еще и не собирались предпринимать в правительственных кругах Хельсинки. По словам историка А. Руси, «как в ставке, так и вообще в кругах политического руководства на рубеже 1942—1943 гг. еще не имели представления, куда надо идти»¹⁷³.

Разгром немецких войск под Сталинградом произвел в руководящих кругах Финляндии «воздействие, подобное шоку»¹⁷⁴. Результатом его явилось экстренное совещание в ставке Маннергейма, которое состоялось 3 февраля, на следующий день после окончания Сталинградского сражения. «Германия потерпела в Сталинградской битве сокрушительное поражение,— отмечал участник этого совещания В. Таннер.— Это заставило нас внимательно оценить свою позицию и подумать о будущем»¹⁷⁵.

На совещании присутствовали президент Р. Рюти, премьер-министр Ю. Рангелъ, министр иностранных дел Р. Виттинг и министр обороны Р. Вальден. В этом узком кругу пришли к мнению, что война достигла поворотного пункта и для Финляндии наступило время стремиться выйти из нее.

Такая констатация еще ничего не меняла ни во внешней, ни во внутренней политике Финляндии и не означала ее отхода от антисоветских позиций. В узком кругу финского руководства считали, что выход из войны надо искать «во взаимоотношении с Германией», которая, как предполагалось, проявит «лояльность» при определении Финляндией «безопасного пути» решения данного вопроса¹⁷⁶. В этом направлении и начались поиски политической конъюнктуры, которая обеспечила бы незыблемость положения финских правых кругов, позволила бы им прощупать возможности выхода из войны и удержаться у власти, сохраняя прежнюю политическую линию.

В исторической литературе существует несколько оценок тактики действий правительства Ю. Рангеля в последние месяцы его пребывания у власти. Некоторые считают, что оно «решило изучить возможности союзных отношений между Финляндией и Швецией» и эта идея «захватила Р. Рюти»¹⁷⁷. Этот союз, по их мнению, «показывал реальное стремление к достижению сепаратного мира», о чем Р. Рюти якобы помышлял, рассчитывая на установление военного сотрудничества со Швецией¹⁷⁸. Другие утверждают, что в это время у Р. Рюти позиция была такой: «Главной целью является сепаратный мир, но продвигаться к нему надо осторожно. Вначале это дело надо выяснить с Англией»¹⁷⁹. Таким путем мыслилось найти возможность для заключения сепаратного мира с английским правительством. При этом в Хельсинки делалась ставка на возможные противоречия в антигитлеровской коалиции. Предполагалось склонить Англию и Германию к переговорам (считая удобным провести их в Хельсинки) с целью примирения западных держав с Гитлером¹⁸⁰. Существует также утверждение, что руководители Финляндии в первые месяцы 1943 года предложили США план выхода Финляндии из войны путем ввода в Северную Финляндию американских и шведских войск при одновременном нахождении там немецких частей¹⁸¹.

К указанным выше оценкам позиции финского руководства (а они базируются на документальных ис-

точниках) необходимо добавить следующее. По просьбе Рюти министр иностранных дел Швеции дал указание своему посланнику в Лондоне выяснить возможности заключения мира между Финляндией и Англией. Известно, что английский министр иностранных дел А. Иден был информирован шведским дипломатом по этому вопросу¹⁸². Кроме того, 13 февраля В. Таннер направил первому лорду Адмиралтейства (морскому министру) Англии Г. Александеру послание * относительно необходимости отыскания путей «для возвращения обеих стран к миру» друг с другом¹⁸³. Во всем этом прослеживается совершенно определенный замысел финского руководства: найти опору у влиятельных кругов Запада, чтобы получить возможность для заключения сепаратного мира с английским правительством. Разумеется, при этом не сбрасывалась со счетов ставка на возможность противоречий в антигитлеровской коалиции.

Однако осуществить задуманное Финляндии не удалось. Англия отказалась от поддержки весьма далеких от реальности способов достижения Финляндией мира, хотя как в Лондоне, так и в Вашингтоне имелись влиятельные сторонники содействия этому. В финских политических и военных кругах, кроме того, существовало опасение, что Германия сама могла пойти на заключение сепаратного мира (даже с Советским Союзом) и в таком случае Финляндия оказалась бы в сложном положении. В одном из более поздних документов ставки Маннергейма говорилось: «Теоретически возможно, что Германия попытается политическим путем выпутаться из войны на два фронта, т. е. заключить сепаратный мир либо с Востоком, либо с Западом»¹⁸⁴.

В этой связи Рюти неоднократно ставил вопрос перед немецким посланником Блюхером о возможности достижения примирения¹⁸⁵. Но Гитлер не помышлял об этом, полагаясь на силу немецкой армии. Лишь в марте 1945 года, когда фашистская Германия оказалась на волоске от полного разгрома, ее представители пытались выяснить у эмиссара США А. Даллеса возможность заключения сепаратного мира¹⁸⁶.

В сложившейся обстановке финское руководство решило договориться с США об оказании давления на

* Прежде у В. Таннера были тесные личные контакты с Г. Александером.

СССР и добиться мира с позиций страны, не несущей ответственности за агрессию и не потерпевшей в войне поражения, сохранив при этом захваченные советские территории. Возможность этой акции виделась в том, что США не отвергали финские территориальные притязания¹⁸⁷.

В середине февраля между официальными представителями обеих стран произошел обмен мнениями¹⁸⁸. Но позиция Вашингтона проявилась не сразу, а лишь после того, как 5 марта в Финляндии к руководству пришло новое правительство во главе с деятелем Коалиционной партии, вторым вице-председателем парламента Э. Линкомиесом. По словам американского посла в Советском Союзе адмирала У. Стендли, в США рассматривали происшедшую перемену как признак того, что новый финский кабинет может быть «склонен выйти из войны»¹⁸⁹. Исходя из этого, там решили взять на себя роль посредника между Финляндией и Советским Союзом.

Хотя у ряда финских историков существует мнение, что приход к власти правительства Линкомиеса означал перемену в политике Финляндии и отражал ее стремление выйти из войны¹⁹⁰, ход последующих событий не подтвердил этого. Новое правительство Финляндии не проявило необходимого реалистического подхода к решению вопроса о выходе страны из войны. Да это было и неудивительно. Хотя в составе сформированного кабинета больше не представляла профашистская партия «Патриотическое народное движение», зато в нем усилились позиции правой Коалиционной партии, которая не мыслила оставлять оккупированную финскими войсками территорию Советской Карелии и Ленинградской области.

Показательно, что немецкий посланник В. Блюхер, давая характеристику новому министру иностранных дел Х. Рамсаю, отметил, что он «со всей серьезностью относится к сотрудничеству с Германией»¹⁹¹. Более того, когда с ним состоялась беседа, как с новым министром иностранных дел, по словам Блюхера, он даже не возражал, чтобы «братство по оружию было закреплено соответствующим договором»¹⁹².

Оценивая происшедшую перестановку в финляндском руководстве, правительство Советского Союза не строило иллюзий по поводу перспектив выхода Финляндии из войны. И поэтому, когда 12 марта У. Стендли по поручению правительства США сообщил народ-

ному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову о согласии Вашингтона взять на себя посредническую миссию, перед послом Соединенных Штатов был поставлен вопрос: реально ли, что Финляндия хочет мира и какова ее действительная позиция? ¹⁹³ На это не смогли ничего сказать ни Стендли, ни правительство США.

Сомнения Советского правительства в том, что руководители Финляндии смогут порвать отношения с фашистской Германией и заключат сепаратный мир на приемлемых для СССР условиях, были высказаны также в послании И. В. Сталина У. Черчиллю 15 марта. Информировав английского премьер-министра о содержании американского предложения, Сталин писал: «У меня нет оснований считать, что она (Финляндия.— *Ред.*) уже решила порвать с Германией и готова предложить приемлемые условия» ¹⁹⁴. Иными словами, Советское правительство давало понять США и Англии, что если финляндское руководство рассматривает вести переговоры с СССР на основе ревизии Мирного договора 1940 года, то это окажется бесплодным.

20 марта, разъясняя позицию Советского правительства, народный комиссар иностранных дел СССР уведомил Стендли, что Советский Союз в принципе считает допустимыми переговоры с Финляндией, хотя и не имеет оснований ожидать от них положительных результатов. В этот же день правительство США направило в Хельсинки ноту с предложением о посредничестве. Ее передал финляндскому правительству американский временный поверенный в делах Р. Мак-Клинток ¹⁹⁵.

Правительство, «ищущее мира», должно было встретить такой шаг с большой заинтересованностью. Но, как писал в своих мемуарах Э. Линкомис, его кабинет с самого начала своей деятельности не проявил инициативы в осуществлении контактов с США для достижения мира ¹⁹⁶. О каком же тогда «миротворческом» предназначении нового правительства можно говорить? Получалось так, что оно подталкивалось к выходу из войны извне. Справедливо заметил И. Хело, что Финляндия «легко вступила в войну, но тяжело шла к миру» ¹⁹⁷.

Линия поведения финляндского правительства обсуждалась на специально созванном 22 марта совещании узкого круга политического и военного руководства в составе президента Р. Рюти, премьер-министра

Э. Линкомиеса, главнокомандующего К. Маннергейма, а также министров Х. Рамсая, Р. Вальдена, В. Таннера, Т. Рейника. Решался вопрос о том, как поступить в связи с нотой США, не обостряя при этом отношений с Германией. Большинство участвовавших в обсуждении этого вопроса не допускало мысли действовать «за спиной» у Германии. Поэтому решили послать в Берлин министра иностранных дел Рамсая с информацией об открывающейся перспективе мирного зондажа в связи с предложением США, а тем временем выяснить у американцев суть советских мирных условий¹⁹⁸.

25 марта Рамсай прибыл в Берлин, где его ожидала весьма холодная встреча. Гитлеровское руководство решило не церемониться и сразу же проучить своего младшего «брата по оружию». Рамсай ждал аудиенции у Риббентропа целые сутки, а когда его наконец приняли, то он получил отповедь в самых резких выражениях, сопровождавшихся угрозами в адрес Финляндии. Риббентроп потребовал, чтобы финляндское правительство совершенно четко заявило о своей готовности «без согласия Германии не заключать никакого перемирия или мира с СССР». Он настаивал на том, чтобы были разорваны дипломатические отношения с Соединенными Штатами Америки, поскольку США толкают Финляндию к заключению мира¹⁹⁹.

«Поездка Рамсая,— отмечал Э. Линкомиес,— являлась унижительной и по своим внешнеполитическим последствиям в целом отрицательной»²⁰⁰. И вместе с тем в современной исторической литературе Финляндии можно встретить объяснения, оправдывающие необходимость этого визита. В одном случае высказывается мнение о надеждах финского руководства на благоразумие Берлина, поскольку «Германия могла бы оздоровить стратегическое положение, позволив Финляндии выйти из войны»²⁰¹. В другом случае такое решение объясняют соображениями предосторожности, поскольку «было опасно приступать к основным переговорам без объяснения Германии своей позиции»²⁰². Выдвигается даже такое обоснование, согласно которому радиоразведка Германии могла перехватить секретную дипломатическую телеграмму США о посредничестве и министерство иностранных дел Финляндии решило, что «нет никакой возможности сохранить это дело в секрете от немцев»²⁰³.

Но нужны ли в данном случае оправдательные доводы действиям финского руководства? Ведь, как вы-

разился В. Войонмаа, отправившись в Берлин, Рамсай «вывез из страны в своем портфеле ее суверенитет»²⁰⁴. Финляндия подтвердила свою зависимость от Германии и готовность по такой важнейшей для страны проблеме, как выход из войны, выполнять требования Берлина.

Между тем в соответствии с запросом Вашингтона правительство СССР сообщило 27 марта Соединенным Штатам, что условия, на которых Советский Союз мог бы заключить мир с Финляндией, сводятся к восстановлению Мирного договора 1940 года, разрыву ее отношений с Германией, возмещению в половинном размере убытков, причиненных Советскому государству, и демобилизации финской армии²⁰⁵. Ознакомившись с этими условиями, Соединенные Штаты направили 2 апреля через У. Стендли правительству СССР меморандум относительно готовности с их стороны предпринять соответствующие усилия для установления прямого контакта между советским и финским правительствами. Далее указывалось, что США только этим ограничат «свои добрые услуги»²⁰⁶. Однако все уже теряло теперь какой-либо смысл.

После возвращения Рамсаея из Германии в Хельсинки принимается решение дать Соединенным Штатам отрицательный ответ. 10 апреля Рюти сообщал в США, что, поскольку неизвестны условия, выдвигаемые Советским Союзом, финское правительство «не считает для себя возможным воспользоваться посредничеством США»²⁰⁷.

Такой тон заявления был рассчитан на то, чтобы успокоить Германию. Ведь покинувший 5 апреля Финляндию немецкий посланник В. Блюхер заявил финскому руководству, что возвратится в Финляндию только тогда, когда из Хельсинки дадут отрицательный ответ Соединенным Штатам²⁰⁸. Кроме того, Берлин стал решительно настаивать, чтобы Финляндия подписала с Германией политический договор, обязывавший ее не заключать сепаратного мира. Как отмечал В. Таннер, «последствием поездки Рамсаея в Берлин было появившееся у Германии опасение, что Финляндия может попытаться выйти из войны»²⁰⁹. Нажим на Финляндию со стороны Германии усиливался. Немецкое руководство настаивало, чтобы президент Р. Рюти приехал в Германию для встречи с Гитлером²¹⁰, и одновременно начало сокращать экспорт в Финляндию продовольствия и оружия²¹¹.

В начале мая правящие круги Финляндии были вы-

нуждены подготовить в Берлин ответ, где говорилось, что «правительство Финляндии твердо намерено продолжать ведущуюся Финляндией войну»²¹². Обмен мнениями продолжился затем весь май.

Недовольство Гитлера поведением Финляндии постепенно стало ослабевать. Из финского посольства в Германии сообщалось в Хельсинки, что в определенных кругах «третьего рейха» «отмечается понимание в отношении позиции Финляндии»²¹³. По ряду признаков становилось ясно, что инцидент с финским «братом по оружию» исчерпан, и «отношения Германии с этого момента начали постепенно возвращаться в прежнее русло»²¹⁴.

Зато со стороны Соединенных Штатов Америки не была оставлена без последствий проявленная Финляндией нелояльность. Анализируя кризисную ситуацию, которая сложилась в американско-финляндских отношениях, посланник США в Хельсинки Мак-Клинтон писал 12 апреля в госдепартамент по поводу проявленной американцами «доброй воли», что, по его глубокому убеждению, в Вашингтоне «подготовили акцию» преждевременно. А поэтому, когда Финляндии «был предоставлен шанс, она им не воспользовалась»²¹⁵. По распоряжению президента Ф. Рузвельта почти весь состав американского посольства покинул Хельсинки. Однако на разрыв дипломатических отношений с Финляндией Вашингтон не пошел. Решение, принятое Соединенными Штатами, крайне обеспокоило финские правительственные круги. По словам немецкого генерала К. Дитмара, финны в дальнейшем «отказывались от любых действий, которые могли бы еще больше обострить отношения Финляндии с США»²¹⁶.

Так шел процесс первоначального прощупывания финской дипломатией путей выхода из войны. Существенной особенностью его было то, что в Хельсинки еще не видели возможности предпринять решительные шаги без соответствующих санкций гитлеровского руководства. Хотя поездка Рамсея в Берлин и закончилась провалом, мысль о возможности договориться с Германией не покидала Рюти и его единомышленников. Вынашивалась идея вновь направить в Берлин «для частной беседы» Рамсея или даже Маннергейма²¹⁷.

К прощупыванию путей такого рода можно отнести и задание, которое дал Р. Рюти одному из контактировавших с германским командованием на севере страны — губернатору Лапландии К. Хиллиля. Ему поруча-

лось ознакомить в июне 1943 года немецкого генерал-полковника Х. Штумпфа с условиями, на которых Финляндия считала возможным выйти из войны²¹⁸. Но и на сей раз, когда в Берлине были получены переданные Штумпфом сведения, финляндский зондаж вызвал сильное раздражение и новое беспокойство. Гитлеровское руководство направило в Хельсинки требование о том, чтобы финское правительство взяло на себя обязательство не заключать сепаратного мира²¹⁹.

Правительство Финляндии во главе с Рюти не хотело связывать себя таким обязательством и оказалось в весьма трудном положении: у Германии уже не было к нему прежнего доверия, явно пошатнулась и благосклонность Соединенных Штатов. Решение же вопроса о выходе из войны не только не продвинулось вперед, а еще более осложнилось. Крупнейшее поражение немецко-фашистских войск летом 1943 года на Курской дуге и развернувшееся затем стремительное наступление Красной Армии застало военно-политическое руководство Финляндии прямо-таки врасплох²²⁰. Как отмечал историк Х. Сеппяля, в стране в это время стал проявляться «своеобразный политический кризис»²²¹.

Теперь уже Рюти и Маннергейм не сомневались, что произошло окончательное изменение соотношения сил в пользу Советского Союза и наступил полный провал гитлеровской агрессивной стратегии. От правительства Финляндии требовались решительные действия, чтобы вывести страну из войны. Но оно не решалось порвать с Гитлером, все еще надеясь сохранить за собой захваченную советскую территорию.

На дальнейшее поведение финляндских правительственных кругов существенное воздействие оказал начавшийся в странах фашистского блока кризис. События в Италии — свержение в конце июля правительства Муссолини — явились, по выражению премьера Э. Линкомиеса, «внешнеполитической сенсацией». Они заставили финское руководство еще более задуматься над проблемой выхода из войны, поскольку разрыв Италии с германским блоком и переход на сторону союзников «являлся для каждого, кто хотел размышлять над этим, явным признаком ожидаемого поражения Германии»²²².

3 августа 1943 года в Мюллюкоски состоялось совещание узкого круга государственного и военного руководства: Р. Рюти, Э. Линкомиеса, К. Г. Маннергейма, Р. Рангеля, Р. Вальдена, В. Таннера. Оно посвящалось

поиску способа выхода Финляндии из войны. Наконец-то те, кто определял внешнюю политику страны, пришли к заключению, что дальнейшее согласование своих действий с Германией вряд ли целесообразно. Вместе с тем они не решались отходить от сотрудничества с рейхом. Знакомый прием лавирования и перестраховки. Ставя цель оживить контакты на Западе со странами антигитлеровской коалиции, правящие круги Финляндии не хотели при этом давать никаких поводов для обострения отношений с Берлином.

Опасение, что каждый предпринятый в целях мирного зондажа шаг мог оказаться достоянием гласности, заставляло финскую дипломатию действовать осторожно, прибегая к окольным, неофициальным путям. Об этом свидетельствовал, в частности, тот факт, что в начале августа в Стокгольме к советнику посольства СССР В. С. Семенову обратился бельгийский посланник принц де Круа с предложением посредничества в переговорах о мире с Финляндией. Поводом к этому послужила статья, опубликованная 31 июля в шведской газете «Афтонтиднинген», где содержались условия мира с Финляндией, которые якобы были получены от советского посольства в Стокгольме. Смысл этих «условий» сводился к тому, что пересматривались границы, установленные Мирным договором 1940 года: на Карельском перешейке оставлялся рубеж 1940 года, а в остальном — по линии, существовавшей в 1939 году²²³. Хотя ТАСС опубликовало 4 августа опровержение, называя эти условия плодом фантазии шведской газеты²²⁴, финское правительство через посланника продолжало вести зондаж на базе этих мнимых советских «условий».

Как отмечал впоследствии в своих мемуарах Э. Линкомнес, в Финляндии «не могло быть и мысли признать мир, который бы основывался на Московском договоре», правительство не думало идти «на утрату того, что было достигнуто в войне»²²⁵. Об этом же 7 августа Маннергейм прямо заявил финскому посланнику в Стокгольме. «Трагично, — сказал он, — если армия, которая имеет такие крупные успехи, пойдет на то, чтобы отказаться от всех или большей части своих приобретений»²²⁶.

Следовательно, мирный зондаж строился не на реалистической основе, а исходя из расчета удержания в своих руках захваченной советской территории. Такая позиция, вполне понятно, не могла получить поддержки

у Советского Союза, о чем и был поставлен в известность бельгийский посланник. В итоге, как заметил историк А. Руси, узкий круг финского руководства вынужден был принять «холодный душ»²²⁷.

К «мирным маневрам», предпринимавшимся со стороны Финляндии, привлекались деятели, не занимавшие каких-либо постов в правительственных органах. Действуя, безусловно, с ведома и по поручению финского правительства, они вместе с тем позволяли оставаться ему в тени. Таким путем был предпринят «мирный зондаж» председателем Центрального объединения профсоюзов Финляндии Э. Вуори во время его нахождения в Стокгольме во второй половине августа 1943 года. Вуори встретился с генеральным секретарем союза транспортных и неквалифицированных рабочих Англии А. Дикином. Имея соответствующие санкции своего правительства²²⁸, Вуори 22 августа сообщил Дикину условия, на которых Финляндия могла бы заключить мир при посредничестве Запада. Главным из них являлось то, что в Финляндии «не согласятся на границы 1940 года и не уступят Ханко»²²⁹. Иными словами, вновь предлагалось пересмотреть Мирный договор 1940 года. Необходимость английского посредничества объяснялась Дикину таким образом, что «прямое обращение финнов в Москву рассматривалось бы как признак слабости с их стороны». Столь очевидной была нереальность изложенных условий выхода Финляндии из войны, что английский представитель сразу же сказал о маловероятности, чтобы Лондон взял на себя в данном случае какую-то посредническую миссию²³⁰.

25 августа 1943 года посол Англии в Москве А. К. Керр проинформировал В. М. Молотова о предпринятом с финской стороны зондаже. На это было дано совершенно определенное разъяснение: «Советское правительство считает, что запросы, подобные сделанным Вуори, не заслуживают, разумеется, никакого ответа»²³¹.

В силу того, однако, что информация о характере встречи между Вуори и Дикином просочилась в английскую печать, узнала об этом и Германия. Реакция с ее стороны была вновь резкая, и Рамсаю пришлось оправдываться перед Блюхером, объяснять, что Вуори не имел якобы полномочий от правительства вести такие переговоры²³². Из эпизода с Вуори видно, что финляндское руководство, ставшее на путь «мирного зондажа» за спиной Германии, всячески избегало конфлик-

та с гитлеровским правительством, фальшивя и заискивая перед ним.

Сложившаяся обстановка тем не менее требовала от правительства Финляндии решать вопрос о выходе из войны. И финская дипломатия вновь обратила свои взоры к Соединенным Штатам Америки. Хотя и существовала внешняя, чисто официальная натянутость отношений, тем не менее в Хельсинки чувствовали, что поддержка им будет оказана. Уповая на помощь США, правительство Финляндии готово было согласиться с оккупацией страны американскими войсками в случае, если они десантируются в Северной Норвегии. Расчет делался на двойкий результат: можно было вытолкнуть части немецкой армии из Финляндии и создать своеобразный барьер против советских войск.

В США обдумывался вопрос о высадке десанта в Северную Норвегию с последующим выдвижением войск на территорию Финляндии. Этой проблемой занимался начальник личного штаба президента Ф. Рузвельта адмирал У. Леги. В плане практической реализации такого замысла велись американо-финляндские дипломатические переговоры, проходившие в Лиссабоне в августе — сентябре между советником дипломатической миссии США в Португалии Д. Кенноном и финским посланником Т. Похьянпало. Там выяснялись возможности проведения десантной операции и позиция финнов. Американская сторона хотела при этом получить четкий ответ, как в данном случае будут действовать вооруженные силы Финляндии. Из Хельсинки 3 сентября уведомили совершенно официально, что они не станут участвовать в боевых действиях с американцами, если те вступят на финскую территорию²³³.

Но, как известно, замысел о проведении десантной операции в Северной Норвегии не реализовывался. Союзники сосредоточили главные усилия на осуществлении своих стратегических планов в районе Средиземного моря. Да и в правящей верхушке Финляндии проявились сомнения: а не приведет ли высадка американцев в Заполярье к тому, что за этим может последовать вторжение и советских войск в Финляндию?²³⁴

Все это время Берлин не оставлял без внимания закулисные действия Финляндии. По мнению профессора Х. Сойкканена, «начиная с августа, немцы все с большим недоверием следили за изменениями, проявлявшимися в политике Финляндии»²³⁵. 25 сентября Киви-мяки писал из Берлина: Гиммлер и Риббентроп откры-

то угрожали, что Финляндия будет оккупирована, подобно Италии, если она пойдет на сепаратный мир²³⁶. И действительно, гитлеровское военное командование начало разрабатывать оперативные планы («Танне» и «Бирке»), предусматривавшие оккупацию стратегически важных районов Финляндии²³⁷.

Не ограничиваясь этим, Гитлер направил в октябре в Хельсинки начальника штаба оперативного руководства верховного главнокомандования вермахта генерал-полковника А. Йодля, а затем одного из высокопоставленных дипломатов — сотрудника МИДа Германии К. Шнурре, чтобы те оказали нажим на финское правительство и ставку в целях предотвращения попыток выхода Финляндии из войны. С финским военным руководством в это время вели переговоры командующий немецкими войсками в Лапландии генерал-полковник Э. Дитль и представитель командования группы армий «Север» генерал С. Томашки, которые пытались вселить «уверенность в братство по оружию с Германией»²³⁸.

В сложившейся обстановке отчетливо проявилась конъюнктурность и противоречивость политики правительства Финляндии. Оно, с одной стороны, хотело показать Гитлеру сохранение своей верности, а с другой — не могло уйти от факта катастрофически ухудшавшейся политической обстановки внутри страны, требовавшей искать выход из создавшегося положения. В итоге все же получалось так, что в правительстве, по словам председателя комиссии парламента по иностранным делам В. Войонмаа, «не отказываются от захватнической политики и отодвигают решение вопроса о мире»²³⁹.

Маннергейм сформулировал предложенную им линию так: «Поскольку положение и дальше остается неясным, надо ждать и проявлять хладнокровие»²⁴⁰. Но внутривластная обстановка в стране вовсе не была такой, чтобы можно было продолжать политику выживания.

В тисках кризиса

В экономике Финляндии продолжали углубляться кризисные процессы. Они не могли быть приостановлены из-за необеспеченности промышленности и сельского хозяйства рабочей силой, острой нехватки сырья, горючего, электроэнергии. Чтобы восполнить огромный недостаток рабочих рук, к трудовой повинности было привлечено все население в возрасте от 15 до 60 лет. Это позволило к весне 1943 года использовать в произ-

водстве 1 млн. 717 тыс. человек. В этом числе были преимущественно (70 процентов) старики, женщины и подростки²⁴¹.

Для пополнения рабочей силы в сельском хозяйстве финское правительство получило разрешение у Германии ввезти в страну с оккупированных немецкими войсками районов Ленинградской области и Эстонии почти 70 тыс. советских граждан²⁴². К тому же в Северной Финляндии использовались в качестве принудительной рабочей силы на лесоразработках несколько сот поляков и норвежцев²⁴³.

Тотальные и иные способы привлечения людей к промышленному и сельскохозяйственному производству не разрешали кризисной проблемы. По оценке Р. Рюти, сделанной в августе 1943 года, Финляндия смогла бы в перспективе продолжать войну, если бы имела возможность «дополнительно направить для обеспечения экономической деятельности 100 тысяч человек»²⁴⁴. Рюти не сказал, однако, что финская экономика требовала при этом все большего увеличения поставок извне сырья и топлива. Скажем проще: для паровозов, использовавших уголь, его запасов весной 1943 года осталось лишь на два дня²⁴⁵. Страна оказалась в большой зависимости от поставок из Германии, составивших в 1943 году 77 процентов всего финляндского импорта²⁴⁶.

Наибольшее внимание финское руководство уделяло военному производству. Удалось несколько увеличить количество выпускавшейся продукции. Однако она полностью не обеспечивала потребности армии, не говоря уже об авиационной и танковой технике, не производившейся в стране. Финляндия в это время могла самостоятельно обеспечить армию, например, боеприпасами лишь на 57 процентов²⁴⁷. А поставки для вооруженных сил извне стали заметно сокращаться. В обзоре обстановки, сделанном командованием III армейского корпуса в 1943 году, отмечалось, что даже на участке этого соединения, занимавшего ключевые позиции на Карельском перешейке, ставилась задача «соблюдать особую бережливость» при использовании артиллерийских снарядов и авиации²⁴⁸.

Как и в предыдущем году, в сложном положении находились лесная и целлюлозно-бумажная промышленность, предприятия легкой промышленностью (текстильные, кожевенные, обувные и другие). Зимой 1943 года отмечалось, что большинство бумажных фабрик страны

вообще прекращало работу из-за отсутствия сырья²⁴⁹. В связи с нехваткой бензина и дизельного топлива значительная часть автомобильного транспорта была переведена на газогенераторы²⁵⁰.

Не менее сложно обстояло дело и в сельском хозяйстве. Попытка правительства направить туда трудообязанных наталкивалась на противодействие с их стороны. По данным финской печати того времени, 21 процент привлекавшихся для работ в 1943 году не являлись по вызову соответствующих комиссий. «Нужно отметить тот факт,— писала 14 июля 1943 года газета «Ууси Суоми»,— что если бы многие места и можно было обеспечить рабочей силой, то комиссии оказались бы не в состоянии доставить ее туда, где ощущается в ней недостаток. Люди, получившие распоряжение комиссий, не подчиняются им».

В стране увеличились площади для пастбищ и посевов луговых трав. Это, однако, не привело к улучшению положения в животноводстве. Количество крупного рогатого скота сократилось в 1943 году на 9 тыс. голов²⁵¹. В некоторых районах страны сокращение стада шло очень быстро. Так, из Соткамо в феврале поступила информация о том, что «количество скота угрожающе уменьшается»²⁵². В результате сокращалось производство молочной продукции.

К весне 1943 года зерновые склады в стране стали быстро пустеть. Вновь потребовалось обращаться в Берлин за помощью. За 1942—1943 годы импорт Финляндией зерна достиг рекордного за всю войну уровня — почти 267 тыс. тонн²⁵³.

Крестьянство, испытывавшее огромные трудности с производством сельскохозяйственной продукции, выступило против проводившейся политики регулирования цен на нее и обязательной сдачи отдельных ее видов. На этой основе весной и летом 1943 года в правительстве серьезно обострились отношения между министрами-аграриями и социал-демократами.

Представители СДПФ выступали в защиту интересов трудящихся промышленных центров, оказавшихся в особо тяжелом материальном положении: в государстве не хватало основных продуктов питания и предметов первой необходимости, а черный рынок с высокими ценами доступен был далеко не всем. И все же третья часть хлеба покупалась населением на рынке²⁵⁴.

Конфронтация в правительстве происходила в первой половине 1943 года. Именно в это время обстанов-

ка в стране со снабжением продуктами питания достигла наибольшего напряжения. В обеспечении населения хлебом наблюдались перебои, а в июне норма выдачи его уменьшилась. Трудности возросли со снабжением жителей городов молочными продуктами и маслом. Осенью уменьшилось количество распределявшихся питательных жиров. Швейцарская печать отмечала, что «систематическое недоедание отрицательно сказалось на работоспособности населения» и создало для Финляндии «всевозможные трудности»²⁵⁵.

Страну все более охватывал и финансовый кризис. В. Таннер, ставший в марте 1943 года министром финансов, отмечал значительный рост государственных расходов²⁵⁶. По сравнению с предыдущим годом расходы возросли почти на 6 млрд. марок и превысили доходы на 67 процентов. По-прежнему больше половины бюджета предназначалось на военные цели²⁵⁷.

Чтобы выйти из тяжелого финансового положения, правительство пошло по пути повышения налогов и увеличения внутреннего займа. Это привело к дальнейшему ухудшению условий жизни малоимущих слоев населения страны. Низкая платежеспособность Финляндии серьезно повлияла на ее и без того крайне ограниченные внешнеторговые связи. Импорт из соседней Швеции составлял лишь 6 процентов производившихся за границей закупок товаров²⁵⁸. Германия же, откуда в Финляндию шли почти все остальные импортные поставки, стремилась в 1943 году держать своего младшего «брата по оружию» в состоянии скудного существования, всячески ограничивая его возможности создавать какие-либо запасы. Рейх не собирался освобождать своего партнера из-под экономической зависимости. По словам историка И. Сеппинена, «целью торговой политики Германии являлось сковать Финляндию в ее действиях так, чтобы не допустить образования у нее резервов... даже если это принесет Германии экономический ущерб»²⁵⁹.

Таким образом, финское руководство уже не могло, как прежде, полагаться на безотказную экономическую помощь Германии. Любой шаг в направлении поисков выхода из войны мог повлечь за собой соответствующие экономические санкции Берлина, чтобы пресечь подобного рода действия.

Продолжение же политики войны встречало в Финляндии недовольство у все более широких слоев населения и в армии. Это было видно из многочисленных

донесений, поступавших в Хельсинки весной 1943 года относительно политических настроений, проявлявшихся в различных районах страны. «Усталость народа и пессимизм,— сообщалось из поселка Карьяа,— значительно большие, чем прежде, и это проявляется также у находящихся в отпуске фронтовиков». О дальнейшей совместной с Германией войне говорили как о тяжелом, бесперспективном для страны бремени. «Если мы будем находиться в союзе с Германией,— отмечалось в донесении о настроениях из местечка Толкканен,— то война будет продолжаться слишком долго, а окончательный итог ее для народа окажется таким: новые погибшие, десятки тысяч инвалидов, долги, которых мы не сможем погасить». В сообщениях из городов Каскинена и Пиетарсаари вывод делается один: «Из войны надо выйти как можно скорее», «войну надо кончать»²⁶⁰.

Рост антивоенных настроений и недовольство все более ухудшавшимися в стране условиями жизни слились в одно русло. По данным Информационного центра, организовавшего 11 марта 1943 года опрос населения страны, следовало: из каждой тысячи опрошенных $\frac{3}{4}$ свидетельствовали об упадке духа²⁶¹.

В этой обстановке финские коммунисты стремились объединить усилия противников войны и всячески способствовали образованию в стране антивоенной оппозиции²⁶², хотя нелегальные условия работы по-прежнему сильно ограничивали их возможности. К тому же наиболее активные деятели КПФ — В. Песси, А. Аалтонен, Х. Куусинен и другие,— которые осенью 1944 года стали во главе Компартии, в это время находились в тюрьме. Положительную роль в организации единства антивоенных действий трудящихся играла рабочая молодежь. На местах часть ее из числа социал-демократических организаций сотрудничала с членами нелегально действовавшего Коммунистического союза молодежи²⁶³.

Под влиянием нараставшего в массах осуждения политики войны еще более усилилось недовольство прогитлеровским курсом Таннера со стороны отдельных деятелей Социал-демократической партии, ряда представителей ее парламентской фракции и руководства ЦОПФ. Антивоенные настроения стали все глубже проникать в среду буржуазии, интеллигенции, чиновничества. По данным К. Вилкуна, возглавлявшего в этот период ведомство контроля финской информационной службы, уже в феврале 1943 года не верившие в победу

Германии составляли до 81 процента в Социал-демократической партии и 50—60 процентов в ряде буржуазных партий (Прогрессивной, Шведской народной, Коалиционной и в Аграрном союзе). Летом же количество тех, кто в указанных партиях еще позитивно оценивал возможности Германии в войне, сократилось в среднем на 25 процентов²⁶⁴. У ряда видных социал-демократических и буржуазных деятелей Финляндии перелом в оценке военно-политической обстановки произошел еще осенью 1942 года. Уже тогда они довольно четко заявили о своей оппозиции в отношении правительственного курса.

Руководящее ядро оппозиционной группировки в Социал-демократической партии составили И. В. Кето, М. Пеккала, Ю. Рууту, В. Войонмаа, А. Виртанен, И. Вялляри и Л. Зиллиакс. Они объединились на платформе осуждения деятельности правительства в области внешней и внутренней политики, продолжавшегося сотрудничества с фашистской Германией и выступили за выход из войны²⁶⁵. Оппозиция стала добиваться изменения политической линии руководства партии, возглавлявшегося Таннером — проводником прогерманского военного курса, — но стремилась при этом избежать раскола в рядах СДПФ²⁶⁶.

Таннеру и его сторонникам было чрезвычайно трудно противодействовать оппозиции, опиравшейся на значительную поддержку в партии. В исполкоме СДПФ она располагала в начале 1943 года большинством²⁶⁷. Таннер в борьбе с оппозицией не хотел считаться с реальной действительностью и утверждал, что «из войны можно осуществить выход лишь тогда, когда эта идея станет отражением широкого народного мнения и в особенности, когда за это будет выступать Аграрный союз»²⁶⁸. На совещании парламентской фракции СДПФ 14 февраля он заявил: «Не надо в этом отношении давить на правительство. Оно само готово сделать такой шаг, но лишь тогда, когда для этого откроются возможности»²⁶⁹.

В Аграрном союзе, на который ссылался Таннер, также возникла оппозиция. У. К. Кекконен, занимавший весьма влиятельное положение в этой партии, и его единомышленники в ноябре 1942 года пришли к выводу, что Германия будет разгромлена и «Финляндии необходимо выйти из войны как можно скорее»²⁷⁰. При этом оппозиционно настроенные члены Аграрного союза рассматривали достижение мира в возможно корот-

кое время как неотложную задачу, чтобы вывести экономику страны из состояния острого кризиса²⁷¹. Как подчеркивает известный финский историк Юхани Суоми, в рассматриваемый период У. К. Кекконен считал важным для Финляндии добиться установления дружественных отношений с Советским Союзом, без чего она не сможет «прочно стоять на своих ногах»²⁷². Эта точка зрения стала затем линией внешнеполитической деятельности Кекконена в течение всей его жизни.

Оппозиционные течения поборников мира в различных политических партиях Финляндии вскоре достигли контактов между собой. В феврале 1943 года произошло сближение между У. К. Кекконеном и И. В. Кето на платформе общих взглядов в области внешней политики²⁷³. К этому же времени относится установление контактов представителей оппозиции СДПФ и Аграрного союза с деятелями Шведской народной партии, весьма решительно выражавшими антивоенные взгляды. Представители от Шведской народной партии оказались своеобразным связующим звеном в процессе объединения оппозиционных групп для совместных действий в интересах достижения Финляндией мира и активного противодействия проводившемуся прогитлеровскому внешнеполитическому курсу.

Такому объединению способствовала кампания по выборам на очередной шестилетний срок президента Финляндии, проводившаяся в январе — феврале 1943 года. Консолидация антивоенных сил важна была, чтобы не допустить избрания главой государства проводника политики войны. Выборы, однако, осуществлялись по специально принятому закону выборщиками, избранными еще в 1937 году. Многие из них представляли те силы, которые поддерживали курс, приведший Финляндию к участию во второй мировой войне. К тому же цензуре было дано указание не допускать обсуждения кандидата в президенты на первоначальном этапе предвыборного периода²⁷⁴.

В такой обстановке сторонникам прогерманского курса удалось добиться переизбрания на пост главы государства Р. Рюти. По словам историка Э. В. Юва, вопрос был предрешен за кулисами политической борьбы²⁷⁵. Однако даже среди таких выборщиков десять процентов не голосовали за Рюти (24 человека подали бюллетени чистыми)²⁷⁶.

В ходе выборной кампании антивоенная оппозиция социал-демократов сумела провести в качестве партий-

ной установки (в форме декларации) положение о том, что «Финляндия оставляет за собой право при наступлении подходящего момента принять решение о выходе из войны»²⁷⁷. Эта мысль получила поддержку также в антивоенно настроенных кругах других партий и в их печати²⁷⁸.

Скажем прямо, в ходе выборов отчетливо проявилась тенденция открыто поставить на повестку дня вопрос о мире. Хотя правые с помощью цензуры всячески глушили проникновение мирных настроений в печать, все же было ясно, что «в политической дискуссии в Финляндии нет более жгучего вопроса, чем вопрос о мире»²⁷⁹.

Именно в этот период, когда президентские выборы оживили внутривнутриполитическую активность в стране, возник связующий орган оппозиции — «Комитет совместных действий». В него вошли по четыре представителя от Шведской народной партии, Социал-демократической партии и Аграрного союза, а также один представитель от Прогрессивной партии. Показательно, что из 13 членов комитета 8 были депутатами парламента. В руководстве находились такие известные политические деятели, как У. Кекконен, В. Войонмаа, И. Кето, Р. Тернгрэн и другие. Возникновение «Комитета совместных действий» положило начало образованию так называемой «мирной оппозиции».

С самого начала она оказалась в поле зрения сыскных органов государственной полиции²⁸⁰. За ее деятельностью внимательно следила немецкая разведка и германское посольство в Хельсинки²⁸¹.

В поисках способов выхода из войны деятели «мирной оппозиции» использовали преимущественно легальные средства и стремились прежде всего к установлению тесных связей с представителями стран Запада (США, Швеции, Англии), рассчитывая получить от них поддержку. Даже ставился вопрос о создании финляндского эмигрантского правительства за рубежом. Это, однако, не вызвало одобрительного отношения у Вашингтона. В частности, когда 29 апреля один из лидеров оппозиции Н. Мейнандер пытался выяснить, как отнесутся в США, если за границей будет образовано «Правительство свободной Финляндии», то последовал ответ, что лучше будет, если останется существовать сильная оппозиция внутри Финляндии, чем возникнет какое-либо правительство за рубежом²⁸². И тогда идею создания эмигрантского правительства оставили. Де-

монстративно выражая особую по сравнению с правительственным курсом ориентацию и подчеркивая антигерманские настроения, представители «мирной оппозиции» создали летом 1943 года дружественное Соединенным Штатам «Финско-американское общество».

Наиболее активно «мирная оппозиция» заявила о своей деятельности изданием небольших по формату листов газетного типа для информации членов парламента и в проведении ряда дискуссий в его внешнеполитической комиссии. Она считала, что таким путем удастся «обнажить сущность внешней политики Финляндии», благодаря чему можно будет решительно требовать от ответственных руководителей «серьезного изучения вопроса о выходе Финляндии из войны»²⁸³.

Начиная с весны 1943 года деятели «мирной оппозиции» стали вынашивать идею о том, чтобы решительно выступить с требованием о заключении мира, направив президенту соответствующее письменное обращение. В первоначально подготовленный депутатом парламента социал-демократом А. Виртаненом текст письма многие члены оппозиции внесли свои поправки и дополнения. Таким образом был выработан коллективный документ. Его затем подписали 33 деятеля «мирной оппозиции». Среди подписавшихся под обращением 20 деятелей оппозиции являлись депутатами парламента, а 6 были в прошлом министрами. Исключая одного беспартийного, все остальные представляли различные политические партии: Социал-демократическую, Шведскую народную, Аграрный союз и Прогрессивную. 20 августа документ направили Рюти.

На следующий день после того, как «обращение 33-х» было передано Рюти, текст его появился в зарубежной печати. Его опубликовала в Стокгольме газета «Дагенс Нюхетер». Как отмечалось впоследствии в одной из финских исторических работ, сразу «дело приобрело общеполитическое значение»²⁸⁴.

Обращение призывало президента «пойти на сепаратные переговоры» для достижения мира. В нем говорилось о стремительном ухудшении «общеполитического положения страны» и опасных последствиях, к которым может привести продолжение политики войны. Документ свидетельствовал о том, что «мирная оппозиция» не ставила вопроса об изменении политики в отношении Советского Союза и вообще не вела речи об СССР. (У. К. Кекконен, считавший, что в отношении Советского Союза необходимо проводить новую поли-

тику, основывающуюся на добрососедстве, не поставил своей подписи под обращением). Зато указывалось на необходимость «восстановить добрые и основывающиеся на доверии отношения с Соединенными Штатами Америки» как «одну из важнейших целей внешней политики в ближайшее время»²⁸⁵. Скажем так: в документе нашла отражение вся суть действий оппозиции летом 1943 года — односторонность и ограниченность ее подхода к решению проблемы выхода страны из войны. Вместе с тем действия «мирной оппозиции», ее обращение непосредственно к президенту с призывом заключить сепаратный мир имели существенное значение в усилении антивоенного движения в Финляндии, нарастании противодействия прогитлеровскому курсу в политических партиях и в парламенте.

Финские официальные власти хотели замолчать факт появления обращения «мирной оппозиции». Печати было направлено указание не давать о документе никакой информации и относиться к нему как к «маловажному делу»²⁸⁶. Игнорировать обращение, однако, не удалось. Обсуждение его в Финляндии приобрело большой размах. С конца августа в течение месяца все газеты страны поместили свыше тысячи статей²⁸⁷, посвященных этому событию. Но цензура препятствовала верному отображению действительного отношения общественности к обращению. В опубликованных официальных материалах порицались действия оппозиции и подвергались нападкам те, кто подписал обращение.

С осуждением ее солидаризировалось и руководство финской армии, поскольку «обращение 33-х» вызвало «распространение на фронте слухов о сепаратном мире»²⁸⁸. Пропаганда в пользу заключения мира позднее все больше захватывала войска, что серьезно беспокоило командование частей и соединений, и особенно так называемых офицеров просвещения. О сложившемся положении осенью 1943 года докладывалось непосредственно К. Г. Маннергейму и в генштаб²⁸⁹. Сообщалось, в частности, что в победу Германии уже многие не верят, что «положение Финляндии критическое и необходимо заключить сепаратный мир»²⁹⁰. Командир III армейского корпуса отмечал: «Теперь уже несомненно, что все устали и достаточно сыты войной, поскольку никогда до этого наше государство не вело такую долгую войну. Тоска по миру является очевидной, этого нельзя отрицать»²⁹¹.

Так выступление «мирной оппозиции» с обращением

явилось своего рода импульсом, активизировавшим широкую общественность. «Война длилась еще более года после направления адреса, и дискуссии о мире продолжались все указанное время», — отмечал Атос Виртанен²⁹².

Открытые действия «мирной оппозиции» не повлекли за собой репрессий со стороны властей, как это было сделано в свое время в отношении «шестерки» Вийка. Проявление такой терпимости к группе 33-х объяснялось не только тем, что ее участников «побаивались», как писал В. Войонмаа²⁹³. Действительно, многие из них занимали высокое положение в государстве и играли определенную роль в его общественно-политической жизни. Но суть состояла в том, что в изменившейся военно-политической обстановке финляндское правительство изображало «активное стремление к миру» и нелогично было с его стороны наказывать «мирную оппозицию».

Касаясь оценки деятельности «мирной оппозиции», уместно заметить, что в финской литературе можно встретить отождествление ее устремлений, направленных на достижение мира, с линией правительства. Утверждается, в частности, что различие их позиций состояло лишь в том, что в разрешении проблемы выхода из войны правительство якобы действовало не так настойчиво, как этого хотела «мирная оппозиция»²⁹⁴. Здесь, нам кажется, можно согласиться лишь с тем, что в подходе к решению вопроса о мире и правительство, и «мирная оппозиция» придерживались прозападной ориентации. Но допустимо ли утверждение о единстве их устремлений, если правительство проводило линию на продолжение сотрудничества с фашистской Германией, тогда как «мирная оппозиция» настаивала на разрыве с ней? С течением времени различия с правительством в решении вопроса о мире становились у оппозиции все более существенными, внутри нее явно обозначилось течение, выступавшее за безотлагательное установление непосредственных контактов с Советским Союзом.

Уже 3 сентября на закрытом заседании парламента часть депутатов социал-демократической фракции выдвинула принципиально важное положение о необходимости нормализации отношений с Советским Союзом. А через несколько дней после этого, 25 сентября, У. К. Кекконен в памятной записке, направленной президенту, отмечал, что достигнута такая стадия, когда

«необходимо от имени правительства Финляндии официально предложить Советскому Союзу начать переговоры о мире»²⁹⁵. Выражая наиболее радикальные взгляды «мирной оппозиции», Кекконен в своем выступлении в Стокгольме 7 декабря не только настаивал на необходимости установления контактов с СССР для достижения мира, но и выдвигал идеи перспективного характера относительно определения внешнеполитической позиции Финляндии. Он заявил тогда, что «не в интересах Финляндии быть союзником какой-либо великой державы в качестве форпоста у советской границы», что «национальные интересы Финляндии не позволяют ей связывать себя с политической линией, направленной против Советского Союза, или даже думать о такой линии»²⁹⁶.

Для того времени это было чрезвычайно смелое заявление. Ни один из политических деятелей Финляндии, выступавших за мир, не решился на такой шаг. У. К. Кекконен шел гораздо дальше в определении нового курса внешней политики страны, чем Ю. К. Паасикиви, поддерживавший контакты с «мирной оппозицией» и являвшийся сторонником быстрого прекращения войны с Советским Союзом.

Какова же в это время была линия правительства Финляндии? Что оно думало делать в условиях, когда страна находилась в тисках экономического и политического кризиса, когда антивоенные настроения охватили широкие слои населения и распространились в армии?

Неиспользованный шанс

Правительство Финляндии в это время все еще выжидало. Оно не хотело вызвать гнев в Берлине, думало о том, как успокоить широкие слои населения, жаждавшего мира, а выход из войны не мыслило без сохранения захваченных территорий Советского Союза. В умах государственных деятелей все еще теплилась надежда на возможность раскола антигитлеровской коалиции и получение поддержки со стороны США и Англии.

Но события развивались иначе. Государства антигитлеровской коалиции были готовы со всей решимостью вести борьбу до полного разгрома фашистской Германии и ее союзников. В октябре 1943 года прошла в Москве конференция министров иностранных дел СССР,

США и Англии. В ее итоговом документе говорилось о «еще более тесном сотрудничестве... во всех вопросах, относящихся к капитуляции и разоружению врагов»²⁹⁷. Была достигнута договоренность, что вопрос о мире для Финляндии может быть решен только в Москве. Государственный секретарь США К. Хэлл в одной из бесед объяснил шведскому посланнику в Советском Союзе В. Ассарссону американскую позицию так: Соединенные Штаты не могут «помочь финнам, поскольку это может вызвать опасность нарушения общей линии»²⁹⁸.

Решения Московской конференции были восприняты в финских правительственных кругах и в парламенте с нервозностью. Там расценили их как «поворотный пункт в мировой войне», в силу чего менялось положение Финляндии и уже было «нельзя сидеть сложа руки»²⁹⁹. Особенно напугало финское руководство то обстоятельство, что Финляндию на Западе, как и в Москве, стали причислять к сателлитам Германии, в силу чего «не могло быть надежд на исправление границ 1940 года»³⁰⁰.

В конце ноября — начале декабря 1943 года в Тегеране проходила конференция руководителей союзных держав — СССР, США и Великобритании. Правительство Финляндии в преддверии начала ее работы с большим беспокойством размышляло о том, «как быть дальше». К. Г. Маннергейм в своих мемуарах отмечал, что «в середине ноября вопрос о мире приобрел еще большую актуальность»³⁰¹.

17 ноября правительство Финляндии провело по этому поводу совещание. Затем последовал новый раунд мирного зондажа. Финское правительство осуществляло его с целью выхода на переговоры непосредственно с Советским Союзом, поскольку надежды на Англию и США стали призрачными. (Финляндскому посланнику в Стокгольме из американского посольства прямо дали понять: «Судьба Финляндии будет решаться на принципах Атлантической хартии, положенной в основу Московской конференции»³⁰²).

Через шведский дипломатический канал начался непосредственный обмен мнениями. 20 ноября в Стокгольме финляндскому посланнику Г. А. Грипенбергу было передано следующее: Советское правительство «не возражает против того, чтобы финны приехали в Москву для переговоров»³⁰³. В ответе на это с финской стороны сообщили, что «за основу переговоров» в Хельсинки

согласны принять советско-финляндскую границу, существовавшую в 1939 году»³⁰⁴. И. В. Сталин на Тегеранской конференции руководителей СССР, США и Великобритании заметил в этой связи, что в Финляндии не хотят «серьезных переговоров с Советским правительством»³⁰⁵. Союзные страны поддержали позицию СССР. Ф. Рузвельт прямо заявил на конференции, что в Финляндии руководство еще явно верит в Германию и «было бы лучше», если бы произошло «изменение состава финляндского правительства», чтобы переговоры вели «другие финны»³⁰⁶.

Точка зрения, высказанная на Тегеранской конференции относительно Финляндии, полностью подтвердилась. Происходившее в конце декабря при шведском посредничестве выяснение позиции финляндского правительства показало, что оно не собиралось идти на восстановление Мирного договора 1940 года и не хотело отказываться от своей прежней линии. В канун нового, 1944 года в Хельсинки приняли твердое решение, что Финляндия «не может думать о таком мире, при котором отошли бы по другую сторону границы жизненно важные для нее территории»³⁰⁷. Тем самым вновь закрывался путь к началу переговоров.

Что же давала правительству Финляндии такая линия поведения в течение всего 1943 года? Абсолютно ничего, кроме дополнительных серьезных осложнений в области внутренней и внешней политики. «Требование, чтобы Советский Союз просил нас начать мирные переговоры и дал нам необходимые гарантии,— писал У. Кекконен в 1943 году,— не отвечает фактически существующему положению... Выдвижение и отстаивание подобных требований создает непреодолимое препятствие на пути достижения мира как теперь, так и в будущем»³⁰⁸.

Тем временем германская разведка непрерывно получала информацию о «мирных маневрах» финского руководства, что ставило в крайне сложное положение финляндского посланника в Берлине Т. Кивимяки. Из его донесений в Хельсинки становилось ясно, что Германия намерена оказывать активное давление на Финляндию в целях заключения политического соглашения между двумя странами. Окончательно это выразилось в том, что 30 ноября ею была передана в Хельсинки памятная записка, вновь ставившая вопрос о необходимости подписания «пакта», который не был заключен весной 1943 года³⁰⁹.

На заседании комиссии по иностранным делам финляндского правительства было единодушно решено, что «с ответом не надо спешить»³¹⁰, после чего Финляндия начала уклоняться от разговора с Берлином на эту тему. Наступило время, когда «братство по оружию» стало напоминать нечто похожее на «принудительный брачный союз»³¹¹.

События на советско-германском фронте между тем продолжали стремительно развиваться. В январе 1944 года войска Ленинградского и Волховского фронтов нанесли мощный удар по немецкой группе армий «Север», освободили Ленинград от вражеской блокады и развернули дальнейшее наступление в юго-западном направлении.

Ставка советского Верховного Главнокомандования, планируя наступление под Ленинградом, имела в виду, что оно окажет воздействие и на Финляндию, ускорит ее выход из войны. Действительно, поражение немецких войск в начале 1944 года вызвало «тревогу как в политических, так и в военных кругах Финляндии»³¹². Оно произвело ошеломляющее впечатление даже на тех, кто был одурманен милитаристской пропагандой. Окончательно рухнули планы о «великой Финляндии».

Шаг за шагом происходила эволюция в поведении финляндского руководства. Если в конце 1941-го — начале 1942 года у него проявился отход от прежних политических целей в ведении войны, а на рубеже 1942—1943 годов оно фактически отказалось от своих военных замыслов, то к началу 1944 года из официальной пропаганды исчезли великофинляндские призывы. Речь пошла теперь лишь о границах 1939 года.

Показательным в этом отношении является документ командного отдела финской ставки от 6 января 1944 года, касающийся Советской Карелии. Он требовал изъять из пользования в войсках указания, которые давались летом 1943 года в связи с проводившейся Финляндией «политикой в отношении Восточной Карелии». Важнейшим положением этой «политики» являлось «безусловное сохранение» за Финляндией Советской Карелии³¹³. Учитывая коренные перемены в военно-политической обстановке, из ставки передали в войска следующее распоряжение: «Верховный главнокомандующий приказывает безотлагательно проконтролировать, где указанные материалы размножены... изъять их и сжечь»³¹⁴.

В правительственных кругах Финляндии более от-

четливо стали понимать, что надежд на западные державы мало. Об этом откровенно говорил Э. Линкомпес на закрытом заседании парламента: «Мы никак не можем возлагать надежды на поддержку англо-саксонских государств... Еще меньше нам следует надеяться на возможность разлада между союзниками»³¹⁵. В результате финляндскому правительству оставалось лишь одно — сохранить возможность поддержания контактов с СССР в целях выяснения его позиции. Но в то время в Хельсинки никак не хотели идти на одобрение советских условий мира и ничего не делали, чтобы выработать собственную реалистическую позицию по этому вопросу. Не почувствовалось конструктивного подхода со стороны финского правительства к решению проблемы выхода из войны и тогда, когда в начале 1944 года при шведском посредничестве установился неофициальный контакт с советским посольством в Стокгольме и было согласовано, что состоится встреча А. М. Коллонтай с представителем Финляндии.

В качестве наиболее подходящей кандидатуры для переговоров был определен Ю. К. Паасикиви, имевший в прошлом большой опыт ведения переговоров с СССР. Как полагали, он мог рассчитывать на благожелательное отношение с советской стороны. Содействие в организации переговоров с А. М. Коллонтай взял на себя шведский банкир М. Валленберг³¹⁶. Советское правительство, решившее начать переговоры, исходило из интересов быстрейшего прекращения военных действий и достижения мира с Финляндией, хотя и не было уверено в позитивном подходе к этой проблеме с финской стороны³¹⁷.

В ходе состоявшихся 18, 19 и 21 февраля 1944 года встреч с Ю. К. Паасикиви А. М. Коллонтай передала ему предварительные условия Советского правительства для достижения перемирия. Они предусматривали прежде всего разрыв отношений с Германией и интернирование немецких войск, находившихся в Финляндии. При этом подчеркивалось, что если Финляндия считает эту задачу для себя непосильной, то Советский Союз готов оказать ей необходимую помощь своими войсками и авиацией.

Важнейшим условием, выдвинутым Советским правительством, являлось восстановление Мирного договора 1940 года и отвод финских войск за установленную им границу. Наряду с этим требовалось немедленно освободить советских и союзных военнопленных, а так-

же тех советских граждан, которые с оккупированной территории СССР были угнаны в Финляндию, где использовались на принудительных работах или содержались в концлагерях.

Другие проблемы, касавшиеся возмещения причиненных Финляндией убытков военными действиями против СССР, проведения демобилизации финской армии и решения вопроса о районе Петсамо, считалось целесообразным обсудить непосредственно в Москве. В итоге переговоров имелось в виду заключить соглашение о перемирии³¹⁸.

Когда с советскими условиями Паасикиви возвратился в Хельсинки и доложил о них 24 февраля президенту и внешнеполитической комиссии правительства, то, по словам американского историка Ч. Лундина, для Финляндии наступил «кульминационный момент в принятии решения о выходе из войны»³¹⁹. Финские правительственные круги не пошли на продолжение начатых с СССР переговоров. Свою позицию они мотивировали так: нет необходимости принимать предложенные условия, поскольку «Финляндия еще не проиграла войну»³²⁰.

На следующий день министр иностранных дел Х. Рамсай сообщил В. Блюхеру, что финляндское правительство получило «сведения относительно русских условий перемирия и мира»³²¹. Последовала серия переговоров с немецким посланником. Он чуть ли не каждый день требовал от МИДа Финляндии давать ему подробные объяснения³²². Немецкий дипломат добивался заверения, что финляндское руководство не примет советские условия³²³. Так в конечном счете и было сделано.

Выступая 29 февраля на закрытом заседании парламента с сообщением о стокгольмских переговорах, премьер-министр Э. Линкомиес выделил три основных положения, по которым советские условия, считал он, «одобрить невозможно». Это — интернирование германских войск в Финляндии, согласие с границами 1940 года и предоставление СССР в аренду полуострова Ханко³²⁴. В заключение Э. Линкомиес заявил: «Нам надо стремиться продолжать поиски выгодного мира»³²⁵.

Большинство представителей фракции выступало в ультраправом националистическом духе и требовало отвергнуть советские условия. А деятели профашистской партии «Патриотическое народное движение» даже угрожающе настаивали не допускать каких-либо сепаратных переговоров с Советским Союзом за спи-

ной Германии. В итоге состоявшегося затем голосования большинство поддержало правительственное заявление³²⁶. Смысл принятого решения сводился к тому, что советские условия отвергались, однако делалась оговорка, что путь к продолжению переговоров с СССР нельзя считать закрытым.

Между тем шаги к их возобновлению Финляндией не предпринимались, хотя некоторые ответственные политические деятели, ратовавшие за выход страны из войны, считали, что переговоры надо начинать без промедления. «Следовало бы,— писал В. Войонмаа,— немедленно посылать людей в Москву. Ехать надо, конечно, Паасикиви»³²⁷. Но этого, однако, не делалось.

А в иностранной печати тем временем начали распространяться ложные слухи о том, будто Советский Союз требует от Финляндии безоговорочной капитуляции, претендует на оккупацию ее столицы и ряда крупных городов. Естественно, Советское правительство не хотело, чтобы была брошена тень на его политику. Поэтому оно решило опубликовать предлагавшиеся Финляндии условия перемирия. Это было сделано 1 марта 1944 года.

Умеренный характер выдвинутых условий был очевиден, если учитывать тот большой урон, который нанесла Советскому Союзу Финляндия, являясь соучастницей гитлеровской агрессии. Так оценивал мирные предложения СССР целый ряд стран. Печать Англии, США, Швеции и других государств делала совершенно определенные выводы об обоснованности и справедливости советских условий: «Они великодушны» («Дейли мейл»), «Они являются лучшими, чем финны заслуживают» («Нью-Йорк таймс») и т. п. Шведская «Афтонтиднинген» писала: «Финляндии следует сказать, что ей не приходится ожидать более мягких условий». 6 марта король Швеции Густав V через своего министра иностранных дел выразил Рюти и Маннергейму «надежду», что дальнейший обмен мнениями с Советским Союзом все же будет продолжен.

Но официальная пропаганда в Финляндии, находясь под сильным нажимом германской дипломатии, развернула кампанию, имевшую цель доказать «невыполнимость» советских условий. Рамсай весьма витиевато объяснил Блюхеру, что правительство считает опасным идти на принятие предлагаемых условий мира. Было добавлено при этом, что Финляндии потребуется еще раз «внимательно изучить все свои возможности», преж-

де чем она заявит об отсутствии иного выхода, кроме «продолжения дальнейшей борьбы»³²⁸.

Опять-таки проявилась тактика лавирования. По всему было видно, что в финских правительственных кругах стремились учесть отношение Запада к их стране в сложившейся ситуации. К такому выводу привело финляндское заявление, направленное 8 марта советскому посольству в Стокгольме относительно условий, переданных Паасикиви. В нем в пространном виде говорилось о том, что Финляндия готова вести переговоры, но поставленные вопросы «являются многообразными и требуют внимательного рассмотрения»³²⁹.

Заявление Финляндии вызвало неодобрительный резонанс на Западе. 9 марта шведские газеты опубликовали обширные и в большинстве своем критические статьи относительно позиции финляндского руководства. В них однозначно говорилось, что если Финляндия отвергнет советские предложения, то «может потерять поддержку в других странах»³³⁰. А американский посланник в Стокгольме предупредил финских представителей, что правительство США, по-видимому, заявит Финляндии дипломатический демарш³³¹. Отрицательная реакция последовала, естественно, и из Советского Союза. 10 марта в Хельсинки было направлено разъяснение, в котором отмечалось, что Советское правительство считает финляндский ответ «неудовлетворительным»³³².

МИД Финляндии все время держал в курсе дела немецкого посланника. Ему был передан и текст сообщения из Москвы. А 14—15 марта заявление Советского правительства обсуждалось на закрытом заседании парламента, где констатировалось, что финское руководство «не видит никакой другой возможности, как дать Советскому правительству отрицательный ответ»³³³. Такое заключение, отмечал в своих мемуарах Г. Грипенберг, «со всей очевидностью показывало, что мы зашли в тупик»³³⁴.

17 марта правительство Финляндии сделало весьма расплывчатое заявление, уведомляя СССР о том, что финская сторона не может заранее принять советские условия³³⁵. Это фактически сводило на нет смысл переговоров.

На что же рассчитывало правительство Финляндии, дав такой ответ? Видимо, цель заключалась в том, чтобы показать свое доброжелательное отношение к переговорам и тем уменьшить раздражение на Западе, а

с другой стороны, отказываясь принять конкретные пункты советских условий, переложить груз ответственности за прекращение переговоров на Советский Союз. Тем самым мыслилось, очевидно, приглушить и недовольство финского населения политикой затяжек с заключением перемирия.

Заявление правительства Финляндии вызвало на этот раз у западных стран слабую реакцию. В Швеции выражалось лишь «глубокое разочарование»³³⁶, а в США К. Хэлл заявил на пресс-конференции 17 марта, что «не может сказать ничего определенного по вопросу о разрыве Соединенными Штатами отношений с Финляндией», и добавил при этом, что данная проблема является «скорее вопросом будущего, чем настоящего»³³⁷.

В такой обстановке надо было лишить Финляндию возможности продолжать политику лавирования. Для этого Советским Союзом предпринимается важный дипломатический шаг. Стремясь к скорейшему прекращению войны с Финляндией, Советское правительство дало согласие принять финскую делегацию. «Произошло неожиданное,— писал в своих мемуарах Линкомиес.— От Советского правительства пришло через Стокгольм сообщение, что, поскольку правительство Финляндии просило разъяснить условия, Советское правительство готово дать желаемые пояснения, которые могут быть получены в Москве»³³⁸. Финляндскому руководству не оставалось ничего другого, как послать в Советский Союз своих представителей.

Делегация Финляндии в составе Ю. К. Паасикиви и К. Энкеля* прибыла в Москву 26 марта. В течение двух дней шли советско-финляндские переговоры. От имени Советского правительства их вел В. М. Молотов. Делегации Финляндии были переданы советские условия перемирия с уточнениями отдельных положений. В них, в частности, предусматривалась необходимость осуществления демобилизации 50 процентов финской армии и последующий перевод ее на мирное положение, возвращение области Петсамо Советскому Союзу. Со

* Включение в состав делегации К. Энкеля обуславливалось большой опытностью его как дипломата. Он являлся первым посланником Финляндии в Советской России (1918 год), входил в состав ряда правительств в качестве министра иностранных дел и длительное время специализировался в области финско-советских отношений. Так же, как и Ю. К. Паасикиви, он владел русским языком.

стороны СССР выражалась готовность отказаться от арендных прав на полуостров Ханко. Репарационные платежи Финляндии определялись в сумме 600 млн. американских долларов³³⁹.

Однако переговоры осложнились: финская делегация прибыла в Москву без должных полномочий. «Я огорчен,— заявил Ю. К. Паасикиви советским представителям,— что мне приходится сообщать Вам о незначительных наших полномочиях»³⁴⁰. Каких-либо поправок к советским условиям или собственных предложений представители Финляндии не внесли.

1 апреля финская делегация возвратилась в Хельсинки и изложила условия Советского правительства. Они были встречены в руководящих политических кругах с позиций категорической непримиримости. Хотя Паасикиви с энтузиазмом убеждал и доказывал, что необходимо принять изложенные в Москве предложения³⁴¹, правительство решительно отклоняло их. Оно считало приемлемыми только собственные условия мира, а это, по словам Паасикиви, «была чистая фантазия»³⁴².

Поездка Паасикиви и Энкеля в Москву не могла, естественно, долго оставаться в тайне. Скоро об этом узнали в Германии (Блюхер получил соответствующую информацию от представителей финских военных кругов)³⁴³, и из Берлина последовали угрозы в адрес Финляндии. Совершенно определенно ей давали понять, что «третий рейх» не остановится и перед оккупацией Финляндии, подобно тому как это было сделано с Венгрией³⁴⁴. Угрозы Гитлера принять в отношении Финляндии жесткие меры подкреплялись практическими действиями. 3 апреля Германия прекратила поставки финнам зерна, а через несколько дней было отдано распоряжение и об ограничении военных поставок³⁴⁵.

В Финляндии была развернута широкомасштабная пропагандистская кампания против принятия советских условий. Тон ей задавали прежде всего профашистская партия ИКЛ, Академическое Карельское общество³⁴⁶, а также определенные круги финского генералитета, которые «намеревались выступить даже против действий» Маннергейма³⁴⁷, если он будет склоняться к ведению переговоров.

В это время в стране распространялось «завещание» бывшего президента П. Э. Свинхувуда, в котором содержался призыв продолжать войну «до победного конца». Отпечатали это «завещание» большим тиражом в Германии и спешно доставили в Финляндию³⁴⁸. В дру-

гом пропагандистском материале — листовке Академического Карельского общества «Борьба или мир» — утверждалось, будто «Финляндия сможет продолжать сражаться, даже если Германия проиграет войну»³⁴⁹. В устных выступлениях отдельных политиков проявлялось стремление запугать народ своей страны мнимой опасностью, которая случится, если будет заключен мир. 11 апреля Таннер, в частности, устрашал присутствовавших на заседании партийного совета СДПФ, заявляя, что «заклучение мира на предложенных условиях определено означает государственное самоубийство»³⁵⁰.

Вместе с тем финское руководство уверяло Германию в существовании в Финляндии всеобщего единства взглядов. По словам Блюхера, весной 1944 года Рамсай убеждал его, что «в настоящий момент за правительством стоит весь народ»³⁵¹.

Выдавая желаемое за действительное, финские власти стремились пропагандистскими средствами добиваться «сплочения народа» вокруг правительственного курса. Были введены дополнительные цензурные ограничения для печати. Газеты получили строгие установки не писать на тему о мире и не давать комментарии по данному вопросу³⁵². Не без основания историк Руси назвал введенные меры «полицейским контролем»³⁵³. А Войонмаа выразился еще более категорично: это было время применения «с помощью цензуры намордников, где только раздаются голоса в пользу мира»³⁵⁴.

Со стороны политического и военного руководства Финляндии прилагались дополнительные усилия, чтобы воспрепятствовать ослаблению боевого духа в армии. К середине 1944 года количество офицеров просвещения в войсках увеличилось по сравнению с 1943 годом почти в два раза³⁵⁵. В соответствии с распоряжением ставки Маннергейма принимались меры, чтобы «усилить пропаганду по сравнению с предшествовавшим периодом»³⁵⁶. Давалось категорическое указание не обсуждать вопросы внешней и внутренней политики страны и сократить в войсках подписку на центральные и местные газеты, поскольку замечалось, что их материалы серьезно «ослабляли моральный дух» солдат³⁵⁷. В целом же чувствовалось желание не допустить распространения «мирных настроений» в армии.

Заметно проявлялось стремление правых кругов изолировать от активной общественно-политической и государственной деятельности лиц, придерживавшихся

антивоенных взглядов. В частности, в феврале 1944 года У. Кекконена выдворили из всех парламентских комиссий, а один из министров, находясь на заседании фракции Аграрного союза, заявил даже, что он не может выступать, поскольку среди присутствующих находится Кекконен³⁵⁸. В комиссии парламента по иностранным делам была проведена своеобразная «чистка» — из нее вывели представителей «мирной оппозиции» Л. Хельяса и А. Виртанена³⁵⁹.

Постепенно «мирная оппозиция» все больше убеждалась в бесперспективности перехода руководства страны в решении вопроса о мире на реалистические позиции. Теперь ею уже фактически были утрачены иллюзии, что мира можно достичь путем взаимопонимания с правительством. Вслед за публично прозвучавшим призывом У. Кекконена добиться изменения политики в отношении Советского Союза и достигнуть с ним мира на заседании совета СДПФ И. В. Кето выдвинул требование приступить к мирным переговорам с СССР. Его поддержали в своих выступлениях М. Пеккала и С.-К. Кильпи³⁶⁰.

Требование Кето базировалось на выработанной в феврале социал-демократической оппозицией программе действий в области внешней политики. Сутью этой программы было принятие Финляндией решения о выходе из войны и возвращении к «хорошим отношениям с Советским Союзом и другими объединенными нациями». Она требовала также отказа от захваченных советских территорий, очищения страны от немецких войск, присоединения к Атлантической хартии и сотрудничества с Объединенными Нациями³⁶¹.

Могло ли финское правительство в то время пойти на такие шаги? Очевидно, могло, если бы решило избрать новый курс. В марте 1943 года В. Войонмаа отмечал: «Мы переживаем период внутреннего политического перелома, и события большой политики либо ускорят, либо замедлят его»³⁶². «Перелом» явно замедлился, затянулся. Финское руководство оставалось на прежних позициях и дальше в течение нескольких месяцев. Это объяснялось, видимо, тем, что парламент представлял сильную опору для правых и прогермански настроенных политиков, узкий круг финского руководства не испытывал по отношению к себе серьезной конфронтации. Что же касалось выступлений представителей «мирной оппозиции», то они не достигали цели, поскольку подавлялись сторонниками военной по-

литики. Как отмечал депутат парламента А. Виртанен, изучавший эту проблему в послевоенный период, фактически весной 1944 года «парламентская оппозиция оказалась парализованной»³⁶³. В этой связи показательно сказанное финским министром иностранных дел Блюхеру еще в январе 1944 года: «Парламент явился очень полезным инструментом в государстве»³⁶⁴.

И тем не менее антивоенный процесс в Финляндии прогрессировал, а позиции тех, кто упорствовал в военной политике, размывались и разрушались. «Зимой и весной 1944 года вопрос о сепаратном мире встал,— отмечалось в обзоре Государственного информационного бюро,— как один из важнейших с точки зрения морального духа»³⁶⁵.

Руководство Финляндии более всего опасалось ослабления армии. А моральный дух в ней продолжал падать, тяга к миру усиливалась, и «этого невозможно было предотвратить»³⁶⁶. Представитель Государственного информационного бюро Э. Ютиккала, впоследствии академик, докладывал военному командованию, что после срыва московских переговоров в финских войсках «разочарование было огромным»³⁶⁷. Среди солдат, по данным просмотра цензурой их почтовой переписки, приобрела острые формы критика «господ» и раздавались «угрозы дезертировать и присоединиться к „лесной гвардии“»³⁶⁸.

Противодействие политике войны вступало в новую фазу. У населения Финляндии и в армии нарастала открытость суждений и действий в пользу мира, а среди политической оппозиции правительственному курсу усилилась решимость добиться выхода страны из войны путем установления прямых контактов с Советским Союзом. Но в правительственных и военных кругах Финляндии не хотели замечать этого и продолжали строить расчеты на удержание оккупированной территории СССР. Г. А. Грипенберг отмечал, что способность Финляндии и далее вести войну «оценивалась обнадеживающе»³⁶⁹. М. Пеккала, выступая в парламенте, говорил, что окончательные результаты рисовались правительству так, что Финляндия «выйдет из войны победителем и получит позднее удовлетворительные мирные условия»³⁷⁰. Оптимистически выступил перед парламентариями начальник разведки ставки полковник А. Паасонен. Он с уверенностью заявил: «Наше собственное положение в военном отношении прекрасное... мы могли бы вести „эластичную войну“»³⁷¹.

В обстановке широкой пропагандистской кампании против советских условий и новых угрожающих действий Германии финский парламент начал обсуждать итоги переговоров с Советским Союзом. В докладе, с которым 12 апреля выступил премьер-министр Э. Линкомиес, была изложена позиция правительства в отношении советских условий. Докладчик ссылаясь на то, что общественное мнение «не готово к отказу от Карелии», а также невозможно интернировать германские войска и согласиться с выплатой репараций. В ходе обсуждения доклада представители парламентских фракций поддерживали его, высказав тем самым согласие с линией на продолжение войны. Раздавались заявления о том, что «не может быть и речи о сдаче позиций», занимаемых финской армией, что она должна стоять «непоколебимо» на тех рубежах, куда выдвинулась, захватив часть советской территории³⁷².

Отрицательная позиция правительства Финляндии в отношении советских мирных предложений получила одобрение в парламенте. Это показывало, отмечал историк Х. Сеппяля, что «у членов правительства и парламента не было правильного представления о стратегическом положении» страны³⁷³. Такой вывод подтверждается и оценкой, данной Ю. К. Паасикиви. Указывая на слепоту финского руководства в определении перспектив войны на данном этапе, он записал в своем дневнике следующее: «Мира можно было достигнуть. Если бы Маннергейм, Рюти и правительство поддерживали эту позицию, то финский народ одобрил бы ее»³⁷⁴.

15 апреля посланник Т. М. Кивимяки посетил государственного секретаря Германии Г. А. Штейнграхта и сообщил ему об отклонении Финляндией мирных условий Советского Союза. При этом было сказано, что без согласия Германии Финляндия никогда не одобрит даже лучшие условия. Тут же Кивимяки попросил обещанные ранее 40 тыс. тонн зерна направить в Финляндию³⁷⁵.

19 апреля от правительства Финляндии в СССР через министерство иностранных дел Швеции поступило сообщение, в котором отклонялись советские предложения со ссылкой на то, что принятие их «в значительной степени ослабило бы и нарушило бы те условия, при которых Финляндия может продолжать существовать как самостоятельное государство»³⁷⁶. Отказываясь идти на достижение мира с Советским Союзом, Финляндия тем самым решила продолжать войну против СССР на сто-

роне гитлеровской Германии. «Когда правительство Финляндии не приняло совета Паасикиви одобрить условия Советского правительства,— писал финский дипломат И. Ньюкопп,— Паасикиви решительно осудил руководство Финляндии за упущенные возможности»³⁷⁷.

На проведенной 22 апреля пресс-конференции в Народном комиссариате иностранных дел СССР была изложена позиция Советского правительства в связи с отклонением Финляндией советских условий и прекращением переговоров о перемирии. Была показана несостоятельность аргументации финляндского правительства, на которую оно ссылалось, давая отрицательный ответ Советскому Союзу. Могло ли оно говорить о подлинной самостоятельности страны, предоставив финскую территорию немецким войскам? Только изгнание их из Финляндии и прекращение военных действий давало возможность восстановить действительную ее государственную независимость³⁷⁸. Представителям советской и зарубежной печати было заявлено, что Финляндия «в своих отношениях с немецкими фашистами зашла так далеко, что уже не может, да и не хочет порвать с ними», поэтому к ней будут предъявляться те же требования, что и к самой Германии³⁷⁹.

Отвергнув все пункты советских условий, правительство Финляндии прервало процесс развития контактов с СССР, который мог привести ее к миру. На этом в Хельсинки первый период поисков путей выхода из войны прекратился.

При его анализе четко прослеживаются три этапа. На первых порах финляндская дипломатия с ведома Германии хотела окольными путями прощупать на Западе пути выхода из войны. Затем в ухудшившейся для Финляндии обстановке это делалось опять-таки через западные страны, но уже скрытно от Германии. И наконец, не достигнув желаемого результата, финляндское правительство установило прямые контакты с Советским Союзом, действуя втайне от Берлина.

Характерной чертой поведения финских правительственных кругов являлось непрерывное лавирование, рассчитанное на то, чтобы сохранить связи с фашистской Германией и одновременно заручиться поддержкой западных держав. Но эту тактику нетрудно было понять. Английский посланник в Швеции В. Маллет в апреле 1944 года отмечал, что «очень удручала картина, когда финнами проводилась их типичная дипломатия, рассчитанная на глупцов»³⁸⁰.

Реально же дело складывалось так. Вступив в переговоры с СССР, Финляндия осложнила свои отношения с Германией. Там остро реагировали на попытки Финляндии вести мирный зондаж. Обещания финского руководства не нарушать связь с фашистской Германией не давали должного результата. В Берлине заявили, что поскольку Финляндия не хочет воевать, то ей не станут ничего поставлять. 19 апреля Гитлер запретил поставки в Финляндию военных материалов³⁸¹.

Это вынудило Маннергейма 13 мая направить Гитлеру письмо, в котором он заверял его в надежности финнов³⁸². Но в Германии уже с сомнением относились к такого рода заверениям. На совещании верховного командования германской армии, состоявшемся 22 мая, по поводу Финляндии говорилось, что хотя ее акция с перемирием сорвалась, «есть опасность в отношении позиции народа и армии»³⁸³. Иными словами, среди гитлеровской военной верхушки выражались сомнения относительно готовности финского народа и вооруженных сил дальше поддерживать политику войны. Отвечая на письмо Маннергейма, Гитлер 1 июня в расплывчатых выражениях давал понять, что Германия опасается, как бы ее оружие не попало «через финнов к русским» и поэтому в дипломатической форме объяснял отказ в военных поставках Финляндии³⁸⁴.

Что же касалось прерванного диалога с Советским Союзом, то финское руководство фактически «закрыло дверь» для дальнейших контактов с ним. Вместе с тем Финляндия находилась на грани утраты существовавших связей с США, а тем самым вообще со странами антигитлеровской коалиции. Очередной отрицательный резонанс вызвал у союзников тот факт, что на финское руководство не возымел действия их призыв 12 мая, обращенный к Венгрии, Болгарии, Румынии и Финляндии, выйти из войны и отмежеваться от сотрудничества с Германией³⁸⁵. К тому времени уже до десятка раз правительства СССР, Англии и США обращались к Финляндии с призывами разорвать сотрудничество с Гитлером и предупреждали финское правительство об ответственности, которую оно несет, продолжая войну. Для Советского Союза в такой обстановке оставалось единственное — восстанавливать государственные рубежи на севере и северо-западе посредством оружия.

Крупное военное поражение

После 19 апреля, когда Финляндия отклонила советские условия перемирия и переговоры прекратились, Ставка советского Верховного Главнокомандования и Генеральный штаб приступили к разработке наступательной операции на северном фланге советско-германского фронта с целью разгрома там противостоящих войск противника. По замыслу Ставки ВГК предстоящая операция должна была привести к поражению Финляндии и выходу ее из войны на стороне фашистской Германии³⁸⁶.

В правительственных кругах Финляндии не могли не чувствовать, как все более усиливалась изоляция страны в международном масштабе. Казалось, что они не прочь были опять пойти на установление контактов с Советским Союзом. Так можно было расценить поездку В. Таннера в Стокгольм в конце мая³⁸⁷. Но ни СССР, ни даже Соединенные Штаты не собирались искать компромиссов с финским руководством.

1 мая советское Верховное Главнокомандование дало распоряжение Ленинградскому и Карельскому фронтам начать подготовку к наступлению против финской армии. Его намечалось осуществить на выборгском и свирско-петрозаводском направлениях.

Финское военное командование допускало, что после отказа Финляндии пойти на заключение мира советские войска предпримут на Карельском перешейке и в Карелии наступление³⁸⁸, но оно не ожидало, основываясь на данных разведки, что это может произойти ранее июля 1944 года³⁸⁹. Существовало и другое мнение, согласно которому Советские Вооруженные Силы «не предпримут наступления против Финляндии» и сосредоточат главные усилия на разгроме Германии. В таком случае предполагалось, что удастся сохранить свои позиции на фронте и ожидать решения территориального вопроса после окончания войны³⁹⁰.

Несмотря на то что «у финской ставки не было ясного представления о наступательных планах Советского Союза»³⁹¹, она принимает решение максимально усилить свои оборонительные позиции, особенно на Карельском перешейке. В дополнение к проведенному в течение двух с половиной лет восстановлению «линии Маннергейма» и сооружению новых мощных железобетонных укреплений между Финским заливом и Ладожским озером развернулись широким фронтом инженер-

но-строительные работы, к которым, по неполным данным, было привлечено до 13 тыс. рабочих и солдат³⁹².

К лету 1944 года финская оборона на Карельском перешейке представляла собой три укрепленные полосы общей глубиной около 100 километров. Первая полоса, проходившая вдоль линии фронта, состояла из системы укреплений полевого типа с мощными узлами обороны и опорными пунктами. Вторая (основная) — «линия ВТ» — проходила от района Ваммелсуу (Черная речка) у Финского залива до Тайпале (устье реки Бурной) у Ладожского озера, в 20—30 километрах к северу от первой оборонительной полосы. Здесь глубоко-эшелонированно размещались 926 подземных железобетонных сооружений, соединенных 94-километровой линией окопов³⁹³. Подходы к укреплениям были прикрыты гранитными надолбами, противотанковыми рвами, проволочными заграждениями и минными полями. Затем в 30—40 километрах от Выборга проходила третья оборонительная полоса — «линия ВКТ», пересекавшая Карельский перешеек в районе южнее Выборга, по течению реки Вуоксы, и заканчивавшаяся у Тайпале. На этом рубеже имелись, главным образом, восстановленные сооружения «линии Маннергейма». Вокруг Выборга были созданы внешний и внутренние обводы укреплений с расчетом на круговую оборону. Таким образом, возведенная на Карельском перешейке система укреплений была несравненно сильнее ранее существовавшей «линии Маннергейма».

Что же касается оборонительных рубежей финских войск в Южной Карелии, то они создавались в течение почти трех лет и «были готовы к бою на всей глубине»³⁹⁴. На перешейке между Сегозером и Онежским озером были подготовлены две полосы, представлявшие вполне современную систему обороны с дзотами, бронеколпаками, разветвленной сетью траншей и большим количеством заграждений. На участке фронта у реки Свири находились две еще более укрепленные оборонительные полосы. Одна из них представляла собой мощные полевые сооружения, а другая, главная полоса, проходила в 15—30 километрах к югу и юго-востоку от Олонца и состояла из ряда сильных опорных пунктов с четырьмя-пятью железобетонными сооружениями на километр фронта³⁹⁵.

Считая свою оборону на Карельском перешейке и в Южной Карелии неприступной, финское командование было уверено, что наступление советских войск бу-

дет отражено³⁹⁶. Оборону на Карельском перешейке занимали III армейский корпус генерала Х. Сийласвуо и IV армейский корпус генерала Т. Лаатикайнена, подчинявшиеся непосредственно ставке финского главнокомандования. В составе корпусов было три пехотные дивизии и одна бригада. Кроме того, две бригады береговой обороны прикрывали побережье Финского залива и Ладожского озера. В резерве находились три дивизии (одна из них танковая) и кавалерийская бригада. В общей сложности здесь было 26 процентов всех сухопутных войск и артиллерии финской армии³⁹⁷.

В Южной Карелии между Сегозером и Онежским озером занимал позиции II армейский корпус генерала П. Талвела в составе двух пехотных дивизий и одной бригады. На Ладожско-Онежском перешейке находилась Олонецкая группа, которой командовал генерал К. Л. Эш. В ее составе были V армейский корпус генерала А. И. Свенсона и VI армейский корпус генерала А. Л. Блика. Всего здесь насчитывалось пять пехотных дивизий и четыре бригады.

В соответствии с замыслом советского Верховного Главнокомандования наступление планировалось начать на Карельском перешейке силами войск Ленинградского фронта, командовал которым генерал армии Л. А. Говоров. Предусматривалось взаимодействие с Краснознаменным Балтийским флотом (командующий адмирал В. Ф. Трибуц) и Ладожской военной флотилией под руководством контр-адмирала В. С. Черокова.

Для усиления войск Ленинградского фронта Ставка ВГК направила из своего резерва на Карельский перешеек 21-ю армию в составе трех корпусов во главе с генерал-лейтенантом Д. Н. Гусевым, возглавлявшим перед этим штаб Ленинградского фронта. На эту армию возлагался прорыв финской обороны на Выборгском направлении.

На кексгольмском направлении должна была наступать 23-я армия генерал-лейтенанта А. И. Черпанова, имевшая в своем составе два стрелковых корпуса.

Операцию начинали войска Ленинградского фронта, а затем на свирско-петрозаводском направлении в наступление переходил Карельский фронт под командованием генерала армии К. А. Мерецкова.

Входившая в Карельский фронт 7-я армия генерал-лейтенанта А. Н. Крутикова в составе 12 стрелковых дивизий, 3 морских бригад и ряда других частей должна была форсировать реку Свирь, прорвать оборону

финских войск и, нанеся поражение группе «Олонец», выйти севернее Ладожского озера к государственной границе. А перед 32-й армией генерал-лейтенанта Ф. Д. Гореленко стояла задача силами трех дивизий, располагавшихся севернее Онежского озера, разгромить медвежьегогорскую группировку финской армии, освободить Петрозаводск и отрезать пути отхода ее частям. Наступление обеих армий должно было осуществляться во взаимодействии с Онежской военной флотилией, которую возглавлял капитан 1-го ранга Н. В. Антонов.

Войска Ленинградского и Карельского фронтов, предназначавшиеся для наступления, превосходили противостоявшие силы финской армии по живой силе в 1,7 раза, по орудиям и минометам — в 5,2, по танкам и самоходной артиллерии — в 7,3, по самолетам — в 6,2 раза³⁹⁸.

Скрытное сосредоточение советских войск перед началом наступления на Карельском перешейке сыграло важную роль в проведении операции. К тому же командование Ленинградского и Карельского фронтов стремилось ввести в заблуждение противостоящего противника, создавая видимость подготовки наступления на нарвском и петсамо-кирккенесском направлениях.

По свидетельству премьер-министра Э. Линкомиеса, для Маннергейма наступление советских войск на Карельском перешейке явилось «полнейшей неожиданностью»³⁹⁹. В кругах финского командования царил к тому же уверенность в надежности укреплений. «Существовало убеждение, — писал военный историк В. Тервасмяки, — что укрепления Карельского перешейка являются достаточно прочными, чтобы защищаться там ослабленными силами»⁴⁰⁰.

Поскольку основной удар советскими войсками наносился на Выборгском направлении, то там было сосредоточено 60—80 процентов их сил и средств, находившихся на Карельском перешейке⁴⁰¹. «Никогда еще в истории Севера, — отмечал генерал Т. Лаатикайнен, — не достигалось такого концентрированного и мощного сосредоточения сил, как это было осуществлено Красной Армией на Карельском перешейке»⁴⁰².

Утром 9 июня артиллерия и авиация Ленинградского фронта начали разрушение финских оборонительных сооружений на Карельском перешейке. 370 самолетов нанесли бомбоштурмовые удары по передовым и тыловым позициям 2-й и 10-й пехотных дивизий фин-

ской армии. Десять часов без перерыва артиллерия вела затем огонь по узлам сопротивления, дотам, дзотам, подземным укрытиям, командным пунктам. В результате было уничтожено 335 оборонительных сооружений⁴⁰³.

На следующий день утром советские войска вновь подвергли сильному артиллерийскому и авиационному удару финские позиции. Итоги его были весьма результативными. «Картина разгрома,— писал Х. Сеппяля,— все более вырисовывалась с каждым моментом, раненые не могли эвакуироваться, люди и оружие остались погребенными в окопах, связь была прервана, и всеми овладело чувство беспомощности»⁴⁰⁴. Перешедшая после этого в наступление 21-я армия форсировала реку Сестру и начала стремительно продвигаться вперед. К исходу 10 июня она вклинилась в финскую оборону на 5—15 километров.

В этот день потерпела полную неудачу попытка финского командования восстановить положение, вернуть утраченные позиции. Командир IV армейского корпуса, которому Маннергейм приказал использовать для контр-удара резервы, и в первую очередь танковую и 3-ю пехотную дивизии, не смог решить эту задачу из-за стремительного продвижения соединений 21-й армии. «Наступление русских,— писал генерал Эш,— развивалось гораздо быстрее, чем это ожидалось, и скоро стало ясно, что эти резервы не смогут своевременно вступить в бой на передовых позициях»⁴⁰⁵.

Во второй день наступления 21-я армия продолжала быстро продвигаться вперед, не давая противнику закрепиться на промежуточных рубежах. 30-й гвардейский стрелковый корпус генерал-лейтенанта Н. П. Симоняка подходил уже к мощному узлу обороны Кивенапа (Первомайское), а 109-й стрелковый корпус генерал-лейтенанта И. П. Алферова на приморском участке приближался ко второй финской оборонительной полосе. Части корпуса овладели городом Териоки (Зеленогорск) и 80 другими населенными пунктами. 11 июня перешла в наступление на кексгольмском направлении 23-я армия и продвинулась вперед до 6 километров.

Учитывая достигнутые в наступлении успехи, Ставка ВГК поставила перед Ленинградским фронтом задачу 18—20 июня овладеть Выборгом. Осуществление ее в указанный срок представляло огромную сложность для наступающих, поскольку на пути их продвижения находились главные укрепления на Карельском перешейке. К тому же финское командование спешно нача-

ло перебрасывать на Выборгское направление дополнительные силы из Северной Финляндии и Южной Карелии. В помощь отходившим частям IV армейского корпуса направлялись 4-я и 17-я пехотные дивизии и две бригады, вводилась в бой в районе Кивеннапа танковая дивизия.

Несмотря на усилившееся к этому времени сопротивление финских войск, соединения 21-й армии заняли 12 июня более 30 населенных пунктов. Но далее путь вперед преградила мощная железобетонная линия укреплений — главная полоса обороны финских войск.

Оценив обстановку, командующий Ленинградским фронтом генерал армии Л. А. Говоров принял решение перенести направление главного удара с центра перешейка, со Средневыборгского шоссе, где находились наибольшие силы оборонявшихся, к побережью Финского залива, в полосу Приморского шоссе. Целые сутки 13 июня и до утра следующего дня шла скрытая перегруппировка сил. На Приморском участке быстро был сосредоточен 3-й артиллерийский корпус прорыва генерал-майора артиллерии Н. Н. Жданова, что позволило создать там сильную артиллерийскую группировку (до 250 орудий и минометов на километр фронта)⁴⁰⁶. 109-й стрелковый корпус генерал-лейтенанта И. П. Алферова и 108-й стрелковый корпус генерал-лейтенанта М. Ф. Тихонова изготовились для перехода в решительное наступление.

Прорыв главной полосы финской обороны начался утром 14 июля с артиллерийской и авиационной подготовки, длившейся в общей сложности более двух часов. После этого советские войска двинулись на штурм укреплений.

Удар на приморском направлении оказался полной неожиданностью для финского военного руководства, поскольку считалось, что это может произойти в районе Кивеннапы, где вел наступление 30-й гвардейский корпус. С финской стороны было предпринято максимум усилий к тому, чтобы огнем артиллерии из долговременных сооружений и контратаками предотвратить прорыв советских войск.

Наиболее упорный и ожесточенный характер носили бои в районе Кутерселья (Лебяжье). Здесь частям 109-го корпуса удалось ударами с нескольких направлений при активной поддержке артиллерии и авиации осуществить прорыв сложной системы укреплений второй полосы обороны финских войск. Попытка контр-

атаковать советские части, предпринятая командиром 3-й пехотной дивизии генералом А. Паяри и командиром танковой дивизии генералом Р. Лагусом, не дала результата⁴⁰⁷. Вскоре советские войска расширили участок прорыва до побережья Финского залива.

Части IV финского армейского корпуса с боями стали отходить к третьей полосе обороны. Их моральное состояние резко упало, распространились панические настроения⁴⁰⁸. Это проявилось также и в тылу. По свидетельству немецкого посланника В. Блюхера, «в стране на новый гребень поднялась волна настроения безнадежности, захлестнувшая не только городское население, но и сельское»⁴⁰⁹. Информационное ведомство и военное руководство получали донесения о том, что в стране широко осуждаются генералитет, офицерский состав и армия в целом в связи с «сокрушительным поражением на Карельском перешейке»⁴¹⁰. Началось массовое дезертирство солдат с фронта и уход резервистов через границу в Швецию⁴¹¹.

В этой обстановке проявился кризис в военном руководстве. Маннергейм был склонен уйти со своего поста⁴¹². Обострились отношения и в среде командования войск на Карельском перешейке. 14 июня во главе их был поставлен генерал-лейтенант К. Л. Эш, возглавлявший до этого Олонекскую группу войск. Из Южной Карелии на Карельский перешеек было переброшено управление V армейского корпуса.

Тем временем 21-я армия быстро продвигалась к третьей полосе финской обороны, прикрывавшей Выборг. Соединения 23-й армии начали прорыв второй полосы укреплений противника. 17—18 июня советскими войсками была занята вся западная часть Карельского перешейка. «Теперь,— писала английская газета «Дейли мейл»,— русские прорвали на Карельском перешейке стальную, бетонированную линию, которая, как утверждали, принадлежала к числу самых сильных в мире» и «полным ходом устремились к Выборгу»⁴¹³.

Финские войска оказались в чрезвычайно трудном положении. В ночь на 17 июня командующий группой «Карельский перешеек» генерал Эш отдал приказ об отводе войск на линию Выборг—Купарсаари—Тайпале. Командир IV армейского корпуса приказал во что бы то ни стало удерживать третью полосу обороны и подходы к ней. Однако его части под нажимом советских войск «вынуждены были начать отход раньше, чем было на это разрешение»⁴¹⁴. Наступление шло настоль-

ко стремительно, что, по выражению финских историков, «казалось, будто 21-я армия течет неодолимой силой»⁴¹⁵.

Советские войска своим мощным и стремительным наступлением нанесли крупное поражение финской армии. Оно означало и крушение основных положений «большой стратегии» финских дипломатов. Их расчет, что за сильными укреплениями на Карельском перешейке можно будет отсидеться, сохранить за собой оккупированные советские территории и после окончания войны узаконить это дипломатическим путем, полностью провалился.

18 июня в резиденции президента Финляндии было созвано правительственное совещание для рассмотрения создавшейся обстановки. На нем обсуждался вопрос о необходимости формирования нового правительства, чтобы затем «обратиться к Советскому Союзу с просьбой о мире»⁴¹⁶. Однако решения принято не было. Возобладала позиция противников проведения правительственных перестановок. Доказывалось, что начинать переговоры с СССР, когда финские войска терпят поражение, невыгодно и крайне рискованно. По мнению Маннергейма, требовалось прежде всего любыми средствами приостановить советское наступление. Для этого решено было запросить военную помощь у Германии.

Опасность полного поражения Финляндии серьезно обеспокоила Берлин: возростала угроза германским войскам в Заполярье и Прибалтике. Поэтому Гитлер уже в середине июня отменил временно введенный им запрет на военные поставки в Финляндию⁴¹⁷. Но в сложившейся обстановке на фронте финскому командованию срочно нужна была более эффективная помощь, в том числе и войсками.

19 июня, когда соединения Ленинградского фронта подходили к Выборгу и должны были начать его штурм, Маннергейм отдал приказ, в котором потребовал во что бы то ни стало остановить советские войска на рубеже третьей линии обороны⁴¹⁸. В этот же день начальник генштаба А. Хейнрикс провел переговоры с немецким генералом В. Эрфуртом, в ходе которых, обрисовав катастрофическое положение, поставил вопрос об оказании Германией незамедлительной помощи, в частности осылке в Финляндию шести дивизий. Об этом Эрфурт сразу же доложил в гитлеровскую ставку⁴¹⁹.

Ответ из Германии пришел на следующий день.

В нем говорилось, что Германия окажет помощь, но финским войскам пужно во что бы то ни стало вернуть обратно третью оборонительную линию⁴²⁰. Маннергейм поспешно заверил Гитлера, что эта задача поставлена перед войсками⁴²¹.

Финское командование предприняло дополнительные меры по усилению своей группировки на Карельском перешейке. Сюда были переброшены соединения со Свирского и Медвежьегорского участков фронта. В боях уже находились прибывшие из Карелии 4-я и 17-я пехотные дивизии, 3-я и 20-я пехотные бригады. В районе Выборга сосредоточивались 6-я и 11-я пехотные дивизии, также переброшенные с Карельского фронта⁴²². Кроме того, в резерве северо-восточнее города находились четыре пехотные и одна танковая дивизии.

Политическое и военное руководство Финляндии стремилось всячески воспрепятствовать массовому дезертирству солдат и приостановить падение морального духа в армии. За 14 дней отступления финской армии из нее дезертировало 24 тыс. солдат, что составляло 4,5 процента всех войск и было равнозначно по численности двум пехотным дивизиям⁴²³. Беглецы, указывалось в одном из донесений, обосновывали свои действия тем, что «война окончится быстрее, если каждый оставит фронт или во всяком случае доберется до границы Московского мира»⁴²⁴. Пойманных дезертиров строго наказывали. Полевыми судами было осуждено в это время за «военные преступления» свыше 10 тыс. человек, а позднее приговорено к смертной казни 76 человек, значительную часть из которых расстреляли немедленно⁴²⁵. Эти данные являлись официальными, но, как указывалось в финской печати, «никто точно не знает, сколько действительно было приговорено к смертной казни на фронте и расстреляно»⁴²⁶.

Падение морального духа наблюдалось и среди офицеров финской армии. Антивоенные настроения охватили значительную часть их младшего звена. А у офицеров генштаба панические проявления настолько распространились, что отдельные думали даже о бегстве на Запад⁴²⁷.

20 июня части 108-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанта М. Ф. Тихонова начали штурм Выборга. Финские войска не смогли его удержать⁴²⁸. Одной из первых в город прорвалась 90-я стрелковая дивизия генерал-майора Н. Г. Лященко. Ей удалось расчленить и по частям разбить в уличных боях 20-ю финскую

бригаду. В тот же день Выборг был полностью в руках советских войск.

«Падение Выборга явилось жестоким ударом по боевому духу и означало одновременно потерю сильной крепости, которая необходима была для противодействия значительным силам противника,— писал в своих воспоминаниях Маннергейм.— К тому же неприятель получил трамплин для прыжка через Выборгский залив»⁴²⁹.

23-я армия, наступавшая на кексгольмском направлении во взаимодействии с Ладожской военной флотилией, вышла широким фронтом к Вуоксинской водной системе. Этот рубеж обороняли части III армейского корпуса генерала Х. Сийласуо.

После завершения Выборгской операции войска Ленинградского фронта не прекратили наступления. 21 июня Ставка ВГК поставила перед ними новую задачу — овладеть рубежом Иматра — Лаппеенранта — Виройоки, а также наступать на Кексгольм, Элисенваару и выйти в восточной части Карельского перешейка к государственной границе⁴³⁰, чтобы вынудить финское руководство отказаться от продолжения военных действий и пойти на заключение мира.

Маршал Советского Союза А. М. Василевский в своих мемуарах пишет, что такая перспектива дальнейшего проведения операции была определена в Ставке ВГК еще 17 июня. Тогда решили, что «после взятия Выборга необходимо будет продолжать наступление и с выходом войск на рубеж Элисенваара — Иматра — Виройоки и освобождением при помощи Балтийского флота Большого Березового (Койвистонсаари. — *Ред.*) и других островов Выборгского залива прочно закрепиться на Карельском перешейке и, перейдя к обороне, сосредоточить основное внимание Ленинградского фронта на участии в боях по освобождению Эстонии»⁴³¹. Иными словами, вопрос состоял не в том, чтобы развертывать наступление советских войск вглубь Финляндии. Важно было лишь добиться, чтобы она вышла из войны.

В правительственных кругах Финляндии в это время царили растерянность и смятение. Это состояние усугублялось новым сообщением, поступившим в ставку: 21 июня развернулось наступление войск Карельского фронта на свирском участке. Теперь Маннергейм уже не мог поручиться за возможность стабилизации положения на фронте, хотя еще совсем недавно заверял

в этом Гитлера. Для принятия экстренных мер парламент предоставил правительству чрезвычайные полномочия. Было объявлено решение об эвакуации части населения из восточных районов Финляндии⁴³².

В такой обстановке финляндский посланник в Стокгольме получил 22 июня указание обратиться через министерство иностранных дел Швеции к Советскому правительству, чтобы выяснить возможности выхода Финляндии из войны. Ответ из Москвы поступил на следующий день. В нем говорилось, что из Хельсинки должно быть направлено обращение к правительству СССР, содержащее заявление о капитуляции Финляндии, и выражено желание достигнуть мира с Советским Союзом⁴³³. Посланник СССР в Швеции А. М. Коллонтай разъяснила, что капитуляцию следует понимать как прекращение военных действий с целью достижения соответствующей договоренности. Но ответа с финской стороны так и не последовало*.

О предпринятых действиях финской дипломатии и ее посредника Германия, конечно, не знала, поскольку соблюдалась большая предосторожность. Но гитлеровское руководство по опыту прошлого не могло уже доверять финским политикам. Оно считало необходимым закрепить военно-политическое сотрудничество с Финляндией соответствующим соглашением, и финские правые круги вели в таком направлении подготовку, действуя за спиной парламента.

В тот самый день, когда Финляндия предприняла попытку возобновить мирные контакты с Советским Союзом, в Хельсинки прибыл министр иностранных дел Германии Риббентроп. Он имел цель решительно воздействовать на финских руководителей и добиться от них безотлагательного оформления военно-политического соглашения с Германией. В ходе переговоров с Рюти и Рамсаем Риббентроп ставил вопрос о том, чтобы правительство Финляндии гарантировало, что «не

* В зарубежной буржуазной литературе отказ Финляндии в июне 1944 года решать проблему выхода из войны объясняется нередко так, будто бы СССР был тому причиной в силу постановки вопроса о капитуляции. При этом понятию «капитуляции» придается смысл безоговорочной. Как пишет бывший начальник информационного отдела ставки К. Лехмус, «позиция Советского правительства сразу была истолкована таким образом, что положение о капитуляции означало роспуск армии и полное разоружение, а также последующую оккупацию страны»⁴³⁴. Как известно, Советский Союз не ставил таких условий.

заклучит соглашения о перемирии или мир с Советским Союзом без согласия правительства германского рейха»⁴³⁵ и будет продолжать войну на стороне Германии.

В современной исторической литературе Финляндии указывается, что при решении этого вопроса финляндскому руководству предстояло сделать выбор: или капитулировать перед Советским Союзом, или пойти на подписание соглашения с Германией⁴³⁶. Чтобы выяснить, так ли это, обратимся к фактам. Вопрос о поддержке Германией Финляндии оружием и войсками был решен 20 июня, а обращение к Советскому правительству последовало лишь 22 июня. Следовательно, Финляндия в момент обращения за помощью к Германии уже преопределила тот путь, по которому затем пошла. Ю. К. Паасикиви записал в своем дневнике: «Правительство Финляндии 22.6 запросило у Советского правительства условия и получило ответ сразу же 23.6. Это, следовательно, произошло после того, как Маннергейм запросил помощь у военного руководства Германии»⁴³⁷. Визит Риббентропа фактически явился следствием обращения к Германии из Хельсинки. Но теперь финское руководство оказалось в сложном положении: закрепление немецкой военной помощи юридическим актом — межгосударственным соглашением — лишало Финляндию возможности «договориться» с Советским Союзом о прекращении войны.

Усилия германской дипломатии были направлены на то, чтобы пресечь любые попытки Финляндии маневрировать. 25 июня Гитлер направил Риббентропу телеграмму, в которой сообщил о принятом решении прекратить всякую поддержку Финляндии, пока она не делает открытого твердого заявления о своей политике⁴³⁸.

Такой поворот дела требовал от финляндского руководства быстрого принятия решения. Маннергейм, настаивавший на необходимости получения военной помощи, предлагал принять требования Германии, «как бы они ни были тяжелы»⁴³⁹. Премьер-министр Э. Линкомес также считал, что надо пойти на заключение соглашения. На заседании правительства под руководством президента Рюти это предложение одобрили десятью голосами против шести. В числе проголосовавших против него было пять социал-демократов⁴⁴⁰.

Это соглашение, явившееся результатом договоренности с Риббентропом, было оформлено в виде письма Рюти Гитлеру, содержавшего обязательства, которые

брал на себя президент Финляндии*. В нем говорилось следующее: «Принимая во внимание ту военную помощь, которую Германия оказывает Финляндии, я, как президент Финляндии, обещаю, что не заключу мира с Советским Союзом, иначе как во взаимопонимании с Германией, и не позволю, чтобы правительство или какое-либо лицо начало переговоры о мире, иначе как во взаимопонимании с правительством Германии»⁴⁴¹.

Подписанный Рюти 26 июня текст письма был вручен Риббентропу для передачи Гитлеру. Взятое Рюти обязательство было подтверждено премьер-министром Линкомиесом в речи, произнесенной им по радио 2 июля. Он твердо заявил о продолжении Финляндией войны на стороне Германии.

Маннергейм выразил, однако, неудовлетворение тем, что соглашение с Германией быстро предали гласности. По его мнению, повременив с этим, можно было вынудить Германию предоставить Финляндии значительно более эффективную военную помощь. В свою очередь, он заявил 2 июля немецкому генералу Эрфурту, что Финляндия выйдет из войны, если не получит в необходимом ей объеме запрашиваемую у Германии помощь⁴⁴². В Берлине поспешно отреагировали на это. Через день, 4 июля, Рюти получил письмо от Гитлера, в котором тот сообщал, что «Германия сделает для Финляндии все возможное в деле оказания помощи оружием, а также в экономическом отношении»⁴⁴³.

Как бы оправдывая свои действия перед странами Запада, финское руководство поспешило разъяснить по дипломатическим каналам, что соглашение с Германией было вынужденным в силу того, что «СССР требовал капитуляции»⁴⁴⁴.

Подтверждение правительством Финляндии дальнейшей своей преданности гитлеровской Германии вызвало неблагоприятный резонанс в мире, и прежде всего в США и Швеции. Там почти единодушно осуждался этот шаг. «Погасла последняя искорка надежды на свободу действий Финляндии»⁴⁴⁵, — отмечал временный поверенный США в Хельсинки Э. Гуллион. 30 июня Со-

* Вопрос о юридической законности такого соглашения, которое скреплялось одной лишь подписью президента страны и сохраняло бы силу без соответствующих санкций парламента, был предварительно изучен. Утверждения ряда финских историков и политиков о том, что эта акция была предпринята исключительно с целью введения Германии в заблуждение, нельзя принять за истину.

единые Штаты разорвали дипломатические отношения с Финляндией. Однако дальше этого акта они не пошли. Объективно такой шаг Вашингтона ухудшал позиции финского правительства, но серьезного значения не имел: окончательный итог войны для Финляндии не зависел от этого.

Уход от решения вопроса о выходе из войны в условиях определившегося неизбежного поражения Германии, резко отрицательный международный резонанс в связи с этим и продолжавшееся в целом ухудшение для Финляндии обстановки ускорили поляризацию сил в ее политических кругах. Уже не было единства в самом правительстве и четко проявилась оппозиция к нему в парламенте. В день сообщения о результате миссии Риббентропа, по словам шведской газеты «Афтон-тиднинген», в финляндском парламенте «настроение на заседаниях фракций было такое, что при нормальных условиях правительству пришлось бы выйти в отставку»⁴⁴⁶.

Эти острые политические события протекали в обстановке, когда на фронте финские войска продолжали вести напряженные оборонительные бои. Ценой больших потерь они пытались остановить наступление советских частей. Особенно ожесточенные бои развернулись севернее и северо-восточнее Выборга после взятия его войсками 21-й армии. К этому времени финское командование сконцентрировало здесь максимально возможные силы. Как писал финский военный историк В. Х. Халсти, Маннергейм «готов был полностью отказаться от Восточной Карелии, лишь бы иметь подкрепления для Карельского перешейка»⁴⁴⁷. Финская ставка еще 17 июня дала распоряжение командующему Олонецкой группой генералу П. Талвела скрытно отвести на вторую оборонительную полосу за реку Свирь войска VI армейского корпуса генерала А. Блика, чтобы иметь там более надежные позиции.

Значительной поддержкой для финских войск, сражавшихся под Выборгом, явились направленные сюда германским командованием авиация, противотанковые средства и самоходная артиллерия. Действия финских частей поддерживали 70 самолетов 5-го немецкого воздушного флота, 303-я бригада самоходных орудий. Финская армия получила свыше 10 тыс. немецких противотанковых ружей и 5 тыс. фаустпатронов⁴⁴⁸.

Гитлеровское командование не дало, однако, Финляндии шести пехотных дивизий, которые просил Хейн-

рикс по указанию Маннергейма. Из группы армий «Север» прибыла лишь весьма измотанная в боях 122-я пешотная дивизия. Когда она появилась в Хельсинки и ее части проходили через город, у жителей финской столицы проявилось к ним иронически-отчужденное отношение⁴⁴⁹ и понимание иссякших возможностей германской армии. «Мы думали, глядя на шедших мимо,— писал в своих воспоминаниях депутат парламента М. Лепистё,— что от этих парней не будет много радости на фронте»⁴⁵⁰. Фактически так и было. Немецкая дивизия не сыграла существенной роли.

Активные боевые действия в северной части Карельского перешейка длились еще около трех недель. За это время соединения Ленинградского фронта во взаимодействии с кораблями Краснознаменного Балтийского флота овладели основными островами Выборгского залива. 21-я армия, продвинувшись севернее Выборга на 10—12 километров, закрепились на достигнутом рубеже. Части 23-й армии форсировали реку Вуоксу и захватили небольшой плацдарм на ее северном берегу. 11 июля в соответствии с указанием Ставки ВГК войска Ленинградского фронта на Карельском перешейке перешли к обороне.

Еще в тот момент, когда соединения 21-й армии сражались за Выборг, на Свирском и Медвежьегорском участках перешли в наступление войска Карельского фронта под командованием генерала армии К. А. Мерецкова. Замысел этой операции, получившей наименование Свирско-Петрозаводской, состоял в том, чтобы стремительными ударами 7-й армии с рубежа реки Свири в направлении Сортавалы и 32-й армии севернее Онежского озера в направлении Суоярви окружить и уничтожить Олонецкую группировку финских войск. «Мы должны были,— писал К. А. Мерецков,— рассечь эту группировку на части... и примерно за 40 дней разгромить их, выйдя к советско-финляндской границе»⁴⁵¹. Тем самым решалась задача освобождения южной части Советской Карелии и ускорения вывода Финляндии из войны.

Финское военное командование считало, что созданные в Южной Карелии укрепления и естественные водные рубежи позволят находившимся там войскам отразить наступление советских частей. На двух основных линиях обороны («ПСС» и «У») на Онежско-Ладожском перешейке финские войска имели 335 дотов и дзотов, бетонированные укрытия, 243 бронированные ячейки и

другие противотанковые и противопехотные инженерные сооружения. Сильно укреплен был и Медвежьегорский участок обороны. В общей сложности там находилось около 200 бетонированных укрытий, дотов и дзотов⁴⁵². Многие населенные пункты, рубежи на водных преградах были приспособлены для длительной обороны⁴⁵³.

Наступление войск Карельского фронта началось после мощной артиллерийской и авиационной подготовки. Части 7-й армии при поддержке Ладужской военной флотилии форсировали реку Свирь и захватили плацдарм. Перешедшая в тот же день в наступление 32-я армия продвинулась вперед до 16 километров и освободила город Повенец. 5-я и 8-я пехотные дивизии, а также 15-я бригада Олонецкой группы с боями отходили ко второй полосе обороны. Существенную роль в развитии наступления 7-й армии сыграл успешно высаженный Ладужской военной флотилией морской десант в тылу финской обороны в районе Тулоксы. Дорога от Олонца на Питкяранту была перерезана, советские войска начали обход второй полосы финской обороны.

В этой обстановке войска Олонецкой группы не смогли удержаться на оборонительной линии «ПСС» и начали отходить на северный берег реки Видлицы. «Бои и постепенный отход финских войск от Свири завершились не совсем так, как планировало верховное командование», — отмечал немецкий генерал В. Эрфурт⁴⁵⁴.

Части 7-й армии, преследуя отходившие финские войска, овладели городом Олонцом. Дальнейшее продвижение наступавших шло вдоль восточного побережья Ладужского озера к Питкяранте и на петрозаводском направлении. Части Олонецкой группы в это время стремились, достигнув оборонительной линии «У», приостановить отступление.

Севернее Онежского озера части II армейского корпуса генерала Э. Н. Мякинена отходили под ударами 32-й армии. Овладев 24 июня Медвежьегорском, ее войска продвигались вдоль Кировской железной дороги к Петрозаводску и на запад — в направлении государственной границы.

В ставке финской армии возникли серьезные опасения за исход боев в Карелии. «Сильный и охваченный наступательным духом противник, — писал военный историк В. Халсти, — шел по пятам, и это могло кончиться плохо»⁴⁵⁵.

Моральное состояние финских войск изо дня в день

падало.росло число дезертиров. В частях VI армейского корпуса к 22 июня их число достигло 10—20 процентов списочного состава. За отказ выполнять приказ командования в соединениях Олонецкой группы и Медвежьегорского участка полевыми судами было вынесено 12 смертных приговоров ⁴⁵⁶.

Финские солдаты в отличие от националистически настроенного руководства армии и пропагандистов идеи «великой Финляндии» считали уход с оккупированной территории Советской Карелии необходимым. Донесения о таких настроениях поступали в ставку и в финляндский информационный центр. «Это показывает,— отмечалось в одном из них,— что довольно значительная часть наших войск и народа с самого начала не склонны были к оккупации Восточной Карелии» ⁴⁵⁷.

Ход боевых действий в Карелии в конце июня складывался не в пользу финской армии. Отбросив части 7-й пехотной дивизии и бригады береговой обороны финнов, войска Карельского фронта вышли к Петрозаводску. Город был освобожден 28 июня десантом моряков Онежской военной флотилии, которая взаимодействовала с войсками 7-й и 32-й армий. Части 32-й армии в тот же день вступили в город Кондопогу.

Олонецкая группа также вынуждена была отступать в центре и на приладожском участке перешейка. 29 июня войска 7-й армии овладели Видлицей и продолжали продвижение вдоль побережья Ладожского озера к Питкяранте. После отхода 8-й и 5-й пехотных дивизий, а также 15-й бригады финских войск линия фронта сместилась к рубежу Пряжа — Ведлозеро — река Видлица. Соединения 32-й армии с боями вышли на линию Юостозеро — Спасская Губа.

На этом первый этап наступательной операции Карельского фронта завершился. В результате ее за десять дней советские войска осуществили прорыв сильно укрепленной обороны финской армии и, продвинувшись вперед до 120 километров, освободили более 800 населенных пунктов ⁴⁵⁸. Были возвращены стране две важные коммуникации — южный участок Кировской железной дороги и Беломорско-Балтийский канал.

В ходе второго этапа операции войска Карельского фронта должны были, преследуя отходящего противника и уничтожая его по частям ⁴⁵⁹, освободить территорию Карелии и выйти к государственной границе. Финская ставка требовала от своих войск в Карелии остановить наступление Красной Армии, не дать ей продви-

нуться дальше линии, по которой проходила граница в 1939 году⁴⁶⁰. Для этого был проведен ряд мер по усилению Олонецкой группы. На участках, где предполагалось наступление советских частей, сосредоточивались значительные силы артиллерии, оборудовались в тылу дополнительные оборонительные рубежи⁴⁶¹.

Но противостоять натиску войск 7-й и 32-й армий Олонецкая группа не смогла. Продвигаясь по бездорожью, через лесные завалы и густо замшированные участки местности, преодолевая болота, озера и другие водные преграды, части 7-й армии при поддержке Ладожской военной флотилии к 10 июля овладели городом Питкярантой и вышли в район Лоймалы, вблизи государственной границы. Одновременно войска 32-й армии 12 июля прорвали оборонительный рубеж финских войск в районе Поросозеро и во второй половине июля подошли к советско-финляндской границе. «В 5-00 21.7.44 г.,— докладывал К. А. Мерецков в Ставку ВГК,— части 176-й сд 32-й армии овладели Лонговаара и вышли к государственной границе»⁴⁶².

В сложившейся обстановке финское командование усилило переброску войск с Карельского перешейка и из других районов⁴⁶³, чтобы остановить наступление 7-й и 32-й армий. Бои приняли затяжной, ожесточенный характер. В начале августа некоторым частям советских войск, вышедшим к государственной границе в районе Куолисмаа, приходилось вести бои с финскими войсками в отрыве от основных сил, в окружении⁴⁶⁴.

10 августа на рубеже Сегозеро — Лонговаара — Антила — Лоймола — Питкяранта фронт стабилизировался. По приказу Ставки ВГК войска Карельского фронта с 29 августа прекратили наступательные действия. Еще в начале месяца ряд соединений и частей 7-й армии были переброшены на другие участки советско-германского фронта⁴⁶⁵. В это время советское Верховное Главнокомандование концентрировало силы для наступления в Прибалтике и Белоруссии. Нанесение поражения немецкой группе армий «Север» в Прибалтике должно было сыграть существенную роль в окончательном решении вопроса о выходе Финляндии из войны.

По дипломатическим каналам Советский Союз еще в начале июля давал понять, что даже в условиях осуществлявшегося наступления его войск на Карельском перешейке и в Карелии не закрывались двери для установления мира с Финляндией и он готов был вести с ней соответствующие переговоры. 14 июля в Стокгольме

А. М. Коллонтай в беседе со шведским посланником в Хельсинки Х. Бек-Фринсом указала на имеющиеся у Финляндии возможности для ведения переговоров с СССР о мире на тех же самых условиях, которые предлагались ей весной. Высказывалось мнение, что этому в значительной мере способствовали бы перемены в составе финского руководства⁴⁶⁶, которое продолжало тормозить процесс достижения мира.

Не вызывает сомнений, что правительственные круги в Хельсинки были хорошо информированы о содержании беседы А. М. Коллонтай с Х. Бек-Фринсом, поскольку это стало известно посланнику в Стокгольме Г. А. Грипенбергу, а также прибывшему в то время в Швецию бывшему министру иностранных дел Э. Эркко. Копию текста беседы Эркко послал в Хельсинки бывшему финляндскому посланнику в Москве П. Ю. Хюнинену. Сведения об изложенной А. М. Коллонтай позиции Советского правительства получили К. Г. Маннергейм и начальник генштаба А. Хейнрикс⁴⁶⁷. Слово оставалось за Финляндией.

На грани катастрофы

Имелись ли у финляндского правительства основания и возможности в сложившейся обстановке оттягивать дальше решение вопроса о выходе из войны? Что давало ей продолжение сотрудничества с фашистской Германией, оказавшейся на грани окончательного поражения? Здравый смысл подсказывал, что Финляндия не могла больше продолжать войну. Этот путь вел ее к полнейшей катастрофе.

Упорное нежелание финского руководства идти на заключение мира, упущенные прежде возможности достигнуть его уже стоили огромных жертв народу. Потери лишь в летних боях 1944 года составляли 74 тыс. человек. Среди них число погибших достигало почти 17 тыс.⁴⁶⁸

Наряду с этими весьма тяжелыми последствиями продолжения политики войны были огромные потери, которые понесла Финляндия в экономическом отношении. Еще большую остроту приобрели проблемы, связанные с падением жизненного уровня населения и ухудшением его социального положения. 1944 год ознаменовал собой дальнейшее свертывание промышленного производства. Оно сократилось по сравнению с пре-

дыдушим годом на 6 процентов и составляло $\frac{2}{5}$ довоенного уровня⁴⁶⁹.

Уже в послевоенные годы, характеризуя общее кризисное состояние финской экономики рассматриваемого периода, У. К. Кекконен писал: «Промышленность была большей частью изношена за шесть военных лет, и сырьевые запасы подошли к концу. Сельское хозяйство во время войны пришло в упадок: поля утратили плодородие, уменьшилось поголовье домашнего скота и довольно значительное количество техники износилось. Дорожный транспорт находился в плохом состоянии... Исключительно тяжелым было положение с энергетическим хозяйством страны, потери в котором составили 20 процентов»⁴⁷⁰.

Военное производство, являвшееся предметом особого внимания со стороны финского руководства, летом 1944 года достигло предельного напряжения. В условиях развернувшихся сражений на Карельском перешейке и в Карелии требовалось наращивать выпуск боеприпасов, поскольку к 1 июля снарядов для полевой артиллерии оставалось на месяц 50—60 процентов необходимого⁴⁷¹, а имевшиеся промышленные мощности не могли обеспечить их дополнительное производство. К тому же отдельные предприятия, выпускавшие военную продукцию, должны были эвакуироваться в связи с приближением фронта.

Начавшийся в июне 1944 года новый массовый призыв на военную службу создал критическое положение в стране с рабочей силой. 65 процентов мужчин в возрасте 20—49 лет находились в армии. Вооруженные силы по численности превзошли начальный период войны и достигли более 613 тыс. человек⁴⁷². В армию оказались призванными многие специалисты военно-промышленных предприятий и работники транспорта. К началу июля число занятых на военном производстве сократилось на 22 тыс. человек⁴⁷³. По словам историка И. Сеппинена, «крупное сражение на перешейке и отступление из Восточной Карелии почти парализовало силы Финляндии»⁴⁷⁴.

В наиболее неблагоприятном положении оказалась ведущая отрасль финской экономики — лесопромышленность. Производство в ней сократилось на одну треть в сравнении с довоенным периодом⁴⁷⁵. Шел процесс ее постепенного замирания.

Очень острой проблемой для финской промышленности стало приобретение сырья и горючего. Положение

с ними и прежде было сложным. Но теперь, когда их поставщик Германия сама испытывала трудности, Финляндия не могла уже рассчитывать на получение всего необходимого. Особенно плохо обстояло дело с импортом отдельных видов металла. В июле Германия прекратила экспорт в Финляндию горючего⁴⁷⁶. Это поставило под угрозу все те виды производства и транспорта, которым было необходимо жидкое топливо.

Углублялись кризисные процессы и в сельском хозяйстве. Производство его продукции сократилось по сравнению с 1943 годом почти на одну треть⁴⁷⁷. Это объяснялось новым значительным оттоком рабочей силы в армию, уменьшением необходимого количества сельскохозяйственных орудий производства, а также сокращением посевных площадей — они уменьшились в сравнении с предыдущим годом на 273 тыс. га⁴⁷⁸.

Нехватка зерна в Финляндии до нового урожая составляла в июне 1944 года приблизительно 90 тыс. тонн⁴⁷⁹. «Продовольственное положение стало настолько острым, — сообщал Х. Рамсай в это время немецкому посланнику, — что если ожидаемые поставки из Германии все еще не будут поступать, надо будет сократить норму выдачи хлеба наполовину»⁴⁸⁰.

Германия в том же месяце направила Финляндии зерно, но в августе полностью прекратила поставки ей продовольствия⁴⁸¹. А с собственным урожаем положение в Финляндии оказалось критическим. Зерна было собрано меньше, чем в 1943 году, на 72 тыс. тонн, а картофеля — на 342 тыс. тонн⁴⁸². Перспектива возникновения голода вставала во весь рост.

Надеяться в это время на продовольственную помощь Швеции не приходилось. Торговля с ней в 1944 году составляла всего 7—8 процентов⁴⁸³. К тому же изменилась военно-политическая обстановка в мире в пользу стран антигитлеровской коалиции. Швеция давала понять, что она не одобряет внешнеполитического курса Хельсинки. Как отмечал 17 июля 1944 года Ю. К. Паасикиви, «в Швеции в различных кругах очень неприветливо настроены по отношению к Финляндии». Шведское правительство «выражало сожаление по поводу того затруднительного положения, в котором оказалось, когда в июне выясняло у Москвы по просьбе финляндского правительства условия мира, а правительство Финляндии в то время вело переговоры с Германией, не сообщив перед этим ничего Швеции»⁴⁸⁴. В шведско-финских отношениях «проявилась раздражи-

тельность, которая привела к значительному сужению экономических возможностей и создавала политические противоречия между нейтральной и ведущей войну странами»⁴⁸⁵.

Тяжелым прессом давили на экономику Финляндии все увеличивавшиеся военные расходы. Они достигли в 1944 году рекордного уровня, составив около 26 млрд. марок, то есть возросли по сравнению с предыдущим годом на 10 млрд. марок. Вместе с тем увеличились и государственные расходы, поднявшись также на самый высокий уровень и превысив доходы на 17 млрд. марок⁴⁸⁶.

Еще в октябре 1943 года министр финансов В. Таанер предсказывал: «Если война не закончится в первой половине 1944 г., то потребуются огромные средства. Придется пойти по линии повышения налогов и активизации займовой политики. Новый государственный бюджет потребует от страны огромного напряжения»⁴⁸⁷. И это предсказание сбылось. Финское правительство вновь пошло на увеличение налогов с населения. В 1944 году они составили почти 470 процентов к довоенному уровню⁴⁸⁸.

Но, пополнив государственную казну на 1 млн. марок за счет налогов⁴⁸⁹, правительство все равно не могло решить сложных финансовых проблем. Не дал эффекта и внутренний заем, размещение которого в стране протекало с большим трудом. Что касалось внешних займов, то они в 1944 году почти совсем исключались. В мае Швеция заявила, например, что Финляндия вообще не получит от нее более займов⁴⁹⁰.

Кризис финансовой системы усугублялся увеличением количества находившихся в обращении бумажных денег. За период с 1942 года по сентябрь 1944 года их стало больше в два раза⁴⁹¹. Вообще за годы войны общая сумма бумажных денег выросла с 2 до 15 млрд. марок⁴⁹².

Отражением исключительно трудного положения финской экономики явилось свертывание внутренней торговли. Объем ее уже к 1944 году уменьшился более чем на 40 процентов⁴⁹³. Это было связано с сокращением производства товаров и упавшей покупательной способностью населения. Влияло здесь также происшедшее ограничение до минимума транспортных перевозок в стране. Использование гражданского транспорта в 1942—1944 годах составляло лишь треть доведенного⁴⁹⁴.

В таких условиях быстро шел процесс дальнейшего снижения жизненного уровня, ухудшения социального положения населения Финляндии. В 1944 году общий индекс стоимости жизни достиг 203 процентов по сравнению с 1938 годом⁴⁹⁵. При всем этом заметного увеличения заработной платы не происходило, а реальные доходы трудящихся в промышленности в это время понизились на 22—28 процентов⁴⁹⁶.

Дальнейшее продолжение Финляндией войны при таком состоянии экономики и условий жизни народа было уже невозможно. Страна находилась у опасной черты, переступив которую могла оказаться в катастрофическом положении.

В силу того что финское руководство продолжало проводить политику войны, не считаясь с реальным положением в стране и коренными изменениями, происшедшими в военно-политической обстановке, антивоенные настроения населения стали проявляться уже не столько выражением недовольства этим, а и в различного рода практических действиях.

В 1944 году финны все чаще стали покидать свою страну. К концу лета насчитывалось до 2,5 тыс. человек, ушедших в Швецию. Это продолжалось, несмотря на аресты при переходе границы⁴⁹⁷. Среди ушедших в Швецию была, в частности, группа горняков, прекративших работу на немецких никелевых рудниках в Петсамо (Печенге)⁴⁹⁸.

В целом в этот период отношение преобладающей части финского населения к немецким войскам в Финляндии стало уже не только настороженно-отчужденным, но откровенно враждебным. С июля 1943 года по апрель 1944 года в Финляндии было зарегистрировано почти 100 случаев столкновений между германскими военнослужащими и гражданским населением. Причем это происходило с применением оружия и имело место не только на севере страны, где размещались немецкие войска, но также в Хельсинки, Турку и других городах юга Финляндии⁴⁹⁹. Так на деле стало выглядеть «братство по оружию».

Нежелание соучаствовать в войне, которую вела фашистская Германия, наиболее активно проявлялось в крупных городах, и прежде всего среди рабочего класса. Для многих трудящихся было ясно, что дальнейшее продолжение войны бессмысленно, не в интересах Финляндии. Такие настроения проявлялись и в отношении к работе. Как говорил видный деятель ЦОПФ Вяйне

Таттари, «нас повсюду заставляли выполнять работу для достижения фашистских целей в войне нередко принудительно»⁵⁰⁰.

Для выражения антивоенных взглядов трудящиеся использовали собрания, традиционные рабочие праздники. В частности, под знаком требования о выходе Финляндии из войны прошло празднование в 1944 году в ряде районов страны 1 Мая. Полиция, разумеется, преследовала противников военного курса правительства⁵⁰¹.

Имеются далеко не полные данные о роли коммунистов в активизации антивоенной деятельности среди населения страны. Члены КПФ добились успеха в этом направлении в ряде промышленных районов — в Турку, Тампере и других⁵⁰². В донесениях, поступавших в Государственное информационное бюро Финляндии содержались предостережения относительно «коммунистической опасности». В одном из них, направленном из Тампере, отмечалось, что «у коммунистических элементов имеется возможность добиваться успехов в проведении своих взглядов»⁵⁰³.

Весной и летом 1944 года заметно активизировалась нелегальная издательская деятельность КПФ. Кроме листовок начала распространяться подпольная газета «Кансан яани» («Голос народа»), издававшаяся от имени Организации народного фронта. Естественно, что это привлекло пристальное внимание полиции. Из отдельных районов страны поступали донесения о ведущейся коммунистами печатной и устной пропаганде⁵⁰⁴. Последовали новые аресты и расстрелы членов КПФ. 9 сентября был казнен в Турку активный коммунист-подпольщик Олави Лайхо, а 19 сентября в Хельсинки оборвалась жизнь Аатто Саллинена, ведавшего распространением нелегальных листовок и воззваний КПФ⁵⁰⁵.

В отличие от действовавших в подполье коммунистов антивоенно настроенные силы социал-демократии имели возможность использовать легальные условия, чтобы добиваться заключения Финляндией мира. Ими прямо ставился вопрос о недопустимости пребывания представителей СДПФ в правительстве, которое продолжает проводить политику войны и сотрудничества с фашистской Германией. На состоявшемся 29 июня заседании социал-демократической фракции парламента 26 депутатов выступили с требованием, чтобы члены СДПФ вышли из состава правительства. И хотя 36 голосов было подано против этого, сам факт постановки вопро-

са значительным количеством парламентариев был весьма показательным.

В Социал-демократической партии наблюдались существенные перемены в настроениях ее рядовых членов, которые со всей решительностью настаивали на необходимости кончать войну. Об этом они в полный голос заявляли на собраниях местных организаций и на губернских конференциях, направляли делегации для переговоров с правительством⁵⁰⁶.

Большое значение в расширении антивоенного движения трудящихся имело также то обстоятельство, что руководство Центрального объединения профсоюзов Финляндии поддержало усилия всех тех, кто выступал за скорейшее достижение мира. Оно выразило согласие с видными деятелями СДПФ, выступавшими за выход из правительства представителей социал-демократии⁵⁰⁷.

В немецком посольстве в Хельсинки с беспокойством отнеслись к тому, что происходило в широких кругах Социал-демократической партии Финляндии и профсоюзного движения. «Из достоверных источников стало ясно,— отмечал В. Блюхер,— что среди Социал-демократической партии, особенно в профсоюзных организациях, очень сильно проявляется пессимизм в отношении братства по оружию. Число противников братства по оружию за последнее время росло в огромных размерах. Ими вынашивалась мысль, как решительно порвать с тем, что связывало с Германией»⁵⁰⁸. Этот факт лишний раз подтверждает, какие перемены произошли в настроениях трудящихся масс.

С учетом этих качественных изменений уместно поставить вопрос: проявлялись ли на новом этапе контакты между левыми силами, была ли взаимосвязь у тех, кто действовал нелегально и легально в интересах достижения мира? Этот вопрос пока слабо изучен. Однако можно сказать, что отмечалось установление определенной связи социал-демократической оппозиции с КПФ. Уже с зимы 1944 года представители оппозиции пытались выяснить у коммунистов, каковы их взгляды относительно перспектив послевоенной политики Финляндии. Этим непосредственно занимался член СДПФ С. Винтер⁵⁰⁹, входивший в круг лиц, составлявших оппозицию. Факты говорят также о том, что некоторые деятели из ее числа пользовались сведениями, полученными от коммунистов для представления соответствующих запросов в парламенте (так было, в частности, с запросом о бесчеловечном отношении в Финляндии к

политическим заключенным)⁵¹⁰. Показательны также отдельные данные полиции и донесения, поступавшие в Государственный информационный центр. В них отмечалась общность действий в вопросе о мире у коммунистов и других представителей антивоенной оппозиции в стране⁵¹¹. Но предубежденное отношение к Коммунистической партии мешало объединению левых сил в интересах борьбы за достижение выхода Финляндии из войны.

В то же время в рамках деятельности легальной политической оппозиции происходили изменения, характеризовавшиеся тем, что в ней стали брать верх деятели, которые более реалистично подходили к решению вопроса о мире, считая, что лишь поворот в отношениях с Советским Союзом обеспечит возможность выхода Финляндии из войны. Эта линия, возобладавшая в «мирной оппозиции», активно начала осуществляться так называемым «Комитетом Нюстена»*. Наиболее решительным проводником ее был У. К. Кекконен.

«Мирная оппозиция» стремилась организационно укрепиться и преодолеть медлительность в деятельности. В имевшемся в июне 1944 года наброске программы действий ставилась задача предпринять решительные меры для замены существовавшего правительства и направить усилия оппозиции в русло конкретного плана⁵¹².

Чтобы побудить различных политических и общественных деятелей Финляндии реалистично оценивать обстановку и склонить их к активным антивоенным выступлениям, «мирная оппозиция» начала выпускать нелегальные листки информационного содержания под названием «Сельвят Санат» («Ясные слова»). Они распространялись в Хельсинки, а также в ряде других районов страны среди депутатов парламента, членов правительства, журналистов, направлялись лицам, возглавлявшим отдельные ведомства и учреждения или занимавшим ведущие позиции в экономике. 400—500 экземпляров этой информации рассылались по намеченным адресам⁵¹³.

В первом же из выпущенных листов «Сельвят Санат» содержался призыв «заставить общественность и ответственные политические инстанции увидеть поло-

* Х. Нюстен являлся представителем торгово-промышленных кругов. Шесть членов указанного комитета — Э. Вуори, О. Гарц, У. Кекконен, Э. Кильпи, Х. Нюстен и Р. Тернгрэн — стали впоследствии активными организаторами общества «Финляндия — Советский Союз».

жешие таким, каким оно является в действительности». В сложившейся обстановке, говорилось далее, «финский народ должен знать, что правительство не имеет достаточной смелости для того, чтобы порвать с Германней»⁵¹⁴.

Изменение масштабов и характера антивоенных выступлений привело к усилению репрессий. Власти, действуя на основе принятого постановления «О чрезвычайных полномочиях правительства», ужесточили меры в отношении тех, кто решительно оказывал сопротивление политике продолжения войны. Прессе запрещалось помещать какие-либо высказывания о необходимости достижения мира. Редакторов газет, выражавших радикальные, антивоенные настроения, стали подвергать гонениям. Была закрыта газета «Свенска-прессен», которая своими заявлениями в пользу мира наиболее сильно раздражала реакцию. Как объяснял впоследствии такую меру премьер Линкомиес, газета «длительное время не проявляла лояльности в отношении цензурных органов, чем осложняла их деятельность»⁵¹⁵.

В правительственных кругах вызвали недовольство острые, злободневные выступления печати, затрагивавшие вопросы, связанные с проводившимся курсом и дальнейшими перспективами страны. Главный редактор весьма распространенного в Финляндии журнала «Суомен Кувалехти» получил непосредственно от президента Р. Рюти указание не допускать публикаций в нем материалов за подписью Пекка Пейтси (псевдоним У. Кекконена)⁵¹⁶. Обнаружив место печатания «Сельвят Санат», полиция арестовала редакторов этих листовок депутата парламента А. Виртанена, заместителя руководителя ведомства информации Государственного совета Н. Мейнандера и магистра философии О. Барка. На суде им было предъявлено обвинение в том, что они «занимались враждебной пропагандой... осуждали деятельность правительства, стремились расшатать необходимое для обороны страны единодушие и создать угрозу безопасности государства»⁵¹⁷.

Властями была осуществлена чистка и в органах цензуры. Вместо К. Вилкуны, который солидаризовался с У. Кекконеном в вопросе о необходимости выхода Финляндии из войны, руководителем цензуры был поставлен генерал Х. Кекони, известный своими крайне правыми взглядами⁵¹⁸.

Все более негативным становилось отношение в правительственных кругах к Ю. К. Паасикиви, который на-

стойчиво доказывал необходимость быстрейшего выхода из войны. Дело не ограничилось стремлением поставить его в положение политической изоляции. За Паасикиви была установлена скрытая слежка и прослушивание его телефонных переговоров⁵¹⁹.

«Мирная оппозиция» и близко стоявшие к ней весьма известные в стране политические и общественные деятели размежевались с правительством. Их разделял подход к решению вопроса о мире: правительство лишь на словах допускало возможность выхода из войны, но не делало реальных шагов к этому, тогда как «мирная оппозиция» добивалась решения вопроса о мире и обнажала подлинную сущность позиции тех, кто был облечен властью и препятствовал этому.

Такого принципиального различия до сих пор, к сожалению, не видят или не хотят видеть некоторые историки Финляндии. Трудно согласиться, например, с мнением профессора Ханну Сойкканена, который пишет, что летом 1944 года «среди мирной оппозиции мысли развивались точно так же, что и у внутриправительственного круга»⁵²⁰. Но этого в действительности не было. Иначе зачем же антивоенно настроенным деятелям ряда политических партий надо было решительно настаивать на отстранении правительства от власти?

22 июня 1944 года 47 депутатов от Социал-демократической партии, Шведской народной партии и Аграрного союза потребовали создания нового правительства, которое без промедлений прекратило бы войну. По предложению У. Кекконена, осудившего проводившуюся до сих пор политику «сидения на двух стульях», была сформирована делегация, которая 23 июня изложила Рюти свои требования. Тот, однако, уклонился от прямого ответа, пообещав образовать новое правительство, когда для этого «откроется возможность»⁵²¹. Но парламентарии, решительно выступавшие против продолжения войны, не хотели дольше ждать. Фракция Шведской народной партии заявила, что все ее министры в правительстве, поддерживающие соглашение Рюти — Риббентропа, не имеют права выступать от имени партии. В противовес позиции Таннера ряд депутатов социал-демократической фракции выдвинул требование отозвать из правительства своих представителей.

В это время у «мирной оппозиции» полным ходом шла подготовка создания альтернативного официальному правительству эмигрантского комитета, который за-

тем стал бы именоваться финским правительством. Идея создания эмигрантского правительства появилась еще в начале оформления «мирной оппозиции». Тогда планировали создать в Лондоне беспартийное эмигрантское правительство, которое бы «открыто заявило о собственных политических взглядах»⁵²². Даже В. Таннеру предлагали участвовать в нем. «Как-то,— вспоминал он,— высказывал мне такую мысль совсем серьезно один из известных руководителей мирной оппозиции»⁵²³.

Впоследствии идея создания эмигрантского правительства приобрела более четкую направленность. После безрезультатных московских переговоров в 1944 году представители «мирной оппозиции» заметно активизировали свои действия в этом отношении. Выезжавший в то время в Швецию Л. Зиллиакус направил оттуда в Финляндию А. Виртанену письмо, в котором говорилось, что «руководству мирной оппозиции необходимо переместиться в Стокгольм в качестве своего рода эмигрантского правительства и что оно должно начать отсюда быстрее осуществлять идею сепаратного мира»⁵²⁴. По замыслу Зиллиакуса, это правительство должно было иметь в своем составе 6—8 человек и возглавляться Ю. К. Паасикиви. Он сообщал далее, что предусмотрел способ, чтобы перевезти членов правительства через Ботнический залив, а также запаса для правительства денежным фондом в размере 2 млн. крон⁵²⁵.

Предложенная идея не получила поддержки у «мирной оппозиции», поскольку намечавшийся на пост премьер-министра Ю. К. Паасикиви отнесся к предложению «критически, даже с опасением»⁵²⁶. Он отметил, что «в худшем случае последствием этого могли быть беспорядки и даже гражданская война», подчеркнув затем, что «это реально можно рассматривать в качестве последнего шанса»⁵²⁷.

События, однако, развивались в таком направлении, что «мирная оппозиция» была вынуждена прибегнуть к этому «шансу». После соглашения Рюти с Риббентропом в начале июня 1944 года комитет Нюстена начал проработку вопроса об эмигрантском правительстве. По замыслу комитета, цели такого правительства должны быть ограниченными. Имелось в виду «действовать тихо до тех пор, пока в Финляндии не начнутся преследования». С помощью эмигрантского правительства предполагалось давать информацию о том, что «в Финляндии существуют другие взгляды, чем у тех, кто находится у власти. И это, возможно, будет полезно для бу-

дущего»⁵²⁸. Иными словами, предполагалось, что эмигрантское правительство не станет возглавлять антивоенное движение в Финляндии, а должно лишь быть альтернативным официальному правительству и при соответствующей обстановке занять его место. Считалось, что в эмигрантское правительство, или комитет, как его еще называли, должны войти наряду с Ю. К. Паасикиви Эро Вуори (или Э. Кильпи), М. Гуллихсен, О. Гарц⁵²⁹.

К этому времени у Ю. К. Паасикиви изменилось отношение к комитету. По свидетельству А. Виртанена, «даже осторожный Паасикиви обдумывал в это время крайние меры: открыто объявить войну правительству, опираясь на Швецию»⁵³⁰. Из дневников Ю. К. Паасикиви видно, что в новых условиях он благосклонно стал относиться к осуществлению «эмигрантской идеи», хотя сам все же не считал возможным участвовать в ее реализации⁵³¹. И здесь можно согласиться с мнением Х. М. Вийталы, что, «очевидно, Ю. К. Паасикиви не считал заслуживающими внимания планы Зиллиакуса с эмигрантским правительством, чтобы связывать с ним свое имя, но оценивал как реалистические мысли группы Нюстена и полезность их для страны»⁵³².

С целью получения согласия в Швеции на создание там эмигрантского правительства в Стокгольме в середине июля выезжали три деятеля «мирной оппозиции»: Э. Вуори, Э. Кильпи и Ю. О. Седерхольм⁵³³. О результатах поездки Ю. К. Паасикиви записал в своем дневнике так: «В шведских правительственных кругах считают, что, видимо, для Финляндии было бы выгодно, если бы в Стокгольме находился один или несколько человек»⁵³⁴. Из указанной записи можно понять, что в Швеции не отвергали идею пребывания там представительства от «мирной оппозиции». Но прямо об эмигрантском правительстве у Паасикиви не сказано.

Да и обстановка к тому времени заметно изменилась. Из упоминавшейся беседы в Стокгольме посланника Швеции в Финляндии Х. Г. Бек-Фрииса с А. М. Коллонтай стало ясно, что советской стороной не воспринималась идея создания эмигрантского правительства или «комитета Свободная Финляндия». Коллонтай прямо дала понять, что в сложившихся условиях проблему достижения мира требуется решать в самой Финляндии⁵³⁵. То, что советский посланник продолжала придерживаться указанного мнения, подтвердили позднее представителям «мирной оппозиции» ответственный

сотрудник шведского посольства Н. Линдхилл и банкир М. Валленберг⁵³⁶.

Сообразуясь с такой обстановкой, «мирная оппозиция» решила сосредоточить усилия на том, чтобы безотлагательно добиться прихода к власти нового руководства. Она, по словам Блюхера, прямо так «развернула наступление против правительства»⁵³⁷. Насколько эффективными были такие действия «мирной оппозиции», судить позволяет достигнутый к началу августа 1944 года результат: вопрос о смене финляндского руководства был поставлен в плоскость практического решения.

Конечно, было бы упрощением объяснять происшедшее лишь усилиями «мирной оппозиции». Кризис государственного руководства Финляндии стал следствием провала всей его политики — внутренней и внешней, понесенного крупного поражения финской армии летом 1944 года. Что же касалось значимости действий «мирной оппозиции» на данном этапе, то это не вызывает сомнений. Связанная с верхушечными слоями страны, она заметно воздействовала на общую атмосферу в парламентских и правительственных кругах при принятии политических решений.

Это учитывали за рубежом. В Швеции, в частности, имели доверительные контакты с финскими оппозиционными деятелями и даже, минуя правительство Финляндии, передавали им нередко важную внешнеполитическую информацию. Так, получив в середине июля от шведских дипломатов сведения о позиции Советского Союза относительно возможности достижения мира с Финляндией, представители «мирной оппозиции» стремились склонить К. Г. Маннергейма и некоторых других влиятельных деятелей⁵³⁸ к тому, чтобы без промедления решить вопрос о создании нового правительства, которое могло бы пойти на прекращение войны.

В это время военно-политическая обстановка для Финляндии еще более ухудшилась. Советские войска, ведя бои на подступах к Прибалтике, 26 июля освободили Нарву. Это, по заявлению министра иностранных дел Х. Рамсая, создало для Финляндии «новую ситуацию»⁵³⁹. Гитлеровское командование вынуждено было 28 июля отозвать свою 112-ю дивизию из Финляндии, переброшенную ранее под Выборг из Эстонии⁵⁴⁰. В финской ставке все яснее понимали, что ни о какой реальной помощи со стороны Германии не могло быть и речи. В свою очередь, и Гитлеру нельзя было думать

о какой-либо существенной для Германии опоре в Финляндии на пронацистски настроенные круги. Немецкий историк профессор Манфред Менгер отмечает, что в финских общественных кругах «политический вес и реальная база фашистских сил была незначительной»⁵⁴¹.

Оттягивание военно-политическими кругами Финляндии решения о выходе из войны со ссылкой на опасность оккупации ее Германией не имело под собой почвы. Разрабатывавшийся ранее верховным командованием вермахта план операции «Таннэ»⁵⁴², согласно которому при поддержке финских коллаборационистов предусматривался захват Южной и Западной Финляндии, был уже нереальным. Таким его сделала боевая обстановка в Прибалтике. Находившиеся же в Лапландии немецкие войска не имели для этого возможности, так как вынуждены были держать против Красной Армии фронт в Заполярье.

В конце концов в политических и военных кругах Финляндии пришли к мнению, что настал момент, когда соглашение с «третьим рейхом» надо ликвидировать и решать вопрос с выходом из войны. Развал гитлеровского блока, революционные события в ряде стран, являвшихся сателлитами фашистской Германии, вызывали в финских верхах опасения, что затяжка с решением вопроса о мире может привести страну к такому внутриполитическому кризису, который будет чреват полным крахом для правящих кругов⁵⁴³.

Под напором противников войны, в обстановке нарастания страха перед военным поражением у правых сил и боязни утратить свои государственные позиции в стране ускорилось принятие новых решений. В узком кругу политического и военного руководства была достигнута договоренность, что Рюти уйдет с поста президента в отставку и будет произведена смена правительства. В новые президенты прочили Маннергейма⁵⁴⁴.

Конец „братства по оружию“

1 августа в Хельсинки было официально объявлено об оставлении Рюти поста президента в связи с «ухудшением состояния здоровья». Одновременно последовало решение поставить на обсуждение в парламенте вопрос об утверждении закона о назначении президента без обычных по конституции выборов. 4 августа парламентарии приняли этот закон⁵⁴⁵ и на следующий день утвердили новым президентом К. Г. Маннергейма. За

ним сохранялся пост главнокомандующего вооруженных сил. Тем самым сосредоточивалось в одних руках политическое и военное руководство в стране. «В нормальных условиях,— отмечал В. Войонмаа,— подобное событие следовало бы рассматривать как государственный переворот»⁵⁴⁶.

Чем объяснить, что кандидатура Маннергейма на пост главы государства оказалась самой приемлемой? Здесь, очевидно, несколько причин. Маннергейму доверяли и крайне правые круги, и «мирная оппозиция». Бытовало мнение, что в Советском Союзе его рассматривают как деятеля, способного вывести страну из войны. В Германии не допускали мысли, что такой закоренелый враг коммунизма, как финский маршал, мог договориться с СССР. То есть получалось, что господствующим классам Финляндии Маннергейм оказался подходящим в данный момент для поста президента и с внутривнутриполитической и с внешнеполитической точек зрения. Представленное в нем единство политического и военного руководства рассматривалось как условие для предотвращения дальнейшего раскола в обществе и стабилизации положения в стране в целом.

Обстоятельства, связанные со вступлением К. Г. Маннергейма на пост президента Финляндии в весьма критический момент, и его последующая роль в решении острых проблем войны и мира многократно обсуждались в финской литературе и периодической печати. При этом делались нередко однозначные выводы: он показывается как чуть ли не родоначальник нового внешнеполитического курса Финляндии. В частности, военный историк В. Тервасмяки безапелляционно называет Маннергейма «архитектором мира» и пишет, что он «думал о мире» и «возможности достижения мира» уже «с самого начала войны»⁵⁴⁷. Газета же «Мааканса» писала: «Когда в 1944 г. президентом стал Маннергейм, то тогда окончательно и определилась линия Паасикиви»⁵⁴⁸.

Такого рода утверждения весьма далеки от истины. Сошлемся на сказанное о Маннергейме тогдашним премьер-министром Э. Линкомиесом: «Маннергейм рисовался в представлении многих своего рода мирным президентом, тогда как Рюти изображался продолжателем прежнего курса. Такое представление является беспочвенным, даже ложным. Собственно, во взглядах между Рюти и Маннергеймом не было никакой разницы... Маннергеймом не больше чем Рюти употребля-

лись магические слова о необходимости окончания войны... Его имя представляло собою прежде всего символ, вокруг которого все должны были объединиться...»⁵⁴⁹

Когда встал вопрос о формировании нового правительства, Маннергейм, отражавший прежние взгляды политического и военного руководства, не привлек в его состав представителей «мирной оппозиции». Ни один из деятелей, выступавших за улучшение отношений с Советским Союзом, в частности Ю. К. Паасикиви, У. К. Кекконен и другие, не был допущен в него. В объявленном 8 августа составе нового правительства, которое возглавил известными своими прогерманскими взглядами представитель Коалиционной партии А. Хакцель, более чем наполовину были министры прежнего кабинета.

Такой подход к формированию правительства свидетельствовал о незначительности происшедших изменений. Маннергейм, несомненно, знал, сколь решительно в начале августа деятели «мирной оппозиции» выдвигали требование не допустить сохранения в правительстве министерских постов за лицами, поддерживавшими военный курс и причастными к соглашению с Риббентропом⁵⁵⁰. «У Маннергейма не обнаружилось способности давать правильную критическую оценку,— писал в те дни в своем дневнике Ю. К. Паасикиви.— По всему видно, что Маннергейм не имеет действительно ясного представления о людях и обстановке»⁵⁵¹. Таким образом, сложившееся положение не предвещало, что вопрос о мире будет решен без промедления.

И действительно, выход Финляндии из войны затянулся на целых полтора месяца. Финское руководство по-прежнему стремилось быть преданным Германии. Цензура получила от властей указание не препятствовать дальнейшей прогитлеровской пропаганде и распространению поступавших из Берлина информационных материалов. Проявлялась забота о том, чтобы не подорвать «веру в успешное для Германии окончание войны»⁵⁵².

Тем не менее уход Рюти в отставку вызвал в Берлине беспокойство. По указанию Гитлера в Хельсинки сразу же вылетел командующий группой армий «Север» Х. Шернер⁵⁵³, чтобы оценить там обстановку. В германской разведке, в министерстве иностранных дел и у посланника Блюхера складывалось мнение, что Маннергейм не будет придерживаться обязательств, которые были взяты Рюти⁵⁵⁴.

В Хельсинки тоже пристально следили за действиями Германии. Финское руководство пыталось понять реакцию Берлина на происшедшие в стране перемены и разгадать, не замышляют ли там какой-либо вооруженной акции против Финляндии.

Вместе с тем антивоенные настроения в стране достигли наивысшего накала. Надежда на скорый мир теперь выражалась повсеместно. Особенно ждали поворотного решения в войсках. «Чуть ли не везде считают, что мир приближается... более прежнего проявляется страстное ожидание мира» — так характеризовалось положение в частях финской армии 5 августа в одном из донесений в ставку⁵⁵⁵.

В связи с затяжкой принятия правительством решения о выходе из войны начали раздаваться голоса о необходимости отстранения Хакцеля с поста премьер-министра. К осени — зиме 1944 года, считает финский историк М. Туртола, промедление с заключением мира могло иметь серьезные последствия для правительства и привело бы к «падению авторитета Маннергейма»⁵⁵⁶.

Во второй половине августа Маннергейм решил сообщить Германии относительно дальнейших намерений Финляндии. Это произошло 17 августа, когда в Хельсинки прибыл генерал-фельдмаршал В. Кейтель для встречи с финским президентом. Официально посздка была предпринята под видом вручения Маннергейму фашистской награды. Фактически же имела целью выяснить взгляды финского руководства на перспективы Финляндии в ее военном сотрудничестве с Германией.

Гитлеровский генерал был уведомлен Маннергеймом о том, что он, как президент, не считает себя связанным обязательствами, взятыми его предшественником 26 июня 1944 года, поскольку большинство финского народа отвергает их⁵⁵⁷. На это Кейтель ответил, что у него, как военного, нет полномочий рассматривать политические вопросы⁵⁵⁸. В Берлине же сделали вид, что ничего не случилось, и дали указание своему посланнику Блюхеру исходить из наличия июньского соглашения и игнорировать высказывание Маннергейма⁵⁵⁹. Германия не предпринимала мер экономического давления на Финляндию, как это бывало прежде. В течение августа в финские порты поступали зерно и военные материалы. Было видно, что гитлеровское руководство всячески хотело избежать такого рода действий со стороны Финляндии, которые могли бы ускорить процесс выхода ее из войны.

Это, однако, не означало, что у Берлина не было планов иным способом обеспечить использование Финляндии в стратегических целях, предусматривавшихся вермахтом в Северной Европе. Не исключалось в случае выхода Финляндии из войны получить поддержку у части финской армии для совместных действий с германскими войсками. В таком направлении с начала августа развернуло нелегальную работу ведомство Гиммлера. 8 августа оно дало указание своей агентуре в Финляндии использовать все каналы для того, чтобы упрочить связи с теми финскими кругами, которые готовы совместно с Германией продолжать войну. Наряду со службой безопасности рейха к этой работе были подключены немецкие дипломаты и командование 20-й горной армии в Северной Финляндии⁵⁶⁰. Несколько раньше немецкая разведка начала заготовку топографических карт территории Финляндии. В Германии собирались поставить командовать финскими силами генерала Сийласвуо, который, будучи командиром III финского армейского корпуса, был прежде подчинен немецкому генералу Фалькенхорсту в Лапландии, или прогермански настроенного генерала Айро⁵⁶¹, являвшегося начальником главного штаба финской армии.

В свою очередь, Маннергейм предпринимал меры противодействия возможным акциям Германии. Специально были выделены силы для защиты столицы на случай попытки захвата ее. 17 августа из ставки последовал приказ о переброске особого батальона для защиты Аландских островов⁵⁶².

Швеция стремилась использовать дипломатические каналы и экономические рычаги, чтобы побудить финское руководство отказаться от проволок и начать переговоры с Советским Союзом. Об этом 16 августа в Хельсинки вел речь бывший пресс-атташе шведского посольства в Финляндии Г. Гранберг. В его информации, переданной правительству Финляндии и «мирной оппозиции», указывалось, что советские дипломаты в Стокгольме, с которыми он встречался, выражали недоумение выжидательной позицией нового финского руководства, длящейся уже более двух недель⁵⁶³. Гранберг стремился ускорить принятие правительством Финляндии решения об установлении контактов с Советским Союзом. Со стороны шведского правительства последовало заверение финского руководства относительно готовности предоставить Финляндии в случае необходимости помощь продовольствием и сырьем⁵⁶⁴. Естественно-

но, что такая необходимость могла возникнуть при разрыве экономических связей с Германией.

Теперь уже, как отмечает профессор О. Вехвилянен, «в правительственных и парламентских кругах начало пробуждаться беспокойство из-за медлительности президента»⁵⁶⁵. Было ясно, что фактор времени в решении вопроса о мире приобретал исключительно важное значение. Развернувшееся наступление советских войск в Прибалтике, Польше и на Балканах, а союзников во Франции подвело Германию на грань катастрофы. В результате начавшегося в конце августа Народного вооруженного восстания в Румынии был свергнут существовавший там реакционный режим. Гитлеровский блок развалился.

24 августа Маннергейм принял наконец решение установить контакт с Советским Союзом. На следующий день посланник в Швеции Грипенберг получил распоряжение передать по дипломатическим каналам обращение к Советскому правительству с просьбой принять финскую делегацию для ведения переговоров в Москве. Когда Грипенберг вручал обращение посланнику СССР в Швеции Коллонтай, то сообщил при этом о заявлении, сделанном Маннергеймом Кейтелю⁵⁶⁶. Одновременно финскому посланнику в Берлине было дано указание заявить правительству Германии, что Финляндия не считает себя связанной принятыми ранее обязательствами⁵⁶⁷.

29 августа Советское правительство дало согласие принять финскую делегацию в Москве при условии, что Финляндия порвет отношения с Германией, публично заявив об этом, и предъявит ей требование о выводе своих войск с финской территории до 15 сентября. В противном случае оставшиеся гитлеровские воинские части должны были быть разоружены и переданы союзникам в качестве военнопленных⁵⁶⁸. Все остальные вопросы предлагалось разрешить во время переговоров.

Выдвинутые Советским Союзом условия, как и прежде, не встретили положительного отклика у финляндского руководства. При решении проблемы выхода из войны оно не хотело вступать в конфликт с Берлином и тем более использовать силу по отношению к немецким войскам в Лапландии.

30 августа Маннергейм созвал совещание с участием как нового состава правительства, так и прежних руководителей для обсуждения полученного из Москвы ответа. Было решено продолжить обмен мнениями с пра-

вительством СССР⁵⁶⁹. Советскому посланнику в Швеции была передана просьба Финляндии дать дополнительные пояснения для уточнения ранее данного ответа в связи с немецкими войсками в Лапландии.

Хотя Советским Союзом были сделаны четкие и обстоятельные разъяснения, с финской стороны последовали новые вопросы. Это создавало впечатление даже у шведских дипломатов, игравших роль связующего звена, что такого рода действия Финляндии могут привести к срыву намечавшихся переговоров, если в Москве истолкуют поведение финнов «как проявление недостаточного желания»⁵⁷⁰.

Наступило 2 сентября. В этот день финляндский парламент должен был обсуждать на закрытом заседании вопрос о выходе Финляндии из войны. К тому времени из Лапландии прибыл в Хельсинки командующий 20-й немецкой горной армией генерал-полковник Л. Рендулич. Он хотел выяснить окончательную позицию финского руководства и оказать на него давление: ведь под его командованием находилась 200-тысячная армия.

В беседе с Маннергеймом немецкому генералу не удалось, однако, достигнуть своей цели. Финский маршал «не раскрыл своих карт»⁵⁷¹, хотя Рендулич в разговоре с Маннергеймом не избегал угрожающего тона⁵⁷².

На начавшемся заседании парламента премьер-министр А. Хакцель изложил точку зрения правительства относительно перспективы достижения мира, поставил вопрос о принятии парламентом предварительных условий Советского Союза. Касаясь способа объявления решения о разрыве отношений с Германией, Хакцель считал, что это необходимо сделать в лояльной форме, чтобы у финнов «осталась благодарная память» о «братстве по оружию»⁵⁷³.

Хотя премьер-министр с сожалением говорил о необходимости идти на разрыв отношений с Германией и необходимости вести переговоры с СССР, доклад правительства встретил нескрываемое раздражение у крайне правых представителей парламента. Они требовали отказаться от посылки делегации в Москву и продолжать войну на стороне фашистского рейха. Депутат от Коалиционной партии П. Вирккунен, решительно выступая против разрыва с гитлеровской Германией, заявил: «Мы в течение всего периода независимости, в условиях бурной четвертьвековой истории шли в кильватере Германии. Мы делали так, поскольку у нас были для этого

глубокие убеждения, поскольку ее внешнеполитические позиции являлись естественными для Финляндии и почти жизненно необходимыми для ее будущего»⁵⁷⁴.

В таком же духе выступили представители фашистской партии «Патриотическое народное движение». Но, несмотря на противодействие крайне правых, итоги голосования оказались не в их пользу. 113 голосами против 43⁵⁷⁵ было санкционировано начать переговоры с СССР исходя из предложенных им условий.

Вскоре после заседания парламента Маннергейм направил Гитлеру послание, в котором выражал «теплые слова признательности по адресу немецкой армии» и в тоне провинившегося школьника сообщал, что Финляндия решила прекратить войну⁵⁷⁶. Одновременно министр иностранных дел К. Энкель имел беседу с немецким посланником В. Блюхером, а К. Г. Маннергейм и руководящий финский генералитет — с германскими военными представителями. На обеих встречах в исключительно деликатной форме было сообщено о решении Финляндии прекратить войну и высказано пожелание, чтобы немецкие войска в двухнедельный срок покинули Финляндию⁵⁷⁷. «Это был,— писал Блюхер в своих воспоминаниях,— самый мрачный момент в истории взаимоотношений между Финляндией и Германией... Так закончилось братство по оружию, продолжавшееся три года и два месяца»⁵⁷⁸.

Решение парламента о выходе Финляндии из войны было поздно ночью объявлено по радио премьер-министром А. Хакцелем. Заявив, что немецким войскам предложено покинуть Финляндию⁵⁷⁹, он, однако, ничего не сказал о разрыве отношений с Германией. По всему чувствовалось желание не «обидеть» ее.

Учитывая сделанное Финляндией заявление, Советский Союз 3 сентября вновь подтвердил свое требование о необходимости разрыва ею отношений с Германией. При этом была выражена готовность помочь Финляндии изгнать с ее территории немецкие войска, если у нее возникнут сложности в этом⁵⁸⁰.

В такой ситуации финскому руководству не оставалось ничего другого, как согласиться с предварительными условиями Советского Союза. К тому же со стороны Германии проявились уже ответные решительные меры по отношению к своему бывшему «брату по оружию»: немецкие представители в Финляндии получили из Берлина приказ прекратить любые контакты с финнами⁵⁸¹.

Вместе с тем гитлеровское руководство еще не оставляло мысли о возможности использовать «пятую колонну» в Финляндии, чтобы повернуть ход событий. «Сразу после того, как отношения были разорваны,— свидетельствовал Блюхер,— я получил от рейхсминистра иностранных дел телеграфное распоряжение попытаться поднять оппозиционные национальные силы страны против политики правительства»⁵⁸². Блюхер ответил Риббентропу на это, что такая возможность исключается.

В ночь на 4 сентября правительство Финляндии передало по радио заявление о том, что полностью принимает советские условия, а в 8 часов утра финские войска по распоряжению командования прекратили военные действия. По всей линии фронта появились белые флажки, финские солдаты группами без оружия подходили к переднему краю обороны советских войск и восторженно кричали: «Мир! Конец войне!»⁵⁸³ Через сутки распоряжение о прекращении военных действий с Финляндией поступило также от советского командования войскам Ленинградского и Карельского фронтов.

Теперь предстояло сделать так, чтобы, как говорил Ю. К. Паасикиви, оказалось «пером восстановлено то, что было разрушено мечом»⁵⁸⁴. 7 сентября финская делегация в составе премьер-министра А. Хакцеля, министра обороны генерала Р. Вальдена, начальника генштаба А. Хейнрикса, генерала О. Энкеля, а также ряда экспертов вылетела в Москву.

Переговоры начались 14 сентября, после того как Советское правительство согласовало условия перемирия с союзниками. Финляндия к этому времени должна была принять необходимые меры по выдворению из страны немецких войск. Однако она не торопилась с этим. Появилась прежняя тенденция избежать вступления в конфликт с немцами. К 14 сентября из Финляндии эвакуировалось менее половины немецких войск⁵⁸⁵.

В переговорах с советской стороны участвовали: народный комиссар иностранных дел В. М. Молотов (глава делегации); член Государственного комитета обороны и Ставки ВГК Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов; секретарь ЦК ВКП(б), первый секретарь Ленинградского обкома партии, член Военного совета Ленинградского фронта А. А. Жданов; заместители народного комиссара иностранных дел М. М. Литвинов и В. Г. Деканозов; начальник Оперативного управления Генерального штаба Ленинградский полковник С. М. Штеменко и командир Ленинградской

военно-морской базы контр-адмирал А. П. Александров. Со стороны Англии в переговорах участвовали ее посол в Советском Союзе А. Керр и советник посольства Д. Бальфур.

В первый же день переговоров от имени союзников финской делегации были переданы условия соглашения о перемирии. В них предусматривалось прежде всего урегулирование проблем, касающихся отношений Финляндии с СССР и другими странами, которые находились в состоянии войны с ней. Речь шла о восстановлении советско-финляндской государственной границы в соответствии с Мирным договором 1940 года; возвращении Советскому Союзу области Петсамо (Печенги), передаче СССР в аренду полуострова Порккала-Удд для создания там военно-морской базы и возвращение Финляндии ранее арендовавшегося СССР полуострова Ханко; Финляндия должна была выплатить Советскому Союзу репарации в размере 300 млн. долларов и вернуть вывезенное во время оккупации советской территории имущество; возвратить на родину союзных военнопленных; урегулировать с Англией вопрос о денежной компенсации за ее предприятия, находившиеся в районе Петсамо. Излагались меры, которые должна предпринять Финляндия в отношении Германии и ее союзников: предусматривалось разоружение немецких войск, находившихся на финской территории, разрыв с сателлитами фашистской Германии, передача всего имущества Германии и ее союзников Советскому Союзу. Ставились вопросы демилитаризации и демократизации Финляндии. В частности, требовалось перевести финскую армию на мирное положение спустя два с половиной месяца после заключения соглашения, предать суду военных преступников, освободить политических заключенных, распустить и запретить профашистские и военизированные организации. Для контроля за выполнением условий соглашения о перемирии предлагалось создать Союзную контрольную комиссию с местопребыванием в Хельсинки.

После того как финская делегация получила условия соглашения о перемирии, перед ней был поставлен вопрос о ходе выполнения Финляндией ранее взятых ею предварительных обязательств. Последовавший на это ответ финского министра обороны относительно вывода немецких войск с территории Финляндии носил неопределенный характер. Получалось так, что представители Финляндии не знали об обстановке в своей

стране. По мнению английского посла А. Керра, такая «беспомощность» финской делегации выглядела наигранной и притворной⁵⁸⁶.

Вопрос, поставленный советскими представителями, не был случайным. Чувствовалось, что Финляндия не собирается применять силу для изгнания военнослужащих германской армии из своей страны. Что же касалось позиции гитлеровского командования, то оно не собиралось оставлять без боя стратегически важные рубежи. Германия была заинтересована в удержании никелевых рудников в районе Петсамо⁵⁸⁷, а также важных опорных пунктов на островах Финского залива и Балтийского моря. Подтверждением последнему являлся тот факт, что в ночь на 15 сентября немецкий морской десант предпринял попытку захватить в восточной части Финского залива остров Суурсаари (Гогланд). Финский гарнизон отразил это нападение, получив поддержку со стороны авиации Краснознаменного Балтийского флота⁵⁸⁸. Характерно, что гарнизон острова так решительно действовал, не имея на то приказа со стороны финского военного командования.

По-инному, однако, обстояло дело в Северной Финляндии. Советская разведка располагала сведениями о том, что финские войска уклонялись от соприкосновения с частями немецкой армии⁵⁸⁹ и давали возможность германскому командованию концентрировать свои силы на хорошо укрепленных рубежах, особенно в районе Петсамо. Как позднее стало известно, между действовавшим по распоряжению К. Г. Маннергейма представителем финского командования подполковником У. С. Хаахти и начальником штаба 20-й горной армии немцев генералом Х. Хельтером было достигнуто секретное соглашение о проведении операции «Осенние маневры». В соответствии с ним германские части должны были без боя отходить на север, а финские — следовать за ними, избегая конфликтов⁵⁹⁰.

В силу этого на переговорах в Москве положение дел с изгнанием гитлеровских войск приковало к себе особое внимание. Требовались объяснения со стороны финской делегации. Она не могла, однако, дать ответ, какие конкретно предусмотрены действия по выполнению одного из важнейших условий достижения соглашения о перемирии. Не внес ясности в данный вопрос и прибывший из Хельсинки новый глава финской делегации К. Энкель, который заменил А. Хакцеля в связи с его внезапной болезнью.

Во время переговоров, когда обсуждались положения проекта соглашения о перемирии, с финской стороны были предприняты особые усилия, чтобы уменьшить сумму репарационных платежей. Советская делегация объяснила, что слишком значителен материальный ущерб, нанесенный соучастием Финляндии в гитлеровской агрессии против СССР, чтобы говорить о сокращении репараций. Кстати, объем репараций и без того был сокращен. Советский Союз не мог снять с Финляндии ответственность за нанесенный ему огромный материальный ущерб. Глава советской делегации заявил следующее: «Финляндия причинила Советскому Союзу такой ущерб, что лишь результаты блокады Ленинграда в несколько раз превышают требования, которые Финляндия должна выполнить»⁵⁹¹.

Изложенную советской делегацией позицию разделяли союзники по антигитлеровской коалиции, о чем, в частности, заявил в ходе переговоров А. Керр.

Финская сторона стала затягивать переговоры. В силу этого 18 сентября советская делегация вынуждена была прямо поставить вопрос: или представители Финляндии соглашаются принять условия перемирия, или же надо прекратить переговоры. Предлагалось решить этот вопрос не позднее 12 часов следующего дня. Поставленная перед этой дилеммой финская делегация запросила из Хельсинки полномочия для подписания соглашения.

Созвав в 5 часов утра 19 сентября членов правительства на экстренное заседание, Маннергейм пессимистически оценил обстановку. Однако он высказался за то, чтобы вопрос о заключении соглашения о перемирии безотлагательно передать на рассмотрение парламента⁵⁹².

Заседание парламента открылось в 6 часов утра. Собравшиеся две трети его состава заслушали сообщение исполнявшего обязанности премьер-министра Э. Борна об итогах переговоров в Москве. В последовавшей затем дискуссии выступили представители всех парламентских фракций. Против подписания соглашения о перемирии решительно выступили лишь депутаты профашистской партии «Патриотическое народное движение» и Коалиционной партии. Большинство голосов парламента решил предоставить делегации в Москве полномочия для подписания соглашения о перемирии⁵⁹³.

19 сентября в 12 часов дня в Москве А. А. Жданов

и К. Энкель подписали Соглашение о перемирии. Подпись под этим документом советского представителя была сделана от имени СССР, Великобритании и тех стран антигитлеровской коалиции, которые находились в состоянии войны с Финляндией. Так была закрыта последняя страница истории чуждого интересам финского народа сотрудничества с германским фашизмом в агрессивной войне против Советского Союза. Этот антисоветский путь прогерманской ориентации, начавшийся еще в 1918 году, привел Финляндию через трагедию участия во второй мировой войне в стане Гитлера к тяжелому поражению.

Заключенное Соглашение имело исключительно большое значение для становления нового, миролюбивого внешнеполитического курса Финляндии, в осуществлении важнейших демократических преобразований в стране и пресечении поощрявшейся ранее профашистской, реакционно-националистической и милитаристской деятельности. Этот документ обязал Финляндию безотлагательно решить вопрос об очищении страны от гитлеровских войск. Восстановилось действие Мирного договора 1940 года. Предусматривался отвод финских вооруженных сил за пределы установленной им границы с последующей их демобилизацией и переводом на мирное положение в течение двух месяцев. Советскому Союзу возвращалась область Петсамо (Печенга), уступленная Финляндии по Мирным договорам 1920 и 1940 годов. В обмен на отказ от своих прав на аренду полуострова Ханко СССР получил возможность создать в районе Порккала-Удд на арендных правах военно-морскую базу сроком на 50 лет*.

Финляндия обязана была вернуть Советскому Союзу вывезенные в период войны с его территории все ценности, имущество и материалы, которые принадлежали государственным организациям, предприятиям, учреждениям и отдельным гражданам, а также выплатить Советскому Союзу репарации в сумме 300 млн. долларов, лишь частично возмещавших нанесенный ему материальный ущерб во время войны. Размер репараций был определен в два раза меньше той суммы, которая указывалась в условиях соглашения о перемирии, предложенных Советским правительством Финляндии в марте 1944 года во время переговоров в Москве. Уста-

* Как известно, Советский Союз в 1955 году досрочно возвратил Финляндии арендовавшийся у нее район Порккала-Удд.

новленная сумма репарационных платежей не покрывала и десятой доли прямого ущерба, нанесенного народному хозяйству Советской Карелии, не говоря уже о том уроне, который был нанесен Финляндией Ленинграду и Ленинградской области. По далеко не полным данным, общая сумма прямого ущерба, нанесенного оккупантами Советской Карелии во время войны, превышала 20 млрд. рублей⁵⁹⁴, а 300 млн. долларов составляли менее 2 млрд. рублей.

Особо важное значение в Соглашении о перемирии имели те положения, от выполнения которых зависело дальнейшее послевоенное устройство внутривнутриполитической жизни в Финляндии на демократической основе и создание в стране условий, которые исключали бы возможность повторения реакционно-националистическими силами враждебных, агрессивных действий в отношении Советского Союза. Финляндия обязалась немедленно распустить все прогитлеровские (фашистского типа) политические, военные, военизированные и другие организации, которые вели по отношению к Советскому Союзу и к Объединенным Нациям враждебную пропаганду. Лиц, обвиняемых в военных преступлениях, предусматривалось привлечь к судебной ответственности.

На основе Соглашения лица, которые в Финляндии содержались в заключении в связи с их деятельностью в пользу Объединенных Наций или за их содействие делу Объединенных Наций, подлежали немедленному освобождению. Финляндский парламент должен был отменить всякое дискриминационное законодательство и вытекающие из него ограничения. Следовательно, открывалась возможность демократическим силам страны выйти из подполья и развернуть широкую легальную деятельность в интересах мира, становления нового курса во внутренней и внешней политике.

Для контроля за выполнением положений Соглашения о перемирии в Хельсинки учреждалась Союзная контрольная комиссия. Председателем ее вскоре был назначен А. А. Жданов.

Заключенное с Финляндией Соглашение о перемирии вызвало многочисленные отклики государственных и политических деятелей, различных органов печати в целом ряде стран. Прежде всего подчеркивалось, что у Советского Союза не проявилось по отношению к Финляндии ни малейшего стремления ущемить ее государственный суверенитет и национальную независимость.

Премьер-министр Англии У. Черчилль, выступая 28 сентября в палате общин, обратил особое внимание на «сдержанность, характеризующую советские условия»⁵⁹⁵.

На умеренность советских условий указывали различные ведущие органы печати США и Англии. Английский еженедельник «Спектейтор» подчеркивал, что Советский Союз не проявил в отношении Финляндии «даже намека на стремление к мщению»⁵⁹⁶. Хотя, отмечали многие газеты и агентства печати, Финляндия не могла не нести серьезной ответственности за урон, нанесенный оккупацией советской территории, за соучастие с фашистской Германией в жесточайшей блокаде Ленинграда и гибели сотен тысяч жителей⁵⁹⁷.

В зарубежной печати обращалось внимание на важное значение Соглашения о перемирии для дальнейшего обеспечения спокойной, мирной обстановки у советско-финляндских рубежей. В направленности этого документа, по словам шведской газеты «Гнетевбергс хандельстиднинг», чувствовалось стремление Советского государства «застраховать себя от того, чтобы его северный сосед снова не предоставил свою территорию как плацдарм для нового нападения и сам бы не примкнул к агрессорам»⁵⁹⁸. Аналогичную мысль высказывал норвежский профессор Иоган Фогт в своей работе «Россия и Север», изданной в 1945 году. Советский Союз, писал он, «пошел на мягкий мир» с Финляндией, чтобы «иметь в Хельсинки дружественно настроенное правительство, которое не дало бы себя использовать для нового нападения на Россию»⁵⁹⁹.

Влиятельные политические и общественные деятели Финляндии особо подчеркивали мысль о том, что Соглашение о перемирии обеспечило свободу и независимость финскому народу. У. К. Кекконен в выступлении по радио 25 сентября 1944 года оценил Соглашение о перемирии как документ, который обеспечивает Финляндии государственную свободу. «Финский народ,— говорил он,— стоит у начала predeterminedного ему нового политического пути. Впереди нет готовых широких дорог — мы должны проложить новый путь...»⁶⁰⁰

Советская печать обращала особое внимание на важность Соглашения о перемирии для решения перспективных задач развития советско-финляндских отношений. Отвечая на вопросы некоторых советских граждан, спрашивавших о том, не являются ли условия перемирия с Финляндией чересчур снисходительными, журнал

«Война и рабочий класс» писал 1 октября 1944 года: «Требовать большего от Финляндии было бы нецелесообразно потому, что это скорее бы затруднило, чем облегчило установление с нею добрососедских отношений в интересах прочного мира. А Советский Союз заинтересован в прочных мирных отношениях с соседними странами, и поэтому дальновидная советская политика не может не стремиться к установлению таких отношений и с Финляндией»⁶⁰¹.

Линия Советского Союза в отношении Финляндии была совершенно четкой: во-первых, осуществить меры, обеспечивающие на будущее безопасность своих северо-западных рубежей; во-вторых, создать благоприятные условия для установления в отношениях с Финляндией обстановки добрососедства и сотрудничества.

Оценка Соглашения о перемирии не была, однако, однозначной. Правые круги в Финляндии и их «друзья» на Западе пытались развернуть кампанию осуждения многих положений Соглашения, доказывая «невыполнимость» репарационных платежей, сокращаясь по поводу «опасных» для независимости страны требований, направленных на осуществление демократизации, привлечение к суду военных преступников и т. д. Секретарь кабинета министров Швеции Э. Бухеман высказался таким образом, что Соглашение будто бы является «для Финляндии концом независимости и превращением страны в протекторат Советского Союза»⁶⁰². Показательным было также нежелание государственного секретаря США К. Хэлла дать публичную оценку заключенному соглашению. На пресс-конференции в Вашингтоне 21 сентября он уклонился от этого, сказав, что «еще недостаточно изучил данный документ»⁶⁰³.

В финской буржуазной печати того времени и в выступлениях отдельных политических деятелей сквозила мысль, что правящие круги Финляндии пошли на подписание Соглашения о перемирии, руководствуясь лишь чувством самосохранения. Искусственно создавалась атмосфера ожидания какой-то опасности. «В некоторых кругах нашей страны,— отмечал Ю. К. Паасикиви,— господствовали страх и неуверенность относительно будущего»⁶⁰⁴.

Все это не предвещало штиля во внутривнутриполитической обстановке в Финляндии. Последующие события показали, что необходима была борьба за осуществление положений Соглашения, за достижение на деле поворота политики страны от войны к миру.

ОТ ВОЙНЫ К МИРУ**Бои в Лапландии**

После заключения Соглашения о перемирии Финляндия не могла еще в полной мере считать себя вне войны. Вся северная часть страны — Лапландия — была фактически оккупирована войсками 20-й горной армии немцев. Необходимо было очистить Заполярье от гитлеровских частей.

Союзная контрольная комиссия (СКК), приступившая к выполнению своих обязанностей в Финляндии с 23 сентября¹, потребовала принятия безотлагательных мер по интернированию или изгнанию немецких войск. В письменном уведомлении, сделанном 30 сентября руководством СКК правительству Кастрена, требовалось представить в тот же день план проведения финскими войсками операции в Северной Финляндии против германской армии. При этом указывалось на необходимость начать активные боевые действия не позднее утра 1 октября 1944 года².

Финская ставка возложила руководство войсками, предназначенными для проведения этой операции, на командира III армейского корпуса генерал-лейтенанта Я. Сийласуо, хорошо знавшего Лапландию. В его подчинение передавались три пехотные и одна танковая дивизии, а также две пехотные бригады. Сухопутные войска должны были поддерживать эскадрилья истребителей и полк бомбардировщиков. Общая численность группировки войск составляла 75 тыс. человек³.

В сложившейся обстановке боевые действия финской армии приобретали совершенно иной характер, поскольку, как констатировал президент Мауно Койвисто сорок лет спустя, «Финляндия участвовала на стороне союзных держав, подрывая военную машину нацистской Германии»⁴. Такая метаморфоза с поворотом оружия против недавнего своего патрона — старшего «брата по оружию», — конечно, являлась для военно-политических кругов Финляндии противоестественным делом. По-

этому они шли на это с трудом, что выразилось в замедленности процесса освобождения Лапландии от немецко-фашистских войск. Заявление о том, что Финляндия находится в состоянии войны с Германией, было сделано ею лишь спустя полгода, 4 марта 1945 года⁵.

Начавшееся в октябре 1944 года наступление финских войск в приботнической части Северной Финляндии явилось неожиданным для командования 20-й немецкой горной армии, основные силы которой находились у побережья Баренцева моря и вели бои с советскими войсками в районах Саллы, Кестеньги и Ухты, пытаясь удержать в своих руках никелевые рудники Петсамо и закрепиться на рубежах Норвегии. Фронт растянулся на 800 километров. Преследовавшие противника советские части вышли к государственной границе с Финляндией к 30 сентября.

В это время группировка финской армии, сосредоточившись в районе Оулу, начала операцию с целью прорыва вдоль побережья Ботнического залива к Кеми-Торнео. В ночь с 30 сентября на 1 октября 3-й пехотной дивизией под командованием генерал-майора А. Пайяри был высажен морской десант южнее Торнио. После захвата города финские части стали с боями продвигаться в северном и восточном направлениях. Впоследствии генерал Рендулич писал: «1 октября одна финская дивизия высадилась в районе Торнио. Быстро перебросенная туда дивизия «К» вступила в бой, но на трудной местности оттеснить финнов не смогла»⁶.

В район Торнио дополнительно была десантирована 11-я пехотная дивизия генерал-майора К. А. Хейсканена. Финские войска в ходе ожесточенных боев с немецкими частями добились их окружения севернее города и через день вынудили сдаться.

Соединения 20-й горной армии, пытаясь приостановить дальнейшее продвижение 3-й и 11-й финских пехотных дивизий, начали уничтожать мосты и разрушать дороги, минировать местность. 8 октября после взятия города Кеми произошло соединение финских частей, наступавших на город с юго-востока и из района Торнио.

В дальнейшем танковая, а также 3-я и 6-я пехотные дивизии финнов развернули наступление на губернский центр Лапландии и важный узел коммуникаций Рованиеми. «Атака, предпринятая финнами на Кеми и Торнио, с одновременным ударом через Пудасярви на Рованиеми вызвала у нас серьезные затруднения,— при-

знавал впоследствии начальник штаба 20-й горной армии генерал Х. Хельтер.— Они сковали все наиболее бое-способные подвижные части, которые через несколько дней необходимо было использовать на Крайнем Севере в качестве резервов»⁷.

13 октября финские войска вышли на подступы к Рованиеми, но здесь встретили серьезное сопротивление. Предпринятая Сийласвуо попытка крупными силами окружить противника не удалась⁸. Оставляя Рованиеми, немецкие части 14 октября полностью сожгли его.

На прибоотническом участке 11-я пехотная дивизия после взятия 14 октября пограничного со Швецией поселка Юлиторнио стала продвигаться в северо-западном направлении и к концу месяца овладела населенным пунктом Муонио, находившимся в 90 километрах от границы с Норвегией. В то же время на востоке, вблизи границы с Советским Союзом, финская пограничная егерская бригада заняла районы Куусамо, Саллы и достигла Савукаси.

Части 18-го немецкого армейского корпуса, отходившие из южной части Лапландии, подвергали почти полному уничтожению населенные пункты на ее территории. Это вызывало гнев и возмущение финской общественности. «Немцы приступили к организованному уничтожению Северной Финляндии! — писал в своем дневнике писатель Олави Пааволайнен. — Отношение наше сразу стало яро антинемецким...»⁹

Финские войска продвигались вперед, следуя, по словам Рендулича, «по пятам 18-го корпуса»¹⁰. Немецкие части отходили в начале ноября на север и северо-запад от Рованиеми к имевшимся у них укрепленным позициям южнее озера Инари. Существенного сопротивления при этом не оказывалось.

Быстрый отход немецкой группировки обуславливался тем, что перешедшие 7 октября в наступление советские войска на петсамо-кирккенесском направлении прорвали сильно укрепленную полосу обороны и уже 15 октября овладели городом Петсамо (Печенгой). «Вырвавшийся из окружения остатки разбитых фашистских частей, ускользнувшие от разгрома, — писал командующий Карельским фронтом К. А. Мерецков, — потянулись к Северной Норвегии»¹¹.

Через неделю советские войска взяли поселок Никель и вслед за этим вышли к государственной границе с Норвегией. Не останавливаясь, они начали освобож-

дение от фашистских оккупантов ее северных районов и 25 октября с боем овладели городом Киркенесом. Отступавшая 20-я горная армия, отмечал профессор Олли Вехвиляйнен, «лишь чудом уцелела»¹².

Руководство Союзной контрольной комиссии в Финляндии считало, что в условиях успешно развивавшегося наступления советских войск в Заполярье финские части могли бы вести более активные боевые действия. В этой связи председатель СКК А. А. Жданов сделал представление К. Г. Маннергейму, который в свою очередь поставил соответствующую задачу перед генералом Я. Сийласуо¹³. Но от этого темп продвижения финских войск не увеличился. Они по существу лишь следовали за отходившими немецкими частями, не вступая с ними в боевые действия.

В таких условиях финские войска продвинулись в первой половине октября на севере до рубежа озера Инари, а 20 ноября вышли к государственной границе с Норвегией в районе Утсйоки. На северо-западе, у стыка границ со Швецией и Норвегией, они к концу ноября достигли района Каресуандо и остановились перед немецкими долговременными укреплениями «Китдаль»¹⁴. В течение нескольких месяцев оставался не освобожденным от немецких войск район Кильписярви. Последние оккупанты покинули его лишь в апреле 1945 года. Каждая из сторон в ходе боев в Лапландии потеряла до 4 тыс. человек¹⁵.

В итоге тяжкое преступление правящих кругов, пустивших в страну в 1940 году втайне от народа и за спиной парламента германские войска, дорого обошлось Финляндии. Большая часть Лапландии, где находилась немецкая группировка, по приказу командующего 20-й горной армии Рендулича подверглась сплошному разрушению. Были уничтожены шоссейные и железные дороги, мосты, паромные переправы, средства связи, общественные здания и жилые дома. Были превращены в руины от 40 до 47 процентов жилых построек, а в некоторых районах, где крупные населенные пункты (Рованиemi, Энонтэки, Савукоски, Киттиля, Муонио и другие), подверглись почти полному уничтожению, урон составлял 90 процентов¹⁶. Тысячи людей Северной Финляндии остались без крова, имущества и средств для существования.

Иногда в Финляндии высказывается предположение, что если бы финская армия не пыталась освободить Лапландию от германских войск, то они не проводили

бы свою «тактику выжженной земли». Это не совсем так, если вспомнить распоряжение Гитлера, последовавшее 5 сентября 1944 года после того, как финская армия прекратила боевые действия против Советского Союза. В связи с отводом немецких войск он приказывал «уничтожить имущество» как в Южной, так и в Северной Финляндии¹⁷. Следуя этому требованию, немецкий гарнизон, покидая на юге страны аэродром Пори, уничтожил имевшиеся там сооружения¹⁸. Командующий 20-й горной армией Л. Рендулич, отдавая своим войскам приказ об уничтожении населенных пунктов и коммуникаций в Лапландии, действовал на основании указания Гитлера.

Уничтожение жилых и общественных зданий, других невоенных объектов не вызывалось военной необходимостью и не способствовало задержанию финских войск. Это была месть гитлеровского руководства за то, что Финляндия вышла из войны. Таким был самый последний аккорд немецко-финского «братства по оружию».

Переход к миру

Военно-политическая обстановка в Европе все нагляднее свидетельствовала о том, что фашистская Германия неуклонно катится к своему поражению. В новых условиях Финляндия должна была в соответствии с Соглашением о перемирии оказывать содействие странам антигитлеровской коалиции в скорейшем завершении второй мировой войны. В соответствии со взятыми на себя обязательствами она предоставила в распоряжение Красной Армии аэродромы в южной части страны. Они использовались авиацией Ленинградского фронта в ходе наступления в Прибалтике против немецкой группы армий «Север» осенью 1944 года. С финских аэродромов в Малми, Котке и Турку активно действовали в тот период советские самолеты¹⁹. Порты Хельсинки, Турку, Ханко и Мариенхамна использовались для базирования военных кораблей Краснознаменного Балтийского флота²⁰ в ходе боевых операций против германских ВМС.

Находившиеся на советской территории части финской армии с 21 сентября по 2 октября были отведены в соответствии с Соглашением о перемирии в пределы своей государственной границы. Вскоре началась демобилизация военнослужащих, и вооруженные силы Финляндии к 5 декабря 1944 года были переведены на мир-

ное положение. Как и предусматривалось Соглашением о перемирии, Финляндия передала в аренду Советскому Союзу район Порккала-Удд для создания там военно-морской базы.

Значительные перемены начались во внутривнутриполитической жизни Финляндии. Парламент принял закон о роспуске находившихся в стране профашистских, антисоветских организаций. В общей сложности было распущено 1100 таких организаций²¹. Правительство приступило к аресту военных преступников, хотя должной решительности, принципиальности и последовательности в осуществлении этих мер не проявлялось. Часть членов распущенных организаций при попустительстве властей внедрилась в другие политические партии и общественные организации, а многие лица, виновные в совершении военных преступлений на оккупированной территории Карелии и Ленинградской области, имели возможность укрыться за рубежом, бежав через границу в Швецию.

Процесс обновления внутривнутриполитической жизни Финляндии заметно усилился, когда получили возможность легальной деятельности демократические силы страны — коммунисты, левые социалисты, другие антифашисты и участники антивоенной борьбы. К середине октября 1944 года более тысячи²² политических заключенных были освобождены из центральных тюрем в Рихимяки и Хямеенлинна, а также из концентрационных лагерей в Сукева, Карвиа и Ковери. Оказались на свободе видные деятели Коммунистической партии Финляндии — Вилле Песси, Аймо Аалтонен, Хертта Куусинен и многие другие активные участники демократического движения.

Коммунистическая партия Финляндии, находившаяся в подполье 26 лет, впервые получила возможность легальной деятельности. В это время в ее рядах было всего 2 тыс. членов²³. Действуя в новых условиях, Компартия развернула работу в массах по созданию широкого демократического фронта. Под ее руководством и при активном участии был основан Демократический союз народа Финляндии (ДСНФ), в состав которого вошли Коммунистическая партия, «шестерка» левых социал-демократов, Академическое социалистическое общество, Союз мелких землевладельцев, Союз товариществ Финляндии и другие прогрессивные организации и граждане. Вскоре, в ноябре, ДСНФ приступил к изданию своей газеты «Вапаа сана» («Свободное слово»),

тираж которой достиг 75 тыс. экземпляров²⁴ — уровня многих издававшихся в стране газет.

Большим событием в общественно-политической жизни Финляндии явилось образование 15 октября 1944 года общества «Финляндия — Советский Союз». Активную роль в его создании сыграли коммунисты, левые социалисты, представители ряда буржуазных партий и деловых кругов. Среди его организаторов было немало деятелей бывшей «мирной оппозиции», всех тех, кто в конце войны выступал за изменение внешнеполитического курса Финляндии, за установление добрососедских отношений с СССР. Это прежде всего У. Кекконен и Л. Хельяс — видные представители Аграрного союза, Р. Свенто и С.-К. Кильпи — широко известные в стране социал-демократические деятели, Р. Тернгрэн — один из лидеров Шведской народной партии.

Понимая необходимость широкой работы среди населения для создания добрососедских отношений с Советским Союзом, организаторы общества призвали финский народ включиться в активную борьбу за установление дружбы с СССР. «Неправильное отношение к Советскому Союзу, — говорилось в обращении этого общества, — привело народ Финляндии к большому страданиям. Наступило время для того, чтобы изменить это положение. Пусть же искренняя и постоянная дружба Финляндии с Советским Союзом обеспечит счастливое будущее народу Финляндии»²⁵. Во всех уголках страны стали возникать местные отделения общества. К апрелю 1945 года численность его достигла 125 тыс. человек²⁶. Почетным председателем общества был избран Ю. К. Паасикиви.

Естественно, что изменения во внутривнутриполитической обстановке и в области внешней политики Финляндии во многом зависели от линии правительства. Находившийся же у власти в первые месяцы после подписания Соглашения о перемирии кабинет во главе с премьер-министром У. Ю. Кастреном явно не стремился к осуществлению перемен. И причину этого нетрудно было понять. Многие из тех, кто входил в состав правительства, не один год были сторонниками враждебного Советскому Союзу внешнеполитического курса, и трудно было ожидать, что они пойдут иным путем. За восемь недель своего существования правительство Кастрена не решило ни одной конкретной задачи послевоенной перестройки политики.

Со стороны демократических сил страны проявля-

лось недовольство проводимым курсом. Стали выражаться решительные требования общественности осуществить радикальные перемены в правительственной политике. В конечном счете в начале ноября кабинет Кастрена был вынужден уйти в отставку. Правительственный кризис со всей очевидностью показал назревшую необходимость прихода к руководству страной таких политических деятелей, которые являлись бы действительными сторонниками нового курса. У. К. Кекконен в своем интервью шведской газете «Ню даг» прямо заявил: «Я надеюсь, что новым премьер-министром будет Паасикиви... Хочу, чтобы у нас было образовано такое правительство, которое выражало бы истинное желание и нашу волю установить дружественное сотрудничество с Советским Союзом»²⁷.

Кандидатура Ю. К. Паасикиви на пост главы правительства получила широкую поддержку в политических и общественных кругах Финляндии. 10 ноября представители различных фракций парламента на объединенном заседании признали необходимым рекомендовать его в качестве премьер-министра²⁸. 17 ноября президент утвердил состав нового правительства во главе с Ю. К. Паасикиви. Половину кабинета составляли члены бывшей «мирной оппозиции», а также некоторые левые деятели. Впервые за всю историю Финляндии в правительстве была представлена Коммунистическая партия.

«Я старался,— заявил Паасикиви,— сформировать правительство таким образом, чтобы оно в возможно большей мере соответствовало политическому положению страны»²⁹. В выступлении 6 декабря 1944 года он четко сформулировал внешнеполитическую линию правительства. «Главным и определяющим во внешней политике Финляндии,— заявил он,— является отношение нашей страны к великому восточному соседу... Мир и согласие, а также добрососедские отношения с Советским Союзом являются первым принципом, которым следует руководствоваться в нашей государственной деятельности»³⁰.

Образование правительства Паасикиви, выдвинувшего новую политическую программу дальнейшего развития страны, означало важный момент в жизни Финляндии. С этого времени влияние правительства на политику страны приобрело особое значение и существенно ослабило роль Маннергейма. «Хотя на посту президента все еще находился Маннергейм,— отмечал про-

фессор О. Вехвилайнен, — он уже отошел на задний план, и руководство политикой перешло в надежные руки премьер-министра»³¹.

Весьма значительным событием в политической жизни Финляндии явилась победа демократических сил на парламентских выборах 19 марта 1945 года. Достигнутый успех был результатом напряженной борьбы, которая велась с реакцией, со всеми противниками сближения с Советским Союзом. Демократический союз народа Финляндии, ядром которого являлась Компартия, выступил с предвыборной программой, требовавшей искоренения фашизма, привлечения к судебной ответственности виновников войны и последовательного осуществления дружественного Советскому Союзу курса. Хотя ДСНФ насчитывал в то время в своих рядах не более 30 тыс. человек³², ему удалось объединить вокруг своей избирательной платформы значительные силы. Он получил почти четвертую часть всех голосов и 49 депутатских мест из 200. Это являлось убедительным показателем политических настроений широких народных масс.

После выборов по инициативе Демократического союза народа Финляндии было достигнуто соглашение о сотрудничестве так называемых «трех больших» фракций парламента — ДСНФ, Социал-демократической партии и Аграрного союза, располагавших 148 мандатами из 200. В их совместном заявлении, принятом 13 апреля, говорилось, что необходимо окончательно отказаться от вредной для страны внешнеполитической ориентации, проводившейся в прошлом реакционными кругами, и установить искренние отношения с Советским Союзом.

17 апреля был сформирован новый кабинет во главе с Ю. К. Паасикиви. Из 18 министерских постов 14 принадлежало в нем представителям «трех больших» фракций, в том числе шесть министров были членами ДСНФ. Излагая программу правительства на заседании парламента, Ю. К. Паасикиви заявил, что оно сделает «все, что в его силах, для развития и укрепления отношений с Советским Союзом на базе искреннего обоюдного доверия и уважения, взаимных связей и прочной дружбы»³³.

Под воздействием миролюбивых, демократических сил, представленных в правительстве и опиравшихся на поддержку народных масс, реакция вынуждена была сдавать свои позиции. Первым заметным результатом

было начало чистки государственной полиции, а также устраниение из армии тех, кто непосредственно был причастен к планированию и подготовке агрессии против Советского Союза.

Большое положительное влияние на сдвиги в общественной жизни и политическую обстановку в Финляндии оказало доброжелательное отношение Советского Союза, его забота о создании атмосферы взаимного доверия в советско-финляндских отношениях. Как отмечает видный финский историк профессор Туомо Полвинен, с советской стороны проявлялось стремление «способствовать новой внешнеполитической линии, которая позднее олицетворялась в имени Паасикиви»³⁴.

Желание Советского Союза создавать условия для установления добрососедства с Финляндией проявилось прежде всего в практических мерах, принятых в области развития экономического и культурного сотрудничества. Заключение с Финляндией 31 января 1945 года первого послевоенного торгового соглашения положило хорошее начало для последующих стабильных и долгосрочных экономических связей между обеими странами. Осуществление подписанного соглашения означало для финского населения заметную помощь в продовольственном отношении. На его основе СССР поставил в Финляндию 30 тыс. тонн продовольственного зерна, 1 тыс. тонн сахара и 300 тонн кондитерских изделий³⁵. И это делалось в то время, когда положение с продовольствием в Советском Союзе было довольно сложным.

9 мая 1945 года все прогрессивное человечество отмечало День Победы. Разгромом фашистской Германии и ее безоговорочной капитуляцией закончилась вторая мировая война в Европе. Выступая по радио с обращением к народу по этому поводу, Ю. К. Паасикиви сказал: «Ужасающая война, бушевавшая в Европе примерно 6 лет, окончилась. В нашей части земного шара замолк лязг оружия... Народы всего земного шара ждут и надеются, что наступит новая жизнь и мир между народами. И мы, финны, надеемся и ждем этого»³⁶.

С разгромом фашистской Германии прекращалось и официально ранее объявленное Финляндией фактическое состояние войны с ней. Теперь страна должна была, выполняя Соглашение о перемирии, максимально переключаться на ликвидацию тяжелых последствий войны и на осуществление задач мирного развития.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Юридически состояние войны для Финляндии закончилось позднее, почти через два года, 10 февраля 1947 года, когда в Париже был подписан с ней Мирный договор, подтвердивший содержащиеся в Соглашении о перемирии политические, территориальные, репарационные и другие положения.

Если оценивать Мирный договор с точки зрения того, что он давал для дальнейшего решения проблемы мира и безопасности, то можно выделить три момента: во-первых, им закреплялся новый миролюбивый внешнеполитический курс Финляндии; во-вторых, создавалась серьезная гарантия тому, что в стране не будет допущено возникновение сил, которые могли бы осуществить поворот на путь, который вел к войне; в-третьих, складывались благоприятные предпосылки для создания атмосферы мира в Северной Европе.

Особо важное значение в плане обеспечения мира на будущее имели те статьи договора, которые обязывали Финляндию воздерживаться от любой агрессии, не заключать никаких союзов и не участвовать в коалициях, направленных против СССР.

Мирный договор обязывал Финляндию неуклонно обеспечивать соблюдение в стране демократических свобод. От нее требовалось не разрешать впредь существования политических, военных, военизированных и других организаций, которые могли бы вести враждебную Советскому Союзу деятельность¹.

Мирный договор стал, таким образом, важнейшим документом, определившим направление внутренней и внешней политики Финляндии. «Теперь, — сказал Ю. К. Паасикиви, — страница истории перевернута. Для Финляндии наступил окончательный мир. Мирный до-

говор включает обязательства, которые мы будем выполнять. Но он подтверждает также и наши права. Время войн миновало, миновало безвозвратно»².

За два года до заключения Мирного договора в Финляндии уже произошли значительные позитивные перемены в области внутренней и внешней политики. В этот период в стране заметно окрепли демократические силы. Шел процесс складывания добрососедских советско-финляндских отношений. Свидетельством происшедших перемен в отношениях финского и советского народов являлся рост сторонников дружбы с Советским государством. Общество «Финляндия — Советский Союз» выросло к 1947 году до 174 тыс. человек³.

Большое значение в постепенном сближении Финляндии и Советского Союза, в преодолении оставшейся в наследие от прошлого отчужденности народов обеих стран имело развитие культурного сотрудничества. 1945—1946 годы ознаменовались небывалым ростом общения финских и советских людей, взаимообмена между представителями науки и культуры, сотрудничества в области кино и изобразительного искусства. Такого рода деятельность способствовала, по выражению политического советника СКК в Хельсинки П. Д. Орлова, «разрушению „Китайской стены“, которая была искусственно возведена» ранее в Финляндии⁴.

В ходе становления новых отношений между Финляндией и СССР важно было развивать сотрудничество в экономической области. В 1945—1946 годах было заключено с Финляндией несколько краткосрочных торговых соглашений, позволивших ей получить товары, в которых испытывалась крайняя необходимость.

Чувство благодарности Советскому Союзу вызвало у населения Финляндии решение правительства СССР, принятое 31 декабря 1945 года, о продлении срока выплаты репараций с 6 до 8 лет. Это позволило уменьшить ежегодный взнос Финляндии с 50 до 35,5 млн. долларов, то есть почти на треть. При принятии этого решения правительство СССР учитывало, что Финляндия аккуратно выполняла положения, предусмотренные Соглашением о перемирии, что отмечалось советской стороной на Потсдамской конференции⁵.

Репарационная политика СССР в отношении Финляндии предусматривала возмещение нанесенного Советскому Союзу ущерба не иностранной валютой, запасы которой в стране были мизерные, а продукцией, производимой финской промышленностью. Это стимулиро-

вало развитие ряда отраслей промышленности, уменьшало однобокость в развитии экономики страны, основывавшейся долгие годы преимущественно на производстве деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной продукции. В результате экономические возможности Финляндии значительно возросли, повысился удельный вес Советского Союза во внешней торговле Финляндии, составив 20,7 процента⁶.

Естественно, что достигнутые в 1945—1947 годах успехи в политическом, экономическом и культурном сотрудничестве Финляндии с Советским Союзом, становлении ее миролюбивого курса в огромной степени зависели от усилий, предпринимаемых прогрессивно-демократической общественностью страны.

Особенно упорную борьбу демократическим силам пришлось вести за привлечение к ответственности лиц, втянувших Финляндию в войну на стороне фашистской Германии. В конечном счете перед судом предстали: бывший президент Р. Рюти, бывшие премьер-министры Ю. В. Рангель и Э. Линкомиес, бывшие министры В. Таннер, Х. Рамсай, Т. Рейникка и А. Кукконен, а также бывший посланник в Германии Т. Кивимяки. На судебном процессе, продолжавшемся с ноября 1945 года по февраль 1946 года, было полностью доказано, что финское правительство задолго до войны вступило в тайный военный сговор с гитлеровской Германией.

Было бы ошибкой считать, что судебный процесс в Хельсинки преследовал только одну цель — наказать главных финляндских виновников войны. Его значение состояло и в том, что была осуждена вся прежняя политика Финляндии — политика подготовки и проведения агрессивных антисоветских авантур, составивших цепь скрытых от народа государственных преступлений.

Что касалось К. Маннергейма, то он в силу ряда причин избежал судебной ответственности и вскоре после окончания судебного процесса ушел в отставку с поста президента. 9 марта 1946 года парламент избрал президентом республики Ю. К. Паасикиви, а вслед за этим было сформировано правительство во главе с видным деятелем ДСНФ Мауно Пеккала, получившее название правительства демократического сотрудничества. В состав нового кабинета вошли представители трех крупнейших политических сил — ДСНФ, Социал-демократической партии и Аграрного союза.

Правительство Пеккала, следуя по пути осуществления миролюбивой политики, направило свои усилия

на развитие и укрепление добрососедских отношений с Советским Союзом. Именно в период деятельности этого правительства 6 апреля 1948 года между СССР и Финляндией был заключен Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который создал прочную долговременную основу взаимоотношений обеих стран, стал важнейшей вехой в процессе формирования и упрочения нового финляндского внешнеполитического курса. В соответствии с этим договором Финляндия взяла на себя обязательство не только не участвовать в каких-либо союзах и коалициях, направленных против Советского Союза, но и впервые в своей истории обязалась стать союзником СССР в случае, если ему будет угрожать агрессия через финляндскую территорию⁷.

Начавшийся сорок пять лет назад, осенью 1944 года, после подписания Соглашения о перемирии, период в истории Финляндии и финляндско-советских отношений У. К. Кекконен назвал новой эпохой — «периодом второй Республики Финляндии»⁸.

Благодаря тому что в послевоенные годы Финляндия из форпоста империалистических держав на севере Европы превратилась в государство, проводящее самостоятельную миролюбивую политику, ее международное положение в корне изменилось. Прочной гарантией безопасности Финляндии и северо-западных рубежей СССР стал Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заключенный между Советским Союзом и Финляндией в 1948 году и трижды досрочно продленный. В речи, обращенной 6 октября 1987 года к президенту Финляндии М. Койвисто, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев сказал: «На базе Договора 1948 года мы сумели построить такую жизнестойкую модель добрососедства, в которой, как бы в миниатюре, просматривается безопасный, ненасильственный мир в масштабе международном»⁹.

Политика укрепления добрососедских отношений с Советским Союзом, осуществляемая ныне государственным деятелем Финляндии во главе с президентом Мауно Койвисто, пользующаяся поддержкой подавляющего большинства финляндского народа, встречает полное понимание со стороны правительства и народов Советского Союза.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

ВВЕДЕНИЕ

- ¹ *Кекконен У. К.* Финляндия и Советский Союз. М., 1975, с. 35.
- ² История второй мировой войны 1939—1945. Т. 12. М., 1982, с. 10.
- ³ Новое время, 1967, № 38, с. 8.
- ⁴ *Kansan Uutiset*, 1961, 06.06.
- ⁵ *Кекконен У. К.* Указ. соч., с. 223.
- ⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 79.
- ⁷ Там же, с. 82.
- ⁸ Цит. по: Известия, 1960, 25 ноября.
- ⁹ Цит. по: *Helsingin Sanomat*, 1984, 16.10.

Глава I

В ПЛЕНУ «ОБРАЗА ВРАГА»

- ¹ Suomen ulkopolitiikan kehityslinjat 1809—1966. Porvoo, 1966, s. 109; *Niukkanen J.* Talvisodan puolustusministeri kertoo. Porvoo — Hels., 1951, s. 240.
- ² Suomen ulkopolitiikka. Jyväskylä, 1975, s. 30.
- ³ *Nevakivi J.* Apu jota ei pyydetty. Hels., 1972, s. 285; *Iivessalo J.* Suomi ja Saksa maailman sotien välisenä aikana//Historian aitta XV. Porvoo, 1962, s. 157, 162.
- ⁴ Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Ser. D, vol. V. London, 1955, p. 536.
- ⁵ *Hufvudstadsbladet*, 1964, 02.06.
- ⁶ *Raittila P.* Suomalaisnuoret ja idän ihmema. Hels., 1988, s. 19.
- ⁷ *Luostarinen H.* Perivihollinen. Tampere, 1986, s. 164.
- ⁸ *Karimo A.* Kohtalon kolmas hetki. Hels., 1926, 1935; *Teräas K.* Suur — Isänmaa. Hels., 1918.
- ⁹ *Nummi T.* Maanpuolustuspropaganda Suomessa 1930 ja 1960 luvuilla. Tampere, 1971, s. 32—55.
- ¹⁰ Известия, 1934, 6 ноября.
- ¹¹ Цит. по: *Марков М.* Финляндия. Л., 1940, с. 26.
- ¹² *Korhonen K.* Turvallisuuden pettäessä. II. Hels., 1971, s. 73.
- ¹³ *Ibid.*, s. 72.
- ¹⁴ *Kallenautio J.* Suomi katsoi eteensä. Hels., 1985, s. 153; *Suomi J.* Talvisodan tausta. Hels., 1973, s. 41.
- ¹⁵ Цит. по: *Tiedonantaja*, 1987, 13.08.
- ¹⁶ *Kuusinen O. B.* Избранные произведения. М., 1966, с. 213.
- ¹⁷ *Paasikivi J. K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939—1941. I. Porvoo, 1958, s. 15.
- ¹⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 395—396.

- ¹⁹ Цит. по: *Kommunisti*, 1929, N 5-6, s. 169.
- ²⁰ *Ajan Suunta*, 1938, 12.05; *Korhonen A.* Barbarossa-suunnitelma ja Suomi. Porvoo, 1961, s. 336—338.
- ²¹ *Suomi J.* Op. cit., s. 20—21; *Kivimäki T. M.* Suomalaisen politiikon muistelmät. Porvoo — Hels., 1965, s. 91—92.
- ²² *Nydärg T.* Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen. Keuruu, 1978, s. 87—94; *Suomi J.* Op. cit., s. 367.
- ²³ Цит. по: *Бартнев Т., Комиссаров Ю.* Тридцать лет добрососедства. М., 1976, с. 25; *Päivän Sanomat*, 1964, 04.02.
- ²⁴ *Nydärg T.* Op. cit., s. 87—94.
- ²⁵ *Helsingin Sanomat*, 1986, 25.02.
- ²⁶ Цит. по: *Kansan Uutiset*, 1975, 01.06.
- ²⁷ *Красная звезда*, 1988, 12 дек.
- ²⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 174.
- ²⁹ Девятый Всероссийский съезд Советов... Стенографический отчет. М., 1922, с. 271.
- ³⁰ Международная политика новейшего времени в договорах, нотках и декларациях. Т. III, вып. I, М., 1928, с. 192—194; *Ильинский Я.* Финляндия. М., 1940, с. 141.
- ³¹ *Raasikivi J. K.* Päiväkirjat 1944—1956. I. Juva, 1985, s. 547.
- ³² Дипломатический словарь. Т. III. М., 1986, с. 319.
- ³³ *Helsingin Sanomat*, 1972, 28.11.
- ³⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 17. М., 1971, с. 307.
- ³⁵ *Майский И. М.* Воспоминания советского дипломата. М., 1987, с. 470.

Глава II

ТЕНЬ СВАСТИКИ НАД ФИНЛЯНДИЕЙ

- ¹ *Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987, с. 23.
- ² История второй мировой войны 1939—1945. Т. 2. М., 1974, с. 427.
- ³ Документы внешней политики СССР. Т. 16. М., 1970, с. 876—877.
- ⁴ Там же, с. 747.
- ⁵ Известия, 1933, 30 дек.
- ⁶ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 1. М., 1973, с. 287.
- ⁷ *Kallenautio J.* Op. cit., s. 146.
- ⁸ *Vehviläinen O.* Kansallissosialistinen Saksa ja Neuvostoliitto 1933—1934. Hels., 1966, s. 190.
- ⁹ *Uusi Suomi*, 1935, 19.11; *Itsenäisen Suomen ulkopoliitiikan alkutaival.* Hels., 1962, s. 199; *Talvela P.* Sotilaan elämä. I. Jyväskylä, 1976, s. 127.
- ¹⁰ Suomen historian dokumentteja. II. Hels., 1970, s. 385.
- ¹¹ Документы внешней политики СССР. Т. 20. М., 1976, с. 224—225.
- ¹² *Vainu H.* Jääraku põhja. Tallinn, 1983, lk. 14.
- ¹³ Ibid.
- ¹⁴ *Rauhan puolesta*, 1959, N 6, s. 7.
- ¹⁵ Suomen historian käsikirja. II. Porvoo — Hels., 1949, s. 108.
- ¹⁶ *Peltovuori R.* Saksa ja Suomen talvisota. Keuruu, 1975, s. 22.
- ¹⁷ *Korhonen K.* Op. cit., s. 110—111; *Kuokkanen P.* Suomen pohjoismainen suuntaus ja Saksa (lisensiaattityö), s. 285—286.
- ¹⁸ *Carlgren W.* Svensk utrikespolitik 1939—1945. Stockholm, 1973, s. 20—21.
- ¹⁹ *Itsenäisen Suomen ulkopoliitiikan alkutaival*, s. 175.
- ²⁰ *Talvela P.* Op. cit., s. 76.

- ²¹ *Kivimäki T. M.* Op. cit., s. 92.
- ²² Ibid.
- ²³ *Nevakivi J.* Op. cit., s. 12.
- ²⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 19. М., 1974, с. 84—85.
- ²⁵ Suomen historian käsikirja, II, s. 106.
- ²⁶ *Huttunen V.* Kansakunnan historia. VII. Porvoo — Hels., 1974, s. 24.
- ²⁷ Suomen historian käsikirja, II, s. 106.
- ²⁸ Historiallinen aikakauskirja, 1985, N 1, s. 64—65.
- ²⁹ Документы внешней политики СССР. Т. 19, с. 273; *Soikkanen T.* Kansallinen eheilyminen-muutti vai todellisuus? Porvoo. — Hels. — Java, 1984, s. 45—47, 49—52, 82—83.
- ³⁰ *Vainu H.* Op. cit., lk. 14.
- ³¹ AKS:n tie 1937, s. 123—124; Suomen heimo, 1935, N 20, s. 326—327; 1936, N 5, s. 84—86.
- ³² Документы внешней политики СССР. Т. 5. М., 1961, с. 424
- ³³ Itsenäisen Suomen ulkopolitiikan alkutaival, s. 191, 193; Kansan Uutiset, 1959, 27—30.11.
- ³⁴ *Slliston H.* Finland fights. Boston, 1940, p. 166.
- ³⁵ *Nevakivi J.* Op. cit., s. 13; *Heinrichs E.* Mannerheim Suomen kohtaloissa. II. Keuruu, 1960, s. 25—26, 45—54, 57—67.
- ³⁶ Hearings Before the Senate Committee on Foreign Relations, 6. 11. 1940, p. 69.
- ³⁷ См.: *Berry R. M.* American foreign policy and the Finnish exception. Hels., 1987, p. 48.
- ³⁸ *Suomi J.* Op. cit., s. 127—134, 270.
- ³⁹ *Vehviläinen O.* Op. cit., s. 186.
- ⁴⁰ *Suomi J.* Op. cit., s. 150.
- ⁴¹ Ilkka, 1937, 27.11.
- ⁴² *Suomi J.* Op. cit., s. 127.
- ⁴³ *Kekkonen U.* Puheita ja kirjoituksia. II. Hels., 1967, s. 337.
- ⁴⁴ *Frietsch C. O.* Suomen kohtalonvuodet. Hels., 1945, s. 284.
- ⁴⁵ *Peltovuori R.* Op. cit., s. 19.
- ⁴⁶ Suomen tie, 1961, N 1, s. 3.
- ⁴⁷ *Suomi J.* Op. cit., s. 133; *Kallenautio J.* Op. cit., s. 150—151.
- ⁴⁸ Suomen Sosialidemokraatti, 1938, 28.01; Kauppalehti, 1938, 25.01; *Wuorimaa A.* Lähettiläänä hitlerin Saksassa. Keuruu, 1967, s. 61.
- ⁴⁹ Ajan Suunta, 1938, 21.02.
- ⁵⁰ Suomen Kuvalehti, 1979, N 35, s. 32.
- ⁵¹ Suomen marsalkka Mannerheim. Hels., 1960, s. 5.
- ⁵² Helsingin Sanomat, 1938, 12.05, 03.06; Ajan Suunta, 1938, 11.05; *Wuorimaa A.* Op. cit., s. 64.
- ⁵³ *Suomi J.* Op. cit., s. 89.
- ⁵⁴ Suomen Sosialidemokraatti, 1938, 08.07.
- ⁵⁵ Новая и новейшая история, 1964, № 6, с. 43
- ⁵⁶ Цит по: Suomen Sosialidemokraatti, 1936, 01.06.
- ⁵⁷ The Times, 1935, 15.10.
- ⁵⁸ Правда, 1935, 14 авг.
- ⁵⁹ *Kallenautio J.* Op. cit., s. 150.
- ⁶⁰ *Rislakki J.* Erittäin salainen. Hels., 1982, s. 151; Коммунист Эстонии, 1988, № 12, с. 70.
- ⁶¹ *Rislakki J.* Op. cit., s. 187; *Peltovuori R.* Op. cit., s. 25; *Salo-maa E.* Suuri raha ja isänmaa. Hels., 1962, s. 184.
- ⁶² Soihtu, 1938, № 11-12.
- ⁶³ Пограничные войска СССР. 1929—1938. М., 1972, с. 8.

- 64 *Menger M.* Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. Berlin, 1988, S. 41.
- 65 *Wuorimaa A.* Op. cit., s. 80—81; *Suomi J.* Op. cit., s. 169.
- 66 *Korhonen K.* Op. cit., s. 160—161; *Suomi J.* Op. cit., s. 88—90; Известия, 1938, 4 авг.
- 67 *Blücher W.* Gesandter zwischen Diktatur und Demokratie. Wiesbaden, 1951, S. 70.
- 68 *Vainu H.* Op. cit., lk. 16; Suomen tilastollinen vuosikirja 1939. Hels., 1940, s. 123.
- 69 Suomen historian käsikirja, II, s. 536; Helsingin Sanomat, 1938, 29.01.
- 70 *Blücher W.* Op. cit., S. 598; *Peltovuori R.* Op. cit., s. 27.
- 71 *Vuorenmaa A.* Defensive strategy and basic operational decisions in the Finland-Soviet Winter War 1939—1940//Revue Internationale d'Histoire Militaire, 1985, N 62, p. 74—75.
- 72 *Huttunen V.* Kansakunnan historia. VI. Porvoo, 1968, s. 349—350.
- 73 Ibid.
- 74 Helsingin Sanomat, 1988, 01.11.
- 75 *Tirronen E. O.* Sotatalous//Suomen sota 1941—1945. II. Hels., 1975, s. 1.
- 76 Suomen historian käsikirja, II, s. 536; Helsingin Sanomat, 1935, 15, 22.06.
- 77 История второй мировой войны 1939—1945. Т. 3. М., 1974, с. 359; *Куусинен О. В.* Указ соч., с. 234; Правда, 1937, 14 февр, 9 и 13 авг.; Helsingin Sanomat, 1938, 24.10.
- 78 *Kallenautio J.* Op. cit., s. 170.
- 79 Itsenäisen Suomen ulkopolitiikan alkutaival, s. 199; *Kallenautio J.* Op. cit., s. 170.
- 80 *Suomi J.* Op. cit., s. 16, 45.
- 81 *Perko T.* TK-miehet jatkosodassa. Keuruu, 1974, s. 14—15; *Rislakki J.* Op. cit., s. 33—35.
- 82 *Soikkanen T.* Op. cit., s. 199; *Suomi J.* Op. cit., s. 158—162.
- 83 Finnish Foreign Policy. Hels., 1963, p. 37.
- 84 *Suomi J.* Op. cit., s. 363.
- 85 *Huttunen V.* Kansakunnan historia. VI, s. 483.
- 86 *Hyyönen A.* SKP:n maanalaaisuuden vuodet. Hels., 1971, s. 275—282.
- 87 Ibid.
- 88 Цит. по: Правда, 1936, 24 дек.
- 89 Suomen Sosialidemokraatti, 1938, 19.02; *Hodhson I.* Communism in Finland. Princeton, 1967, p. 185
- 90 *Бартечев Т., Комиссаров Ю.* Указ. соч., с. 30.
- 91 *Suomi J.* Op. cit., s. 302—303.
- 92 *Мааканса, 1962, 15.11; Похлебкин В. В.* Урхо Калева Кекконен. М., 1985, с. 113; *Urho Kekkonen.* Taivalta (Linjoja) Näkökulmia. Hels., 1960, s. 42.
- 93 Цит. по: Правда, 1936, 24 дек
- 94 *Ильинский Я.* Указ. соч., с. 208.
- 95 Новая и новейшая история, 1964, № 6, с. 46.
- 96 Suomen historian käsikirja, II, s. 532.
- 97 *Upton A.* Väli rauha. Hels., 1965, s. 39; Новая и новейшая история, 1964, № 6, с. 45
- 98 Suomen Sosialidemokraatti, 1938, 18.07.
- 99 *Schwartz A.* America and the Russo-Finnish War. Washington, 1960, p. 10.
- 100 Emme saa unohtaa. Hels., 1964, s. 23.
- 101 *Huttunen V.* Kansakunnan historia. VI, s. 500.

¹⁰² Ajan Suunta, 1939, 29.11.

¹⁰³ *Kallenautio J.* Op. cit., s. 148—152.

Глава III РОКОВОЙ ПУТЬ

- ¹ *Василевский А.* Дело всей жизни. М., 1978, с. 160.
- ² *Pohlekin V. V. K.* Paasikivi ja Neuvostoliitto. Espoo, 1980, s. 115.
- ³ *Korhonen K.* Op. cit., s. 213.
- ⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 18. М., 1973, с. 143.
- ⁵ Вторая сессия ЦИК СССР VII созыва: Стенографический отчет. М. 1936, с. 30.
- ⁶ *Suomi J.* Op. cit., s. 42.
- ⁷ Правда, 1936, 1 июля.
- ⁸ Правда, 1937, 2 авг.
- ⁹ *Suomi J.* Op. cit., s. 35.
- ¹⁰ *Korhonen K.* Op. cit., s. 153.
- ¹¹ *Ibid.*, s. 150—156.
- ¹² Цит. по: *Helsingin Sanomat*, 1987, 20.08.
- ¹³ Цит. по: *Korhonen K.* Op. cit., s. 152.
- ¹⁴ *Suomi J.* Op. cit., s. 357—358.
- ¹⁵ *Blucher W.* Op. cit., S. 9.
- ¹⁶ *Suomi J.* Op. cit., s. 51.
- ¹⁷ *Ibid.*, s. 123.
- ¹⁸ *Korhonen K.* Op. cit., s. 160.
- ¹⁹ *Wuorimaa A.* Op. cit., s. 70.
- ²⁰ *Peltovuori R.* Op. cit., s. 23; *Suomi J.* Op. cit., s. 284—290.
- ²¹ *Peltovuori R.* Op. cit., s. 24; *Brotherus H.* Eljas Erkko. Porvoo — Hels., 1973, s. 103; *Suomi J.* Op. cit., s. 293.
- ²² *Helsingin Sanomat*, 1939, 12—14, 17.06; 12, 27.09; 07, 08.11; 09.12.
- ²³ *Itsenäisen Suomen ulkopoliitiikan aikutaival*, s. 191.
- ²⁴ *Suomi J.* Op. cit., s. 181; *Ajan Suunta*, 1937, 11, 12, 23.06; 14, 28.08; 02, 22, 25.09; 25, 28.10.
- ²⁵ *Päivän Sanomat*, 1959, N 278.
- ²⁶ *Helo J.* Vaiennettuja ihmisiä. Hels., 1965, s. 33.
- ²⁷ Цит. по: История внешней политики СССР 1917—1945. I. М., 1976, с. 341.
- ²⁸ Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. 3. М., 1946, с. 343.
- ²⁹ *Kallenautio J.* Op. cit., s. 175; *Soikkanen T.* Op. cit., s. 216—217.
- ³⁰ *Korhonen K.* Op. cit., s. 174, 175.
- ³¹ *Jakobson M.* The Diplomacy of the Winter War. Cambridge, 1961, p. 9.
- ³² *Кекконен У. К.* Указ. соч., с. 173.
- ³³ *Suomi J.* Op. cit., s. 202—203.
- ³⁴ *Rauhan puolesta*, 1959, N 6, s. 8.
- ³⁵ *Ibid.*; *Punttila L.* Suomen poliittinen historia. Hels., 1963, s. 167; *Suomi J.* Op. cit., s. 209. 332; *Soikkanen T.* Op. cit., s. 231; *Kallenautio J.* Op. cit., s. 176.
- ³⁶ *Rauhan puolesta*, 1959, N 6, s. 8; *Suomi J.* Op. cit., s. 168.
- ³⁷ *Huslem I.* The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe 1933—39. New York. 1984, p. 140.
- ³⁸ *Nevakivi J.* Op. cit., s. 18.
- ³⁹ *Kallenautio J.* Op. cit., s. 177; *Laurila B.* Tie talvisotaan. Tampere, 1978, s. 200.
- ⁴⁰ *Kallenautio J.* Op. cit., s. 177; *Suomi J.* Op. cit., s. 209—210;

- Tanner V. Olin ulkoministerinä talvisodan aikana. Hels., 1951, s. 17.
- ⁴¹ *Suomi J.* Op. cit., s. 373.
- ⁴² *Kallenautio J.* Op. cit., s. 178; *Баргениев Т., Комиссаров Ю.* Указ. соч., с. 37.
- ⁴³ Зимняя война (документы о советско-финляндских отношениях 1939—1940 годов). // *Международная жизнь*, 1989, № 8, с. 56.
- ⁴⁴ Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918—1945. Ser. S. Bd. 5. Baden-Baden, 1953, S. 523; *Soikkanen T.* Op. cit., s. 217.
- ⁴⁵ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. М., 1971, с. 486—487; *История дипломатии*. М., 1965, с. 781.
- ⁴⁶ Центральный государственный исторический архив Латвийской ССР (ЦГИА Латв. ССР), ф. 1313-г, оп. 20, д. 162, л. 222.
- ⁴⁷ Новая и новейшая история, 1964, № 6, с. 48.
- ⁴⁸ *Suomi J.* Op. cit., s. 267, 273, 276.
- ⁴⁹ *Ibid.*, s. 277.
- ⁵⁰ *Kallenautio J.* Op. cit., s. 179; *Myllyniemi S.* Suomi sodassa 1939—1945. Keuruu, 1982, s. 51.
- ⁵¹ *Suomi J.* Op. cit., s. 372.
- ⁵² *Ibid.*, s. 202.
- ⁵³ Svensk Botten, 1939, 14.04; *Lundin C. L.* Suomi toisessa maailmansodassa. Jyväskylä, 1961, s. 36.
- ⁵⁴ Suomen Sosialidemokraatti, 1939, 22.03.
- ⁵⁵ *Suomi J.* Op. cit., s. 296.
- ⁵⁶ *Ibid.*, s. 294, 295.
- ⁵⁷ *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. Porvoo — Hels., 1970, s. 66—67.
- ⁵⁸ Helsingin Sanomat, 1939. 30.06; *Blücher W.* Suomen kohtalon-aikoja. Porvoo — Hels., 1951, s. 148.
- ⁵⁹ *Blücher W.* Op. cit., s. 148—149.
- ⁶⁰ *Похлебкин В. В.* СССР — Финляндия. М., 1975, с. 292—293.
- ⁶¹ *Mannerheim G.* Muistelmat. II. Hels., 1952, s. 106—107; *Martola A.* Sodassa ja rauhassa. Hels., 1970, s. 107; *Saraste E.* Päämajan työvoimatoimisto//*Sotilasaikakauslehti*, 1981, N 9, s. 623—624.
- ⁶² *Niukkanen J.* Op. cit., s. 49—50.
- ⁶³ Suomen Sosialidemokraatti, 1939, 18.08.
- ⁶⁴ Цит. по: *Korhonen K.* Op. cit., s. 195.
- ⁶⁵ *Мерецков К. А.* На службе народу. М., 1984, с. 173.
- ⁶⁶ Центральный государственный архив Советской Армии (ЦГАСА), ф. 25888, оп. 14, д. 4, л. 15; Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР (ЦГА ВМФ), ф. р-1877, оп. 1, д. 80, л. 8—10; д. 101, л. 16; Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945: Краткая история. М., 1965, с. 47.
- ⁶⁷ *Мерецков К. А.* Указ. соч., с. 174.
- ⁶⁸ Там же, с. 175.
- ⁶⁹ *Блейер В., Дрехелер К., Ферстер Г., Хасс Г.* Германия во второй мировой войне. М., 1971, с. 108.
- ⁷⁰ Канун войны: март 1938 — октябрь 1939 // *Аргументы и факты*, 1987, № 37, с. 5.
- ⁷¹ *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. Т. I. М., 1975, с. 253.
- ⁷² *Горбачев М. С.* Указ. соч., с. 23—24.
- ⁷³ Itsenäisen Suomen ulkopoliittikan alkutaival, s. 210.
- ⁷⁴ *Ajankuvat*, 1963, N 11, s. 18.
- ⁷⁵ *Филппов И. Ф.* Записки о третьем рейхе. М., 1966, с. 60; *История второй мировой войны 1939—1945*. Т. 3, с. 360.
- ⁷⁶ *Pakaslahti A.* Op. cit., s. 109.

- 77 Ibid, s. 162; *Niukkanen J* Op. cit., s. 247.
- 78 *Laurla B.* Op. cit., s. 233, 235, 251.
- 79 Канун войны: март 1938 — октябрь 1939, с 5
- 80 *Churchill W.* The Second World War 1948. Vol. I. London, 1948, p. 485.
- 81 *Korhonen K.* Op. cit., s. 215.
- 82 История внешней политики СССР. 1939—1945, т I, с. 407; Зимняя война., с. 62.
- 83 Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Ser. D, vol. VII. Washington, 1953, p. 231; *Pakaslahti A.* Op. cit, s. 123.
- 84 *Laurla B.* Op. cit., s. 237.
- 85 Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Vol. X. London, 1947, p. 315.
- 86 *Paasonen A.* Marsalkan tiedustelupäällikkönä ja hallituksen asia-miehenä. Hels., 1974, s. 51—52; *Sinivalkoinen kirja*. I. Hels., 1940, N 12; *Myllyniemi S.* Op. cit, s. 59; *Kallenautio J.* Op. cit, s. 181.
- 87 *Peltovuori R.* Op. cit., s. 51; *Laurla B.* Op. cit., s. 236—237.
- 88 *Gripenberg G. A.* Lontoo — Vatikaani — Tukholma. Porvoo — Hels., 1960, s. 79—80.
- 89 *Nevakivi J.* The great powers and Finland's Winter War//Revue Internationale d'Histoire Militaire, N 62, 1985, p. 59.
- 90 Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. Т. I. М., 1963, с. 261.
- 91 *Pakaslahti A.* Op. cit., s. 129.
- 92 *Frietsch C. O.* Op. cit., s. 77; *Kommunisti*, 1964, N 11, s. 381.
- 93 *Paasikivi J. K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939—1941, I, s. 38.
- 94 *Jakobson M.* Diplomaattien talvisota. Porvoo, 1979, s. 229.
- 95 *Paasikivi J. K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939—1941, I, s. 44.
- 96 Цит. по: *Tarkka J., Tiitta A.* Itsenäinen Suomi. Hels., 1987, s. 125.
- 97 Линия Паасикиви. М., 1958, с. 72.
- 98 *Paasikivi J. K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939—1941, I, s. 45—46.
- 99 Зимняя война., с. 63.
- 100 Цит. по: *Tuökansan Sanomat*, 1954, 07.05.
- 101 Цит. по: *Jakobson M.* Op. cit., s. 264.
- 102 *Korhonen K.* Op. cit., s. 214.
- 103 Ibid., s. 203.
- 104 Ibid., s. 192—193.
- 105 *Paasonen A.* Op. cit., s. 54.
- 106 *Paasikivi J. K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939—1941, I, s. 49; *Kallenautio J.* Op. cit., s. 181.
- 107 *Paasikivi J. K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939—1941, I, s. 56; *Tanner V.* Op. cit., s. 51.
- 108 *Paasikivi J. K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939—1941, I, s. 57—60.
- 109 *Korhonen K.* Op. cit., s. 202.
- 110 *Pakaslahti A.* Op. cit., s. 141.
- 111 *Myllyniemi S.* Op. cit., s. 60, 93, 96.
- 112 Ibid., s. 60.
- 113 *Niukkanen J.* Op. cit., s. 115.
- 114 *Jokipi M.* Jatkosodan synty. Hels., 1987, s. 46.
- 115 *Salomaa M.* Terijoin hallituksen mysterii//Historiallinen aikakauskirja, 1985, N 1, s. 35.
- 116 Новое время, 1950, № 46, с. 28—29.

- 117 *Martola A. E.* Op. cit., s. 109; *Niukkanen J.* Op. cit., s. 101, 103; Suomi sodassa. Keuruu, 1982, s. 38.
- 118 Suomi sodassa, s. 38.
- 119 *Linkomies E.* Vaikea aika. Hels., 1970, s. 42.
- 120 *Frielsch C. O.* Op. cit., s. 111.
- 121 Helsingin Sanomat, 1939, 18, 19, 25.10; Uusi Suomi, 1939, 25, 28.10.
- 122 Uusi Suomi, 1939, 02.11; *Brotherus H.* Op. cit., s. 117.
- 123 *Soikkanen T.* Op. cit., s. 337.
- 124 *Tanner V.* Op. cit., s. 66—67; *Paasikivi J. K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939—1941, I, s. 67; Зимняя война., с. 63.
- 125 Suomen Sosialidemokraatti, 1939, 22.10.
- 126 *Tanner V.* Kahden maailmansodan välissä. Hels., 1966, s. 248.
- 127 Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. 4 М, 1946, с. 471.
- 128 Цит. по: *Paasikivi J. K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939—1941, I, s. 66.
- 129 *Myllyniemi S.* Op. cit., s. 65; *Paasikivi J. K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939—1941, I, s. 67.
- 130 Kansan Uutiset, 1964, 29.11; *Paasikivi J. K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939—1941, I, s. 70—72; *Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana, s. 85—86.
- 131 Цит. по: *Myllyniemi S.* Op. cit., s. 67.
- 132 Ibid., s. 66.
- 133 Ibid., s. 66—68
- 134 *Pakaslahti A.* Op. cit., s. 140—141.
- 135 *Tarkka J., Tiitta A.* Op. cit., s. 125.
- 136 *Pakaslahti A.* Op. cit., s. 160; *Peltovuori R.* Op. cit., s. 52.
- 137 *Pakaslahti A.* Op. cit., s. 162.
- 138 *Peltovuori R.* Op. cit., s. 52.
- 139 Ibid., s. 53.
- 140 *Nevakivi J.* Op. cit., s. 50.
- 141 Ibid.
- 142 *Nevakivi J.* Op. cit., p. 59.
- 143 Ibid., s. 53.
- 144 *Peltovuori R.* Op. cit., s. 83.
- 145 *Laurila B.* Op. cit., s. 240.
- 146 Цит. по: War and Peace in Finland. New York, 1940, p. 29.
- 147 *Mannerheim G.* Op. cit., s. 240.
- 148 Цит. по: ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 1240, л. 78.
- 149 *Myllyniemi S.* Op. cit., s. 68.
- 150 *Korhonen K.* Op. cit., s. 203.
- 151 Ibid., s. 202.
- 152 *Myllyniemi S.* Op. cit., s. 69.
- 153 Ibid., s. 68.
- 154 Правда, 1939, 1 ноября.
- 155 *Korhonen K.* Op. cit., s. 203.
- 156 Soihitu, 1939, N 17-18.
- 157 *Pakaslahti A.* Op. cit., s. 156
- 158 Ibid., s. 167; *Myllyniemi S.* Op. cit., s. 69; *Paasonen A.* Op. cit., s. 59; Зимняя война., с. 65, 67.
- 159 *Вознесенский Е.* Взаимное доверие и дружба — основа добрососедских отношений между СССР и Финляндией // Коммунист, 1954, № 17, с. 88; *Brotherus H.* Op. cit., s. 118; Ару, 1973, № 21, с. 21.
- 160 *Paasikivi J. K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939—1941, I, s. 93.

- ¹⁶¹ *Lundin C. L.* Op. cit., s. 103.
- ¹⁶² *Laurla B.* Op. cit., s. 251.
- ¹⁶³ *Myllyniemi S.* Op. cit., s. 70; *Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana, s. 125; Зимняя война., с. 67.
- ¹⁶⁴ *Jacobson M.* Op. cit., s. 259; *Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana, s. 132.
- ¹⁶⁵ *Frietsch C. O.* Op. cit., s. 139; *Pakaslahti A.* Op. cit., s. 173; *Vараа Sana*, 1955, 29.11.
- ¹⁶⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 343; Известия ВЦИК, 1918, 12.09; *Сюкияйнен И.* Карельский вопрос в советско-финляндских отношениях. Петрозаводск, 1948, с. 155; *Похлебкин В. В.* СССР — Финляндия, с. 240.
- ¹⁶⁷ *Laurla B.* Op. cit., s. 246.
- ¹⁶⁸ *Кекконен У. К.* Указ. соч. с. 167, 224.
- ¹⁶⁹ *Paasikivi J. K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939—1941, I, s. 57; *Paasikivi J. K.* Päiväkirjat. I, s. 484.
- ¹⁷⁰ ЦГАСА, ф. 25888, оп. 14, д. 2, л. 1; Знамя, 1988, № 5, с. 79—80.
- ¹⁷¹ *Soikkanen T.* Op. cit., s. 349.
- ¹⁷² *Niukkanen J.* Op. cit., s. 31.
- ¹⁷³ *Laurla B.* Op. cit., s. 252.
- ¹⁷⁴ Правда, 1939, 26 ноября.
- ¹⁷⁵ Правда, 1939, 3 ноября.
- ¹⁷⁶ Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. 4. М., 1946, с. 462—463.
- ¹⁷⁷ *Paasikivi J. K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939—1941, I, s. 107.
- ¹⁷⁸ *Laurla B.* Op. cit., s. 254.
- ¹⁷⁹ Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. 4, с. 464, 465.
- ¹⁸⁰ Там же, с. 465.
- ¹⁸¹ Правда, 1939, 29 ноября; ЦГАСА, ф. 25888, оп. 13, д. 30, л. 5.
- ¹⁸² Правда, 1939, 29 ноября.
- ¹⁸³ Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. 4, с. 466.
- ¹⁸⁴ *Tarkka J., Tiitta A.* Op. cit., s. 127.
- ¹⁸⁵ *Pakaslahti A.* Op. cit., s. 183.
- ¹⁸⁶ ЦГА ВМФ, ф. р-92, оп. 2, д. 497, л. 1; ф. р-970, оп. 2, д. 152, л. 51.
- ¹⁸⁷ ЦГА ВМФ, ф. р-1549, оп. 1, д. 291, л. 34.
- ¹⁸⁸ *Деборин Г. А.* Вторая мировая война: Военно-политический очерк. М., 1958, с. 52.
- ¹⁸⁹ *Suomi sodassa*, s. 62.
- ¹⁹⁰ *The Daily Worker*, 1939, 05.12.
- ¹⁹¹ *Brotherus H.* Op. cit., s. 131; *Kleemola P.* Helsingin Sanomat sa-
pa-*varauden monopoli.* Hels., 1981, s. 26; *Pakaslahti A.* Op. cit.,
s. 203.
- ¹⁹² Цит. по: *Itsenäinen Suomi.* Hels., 1987, s. 128.
- ¹⁹³ *Pakaslahti A.* Op. cit., s. 196.
- ¹⁹⁴ *Ibid*, s. 202.
- ¹⁹⁵ *Кекконен У. К.* Указ. соч., с. 233.
- ¹⁹⁶ *Arimo R.* Osapuolten näkemyserot talvisodasta//*Sotilasaikakaus-*
lehti, 1985, N 2, s. 91.
- ¹⁹⁷ *Uusi tietosanakirja.* 13. Hels., 1963, s. 508.
- ¹⁹⁸ *Vuorentaa A.* Op. cit., p. 77.
- ¹⁹⁹ *Myllyniemi S.* Op. cit., s. 93.
- ²⁰⁰ *Uusi tietosanakirja.* 19. Hels., 1965, s. 591.
- ²⁰¹ Архив штаба Ленинградского военного округа (АШ ЛВО),
ф. 7043, оп. 3, д. 3, л. 3; ЦГАСА, ф. 34980, оп. 3, д. 230, л. 1.
- ²⁰² АШ ЛВО, ф. 7043, оп. 1, д. 2, приложение 4
- ²⁰³ АШ ЛВО, ф. 7043, оп. 3, д. 3, л. 3—4; ф. 352, оп. 3, д. 13, л. 3.

- 204 *Niukkanen J.* Op. cit., s. 201.
- 205 *Talvela P.* Op. cit., s. 166.
- 206 АШ ЛВО, ф. 352, оп. 3, д. 13, л. 25; ф. 7043, оп. 1, д. 2, л. 20.
- 207 *Taide ja ase*, 1969, N 27, s. 125.
- 208 Ibid.
- 209 АШ ЛВО, ф. 352, оп. 3, д. 13, л. 25; ф. 7043, оп. 1, д. 2, л. 20.
- 210 *Vuorenmaa A.* Op. cit., p. 79.
- 211 *Mannerheim G.* Op. cit., s. 223.
- 212 *Pakaslahti A.* Op. cit., s. 224.
- 213 История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. I, с. 266; АШ ЛВО, ф. 7043, оп. 1, д. 2, л. 24, 27.
- 214 Внешняя политика СССР: Сборник документов. Т. 6. М., 1947, с. 484.
- 215 Правда, 1939, 5 дек.; *Ryti R.* Stunden der Entscheidung. Berlin — Leipzig, 1942, S. 27.
- 216 Внешняя политика СССР: Сборник документов. Т. 4, с. 471.
- 217 Там же, с. 469—470.
- 218 Цит. по: *Марков М.* Указ. соч., с. 48.
- 219 *Salomaa M.* Op. cit., s. 38; *Tiedonantaja*, 1987, 11.02., 01.12.
- 220 *Laurila B.* Op. cit., s. 274.
- 221 *Upton A. F.* Kommunismi Suomessa. Rauma, 1970, s. 142.
- 222 *Huttunen V.* Kansakunnan historia. VII, s. 49; *Jakobson M.* Op. cit., s. 248.
- 223 *Jakobson M.* Op. cit., s. 248; *Huttunen V.* Kansakunnan historia. VII, s. 35.
- 224 *Jussila O.* Terijoen hallitus 1939—40. Porvoo — Hels., 1985.
- 225 Цит. по: *Марков М.* Указ. соч., с. 45.
- 226 Правда, 1939, 29 ноября; *Jussila O.* Op. cit., s. 35.
- 227 News Chronicle, 1940, 06.02; The Times, 1940, 15.03.
- 228 *Kallenautio J.* Op. cit., s. 197—198.
- 229 The Daily Worker, 1939, 28.12.
- 230 Правда, 1939, 15 дек.
- 231 *Pakaslahti A.* Op. cit., s. 218.
- 232 Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Vol. X, p. 315.
- 233 *Laurila B.* Op. cit., s. 239.
- 234 Цит. по: *Vilkuna K.* Hilter marsalkan 75-vuotipäivillä//Uusi Kuva-lehti, 1954, 05.11.
- 235 *Peltovuori R.* Op. cit., s. 72; *Niukkanen J.* Op. cit., s. 247.
- 236 Цит. по: *Севастьянов П.* Накануне великой битвы. Сентябрь 1939 — июнь 1941 г. // Международная жизнь, 1978, № 3, с. 110.
- 237 *Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana, s. 192—197, 360; *Kivimäki T. M.* Op. cit., s. 127; *Pakaslahti A.* Op. cit., s. 242, 244; *Blücher W.* Op. cit., s. 170—182, 185.
- 238 The New York Times, 1939, 12.04; *Solbel R.* The origins of interventionism. New York, 1960, p. 78; *Kivimäki T. M.* Op. cit., s. 124; *Tanner V.* Kahden maailmansodan välissä, s. 266.
- 239 *Niukkanen J.* Op. cit., s. 247.
- 240 Ibid.; *Tidens tein*, 1940, 26.03.
- 241 *Gripenberg G. A.* Op. cit., s. 89.
- 242 *Nevakivi J.* Op. cit., s. 71.
- 243 *Nevakivi J.* Op. cit., p. 62.
- 244 *Niukkanen J.* Op. cit., s. 31; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. I, с. 262.
- 245 *Niukkanen J.* Op. cit., s. 168—172, 194—195; ЦГА ВМФ, ф. р-7, оп. 1, д. 1269, л. 2; д. 1270, л. 1—4.

- 246 *Niukkanen J.* Op. cit., s. 168—172, 194—195; ЦГА ВМФ, ф. р-7 оп. 1, д. 1269, л. 3.
- 247 *Niukkanen J.* Op. cit., s. 168—172, 194—195.
- 248 Ibid.
- 249 *Mannerheim G.* Op. cit., s. 208; *Martola A. E.* Op. cit., s. 122--123.
- 250 *Butler J.* Grand Strategy. Vol. II. London, 1957, p. 95.
- 251 *Lorbeer H. J.* Westmahte gegen die Sowjetunion 1939—1941. Freiburg, 1975, S. 43—44.
- 252 *Лиддел Гарт Б.* Вторая мировая война. М., 1976, с. 47.
- 253 *Butler J.* Op. cit., p. 122.
- 254 История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. I, с. 265.
- 255 *Носков А.* Скандинавский плацдарм во второй мировой войне. М., 1977, с. 51; *Nevakivi J.* Op. cit., s. 220—221.
- 256 *Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana, s. 228, 253—256, 288—298.
- 257 *Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana, s. 321.
- 258 *Huttunen V.* Kansakunnan historia, VII, s. 76; *Nevakivi J.* Op. cit., s. 161.
- 259 *Myllyniemi S.* Op. cit., s. 159.
- 260 *Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana, s. 238.
- 261 *Pakaslahti A.* Op. cit., s. 247; *Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana, s. 201.
- 262 *Wuolijoki H.* Luottamukselliset neuvottelut Suomen ja Neuvostoliiton välillä. Hels., 1945, s. 9.
- 263 История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. I, с. 271.
- 264 Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1941—1943. Vol. I. Washington, 1958, p. 281; История внешней политики СССР, т. I, с. 410.
- 265 *Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana, s. 203.
- 266 *Pakaslahti A.* Op. cit., s. 246; *Nevakivi J.* Op. cit., s. 158—159; *Huttunen V.* Kansakunnan historia, VII, s. 77; *Kansan Uutiset*, 1959, 27—30.11.
- 267 *Brunmert R.* Statsbeskattningen som medel för krigsfinansieringen i Finland Åren 1939—1945. Hels., 1956, s. 201.
- 268 *Lehtinen A.* Sotatalous 1939—1945//Itsenäisen Suomen taloushistoriaa 1919—1950. Porvoo — Hels., 1967, s. 232.
- 269 Ibid., s. 203.
- 270 *Pihkala E.* Sotatalous 1939—44//Suomen taloushistoria. 2. Hels., 1982, s. 326; *Saraste E.* Totaalinen liikekannalepano//Suomi 1941. Hels., 1985, s. 9.
- 271 *Knoellinger C. E.* Labor in Finland. Cambridge. 1960, p. 95—97; *Haataja L.* Työmarkkinasopu//Suomi, 1941, s. 30.
- 272 ЦГАСА, ф. 34980, оп. 1, д. 10, л. 106—109.
- 273 *Mannerheim G.* Op. cit., s. 201, 202.
- 274 АШ ЛВО, ф. 7043, оп. 1, д. 2, л. 44.
- 275 *Halsti W. H.* Suomen sota 1939—1945. Talvisota 1939—1940. I. Hels., 1957, s. 163.
- 276 *Talvela P.* Op. cit., s. 200.
- 277 АШ ЛВО, ф. 7043, оп. 1, д. 2, приложение 5.
- 278 *Мерецков К. А.* Указ. соч., с. 188.
- 279 *Martola A. E.* Op. cit., s. 133.
- 280 История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. I, с. 272; *Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana, s. 296.

- 281 *Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana, s. 296.
- 282 *Myllyniemi S.* Op. cit., s. 168.
- 283 *Nevakivi J.* Op. cit., s. 249.
- 284 *Pakaslahti A.* Op. cit., s. 259; *Gripenberg G. A.* Op. cit., s. 125.
- 285 АШ ЛВО, ф. 7043, оп. 1, д. 2, приложение 5; ЦГАСА, ф. 34980, оп. 3, д. 230, л. 25.
- 286 *Niukkanen J.* Op. cit., s. 173, 174, 176, 181, 194, 195.
- 287 АШ ЛВО, ф. 7043, оп. 3, д. 3, л. 13; ЦГАСА, ф. 34980, оп. 3, д. 230, л. 25.
- 288 АШ ЛВО, ф. 7043, оп. 1, д. 2, приложение 5.
- 289 *Talvela P.* Op. cit., s. 202—203.
- 290 *Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana, s. 310.
- 291 *Pakaslahti A.* Op. cit., s. 266.
- 292 *Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana, s. 311.
- 293 Ibid.
- 294 Ibid., s. 316; *Pakaslahti A.* Op. cit., s. 274.
- 295 *Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana, s. 318; *Gripenberg G. A.* Op. cit., s. 126—128.
- 296 *Мерецков К. А.* Указ. соч., с. 189.
- 297 *Seppälä H.* Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia. Hels. — Porvoo, 1974, s. 177.
- 298 *Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana, s. 350; *Paasonen A.* Op. cit., s. 101; *Pakaslahti A.* Op. cit., s. 274.
- 299 *Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana, s. 352.
- 300 *Pakaslahti A.* Op. cit., s. 276.
- 301 АШ ЛВО, ф. 7043, оп. 1, д. 2, л. 62.
- 302 *Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana, s. 351.
- 303 *Niukkanen J.* Op. cit., s. 230; *Mannerheim G.* Op. cit., s. 214.
- 304 *Mannerheim G.* Op. cit., s. 186—188.
- 305 *Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana, s. 362.
- 306 *Waris H.* Suomalaisen yhteiskunnan rakenne. Hels., 1952, s. 106;
- Seppälä H.* Op. cit., s. 137.
- 307 The Times, 1940, 12.03.
- 308 *Pakaslahti A.* Op. cit., s. 285; История Великой Отечественной войны 1941—1945. Т. I, с. 273; *Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana, s. 387; *Maseng E.* 1905 og 1940. Oslo, 1953, s. 214.
- 309 *Gripenberg G. A.* Op. cit., s. 136—137.
- 310 *Pakaslahti A.* Op. cit., s. 301.
- 311 *Talvela P.* Op. cit., s. 213; *Martola A. E.* Op. cit., s. 143—144; *Halsti W.* Op. cit., s. 400.
- 312 Внешняя политика СССР: Сборник документов. Т. 4, с. 496.
- 313 *Paasikivi J. K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939—1941. II, s. 81—82; *Tanner V.* Kahden maailmansodan välissä, s. 259.
- 314 *Nevakivi J.* Op. cit., s. 280.
- 315 *Linkomies E.* Op. cit., s. 45.
- 316 Цит. по: *Myllyniemi S.* Op. cit., s. 66—67.
- 317 *Soikkanen T.* Op. cit., s. 340.
- 318 Цит. по: Suomen Kuvalehti, 1976, N 44, s. 30.
- 319 *Huttunen V.* Kansakunnan historia. VII, s. 83; *Tarkka J., Tiitta A.* Op. cit., s. 133; *Niukkanen J.* Op. cit., s. 279—280; *Pakaslahti A.* Op. cit., s. 302; *Frietsch C. O.* Op. cit., s. 253; Salaiset keskustelut. Lahti, 1967, s. 33.
- 320 Цит. по: *Upton A.* Väli-aika, s. 49.
- 321 Цит. по: *Ильинский Я.* Финляндская белогвардейщина на службе у Гитлера. М., 1941, с. 13.

- ³²² *Jokipii M.* Op. cit., s. 72—76; *Arimo P.* Suomen linnoittamisen historia 1918—1944. Keuruu, 1981, s. 207—323.
- ³²³ *Blücher W.* Op. cit., s. 233.
- ³²⁴ *Pakaslahti A.* Op. cit., s. 312.
- ³²⁵ *Nevakivi J.* Op. cit., s. 268.
- ³²⁶ Цит. по: Известия, 1940, 20 марта.
- ³²⁷ *Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana, s. 294.
- ³²⁸ *Вайну Х. М.* О попытках политического сближения Финляндии со скандинавскими странами в 1940 году // Скандинавский сборник. XXV. Таллин, 1980, с. 150.
- ³²⁹ *Krosby H.* Nikkelidiplomatiaa Petsamossa 1940—1941. Hels., 1966, s. 37.
- ³³⁰ *Reimaa M.* Puun ja kuoren välissä. Keuruu, 1979, s. 85; Päivän Sanomat, 1967, 11.04.
- ³³¹ *Talvela P.* Op. cit., s. 233.
- ³³² *Nevakivi J.* Op. cit., s. 281.
- ³³³ *Niukkanen J.* Op. cit., s. 247; Kansan Uutiset, 1958. 04.06.
- ³³⁴ *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941. Porvoo — Hels. — Juva, 1984, s. 11.
- ³³⁵ *Hirvikallio P.* Tasavallan presidentin vaalit Suomessa 1919—1950. Porvoo, 1958, s. 84.
- ³³⁶ *Jalanti H.* Suomi puristuksessa 1940—1941. Lahti, 1966, s. 31; *Salin T.* Hallitusmuoto sota-ajan poikkeusoloissa 1939—1944// Valtiosääntökysymykset eri tieteiden tutkimuskohteena sekä valtiosääntöbibliografia. Turku, 1984, s. 79; Salaiset keskustelut, s. 321; *Linkomies E.* Op. cit., s. 92.
- ³³⁷ *Jokipii M.* Op. cit., s. 21—22; Upton A. Väli rauha, s. 98.
- ³³⁸ *Jokipii M.* Op. cit., s. 50.
- ³³⁹ *Ibid.*, s. 30—32; Upton A. Väli rauha, s. 395.
- ³⁴⁰ *Huttunen V.* Kansakunnan historia, VII, s. 104; Sanat ja teot. Hels, 1945, s. 25; *Voionmaa V.* Kuriiripostia v. 1941—1946. Hels., 1971, s. 14.
- ³⁴¹ *Soikkanen H.* Sisäpolittiset rintamat jatkosodan aikana//Jatkosodan kujanjuoksu. Porvoo — Hels. — Juva, 1982, s. 117.
- ³⁴² *Kelnische Zeitung*, 1941, 06.01; *Fölkischer Beobachter*, 1941, 07.03.
- ³⁴³ Цит. по: *Lehmus K.* Kolme kriisiä. Hels., 1971, s. 49; Kansan Uutiset, 1960, 13.03.
- ³⁴⁴ *Krosby H.* Nikkelidiplomatiaa Petsamossa 1940—1941, s. 263.
- ³⁴⁵ Цит. по: *Huttunen V.* Kansakunnan historia, VII, s. 101.
- ³⁴⁶ Цит. по: Suomen Sosialidemokraatti, 1940, 16.07.
- ³⁴⁷ *Manninen O.* Suur-Suomen ääri viivat. Hels., 1980, s. 140.
- ³⁴⁸ *Hitlers Secret Conversations.* New York, 1953, p. 324; *Thulstrup A.* Med lock och pek. Stockholm, 1962, s. 73—74.
- ³⁴⁹ Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Ser. D, vol. X. London, 1957, p. 406.
- ³⁵⁰ *Manninen O.* Op. cit., s. 31.
- ³⁵¹ *Blücher W.* Op. cit., s. 203.
- ³⁵² *Вайну Х. М.* Из истории «большой стратегии» правителей Финляндии в первой половине 1941 года // Скандинавский сборник. XV. Таллин, 1970, с. 111—112.
- ³⁵³ *Jalanti H.* Op. cit., s. 141.
- ³⁵⁴ *Upton A.* Väli rauha, s. 183.
- ³⁵⁵ *Reimaa M.* Op. cit., s. 132—133; *Jokipii M.* Op. cit., s. 114; *Manninen O.* Op. cit., s. 31; *Kallenautio J.* Op. cit., s. 222.
- ³⁵⁶ *Reimaa M.* Op. cit., s. 130.
- ³⁵⁷ *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 1. М., 1968, с. 60—62.
- ³⁵⁸ *Прозектор Д. М.* Агрессия и катастрофа. М., 1968, с. 198.

- 359 Halder F. Das persönliche Tagebuch des Chefs des Generalstabes des Heers. Bd. II. Stuttgart, 1963, S. 51.
- 360 Прозектор Д. М. Указ. соч., с. 198.
- 361 Terä M. Tienhaarassa. Hels., 1962, s. 26—31; Krosby H. Suomen valinta 1941. Hels., 1967, s. 63; Филиппов И. Р. Указ. соч., с. 154.
- 362 Terä M. Op. cit., s. 30.
- 363 Jokipii M. Op. cit., s. 115.
- 364 Terä M. Op. cit., s. 44—47; Taide ja ase, 1964, N 22, s. 32—33.
- 365 Jalanti H. Op. cit., s. 150.
- 366 Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. М., 1969, с. 324.
- 367 Talvela P. Op. cit., s. 235.
- 368 Kivimäki T. M. Op. cit., s. 198.
- 369 Куусинен О. В. Указ. соч., с. 363.
- 370 Там же, с. 362.
- 371 Talvela P. Op. cit., s. 236; Гальдер Ф. Указ. соч., т. 2, с. 121.
- 372 Гальдер Ф. Указ. соч., т. 2, с. 121.
- 373 Terä M. Op. cit., s. 21; Jalanti H. Op. cit., s. 175; Huttunen V. Kansakunnan historia, VII, s. 102.
- 374 Jalanti H. Op. cit., s. 152.
- 375 Kivimäki T. M. Op. cit., s. 197.
- 376 Krosby H. Nikkelidiplomatiaa Petsamossa 1940—1941, s. 94.
- 377 Terä M. Op. cit., s. 49, 51.
- 378 Ibid., s. 159—162; Jalanti H. Op. cit., s. 156.
- 379 Terä M. Op. cit., s. 51.
- 380 Kivimäki T. M. Op. cit., s. 199—200; Sanat ja teot, s. 57.
- 381 Krosby H. Suomen valinta, s. 271—276; Terä M. Op. cit., s. 162—163.
- 382 Jalanti H. Op. cit., s. 224.
- 383 Jokipii M. Vuodenvaihte 1940—1944 uudessa valossa//Historiallinen aikakauskirja, 1977, N 1, s. 4.
- 384 Jokipii M. Jatkosodan synty, s. 114.
- 385 Kallenautio J. Op. cit., s. 219.
- 386 ЦГА ВМФ, ф. р-7, оп. 1, д. 1267, л. 298—299, 302, 326, 336, 337, 349; ф. р-2045, оп. 1, д. 20, л. 302—303; д. 21, л. 16—17; д. 9, л. 68, 119.
- 387 Там же, ф. р-7, оп. 1, д. 1267, л. 326.
- 388 Talvela P. Op. cit., s. 237.
- 389 Kivimäki T. M. Op. cit., s. 201.
- 390 Sota-arkisto. Puolustusvoimat 5172. Valistustoimisto KD N 802/XV/1c/sal., 14.09. 1944, 258 TM/AN. Valistusohje N 8/44.
- 391 Kivimäki T. M. Op. cit., s. 199.
- 392 Talvela P. Op. cit., s. 247.
- 393 Krosby H. Suomen valinta, s. 75.
- 394 Talvela P. Op. cit., s. 239—249.
- 395 Ibid.
- 396 Krosby H. Suomen valinta, s. 75, 93; Прозектор Д. М. Указ. соч., с. 125.
- 397 Jokipii M. Tiedustelu maarajoillamme välirauhan//Historiallinen aikakauskirja, 1985, N 4, s. 278—282.
- 398 Polvinen T. Suomi suurvaltojen politiikassa 1941—1944. Porvoo — Hels., 1964, s. 187; Voionmaa V. Op. cit., s. 103; Skyttä K. Ei muuta kunnia. Hels., 1971, s. 80.
- 399 Финляндский капитализм. М., 1983, с. 39.
- 400 Там же, с. 38.
- 401 Tirronen E. O. Op. cit., s. 10.
- 402 Ibid., s. 24.
- 403 Ibid., s. 27.

- 404 *Lehtinen A.* Op. cit., s. 224.
- 405 *Tirronen E. O.* Op. cit., s. 19.
- 406 *Lehtinen A.* Op. cit., s. 206.
- 407 *Tirronen E. O.* Op. cit., s. 20.
- 408 *Lehtinen A.* Op. cit., s. 225.
- 409 *Brummert R.* Op. cit., s. 201.
- 410 *Knoellinger C. E.* Op. cit., p. 84; *Waris H.* Op. cit., s. 109.
- 411 *Tirronen E. O.* Op. cit., s. 13.
- 412 *Ibid.*, s. 33.
- 413 *Lehtinen A.* Op. cit., s. 222.
- 414 *Pihkala E.* Kuinka jatkosota kestettiin taloudellisesti//Jatkosodan kujanjuoksu, s. 93.
- 415 *Huttunen V.* Kansakunnan historia, VII, s. 90.
- 416 *Terä M.* Op. cit., s. 41.
- 417 *Krosby H.* Nikkelidiplomatiaa Petsamossa 1940—1941, s. 37, 264.
- 418 *Jalanti H.* Op. cit., s. 134—135; *Terä M.* Op. cit., s. 65, 70; Ajankuvat, 1961, N 1, s. 9.
- 419 *Seppinen I.* Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939—1944. Hels., 1983, s. 113—114.
- 420 *Lehtinen A.* Op. cit., s. 216.
- 421 *Vehviläinen O.* Suomen irtautuminen toisesta maailmansodasta// Historiallinen arkisto, 1983, N 80, s. 86.
- 422 *Vilkuna K.* Sanan valvonta. Hels., 1962, s. 26.
- 423 *Ibid.*, s. 25; Suomen työväenliikkeen historia. Hels. — Joensuu, 1977, s. 240.
- 424 *Vilkuna K.* Op. cit., s. 91—92, 102.
- 425 Historiallinen aikakauskirja, 1974, N 1, s. 76.
- 426 *Vilkuna K.* Op. cit., s. 54.
- 427 Sota-arkisto. 2 divis. esikunta KD N 1850/val./3 sal., 25.9.44.
- 428 Suomen työväenliikkeen historia, s. 234.
- 429 *Viitala H. M.* Rauhanoppositio. Pori, 1969, s. 29.
- 430 *Ibid.*, s. 22, 46.
- 431 Jatkosodan kujanjuoksu, s. 113—114.
- 432 *Viitala H. M.* Op. cit., s. 31.
- 433 *Jokipiö M.* Jatkosodan synty, s. 69.
- 434 *Huttunen V.* Kansakunnan historia, VII, s. 112.
- 435 *Upton A.* Väli rauha, s. 245.
- 436 *Upton A.* Finland in crisis 1940—41. London, 1964, p. 199.
- 437 *Nevakivi J.* Ystävästä viholliseksi. Hels., 1976, s. 107.
- 438 ЦГА ВМФ, ф. р-7, оп. 1, д. 1267, л. 298—299, 326, 336—337, 349; АШ ЛВО, ф. 1, оп. 2340, д. 15, л. 80.
- 439 Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1937—1941. Ser. D. Bd. XI. Bonn, 1964, S. 167.
- 440 *Бережков В. М.*, Страницы дипломатической истории. М., 1982, с. 22. Suomen Kuvalehti, 1987, N 38, s. 60.
- 441 *Кегель Г. В.* В бурях нашего века: Записки разведчика-антифашиста. М., 1987, с. 177.
- 442 Там же, с. 167.
- 443 *Кекконен У. К.* Указ. соч., с. 222.
- 444 *Кекконен У.* Kirjeitä myllystäni. Hels., 1976, s. 196
- 445 Suomen sota. I. Hels., 1965, s. 65; *Korhonen A.* Op. cit., s. 72—73, 166, 168.
- 446 *Talvela P.* Op. cit., s. 232.
- 447 *Гальдер Ф.* Указ. соч., т. 2, с. 306.
- 448 *Manninen O.* Saksa tyrmää Ruotsin — Suomen unionin//Historiallinen aikakauskirja, 1975, N 3, s. 230.
- 449 *Manninen O.* Suur-Suomen ääri viivat, s. 33.

- 450 *Tatvela P.* Op. cit., s. 267.
- 451 *Reimaa M.* Op. cit., s. 244.
- 452 *Гальдер Ф.* Указ. соч., т. 2, с. 343.
- 453 Там же.
- 454 *Jokipii M.* Jatkosodan synty, s. 159.
- 455 *Ibid.*, s. 160.
- 456 *Seppälä H.* Taistelu Leningradista ja Suomi. Porvoo, 1969, s. 104; *Jokipii M.* Jatkosodan synty, s. 180.
- 457 *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941, s. 67.
- 458 *Ibid.*, s. 70.
- 459 *Ziemke E.* Saksalaisten sotavoimet Pohjolassa. Hels., 1963, s. 197; *Jalanti H.* Op. cit., s. 269—276.
- 460 *Jokipii M.* Jatkosodan synty, s. 147.
- 461 *Upton A.* Välirauha, s. 151, 160; *Huttunen V.* Kansakunnan historia, VII, s. 93—94.
- 462 *Jalanti H.* Op. cit., s. 15, 16, 18; *Huttunen V.* Kansakunnan historia, VII, s. 109.
- 463 *Jokipii M.* Jatkosodan synty, s. 200.
- 464 *Гальдер Ф.* Указ. соч., т. 2, с. 546; *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941, s. 83.
- 465 *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941, s. 84—87; *Jokipii M.* Jatkosodan synty, s. 318—330.
- 466 *Seppälä H.* Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia, s. 199.
- 467 *Lehtinen A.* Op. cit., s. 229.
- 468 Цит. по: *Войонмаа В.* Дипломатическая почта. М., 1984, с. 20.
- 469 *Tirronen E. O.* Op. cit., s. 20—21.
- 470 *Blücher W.* Op. cit., s. 279.
- 471 *Войонмаа В.* Указ. соч., с. 20.
- 472 *Seppinen I.* Op. cit., s. 219.
- 473 *Blücher W.* Op. cit., s. 320.
- 474 *Terä M.* Op. cit., s. 38; *Jalanti H.* Op. cit., s. 145.
- 475 Historiallinen aikakauskirja, 1975, N 1, s. 8.
- 476 *Tiihonen S.* Välillinen julkinen hallinto sota aikana. Abo, 1984, s. 89; *Rislakki J.* Op. cit., s. 36; Tiedonantaja, 1974, 05.12.
- 477 *Rislakki J.* Op. cit., s. 36; Tiedonantaja, 1974, 05.12.
- 478 *Түökansan Sanomat*, 1951, 16.07.
- 479 *Ibid.*
- 480 *Vehviläinen O.* Isännät ja aseveljet — suomalaisen hallinnon ja saksalaisen sotaväen suhteista 1940—1944//Historiallinen arkisto, 1984, N 82, s. 324.
- 481 *Rislakki J.* Op. cit., s. 152—155, 174; *Manninen O.* Suur-Suomen ääriiviivat, s. 29.
- 482 *Jokipii M.* Jatkosodan synty, s. 345—346; *Jalanti H.* Op. cit., s. 341.
- 483 *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä, 1941, s. 98—99; Tiedonantaja, 1979, 16.02.
- 484 Tiedonantaja, 1986, 25.06.
- 485 *Jokipii M.* Jatkosodan synty, s. 573—574; *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä, 1941, s. 205—206.
- 486 *Vuorenmaa A.* Välirauhan aika — mietteitä vuosilta 1940 ja 1941//Sotilasaikakauslehti, 1981, N 6-7, s. 436.

Глава IV

В «БРАТСТВЕ ПО ОРУЖИЮ» С ГИТЛЕРОМ

¹ Salaiset keskustelut, s. 77.

² *Upton A.* Välirauha, s. 386—387.

- ³ *Vilkuna K.* Op. cit., s. 58.
- ⁴ *Jokipii M.* Jatkosodan synty, s. 548.
- ⁵ АИЛ ЛВО, ф. 47, оп. 47/127, д. 24 (т. 2), л. 279, 282.
- ⁶ *Nykopp J.* Paasikiven mukana Moskovassa. Hels., 1976, s. 135; *Pohlekin V. V.* Op. cit., s. 105.
- ⁷ Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Vol. VIII. London, 1947, p. 311—313.
- ⁸ *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941, s. 98; Uusi tietosanakirja, 19, s. 595.
- ⁹ *Jokipii M.* Jatkosodan synty, s. 557—581; *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941, s. 102; *Blücher W.* Op. cit., s. 235.
- ¹⁰ *Jokipii M.* Jatkosodan synty, s. 590—591.
- ¹¹ *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941, s. 99.
- ¹² *Nykopp J.* Op. cit., s. 135.
- ¹³ *Вайну Х. М.* Из истории «большой стратегии» правителей Финляндии в первой половине 1941 г., с. 118.
- ¹⁴ *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941, s. 104.
- ¹⁵ *Blücher W.* Op. cit., s. 235.
- ¹⁶ Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918—1945. Ser. D, Bd. 13/1. Bonn, 1970, S. 16.
- ¹⁷ *Linkomies E.* Op. cit., s. 86.
- ¹⁸ *Seppälä H.* Taistelu Leningradista ja Suomi, s. 59.
- ¹⁹ *Polvinen T.* Op. cit., s. 49.
- ²⁰ *Skyttä K.* Op. cit., s. 116.
- ²¹ *Linkomies E.* Op. cit., s. 88—89.
- ²² *Ibid.*, s. 86.
- ²³ *Ibid.*
- ²⁴ Salaiset keskustelut, s. 89.
- ²⁵ *Ibid.*, s. 95.
- ²⁶ *Ibid.*, s. 97.
- ²⁷ *Ibid.*, s. 78.
- ²⁸ *Jokipii M.* Jatkosodan synty, s. 620.
- ²⁹ *Войонмаа В.* Указ. соч., с. 40.
- ³⁰ *Linkomies E.* Op. cit., s. 86.
- ³¹ Jatkosodan kujanjuoksu, s. 26; Sotilasaikakauslehti, 1981, N 6—7, s. 436.
- ³² *Lundin C. L.* Op. cit., s. 134—135.
- ³³ *Polvinen T.* Op. cit., s. 73; *Krosbi H. P.* Nikkelidiplomatiaa Petsamossa 1940—1941, s. 259; Sanat ja teot, s. 25; *Manninen O.* Suur-Suomen ääriiviivat, s. 277; *Войонмаа В.* Указ. соч., с. 39.
- ³⁴ *Manninen O.* Suur-Suomen ääriiviivat, s. 157—158, 295.
- ³⁵ *Seppälä H.* Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia, s. 212—213.
- ³⁶ *Talvela P.* Op. cit., s. 279.
- ³⁷ *Ibid.*, s. 299.
- ³⁸ *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941, s. 124.
- ³⁹ *Hölter H.* Armee in der Arktis. Bad Nauheim, 1953, S. 11.
- ⁴⁰ Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1984, с. 39.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² *Tuompo W. E.* Päiväkirjani 1941—1944. Porvoo — Hels., 1969, s. 28—29; *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941, s. 130, *Гальдер Ф.* Указ. соч., т. 3, кн. 1, с. 101.
- ⁴³ Jatkosodan kujanjuoksu, s. 46.
- ⁴⁴ Sanat ja teot, s. 25.
- ⁴⁵ *Seppälä H.* Taistelu Leningradista ja Suomi, s. 130.
- ⁴⁶ *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941, s. 139.

- ⁴⁷ *Talvela P.* Op. cit., s. 315.
- ⁴⁸ *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941, s. 142.
- ⁴⁹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 2. М., 1976, с. 5.
- ⁵⁰ *Gripenberg G. A.* Op. cit., s. 208; *Mannerheim G.* Op. cit., s. 340; *Polvinen T.* Barbarossasta Teheraniin. Porvoo—Hels.—Juva, 1979, s. 87—92; Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918—1945, Ser. D, Bd. 13/1, S. 169, 190.
- ⁵¹ *Palm T.* Moskova, 1944. Jyväskylä, 1973, s. 21.
- ⁵² *Blücher W.* Op. cit., s. 251.
- ⁵³ SKP taistelun tiellä. I. Oulu, 1945, s. 73; *Viitala H. M.* Op. cit., s. 63; *Sikkanen H.* Sisäpolittiset rintamat jatkosodan aikana, s. 114; *Waris H.* Op. cit., s. 176.
- ⁵⁴ Kansan Uutiset, 1964, 19.04.
- ⁵⁵ *Helo J.* Op. cit., s. 43—44.
- ⁵⁶ *Vilkuna K.* Op. cit., s. 64; Kotirintama 1941—1944. Hels., 1972, s. 21.
- ⁵⁷ Центральный архив Министерства обороны СССР (ЦАМО СССР), ф. 222, оп. 36797, д. 4, л. 406.
- ⁵⁸ ЦАМО СССР, ф. 249, оп. 33408, д. 1, л. 30.
- ⁵⁹ ЦАМО СССР, ф. 217, оп. 2970, д. 3, л. 254—256; ф. 249, оп. 3053, д. 1, л. 64.
- ⁶⁰ Suomen sota 1941—1945. 3. Kuorio, 1951, s. 170.
- ⁶¹ *Tuomro W. E.* Op. cit., s. 51.
- ⁶² ЦАМО СССР, ф. 217, оп. 2970, д. 4, л. 160; ф. 217, оп. 269391, д. 27, л. 101; ф. 222, оп. 36797, д. 22, л. 371; *Русakov З. Г.* Нашим морем была Ладога. Л., 1989, с. 24—32.
- ⁶³ ЦАМО СССР, ф. 222, оп. 113897, д. 1, л. 38.
- ⁶⁴ Suomen sota 1941—1945, 3, s. 185—196.
- ⁶⁵ ЦАМО СССР, ф. 217, оп. 269391, д. 27, л. 109; Оборона Ленинграда. 1941—1944: Воспоминания и дневники участников. Л., 1968, с. 144.
- ⁶⁶ ЦАМО СССР, ф. 217, оп. 20117, д. 3, л. 13—15.
- ⁶⁷ Цит. по: *Rusi A.* Lehdistöensuuri jatkosodassa. Kokemäki, 1982, s. 133.
- ⁶⁸ ЦАМО СССР, ф. 217, оп. 33422, д. 1, л. 13.
- ⁶⁹ *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941, s. 150.
- ⁷⁰ ЦАМО СССР, ф. 217, оп. 33422, д. 1, л. 14.
- ⁷¹ *Kulomaa J.* Rintamakarkuruus jatkosodan hyökkäysvaiheissa, v. 1941//Historiallinen aikauskirja, 1979, N 4, s. 318.
- ⁷² *Polvinen T.* Barbarossasta Teheraniin, s. 109.
- ⁷³ Uusi Maailma, 1963, N 9.
- ⁷⁴ *Seppälä H.* Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia, s. 221.
- ⁷⁵ Совершенно секретно! Только для командования! М., 1967, с. 264.
- ⁷⁶ *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941, s. 156.
- ⁷⁷ *Гальдер Ф.* Указ. соч., т. 3, кн. 1, с. 308.
- ⁷⁸ *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941, s. 157.
- ⁷⁹ *Talvela P.* Op. cit., s. 450.
- ⁸⁰ *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941, s. 160.
- ⁸¹ *Viitala H.* Op. cit., s. 65; *Kulomaa J.* Op. cit., s. 315.
- ⁸² *Kulomaa J.* Op. cit., s. 319.
- ⁸³ Ibid.
- ⁸⁴ *Erfurth W.* Murmannin radan ongelma. Hels., 1952, s. 34.
- ⁸⁵ Jatkosodan kujanjuoksu, s. 3—4.
- ⁸⁶ Sota-arkisto. Yleisesikunnan pääleikki, N 842/1b/sal., 03.12.1941.

- ⁸⁷ Kansan Arkisto, 1b. SKP 1918—1944. 4. Suomi toisessa maailman sodassa. III. Sodanvastainen toiminta (в дальнейшем: 1b, 4/III). Suomen Kansan Vapauden Liitto. I. Kansan Tahto 1941; Työkansan vapaustaistelun järjestäjät; SKP : n asikirjoja vuosilta 1944—1948. Hels., 1974, s. 98.
- ⁸⁸ SKP taistelun tiellä, I, s. 44.
- ⁸⁹ Kommunisti, 1976, N 7-8, s. 618.
- ⁹⁰ Ibid., s. 619.
- ⁹¹ Kansan Arkisto, 1b, 4/III. Sosialismin Airut v. 1941—1942.
- ⁹² Kansan Arkisto, 1b, 4/III. Suomen Kansan Vapauden Liitto. 2. Humanite 1941; Sosialismin Airut v. 1941—1942; Kansainvälinen vastarintaliike; SKP taistelun tiellä, I, s. 61; Kommunisti, 1968, N 6, s. 286.
- ⁹³ Kotirintama 1941—1944, s. 45.
- ⁹⁴ *Rusi A.* Op. cit., s. 160—161.
- ⁹⁵ *Vilkuna K.* Op. cit., s. 60.
- ⁹⁶ *Kulomaa J.* Op. cit., s. 315.
- ⁹⁷ Ibid., s. 329.
- ⁹⁸ *Kuusinen O. B.* Указ. соч., с 257—258; *Viitala H. M.* Op. cit., s. 74; Kansan Uutiset, 21.12.1982.
- ⁹⁹ Sota-arkisto. Karjalan armeijan esikunta. Komento-osasto, N 1720/X/2/sal., 15.11.41.
- ¹⁰⁰ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945: Документы и материалы. Т. I. М., 1983, с. 138, 176—177, 183; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945: Документы и материалы. Т. I. М., 1984, с. 98, 106, 119.
- ¹⁰¹ *Polvinen T.* Suomi suurvaltojen politiikassa 1941—1944, s. 82, 86.
- ¹⁰² *Gripenberg G. A.* Op. cit., s. 213; Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918—1945. Ser. D, Bd. 13/1, S. 456.
- ¹⁰³ Советско-английские отношения..., т. I, с. 170.
- ¹⁰⁴ Там же, с. 179, 183.
- ¹⁰⁵ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы. Т. I. М., 1946, с. 160.
- ¹⁰⁶ *Manninen O.* Suur-Suomen ääriiviivat, s. 143.
- ¹⁰⁷ Ibid., s. 40.
- ¹⁰⁸ *Blücher W.* Op. cit., s. 275, 277.
- ¹⁰⁹ *Войонмаа В.* Указ соч., с. 69.
- ¹¹⁰ *Tervasmäki V.* Miten linnoitusrakennusjoukkojen ryhmitys ja käyttö vastasi jatkosodan aikana sotilaallisia toiminta-ajatuksia ja suunnitelmia//Turun historiallinen arkisto, 1976, N 31, s. 314—343; *Martola A. E.* Op. cit., s. 170; *Seppälä H.* Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia, s. 235.
- ¹¹¹ *Войонмаа В.* Указ. соч., с. 78.
- ¹¹² *Polvinen T.* Barbarossasta Teheraniin, s. 133.
- ¹¹³ *Frietsch C. O.* Op. cit., s. 465.
- ¹¹⁴ *Blücher W.* Op. cit., s. 278.
- ¹¹⁵ *Tuompo W. E.* Op. cit., s. 103.
- ¹¹⁶ Sota-arkisto, N 748, 24.5.1942.
- ¹¹⁷ *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941, s. 232.
- ¹¹⁸ *Lehtinen A.* Op. cit., s. 212.
- ¹¹⁹ *Pihkala E.* Sotatalous 1939—1944, s. 321.
- ¹²⁰ *Lehtinen A.* Op. cit., s. 213.
- ¹²¹ *Tirronen E. O.* Op. cit., s. 109; *Martola A. E.* Op. cit., s. 160—161.
- ¹²² *Tirronen E. O.* Op. cit., s. 175.
- ¹²³ *Seppinen I.* Op. cit., s. 138.
- ¹²⁴ *Tirronen E. O.* Op. cit., s. 74.

- 125 *Pihkala E.* Sotatalous 1939—1944, s. 319.
- 126 *Kalliokoski V.* Kiihtoisena muistan. Hels., 1973, s. 94.
- 127 *Войонмаа В.* Указ. соч., с. 71.
- 128 *Tirronen E. O.* Op. cit., s. 76; *Pihkala E.* Sotatalous 1939—1944, s. 324; *Lehtinen A.* Op. cit., s. 199.
- 129 *Lehtinen A.* Op. cit., s. 225.
- 130 *Rusi A.* Op. cit., s. 183.
- 131 Kotirintama 1941—1944, s. 78.
- 132 *Salminen E.* Propaganda rintamajoukoissa 1941—1944. Keura, 1976, s. 99.
- 133 *Ibid.*, s. 161.
- 134 Kansan Arkisto, 1b, 4/III. Suomen Kansan Vapauden Liitto. 3. Maalaiskansa 1942; Kotirintama 1941—1944, s. 76—77; Helsingin Sanomat, 1942, 25.10, 22.11, 10.12; Ilkka, 1942, 15.01.
- 135 Kansan Arkisto, 1b, 4/III. Suomen Kansan Vapauden Liitto. 3. Maalaiskansa 1942.
- 136 Kansan Arkisto, 1b, 4/III. Suomen Kansan Vapauden Liitto. Hävitysohjesäännöt (1—2). Partisaanisodan keskus; *Vanamo T., Grönholm J.* Punaiset liput: Suomen Kommunististen puolueen Turun piirijärjestöhistoria. Turku, 1977, s. 93; *Parkkari N.* Nuoret taistelun tiellä. Hels., 1970, s. 283; *Arbetaren*, 1943, 11.02; *Kommunisti*, 1970, N 5, s. 236; *Смирнов В.* Финляндия//Антифашистское движение сопротивления в странах Европы в годы второй мировой войны. М., 1962, с. 656.
- 137 Kotirintama 1941—1944, s. 109—111.
- 138 *Ibid.*, s. 110.
- 139 *Ibid.*, s. 109.
- 140 *Vehviläinen O.* Isännät ja aseveljet — suomalaisen hallinnon ja saksalaisen sotaväen suhteista 1940—1944, s. 330.
- 141 *Salminen E.* Op. cit., s. 111; Kotirintama 1941—1944, s. 114.
- 142 *Mannerheim G.* Op. cit., s. 292.
- 143 *Hölter H.* Op. cit., S. 17.
- 144 *Tuompo W.* Op. cit., s. 144.
- 145 История второй мировой войны 1939—1945. Т. 5. М., 1975, с. 237.
- 146 *Прозктор Д. М.* Указ. соч., с. 384.
- 147 История второй мировой войны 1939—1945, т. 5, с. 237.
- 148 *Tuompo W.* Op. cit., s. 155.
- 149 *Прозктор Д. М.* Указ. соч., с. 386.
- 150 История второй мировой войны 1939—1945, т. 5, с. 238.
- 151 *Маништейн Э.* Утраченные победы. М., 1957, с. 265; *Greiner H.* Die oberste Wehrmachtführung 1939—1943. Wiesbaden, 1951, S. 406.
- 152 История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1988, с. 241.
- 153 *Tuompo W.* Op. cit., s. 162.
- 154 *Lehtus K.* Op. cit., s. 81.
- 155 *Морозов К. А.* Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Петрозаводск, 1983, с. 79
- 156 *Blücher W.* Op. cit., s. 306—307; *Berry R. M.* Op. cit., p. 223—224.
- 157 *Войонмаа В.* Указ. соч., с. 95.
- 158 *Assarsson V.* Stalinin varjossa. Porvoo — Hels., 1963, s. 128.
- 159 Внешняя политика СССР. Т. 5 М., 1947, с. 15; *Ингульская Л. А.* В борьбе за демократизацию Финляндии. М., 1972, с. 34.
- 160 *Rusi A.* Op. cit., s. 222—223
- 161 *Soikkanen H.* Sota-ajan valtioneuvosto//Valtioneuvoston historia 1917—1966. II. Hels., 1977, s. 152; История международных отношений и внешней политики СССР. 1917—1967. Т. 2. М., 1967, с. 149—150.

- ¹⁶² Цит. по: *Kivimäki T. M.* Op. cit., s. 250.
- ¹⁶³ *Blücher W.* Op. cit., s. 311—312.
- ¹⁶⁴ Sota-arkisto. Kannaksen ryhmän esikunta, N 1334/val./201, 07.09.1942.
- ¹⁶⁵ *Polvinen T.* Barbarossasta Teheraniin, s. 188.
- ¹⁶⁶ Beiträge zur Geschichte des Ostseeraums. Greifswald, 1975, S. 135.
- ¹⁶⁷ *Paavolainen O.* Synkkä yksinpuhelu. Hels., 1960, s. 318.
- ¹⁶⁸ *Paasonen A.* Op. cit., s. 125.
- ¹⁶⁹ *Rusi A.* Op. cit., s. 232—233.
- ¹⁷⁰ Цит. по: Ленинградская правда, 1945, 12 дек.
- ¹⁷¹ *Polvinen T.* Barbarossasta Teheraniin, s. 186, 196—197, 199; *Tanner V.* Suomen tie rauhaan 1943—1944. Hels., 1952, s. 15; Sanat ja teot, s. 35.
- ¹⁷² Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945, т. 1, с. 280; Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers. 1943, vol. III, p. 230.
- ¹⁷³ *Rusi A.* Op. cit., s. 240—241.
- ¹⁷⁴ *Ibid.*, s. 253.
- ¹⁷⁵ *Tanner V.* Suomen tie rauhaan, s. 12.
- ¹⁷⁶ *Ibid.*, s. 16; *Polvinen T.* Barbarossasta Teheraniin, s. 203.
- ¹⁷⁷ *Soikkanen H.* Sota-ajan valtioneuvosto, s. 157.
- ¹⁷⁸ *Ibid.*; *Rusi A.* Op. cit., s. 259.
- ¹⁷⁹ *Tanner V.* Suomen tie rauhaan, s. 22.
- ¹⁸⁰ *Manninen O.* Maaherra Hillilän salainen tehtävä//Sotilasaikakauslehti, 1979, N 1, s. 1, 14; Sanat ja teot, s. 35; *Kivimäki T. M.* Op. cit., s. 304.
- ¹⁸¹ *Вайну Х. М.* О выходе Финляндии из второй мировой войны // Вопросы истории, 1987, № 6, с. 41.
- ¹⁸² *Polvinen T.* Barbarossasta Teheraniin, s. 205.
- ¹⁸³ *Tanner V.* Suomen tie rauhaan, s. 23.
- ¹⁸⁴ Sota-arkisto. Päämaja. Komento-osasto, N 3186/kom. 2/sal., 13.09.1944. Muisto nykytilanteen kehityksestä.
- ¹⁸⁵ *Вайну Х. М.* О выходе Финляндии из второй мировой войны, с. 41.
- ¹⁸⁶ См.: История второй мировой войны 1939—1945. Т. 10. М., 1979, с. 357—358.
- ¹⁸⁷ *Standli W., Ageton A.* Admiral Ambassador to Russia. Chicago, 1955, p. 533.
- ¹⁸⁸ *Gripenberg G. A.* Op. cit., s. 173—174.
- ¹⁸⁹ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945, т. I, с. 294.
- ¹⁹⁰ *Soikkanen H.* Sota-ajan valtioneuvosto, s. 156; *Palm T.* Op. cit., s. 22; *Vehviläinen O.* Suomen irtautuminen toisesta maailmansodasta, s. 87.
- ¹⁹¹ *Израэлян В. Л., Кутаков Л. Н.* Дипломатия агрессоров. М., 1967, с. 323.
- ¹⁹² *Blücher W.* Op. cit., s. 339.
- ¹⁹³ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, т. I, с. 294—295; Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. I. М., 1976, с. 125—126.
- ¹⁹⁴ Переписка Председателя Совета Министров..., т. I, с. 126.
- ¹⁹⁵ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943, vol. III, p. 251—253.
- ¹⁹⁶ *Linkomies E.* Op. cit., s. 215—216.
- ¹⁹⁷ *Helo J.* Op. cit., s. 68.

- 198 *Tanner V. Suomen tie rauhaan*, s. 52—53.
- 199 *Deutschland in zweiten Weltkrieg*. 3. Berlin, 1982, S. 427; *Kivimäki T. M.* Op. cit., s. 253.
- 200 *Linkomies E.* Op. cit., s. 219.
- 201 *Seppälä H.* Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia, s. 24.
- 202 *Korhonen A.* Viisi sodan vuotta. Porvoo, 1959, s. 63.
- 203 *Historiallinen aikakauskirja*, 1982, N 3, s. 264.
- 204 *Войонмаа В.* Указ. соч., с. 127.
- 205 *Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны*, т. I, с. 298.
- 206 Там же, с. 306.
- 207 *Войонмаа В.* Указ. соч., с. 125; *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943*, vol. III, p. 265.
- 208 *Tanner V. Suomen tie rauhaan*, s. 59—62.
- 209 *Ibid.*, s. 63.
- 210 *Soikkanen H.* Sota-ajan valtioneuvosto, s. 160.
- 211 *Kivimäki T. M.* Op. cit., s. 256; *Seppinen I.* Op. cit., s. 183.
- 212 *Tanner V. Suomen tie rauhaan*, s. 66.
- 213 *Kivimäki T. M.* Op. cit., s. 310.
- 214 *Linkomies E.* Op. cit., s. 223.
- 215 *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1943*, vol. III, p. 266.
- 216 *Дитмар К.* Финская кампания // *Мировая война 1939—1945 гг.* М., 1957, с. 143.
- 217 *Tanner V. Suomen tie rauhaan*, s. 58.
- 218 *Manninen O.* Maaherra Hillilän salainen tehtävä, s. 8.
- 219 *Talvela P.* Sotilaan elämä. II. Jyväskylä, 1977, s. 257.
- 220 *Manninen O.* Maaherra Hillilän salainen tehtävä, s. 16.
- 221 *Seppälä H.* Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia, s. 245.
- 222 *Linkomies E.* Op. cit., s. 261—262.
- 223 *Gripenberg G. A.* Op. cit., s. 281; *Polvinen T.* Suomi suurvaltojen politiikassa 1941—1944, s. 168—196.
- 224 *Внешняя политика СССР*, т. 5, с. 310.
- 225 *Linkomies E.* Op. cit., s. 266.
- 226 *Gripenberg G. A.* Op. cit., s. 283.
- 227 *Rusi A.* Op. cit., s. 276.
- 228 *Skog E.* Sosialisti ja patriotti muistelee. Porvoo — Hels., 1971, s. 104; *Gripenberg G. A.* Op. cit., s. 286.
- 229 *Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945*, т. I, с. 524; *Tanner V. Suomen tie rauhaan*, s. 97—98.
- 230 *Lehmus K.* *Tuntematon Mannerheim*. Hels., 1967, s. 145.
- 231 *Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945*, т. I, с. 459—460.
- 232 *Tanner V. Suomen tie rauhaan*, s. 98.
- 233 *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1943*, vol. III, p. 293, 297—298; *Mannerheim G.* Op. cit., s. 425.
- 234 *Polvinen T.* Suomi suurvaltojen politiikassa 1941—1944, s. 175.
- 235 *Soikkanen H.* Sota-ajan valtioneuvosto, s. 168.
- 236 *Ibid.*, s. 169—170.
- 237 *Menger M.* «Herbstmanöver» oder Krieg? Zur Vertreibung der faschistischen Truppen aus Hordfinnland 1944//*Nordeuropa Studien.* Beiheft 8. Greifswald, 1979, S. 82.
- 238 *Blücher W.* Op. cit., s. 354; *Lehmus K.* *Tuntematon Mannerheim*, s. 164; *Mannerheim G.* Op. cit., s. 427.

- 239 *Войонмаа В.* Указ. соч., с. 141.
- 240 Цит. по *Tanner V.* Suomen tie rauhaan, s. 130.
- 241 *Tirronen E. O.* Op. cit., s. 41—52.
- 242 Sota-arkisto, t. k. 635, 5.12.46; Salaiset keskustelut, s. 142—143; Historiallinen aikakauskirja, 1985, N 1, s. 66; Ленинградская правда, 1944, 9 дек.
- 243 *Tanner V.* Suomen tie rauhaan, s. 45; *Seppinen I.* Op. cit., s. 158.
- 244 *Blücher W.* Op. cit., s. 352.
- 245 *Tirronen E. O.* Op. cit., s. 106.
- 246 Suomen tilastollinen vuosikirja 1946—47. Hels., 1948, s. 151.
- 247 *Tirronen E. O.* Op. cit., s. 122, 123, 128.
- 248 Sota-arkisto. III Armeijakunnan esikunta. KD N 806/val./2b/sal. Koskee: tilannekatsauksia, 19.11.1943.
- 249 Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 4459, оп. 20, д. 67, л. 24, 56—57.
- 250 Sota-arkisto. III Armeijakunnan esikunta. KD 806/val./2b/sal. Koskee: tilannekatsauksia, 19.11.1943; *Lehtinen A.* Op. cit., s. 200.
- 251 Suomen taloushistoria. 3. Hels., 1983, s. 90—91.
- 252 Kotirintama 1941—1944, s. 173.
- 253 *Tirronen E. O.* Op. cit., s. 77.
- 254 *Soikkanen H.* Sosiaaliset olosuhteet//Pohjola 2. maailmansodan aikana. Mänttä, 1987, s. 137.
- 255 Цит. по: ЦГАОР, ф. 4459, оп. 20, д. 67, л. 24.
- 256 *Tanner V.* Suomen tie rauhaan, s. 76.
- 257 *Lehtinen A.* Op. cit., s. 225.
- 258 Suomen tilastollinen vuosikirja 1946—47, s. 151; *Seppinen I.* Op. cit., s. 102.
- 259 *Seppinen I.* Op. cit., s. 190.
- 260 Kotirintama 1941—1944, s. 187.
- 261 *Rusi A.* Op. cit., s. 251.
- 262 *Пещу В.* Избранные статьи и речи. М., 1978, с. 185.
- 263 *Parkkari N.* Op. cit., s. 281—282.
- 264 *Vilkuna K.* Op. cit., s. 64—65.
- 265 *Viitala H. M.* Op. cit., s. 71—74; Revue International d'Histore militaire, 1985, N 62, p. 194; Historiallinen arkisto, 1983, N 80, s. 90; Suomen työväenliikkeen historia, s. 240.
- 266 Suomen työväenliikkeen historia, s. 240.
- 267 Ibid.; *Soikkanen H.* Sota-ajan valtioneuvosto, s. 179.
- 268 *Soikkanen H.* Sisäpolittiset rintamat jatkosodan aikana, s. 114—115.
- 269 *Tanner V.* Suomen tie rauhaan, s. 26.
- 270 *Suomi J.* Urho Kekkonen 1936—1944. Myrrysmies. Hels., 1986, s. 338.
- 271 *Lehmus K.* Tuntematon Mannerheim, s. 117; *Hirvikallio P.* Op. cit., s. 135, 139.
- 272 *Suomi J.* Urho Kekkonen 1936—1944. Myrrysmies, s. 336.
- 273 Ibid., s. 340.
- 274 *Vilkuna K.* Op. cit., s. 95.
- 275 *Juva E. W.* Suomen kansan historia. V. Hels., 1967, s. 355.
- 276 *Hirvikallio P.* Op. cit., s. 122.
- 277 Suomen Sosialidemokraatti, 1943, 15.02.
- 278 *Karjala, 1943, 16.02; Svenska Pressen, 1943, 16.02.*
- 279 *Dagens Nyheter, 1943, 10.02.*
- 280 *Frietsch C. O.* Op. cit., s. 497, 503.
- 281 *Blücher W.* Op. cit., s. 330, 339; Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1943, vol. III, p. 214; *Polvinen T.* Barbarossasta Teheraniin, s. 198.

- 282 *Polvinen T.* Barbarossasta Teheraniin, s. 199; *Viitala H. M.* Op. cit., s. 110—111.
- 283 *Frietsch C. O.* Op. cit., s. 503—504, 563.
- 284 *Juva E. W.* Op. cit., s. 357.
- 285 См. полный текст обращения 33-х в книге: *B. Войонмаа.* Указ. соч., с. 254—255.
- 286 *Rusi A.* Op. cit., s. 286; *Blücher W.* Op. cit., s. 352.
- 287 *Viitala H. M.* Op. cit., s. 149.
- 288 *Lehmus K.* Tuntematton Mannerheim, s. 159.
- 289 *Ibid.*, s. 162.
- 290 Sota-arkisto. 1 tiedoituskompania. KD N 424/2/G/sal. Koskee: toimintaselostus ajalta 16—31.3.43, 5 kp K, 1102, 31.3.43, 4/KB/VR.
- 291 Sota-arkisto. III Armeijakunnan esikunta. KD N 808/val./2b/sal. Koskee: Tilannekatsauksia, 13.11.1943. Littyty: III AK E : n kirje N 717 (XV), 7.10.1943.
- 292 Salaiset keskustelut, s. 138.
- 293 *Войонмаа В.* Указ. соч., с. 134.
- 294 *Soikkanen H.* Sota-ajan valtioneuvosto, s. 166, 178, 195.
- 295 *Кекконен У. К.* Финляндия: путь к миру и добрососедству. М., 1979, с. 12.
- 296 Там же, с. 16.
- 297 Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19—30 октября 1943 г.): Сборник документов. М., 1984, с. 312.
- 298 *Assarsson W.* Op. cit., s. 257.
- 299 *Войонмаа В.* Указ. соч., с. 147—148, 150; *Soikkanen H.* Sota-ajan valtioneuvosto, s. 174.
- 300 *Korhonen A.* Viisi sodan vuotta. Hels., 1958, s. 63; *Soikkanen H.* Sota-ajan valtioneuvosto, s. 174.
- 301 *Mannerheim G.* Op. cit., s. 428.
- 302 *Gripenberg G. A.* Op. cit., s. 299.
- 303 Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании: Сборник документов. М., 1978, с. 158; *Gripenberg G. A.* Op. cit., s. 297; *Tanner V.* Suomen tie rauhaan, s. 145.
- 304 Тегеранская конференция., с. 58.
- 305 Там же.
- 306 Там же, с. 158—159.
- 307 *Tanner V.* Suomen tie rauhaan, s. 152; *Polvinen T.* Teheranista Jaltaan. Porvoo — Hels. — Juva, 1980, s. 10.
- 308 *Кекконен У. К.* Финляндия: путь к миру и добрососедству. М., 1979, с. 11.
- 309 *Kivimäki T. M.* Op. cit., s. 294, 295; *Soikkanen H.* Sota-ajan valtioneuvosto, s. 176.
- 310 *Tanner V.* Suomen tie rauhaan, s. 161.
- 311 *Rusi A.* Op. cit., s. 312.
- 312 *Seppälä H.* Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia, s. 238.
- 313 Материал «Военное значение Восточной Карелии» направлялся в войска в июле 1943 года для проведения учебных занятий.
- 314 Sota-arkisto. Päämaja. Komento-osasto, N 28/ком. 2/12 sal., 6.1.44.
- 315 Salaiset keskustelut, s. 210.
- 316 *Лоренсон Э. Г.* Коллонтай в Швеции // Новая и новейшая история, 1966, № 1, с. 110.
- 317 См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы. Т. 2. М., 1946, с. 89.

- 318 Там же.
- 319 *Lundin C. L.* Op. cit., s. 371.
- 320 *Soikkanen H.* Sota-ajan valtioneuvosto, s. 183.
- 321 *Blücher W.* Op. cit., s. 365; *Hölter H.* Op. cit., S. 20.
- 322 *Blücher W.* Op. cit., s. 364—365.
- 323 *Ibid.*, s. 367.
- 324 Salaiset keskustelut, s. 212.
- 325 *Ibid.*, s. 224.
- 326 *Ibid.*, s. 225.
- 327 *Войонмаа В.* Указ. соч., с. 166.
- 328 *Blücher W.* Op. cit., s. 366—367.
- 329 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 2, с. 109.
- 330 Salaiset keskustelut, s. 229.
- 331 *Gripenberg G. A.* Op. cit., s. 317.
- 332 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 2, с. 110; Salaiset keskustelut, s. 230.
- 333 Salaiset keskustelut, s. 230.
- 334 *Gripenberg G. A.* Op. cit., s. 319.
- 335 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 2, с. 110.
- 336 Правда, 1944, 23 марта.
- 337 Там же, 18 марта.
- 338 *Linkomies E.* Op. cit., s. 314.
- 339 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 2, с. 112—113.
- 340 Цит. по: Правда, 1956, 13 февр.
- 341 *J. K. Paasikiven päiväkirjat*, 1, s. 31; *Palm T.* Op. cit., s. 84.
- 342 Линия Паасикиви, с. 74.
- 343 *Soikkanen H.* Sota-ajan valtioneuvosto, s. 187; *Tanner V.* Suomen tie rauhaan, s. 223; *Gripenberg G. A.* Op. cit., s. 322; *Blücher W.* Op. cit., s. 369.
- 344 *Kivimäki T. M.* Op. cit., s. 296.
- 345 Deutschland im Zweiten Weltkrieg. 5. Berlin, 1984, S. 526.
- 346 ЦГАОР, ф. 4459, оп. 20, д. 115, л. 182; *Войонмаа В.* Указ. соч., с. 182—185; *Tanner V.* Suomen tie rauhaan, s. 235.
- 347 *Palm T.* Op. cit., s. 24.
- 348 *Soikkanen H.* Sota-ajan valtioneuvosto, s. 189.
- 349 *Войонмаа В.* Указ. соч., с. 182.
- 350 *Tanner V.* Suomen tie rauhaan, s. 236.
- 351 *Blücher W.* Op. cit., s. 372.
- 352 *Vilkuna K.* Op. cit., s. 149—150.
- 353 *Rusi A.* Op. cit., s. 317.
- 354 *Войонмаа В.* Указ. соч., с. 191.
- 355 *Salminen E.* Op. cit., s. 51.
- 356 *Kulomaa J.* Sotilaskarkaruus Suomen armeijassa jatkosodan aikana//Historiallinen arkisto, 1986, N 88, s. 210.
- 357 *Salminen E.* Op. cit., s. 154, 158.
- 358 *Kekkonen U.* Taivolta (Linjoja) Näkökulmia, s. 60.
- 359 *Войонмаа В.* Указ. соч., с. 159.
- 360 *Viitala H. M.* Op. cit., s. 162.
- 361 Kansan Arkisto, 5/Henkilöarkistot/Wirtanen Atos. C. Asiakirjat. I. Poliittiseen toimintaan liittyvät asiakirjat, b. Rauhanoppositiotoimintaohjelmat, muistiot.
- 362 *Войонмаа В.* Указ. соч., с. 120.
- 363 Salaiset keskustelut, s. 267.
- 364 *Blücher W.* Op. cit., s. 360.

- 365 *Rusi A.* Op. cit., s. 321.
- 366 *Julkunen M.* Taistelutahto ristipaineissa//Jatkosodan kujujuoksu, s. 130.
- 367 Sota-arkisto. Selonteko tiedoitusmatkasta 10 D : n aluulle 21.6—3.7.1944. Tohtori Eino Jutikkala, Valt. Tied. Laitoksen edustaja.
- 368 *Kulomaa J.* Sotilaskarkuruus Suomen armeijassa jatkosodan aikana, s. 201.
- 369 *Gripenberg G. A.* Op. cit., s. 328.
- 370 Salaiset keskustelut, s. 244.
- 371 Приводится в изложении по кн.: *Войнмаа В.* Указ. соч., с. 185.
- 372 Salaiset keskustelut, s. 249—254, 261.
- 373 *Seppälä H.* Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia, s. 247.
- 374 J. K. Paasikiven päiväkirjat, 1, s. 29—30.
- 375 *Seppinen I.* Op. cit., s. 206.
- 376 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 2, с. 113.
- 377 *Nykopp J.* Op. cit., s. 141.
- 378 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 2, с. 115.
- 379 Там же.
- 380 Цит. по: *Seppinen I.* Op. cit., s. 177.
- 381 *Polvinen T.* Suomi suurvaltojen politiikassa 1941—1944, s. 258; *Seppinen I.* Op. cit., s. 206—207.
- 382 *Soikkanen H.* Sota-ajan valtioneuvosto, s. 193.
- 383 Цит. по: История второй мировой войны 1939—1945, т. 8, с. 453.
- 384 *Tanner V.* Suomen tie rauhaan, s. 253.
- 385 *Huttunen V.* Kansakunnan historia, VII, s. 202; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 2, с. 132—133.
- 386 История второй мировой войны 1939—1945, т. 9, с. 27.
- 387 *Tanner V.* Suomen tie rauhaan, s. 151—152.
- 388 *Kuussaari E., Niitemaa V.* Suomen sota vv. 1941—1945. Hels., 1948, s. 143.
- 389 *Oesch K. L.* Suomen kohtalon ratkaisu kannaksella v. 1944. Hels., 1956, s. 34.
- 390 Ibid., s. 76.
- 391 *Seppälä H.* Taistelu Leningradista ja Suomi, s. 231.
- 392 Ibid., s. 236; *Tervasmäki V.* Miten linnoitusrakennusjoukkujen ryhmitys ja käyttö vastasi jatkosodan aikana sotilaallisia toiminta-ajatuksia ja suunnitelmia, s. 342.
- 393 Ibid., s. 237; *Tervasmäki V.* Miten linnoitusrakennusjoukkujen..., s. 345.
- 394 Ibid.
- 395 ЦАМО СССР, ф. 340, оп. 5372, д. 400, л. 402—403.
- 396 *Oesch K. L.* Op. cit., s. 75.
- 397 *Mikola K. J.* Kesäkuun kriisi//Historiallinen aikakauskirja, 1968, N 1, s. 78.
- 398 История второй мировой войны 1939—1945. Т. 9. М., 1978, с. 27.
- 399 *Linkomies E.* Op. cit., s. 180; Salaiset keskustelut, s. 267.
- 400 *Tervasmäki V.* Miten linnoitusrakennusjoukkojen..., s. 338.
- 401 История второй мировой войны 1939—1945. Т. 9, с. 27.
- 402 Sota-arkisto, N 3474/1/212. IV Armeijakunnan päiväkäsky, N 13, 24.9.1944.
- 403 Оборона Ленинграда, с. 136.
- 404 *Seppälä H.* Taistelu Leningradista ja Suomi, s. 246.
- 405 *Oesch K. L.* Op. cit., s. 85.

- 406 ЦАМО СССР, ф. 217, оп 1227, д. 74, л. 175.
- 407 *Halsti W.* Aika vaati veronsa. Hels., 1974, s. 307—311.
- 408 Sota-arkisto, t. k. N 690. Selonteko tiedoitusmatkasta 10 D : n aluelle 21.6—3.7.1944; *Salminen E.* Op. cit., s. 160—161.
- 409 *Blücher W.* Op. cit., s. 396.
- 410 Sota-arkisto. Toimitus 2. *Majuri A.* Rautavaara, 3.7.44, 2/AR/LR; Kotirintama 1941—1944, s. 244—245.
- 411 Kotirintama 1941—1944, s. 246.
- 412 *Seppälä H.* Taistelu Leningradista ja Suomi, s. 253.
- 413 Daily Mail, 1944, 14.06.
- 414 *Kuussaari E., Niitemaa V.* Op. cit., s. 165.
- 415 Ibid., s. 185.
- 416 *Linkomies E.* Op. cit., s. 336.
- 417 *Polvinen T.* Suomi suurvaltojen politiikassa 1941—1944, s. 263—264; *Seppinen I.* Op. cit., s. 196.
- 418 *Oesch K. L.* Op. cit., s. 101.
- 419 *Polvinen T.* Teheranista Jaltaan, s. 72.
- 420 Ibid.
- 421 История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. Т. 4. М., 1962, с. 142.
- 422 *Seppälä H.* Taistelu Leningradista ja Suomi, s. 253; *Kuussaari E., Niitemaa V.* Op. cit., s. 182.
- 423 *Kulomaa J.* Sotilaskarkuruus Suomen armeijassa jatkosodan aikana, s. 196—197; *Korhonen A.* Viisi sodan vuotta, s. 79; Tiedonantaja, 1984, 06.09.
- 424 Sota-arkisto. Selonteko Tiedoitusmatkasta 10 D : n aluelle 21.6—3.7.1944.
- 425 *Kulomaa J.* Sotilaskarkuruus Suomen armeijassa jatkosodan aikana, s. 202.
- 426 Kansan Uutiset, 30.5.1981.
- 427 Sota-arkisto. Selonteko tiedoitusmatkasta 10 D : n aluelle 21.6—3.7.1944; *Skyttä K.* Ei muuta kunniaa. Hels., 1971, s. 220.
- 428 *Kuussaari E., Niitemaa V.* Op. cit., s. 184.
- 429 *Mannerheim G.* Op. cit., s. 447.
- 430 История второй мировой войны 1939—1945, т. 9, с. 31.
- 431 *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1976, с. 450—451.
- 432 Правда, 1944, 22 июня; *Raavolainen O.* Op. cit., s. 535.
- 433 Советско-американские отношения..., т. 2, с. 148.
- 434 *Lehmus K.* Tuntematton Mannerheim, s. 179.
- 435 *Blücher W.* Op. cit., s. 384.
- 436 *Polvinen T.* Teheranista Jaltaan, s. 76.
- 437 *J. K. Paasikiven* päiväkirjat 1944—1956, I, s. 23.
- 438 *Blücher W.* Op. cit., s. 384.
- 439 *Linkomies E.* Op. cit., s. 354.
- 440 *Войнмаа В.* Указ. соч., с. 202.
- 441 Там же; *Polvinen T.* Teheranista Jaltaan, s. 77.
- 442 *Soikkanen H.* Sota-ajan valtioneuvosto, s. 202.
- 443 *Blücher W.* Op. cit., s. 388.
- 444 *Soikkanen H.* Sota-ajan valtioneuvosto, s. 204.
- 445 *Polvinen T.* Teheranista Jaltaan, s. 79.
- 446 Цит. по: Правда, 1944, 29 июня.
- 447 *Halsti W. H.* Suomen sota 1939—1945. III. Hels., 1957, s. 376.
- 448 *Erfurth W.* Der Finische krieg 1941—1944. Wiesbaden, 1950, S. 239; *Kuussaari E., Niitemaa V.* Op. cit., s. 192; Sota-arkisto. V Armeijakunnan esikunta, Komento-osasto, N 235/XV/63, a. sál. Jlm. päiv., 24.7.1944, 310/Asn/MA.

- 449 *Sota-arkisto. Toimitus 2. Majuri A. Rautavaara. 3.7.44. 2/AR/LR; Tanner V. Suomen tie rauhaan, s. 307.*
- 450 *Lepistö M. Vараа talonpoika Pohjanmaalta. Helsinki, 1983, s. 161.*
- 451 *Мерецков К. А. На службе народу. М., 1968, с. 381.*
- 452 *Terävämäki V. Miten linnoitusrakennusjoukkojen..., s. 345.*
- 453 *Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941—1945, с. 187.*
- 454 *Erjuth W. Op. cit., S. 277.*
- 455 *Halsti W. H. Suomen sota 1939—1945, III, S. 384.*
- 456 *Salminen E. Op. cit., s. 161, 162.*
- 457 *Kotirintama 1941—1944, s. 248.*
- 458 *Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941—1945, с. 215.*
- 459 *ЦАМО СССР, ф. 214, оп. 14054, д. 13, л. 48, 51*
- 460 *Halsti W. H. Suomen Sota 1939—1945, III, s. 387.*
- 461 *Kuussaari E., Niitemaa V. Op. cit., s. 209—210.*
- 462 *ЦАМО СССР, ф. 214, оп. 14054, д. 7, л. 40.*
- 463 *Seppälä H. Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia, s. 258.*
- 464 *Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941—1945, с. 221.*
- 465 *Там же, с. 220.*
- 466 *Gripenberg G. A. Op. cit., s. 345; J. K. Paasikiven päiväkirjat 1944—1956, I, s. 15, 20; Suomi J. Urho Kekkonen. Myrrysmies, s. 470.*
- 467 *Suomi J. Urho Kekkonen. Myrrysmies, s. 470—471.*
- 468 *Waris H. Op. cit., s. 106; Seppälä H. Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia, s. 141.*
- 469 *Из истории Коммунистической партии Финляндии. М., 1960, с. 160.*
- 470 *Kekkonen U. Tmminiemi. Espoo, 1980, s. 141.*
- 471 *Tirronen E. O. Op. cit., s. 134.*
- 472 *Korhonen A. Viisi sodan vuotta, s. 79; Pihkala E. Kuinka jatkosota kestittiin taloudellisesti//Jatkosodan kujanjuoksu, s. 94.*
- 473 *Tirronen E. Op. cit., s. 57, 59.*
- 474 *Seppinen I. Op. cit., s. 211.*
- 475 *Pihkala E. Sotatalous 1939—1944, s. 319.*
- 476 *Tirronen E. O. Op. cit., s. 80, 93; Seppinen I. Op. cit., s. 212; Промышленность Германии в период войны 1939—1945. М., 1956, с. 67, 79.*
- 477 *Lehtinen A. Op. cit., s. 232.*
- 478 *Suomen tilastollinen vuosikirja. 1946—47, s. 89; ЦГАОР, ф. 4459, оп. 20, д. 116, л. 67.*
- 479 *Korhonen A. Viisi sodan vuotta, s. 79.*
- 480 *Blücher W. Op. cit., s. 378*
- 481 *Seppinen I. Op. cit., s. 204, 224; Tirronen E. O. Op. cit., s. 207.*
- 482 *Lehtinen A. Op. cit., s. 208.*
- 483 *Suomen tilastollinen vuosikirja 1946—47, s. 216.*
- 484 *J. K. Paasikiven päiväkirjat, I, s. 14.*
- 485 *Seppinen I. Op. cit., s. 216.*
- 486 *Lehtinen A. Op. cit., s. 225.*
- 487 *Цит. по: Мировое хозяйство и мировая политика, 1944, № 1—2, с. 53.*
- 488 *Lehtinen A. Op. cit., s. 226.*
- 489 *Ibid.*
- 490 *Seppinen I. Op. cit., s. 107, 216.*

- 491 *Kuusinen O. B.* Указ. соч., с. 264; Линия Паасикиви, с. 39; *Lehtinen A.* Op. cit., s. 229.
- 492 Линия Паасикиви, с. 39; *Lehtinen A.* Op. cit., s. 229.
- 493 *Pihkala E.* Sotatalous 1939—1944, s. 321.
- 494 *Ibid.*, s. 320.
- 495 *Lehtinen A.* Op. cit., s. 203.
- 496 *Nevalainen E.* Työväenluokan asema Suomessa vv. 1909—1954. Hels., 1955, s. 40—41.
- 497 *Viitala H. M.* Op. cit., s. 186.
- 498 ЦГАОР, ф. 4459, оп. 20, д. 114, л. 41.
- 499 *Vehvilainen O.* Isännät ja aseveljet, s. 336; Sota-arkisto. Toimitus. 2. Majuri A. Rautavaara, 3.7.44, 2/AR/LR.
- 500 *Harki I.* Sotakorvausten aika. Jyväskylä, 1971, s. 293.
- 501 *Viitala H. M.* Op. cit., s. 173; Kotirintama 1941—1944, s. 196; *Salomaa E.* Tavoitteena kansanvalta. Hels., 1964, s. 10; *Ингульская Л. А.* Указ. соч., с. 58; Правда, 1944, 27 июля.
- 502 *Upton A.* Kommunismi Suomessa, s. 154; Kotirintama 1941—1944, s. 237.
- 503 Kotirintama 1941—1944, s. 237.
- 504 *Ibid.*, s. 238; Kansan Arkisto, 1b, 4/III, Kansalliskomitea, 1. Kansan Ääni, 1944.
- 505 *Rislakki J.* Op. cit., s. 80.
- 506 *Viitala H. M.* Op. cit., s. 241; Suomen työväenliikkeen historia, s. 241; *Ингульская Л. А.* Указ. соч., с. 39.
- 507 *Soikkanen H.* Sota-ajan valtioneuvosto, s. 205.
- 508 *Blücher W.* Op. cit., s. 397—398.
- 509 *Viitala H. M.* Op. cit., s. 165.
- 510 Из истории Коммунистической партии Финляндии, с. 123; *Frietsch C. O.* Op. cit., s. 503; *Viitala H. M.* Op. cit., s. 105—108.
- 511 *Frietsch C. O.* Op. cit., s. 504; Kotirintama 1941—1944, s. 228.
- 512 *Viitala H. M.* Op. cit., s. 183—184.
- 513 Kansan Arkisto, 1f (muut järjestöt), 4/III. Selvät Sanat, 1944.
- 514 Kansan Arkisto, 1f, 4/III. Selvät Sanat, 1944.
- 515 *Linkomies E.* Op. cit., s. 213.
- 516 *Kekkonen U.* Taivolta (Linjoja) Näkökulmia, s. 129.
- 517 Kansan Arkisto, 1f, 4/III. Selvät Sanat, 1944; Selvät Sanat-juttu. Ekenäs, 1945, s. 5.
- 518 *Vilkuna K.* Op. cit., s. 149.
- 519 *Helo J.* Op. cit., s. 95; *Hakalehto I.* Paasikivi Suomen uuden Neuvostoliiton-politiikan lujana//Historiallinen arkisto, 1973, N 66, s. 111.
- 520 *Soikkanen H.* Sota-ajan valtioneuvosto, s. 207.
- 521 *Suomi J.* Urho Kekkonen 1936—1944. Myrrysmies, s. 438.
- 522 *Frietsch C. O.* Op. cit., s. 502.
- 523 *Tanner V.* Suomen tie rauhaan, s. 73—74.
- 524 *Wirtanen A.* Op. cit., s. 22.
- 525 *Viitala H. M.* Op. cit., s. 185; *Skyttä K.* Presidentin muotokuva, I. Hels., 1969, s. 202.
- 526 *Wirtanen A.* Op. cit., s. 23.
- 527 *Ibid.*
- 528 *J. K. Paasikiven* päiväkirjat, I, s. 13—14.
- 529 *Ibid.*
- 530 Salaiset keskustelut, s. 267.
- 531 *J. K. Paasikiven* päiväkirjat, I, s. 14—15.
- 532 *Viitala H. M.* Op. cit., s. 185.
- 533 *Suomi J.* Urho Kekkonen 1936—1944. Myrrysmies, s. 476; *Viitala H. M.* Op. cit., s. 185.

- 534 J. K. Paasikiven päiväkirjat, I, s. 14.
 535 Ibid., s. 20.
 536 Ibid., s. 20—21; Suomi J. Urho Kekkonen 1936—1944. Myrrysmies, s. 474.
 537 *Blücher W.* Op. cit., s. 396.
 538 J. K. Paasikiven päiväkirjat, I, s. 21; *Viitala H. M.* Op. cit., s. 188.
 539 *Hölter H.* Op. cit., s. 55.
 540 *Polvinen T.* Teheranista Jaltaan, s. 85.
 541 *Menger M.* Spekulationen und Bestrebungen um die Errichtung einer profaschistischen finnischen Widerstandsfront im jare 1944// Bulletin des Arbeitskreises «Zweiter Weltkrieg», 1983, N 3-4, S. 7.
 542 *Vehviläinen O.* Suomen irtautuminen toisesta maailmansodasta, s. 98.
 543 *Войонмаа В.* Указ. соч., с. 209.
 544 *Tanner V.* Suomen tie rauhaan, s. 333.
 545 *Hirvikallio P.* Op. cit., s. 129—131.
 546 *Войонмаа В.* Указ. соч., с. 210.
 547 *Tervasmäki V.* Mannerheim rauhantekija presidenttinä//Taide ja ase, 1983, N 41, s. 9, 24.
 548 *Maakansa*, 1961, 28.01.
 549 *Linkomies E.* Op. cit., s. 137, 180.
 550 *Tanner V.* Suomen tie rauhaan, s. 355.
 551 J. K. Paasikiven päiväkirjat, I, s. 24—25.
 552 *Rusi A.* Op. cit., s. 369.
 553 *Polvinen T.* Teheranista Jaltaan, s. 87.
 554 Ibid., s. 89; *Blücher W.* Op. cit., s. 403.
 555 Sota-arkisto. Toimitus 2. Majuri A. Rautavaara, 5.8.44. 2/AR/LK.
 556 *Turtola M.* Sotilaallinen ratkaisu//Suomi 1944. Hels., 1984, s. 38.
 557 *Blücher W.* Op. cit., s. 409.
 558 *Polvinen T.* Teheranista Jaltaan, s. 90.
 559 Ibid., s. 91.
 560 *Vehviläinen O.* Suomen irtautuminen toisesta maailmansodasta, s. 102.
 561 *Rislakki J.* Op. cit., s. 255.
 562 Ibid.; *Vehviläinen O.* Suomen irtautuminen toisesta maailmansodasta, s. 102.
 563 *Suomi J. Urho Kekkonen.* Myrrysmies, s. 486.
 564 *Soikkanen H.* Sota-ajan valtioneuvosto, s. 212; Salaiset keskustelut, s. 275.
 565 *Vehviläinen O.* Suomen irtautuminen toisesta maailmansodasta, s. 103.
 566 Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны, т. 2, с. 177.
 567 *Blücher W.* Op. cit., s. 412.
 568 Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны, т. 2, с. 177.
 569 *Linkomies E.* Op. cit., s. 398.
 570 *Polvinen T.* Teheranista Jaltaan, s. 99.
 571 *Hölter H.* Op. cit., S. 26.
 572 *Polvinen T.* Teheranista Jaltaan, s. 127.
 573 Salaiset keskustelut, s. 275.
 574 Ibid., s. 282.
 575 Ibid., s. 295.
 576 *Типпельскирх К.* История второй мировой войны. М., 1956, с. 455.
 577 *Израэлян В. Л.* Дипломатия в годы войны (1941—1945). М., 1985, с. 279.
 578 *Blücher W.* Op. cit., s. 417, 418.

- 579 Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны, т. 2, с. 344—346.
- 580 Там же, с. 178—179.
- 581 *Израэлян В. Л.* Указ. соч., с. 279.
- 582 *Blücher W.* Op. cit., s. 420.
- 583 История ордена Ленина Ленинградского военного округа, с. 314.
- 584 Линия Паасикиви, с. 281.
- 585 История второй мировой войны 1939—1945. Т. 9, с. 36.
- 586 *Polvinen T.* Teheranista Jaltaan, s. 119.
- 587 *Menger M.* Zur Bedeutung für die faschistische Kriegswirtschaft// Beiträge zur Geschichte des Ostseeraums. Greifswald, 1975, S. 143—151.
- 588 Дважды Краснознаменный Балтийский флот. М., 1978, с. 265.
- 589 *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. М., 1973, с. 398.
- 590 *Haathi U. S. Varjosota.* Lapin sodan 1944—45 alkuvaihe//Sotilasaikakauslehti, 1979, N 10, s. 698—700; *Ahto S.* Aseveljet vastakkain. Hels., 1980, s. 115; *Polvinen T.* Teheranista Jaltaan, s. 131—138.
- 591 Цит. по: История второй мировой войны 1939—1945. Т. 9, с. 36.
- 592 *Mannerheim G.* Op. cit., s. 483.
- 593 *Salaiset keskustelut*, s. 320.
- 594 *Морозов К. А.* Указ. соч., с. 198.
- 595 The Times, 1944, 29.09.
- 596 Spectator, 1944, 22.09.
- 597 См.: Известия, 1944, 22 сент.
- 598 Цит. по: Известия, 1944, 26 сент.
- 599 *Vogt J.* Rusland og Norden. Oslo, 1945, s. 87—88.
- 600 *Кекконен У. К.* Финляндия: путь к миру и добрососедству, с. 26.
- 601 Война и рабочий класс, 1944, № 19, с. 3.
- 602 *Polvinen T.* Teheranista Jaltaan, s. 124.
- 603 Известия, 1944, 23 сент.
- 604 Линия Паасикиви, с. 35.

Глава V ОТ ВОЙНЫ К МИРУ

- ¹ *Blinnikka A.* Valvontakomission aika. Porvoo — Hels., 1969, s. 7.
- ² *Polvinen T.* Teheranista Jaltaan, s. 141; *Martola A. E.* Op. cit., s. 240.
- ³ *Kaila T.* Lapin sota. Hels., 1950, s. 126—127; *Peltonen M.* Ilmasota saksalaisia vastaan 1944—1945//Taide ja ase, 1983, N 41, s. 112.
- ⁴ Helsingin Sanomat, 1985, 09.05.
- ⁵ Известия, 1945, 6 марта.
- ⁶ *Рендулич Л.* Управление войсками. М., 1974, с. 195.
- ⁷ *Hölter H.* Op. cit., S. 41.
- ⁸ *Микола К., Рейни К.* Военные действия финнов против немцев на севере Финляндии в 1944 году // Военно-исторический журнал, 1966, № 1, с. 33.
- ⁹ *Raavolainen O.* Op. cit., s. 571.
- ¹⁰ *Рендулич Л.* Указ. соч., с. 199.
- ¹¹ *Мерецков К. А.* Указ. соч., с. 404.
- ¹² *Vehviläinen O.* Suomen irtautuminen toisesta maailmansodasta, s. 107.
- ¹³ *Polvinen T.* Teheranista Jaltaan, s. 146—147.
- ¹⁴ *Hölter H.* Op. cit., S. 54.

- ¹⁵ *Ahto S.* The War in Lapland//Revue International d'Histoire Militaire, 1985, N 2, p. 238.
- ¹⁶ *Ursin M.* Pohjois-Suomen tuhot ja jälleenrakennus saksalaissodan 1944—1945 jälkeen. Oulu, 1980, s. 46—49.
- ¹⁷ *Polvinen T.* Teheranista Jaltaan, s. 133.
- ¹⁸ *Palm T.* Op. cit., s. 104.
- ¹⁹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 2, с. 263—264; *Blinnikka A.* Op. cit., s. 39.
- ²⁰ Дважды Краснознаменный Балтийский флот, с. 271.
- ²¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 2, с. 263—264; *Бартенев Т., Комиссаров Ю.* Указ. соч., с. 62.
- ²² Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 2, с. 264.
- ²³ 10 julkisuuden vuotta. Hels., 1955, s. 42.
- ²⁴ Demokraattinen yhteisrintama laajaksi ja lujaksi fasismia ja taantumusta vastaan! Hels., s. 7.
- ²⁵ Известия, 1944, 28 окт.
- ²⁶ Demokraattisen kansan kalenteri. Hels., 1945, s. 87.
- ²⁷ Цит. по: Известия, 1944, 16 ноября.
- ²⁸ См.: *Suomi J. Urho Kekkonen 1936—1944.* Myrrysmies, s. 531.
- ²⁹ *Vapaa Sana*, 1944, 21.11.
- ³⁰ Линия Паасикиви, с. 16.
- ³¹ *Vehviläinen O.* Suomen irtautuminen toisesta maailmansodasta, s. 108.
- ³² Suomen Kansan Demokraattisen liiton toimintakertomus ajalta 29.10.1944—31.12.1945 ja alustukset liittokokoukselle 23—25 p.: nä maaliskuuta 1946. Hels., 1946, s. 193.
- ³³ Valtiopäivät. 1945. Pöytäkirjat I. Istunnot 1—73. Hels., 1946, s. 45.
- ³⁴ *Polvinen T.* Teheranista Jaltaan, s. 193.
- ³⁵ *Heikkilä H.* Liittoutuneet ja kysymys Suomen sotakorvauksista 1943—1947. Hels., 1983, s. 97; Внешняя торговля, 1945, № 1—2, с. 23.
- ³⁶ Линия Паасикиви, с. 33.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

- ¹ Внешняя политика Советского Союза 1947 год Ч. I. М., 1952, с. 330.
- ² Линия Паасикиви, с. 139.
- ³ 10 vuotta Suomen ja Neuvostoliiton ystävyyttä. Pori, 1954, s. 29.
- ⁴ Правда, 1945, 19 февр.
- ⁵ Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.): Сборник документов. М., 1984, с. 91.
- ⁶ *Heikkilä H.* Op. cit, s. 107; Suomen tilastollinen vuosikirja. 1946—47. Hels., s. 151.
- ⁷ Внешняя политика Советского Союза. Ч. I. М., 1950, с. 183—185.
- ⁸ *Кекконен У. К.* Финляндия и Советский Союз. М., 1975, с. 221.
- ⁹ Правда, 1987, 7 окт.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Введение	3
Глава I. В плену «образа врага»	8
В духовных траншеях 20—30-х годов	8
Холодное соседство	15
Глава II. Тень свастики над Финляндией	19
Иллюзорный нейтралитет	19
Ориентация на Берлин	25
Сложности противоборства	33
Глава III. Роковой путь	41
Советский Союз подает руку	41
Новое предложение отвергается	58
Война, которой могло не быть	74
Сражения и дипломатия	79
Зигзаги на пути к миру	111
Мир или перемирие?	124
По плану «Барбаросса»	142
Глава IV. В «братстве по оружию» с Гитлером	153
Вступление в войну	153
Начало агрессии	160
«Год выжидания»	193
Под воздействием коренного перелома	203
В тисках кризиса	216
Неиспользованный шанс	227
Крупное военное поражение	243
На грани катастрофы	261
Конец «братства по оружию»	274
Глава V. От войны к миру	290
Бои в Лапландии	290
Переход к миру	294
Послесловие	300
Указатель источников	304

**Николай Иванович Барышников
Владимир Николаевич Барышников
Владимир Георгиевич Федоров**

ФИНЛЯНДИЯ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Заведующий редакцией **В. Ф. Лепетюхин**. Младший редактор **Ю. В. Артемьева**. Художник **В. В. Беляков**. Художественный редактор **А. К. Тимошевский**. Технический редактор **Н. Н. Дмитриева**. Корректор **Н. Р. Качалова**.

ИБ № 4770

Сдано в набор 16.05.89. Подписано к печати 15.11.89. М-36481. Формат 84×108¹/₂. Бумага тип. № 2. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 17,64. Усл. кр.-отт. 18,38. Уч.-изд. л. 20,0. Тираж 9000 экз. Заказ № 80. Цена 1 р. 40 к.

Лениздат. 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

1 р. 40 к.